

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ.

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 18, 2017

Владикавказ 2017

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
З. В. Канукова

Редакционная коллегия:

Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Дзапарова, И.В. Мамиева, Ф.О. Абаева

Учредитель:

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

I. МАСТЕР-КЛАССЫ

Дзаттиаты Р.Г. Предметы туалета из даргавских катакомб	5
Гутиева Э.Ш. Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации: историографические заметки	15
Бекоева Т.А. Н.И. Воронов о горском фольклоре	22

II. ИСТОРИЯ

Дзалаева К.Р. Формирование новой системы ценностей у народов Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.	28
Тигиев Ч.В. Влияние Первой мировой войны на досуг городского населения Терской области	40
Саламбиева А.В. Из истории социальной благотворительности населения г. Грозный в начале XX в. (День белого цветка)	50
Салихова Л.Б. Социально-экономическое положение в Дагестане в первой четверти XX в.	58
Тедеев Х.В. Развитие промышленности Южной Осетии в предвоенные годы	68
Цагараев В.Ю. Политехническая реформа в общеобразовательной школе во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. в Северной Осетии	77
Шереужев А.Ж. Традиционное кабардинское общество в рамках «тотальной истории»	86

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Журтова А.А. Осмысление российско-осетинских взаимоотношений в XVIII в. в современной отечественной историографии	93
Тахушева И.С. Военно-силовые методы покорения Кавказа в XIX в. и их оценка в дореволюционной либерально-демократической печати России (на примере «Отечественных записок»)	103
Хадарцева А.А. Российско-британские отношения во второй половине XIX -нач. XX вв.: к постановке проблемы	111

IV. АРХЕОЛОГИЯ ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бедоева И.А. Традиционные хмельные напитки осетин как этнокультурный феномен	119
Битиев Б.А. Цоппай – старинный осетинский обряд, в зарисовках М.С. Туганова	126

Ахматханова Л.Х., Гарсаева М.М., Гарсаев Л.М. К истории и этнографии родовых сел этнического общества Элистанжой	135
Дауева Т.Т. Система композиций осетин в рамках традиционного судопроизводства (конец XVIII – начало XIX в.).....	154
Дзлиева Д.М. Песенный звуковой код осетинской свадьбы в динамике культурной трансформации.....	165
Кабисов С.В. Классификация приемов игры на осетинской гармонике	150
Миксюк А.С. Погребальные ритуалы и мифология Авесты	185
Куёк М.Г. Меч Тлепша в героическом эпосе «Нарты»	192

V. ФИЛОЛОГИЯ

Дзапарова Е.Б. Рассказ М. Горького «Челкаш» в переводе Б. Зангиева: способы адаптации переводного текста	200
Маргъиты И.Т. Ирон фынджы 'гъдæуттæй.....	217
Бритаева А.Б. Чеджемты Георы аивадон дуне	234
Зураева В.В., Зураева А.В. Семантические соотношения лексемы «земля» в лингвоэтнической интерпретации	244
Малкондуев Х.Х., Гулиева-Занукова Ф.Х. Карачаево-Балкарская народная сказка. Особенности жанра	249
Санакоева И.Г. Оценочная лексика современного русского языка.....	269
Умняшкин А.А. Сравнительно-исторические особенности диалектов татского языка в Азербайджане.....	274
Цаллагова И.Н. Словообразовательный потенциал соматизма «сæр» «голова» в дигорском варианте осетинского языка.....	283

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ

Бирагова Б.М. Этнополитические риски модернизационных процессов на Северном Кавказе: информационный фактор	293
Хубулова Р.В. Тенденции развития отношений РФ и КНР на современном этапе.....	303
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	311

I. МАСТЕР-КЛАССЫ

Р. Г. ДЗАТТИАТЫ,
дин, внс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА ИЗ ДАРГАВССКИХ КАТАКОМБ

Материал из раскопок Даргавского катакомбного могильника исчисляется уже тысячами предметов всевозможных категорий: вооружения, орудий труда, украшений, сосудов, предметов одежды, конского снаряжения и пр. материалов. Конечно, относительно хорошо сохранились предметы из металла, стекла, кости. Большое количество предметов из органики не сохранились — превратились в тлен. Однако и сохранившаяся часть погребального инвентаря дает определенное представление о разных сторонах жизни раннесредневековых алан.

Среди богатой номенклатуры артефактов из катакомб особое место занимают предметы туалета, чаще всего обнаруживаемые в погребальном комплект женских погребений. Кроме украшений и предметов, относящихся к одеянию, вроде фурнитуры, в погребе-

ниях обнаруживаются металлические зеркала, гребни, макияжные кисточки, пинцеты, копоушки и ногтечистки, флаконы-бальзамарии и миниатюрные ложечки-цедилки.

Сразу отметим, что перечисленные предметы туалета, а вернее, дамского туалета, найдены не во всех катакомбах, хотя общее их число довольно внушительно — более 120.

Больше всего зеркал их 75 (рис.1 и 2, 1-7), деревянных гребней — 10, кисточек — 6 копоушек и ногтечисток — 19, пинцетов — 4, а меньше всего — бальзамарий — флакончиков — 2.

Возможно, принадлежащими к туалетным предметам являются и стеклянные кувшинчики — их тоже всего 2 экземпляра.

Зеркала отлиты из высокооловянистой бронзы, все они круглые, с центральной петелькой для подвешивания. Рабочая сторона попорчена коррозией, но в первоначальном виде вполне хорошо служили для отражения из-за весьма качественной полировки. Обратная сторона зеркал часто украшена своеобразным орнаментом в виде лепестков, дужек, ломаных линий, петелек и завитков, образующих двухъярусную композицию вокруг центральной петли, а ярусы разделены концентрическими кругами. Орнаментальные линии и концентрические круги рельефны. Края зеркал ограничены рельефным бортиком. Размеры зеркал произвольны от 27 до 102 мм. Среди зеркал есть миниатюрные, которые трудно отнести к рабочим, ибо они, скорее всего, votivные, возможно изготовленные специально для погребальных целей. Они, в отличие от крупных, без орнамента и целые, тогда как обычные зеркала часто фрагментированы, т.е. специально приведены в негодность: их разламывали. Таких зеркал насчитывается 20 экземпляров. С ними связывали какие-то магические действия с целью уберечь живущих от действий потусторонних сил. Говоря об орнаменте на обратной стороне зеркал, следует отметить, что зигзагообразные линии на концентрических кругах свойственны зеркалам из других аланских древностей, что касается «завитков», то они характерны для зеркал степной части. Например, в Тарском могильнике (1, кат. 19, 20, 24, 26, табл. XXI, 16; XXII, 12; XXV, 18; XXVI, 2; XXXI, 13). В. Б. Ковалевская считает зеркала с завитками характерными для комплексов у Дарьяльского ущелья и из Чечено-Ингушетии [2, 87]. Это касается зеркал с вереницами завитков, разделенных на сектора. Такое зеркало найдено в катакомбе 28 Даргавсского могильника.

Кстати, в этом же могильнике найдено бронзовое зеркало с уникальным орнаментальным мотивом в виде двух стилизованных четырехногих хвостатых существ, «двигающихся» против часовой стрелки, несколько напоминающий восточный (китайский?) мотив. Аналогий этому зеркалу не было найдено. Одно зеркало с интересным орнаментом в виде равносторонних крестиков, расположенных крестообразно, а еще между ними тройные «зерна». Изображения крестов рельефны, концы крестиков округлые.

Аналогий не найдено. Но подобные кресты изображены на другом зеркале из материалов П. С. Уваровой. Там два креста а между ними два зайца (МАК 3, табл. XLIX, 11).

Кисточки (рис. 3, 1-6). Трудно утверждать, что зеркалами пользовались исключительно женщины, но вот кисточки для макияжа безусловно было только в распоряжении женщин, причем не всех женщин. Ибо найдено было всего 6 экземпляров. Это металлические трубочки из листовой бронзы, в которых укреплялись пучки волос. Остатки волос отмечены только в трех случаях (кат. №№ 2, 25 и 71). Трубочки по краям снабжались ободками, а с одной стороны припаивалась петелька для подвешивания.

Размеры: длина — 48-60 мм, диаметр — 10-12 мм. Кисточки вероятно сопровождали хозяйку, которая их носила как и зеркала, подвешенными (к поясу?). Что наносилось этими кисточками — неизвестно. В. А. Кузнецов в материалах Змейского катакомбного могильника усмотрел «в сумочке кроме зеркала румяна из красной охры» (1, с. 319). Вероятно и дамы из раннесредневекового Даргавса также использовали для макияжа румяна, нанося краску указанными кисточками.

Пинцеты (рис. 3, 7-10). Еще одними, безусловно, женскими принадлежностями ухода за собой являются пинцеты, найденные в катакомбах 15, 19, 53 и 72.

Это бронзовые изящные предметы — три из них вырезаны из листового металла, один — отлит. Пинцеты изготовлены из листового металла, снабжены обоймицами, сдерживающие размах ножек пинцета. Кроме того, верхние части этих пинцетов закруглены, что обеспечивает им пружинность, а рабочие концы, тоже благодаря закруглению обеспечивают точный захват. 3 пинцета — гладкие, только пинцет из катакомбы №19 — отлит и имеет фигурную наруж-

ную поверхность в виде утолщений и кружочка. Размеры пинцетов миниатюрные. Длина 54-96 мм. ширина 7-11 мм. Только пинцет из катакомбы 53 имеет расширяющиеся лопасти. Высота его 55 мм, ширина корпуса 3 мм, ширина рабочей лопасти 160 м. (рис. 3, 9)

Гребни. Деревянные гребни, изготовленные из твердого дерева, вероятнее всего из самшита. Они плохо сохраняются в грунте и только два экземпляра из девяти найденных относительно хорошо сохранили первоначальный вид. Гребни двусторонние-с частыми и редкими зубьями. Два из них имеет циркулярный орнамент (кат.№1 и №28), обычный на деревянных и костяных изделиях. Двусторонние гребни бытуют вплоть до XX века и скорее всего завозимы были из Закавказья, с черноморского побережья, возможно из Абхазии, где самшит произрастает. Оттуда привозили гребни массово с древнейших времен. Эти невзрачные изделия были предметом импорта

Ногтечистки (рис.3, 11-14). Ногтечистками называют предметы в виде заостренного когтя с петелькой для подвешивания, изготовленные из бронзы, но одна ногтечистка (кат.43) сделана из кости, на ней нет петельки для подвешивания, зато она просверлена в верхней части. Всего найдено 4 ногтечистки в катакомбах №№1,28,43 и 53.

Копоушки (рис.2, 8-16). Кроме ногтечисток особый предмет туалета — это копоушки, приспособленные для чистки ушных раковин. Обычно это стерженьки с выемчатой лопаточкой и с петелькой для подвешивания. Из 14 копоушек 2 экземпляра с расширенным захватом (кат. 16 и 53) для удобства держания в руке и украшены выемками. Иногда копоушки и ногтечистки соединены колечками, продетым через петельки (кат.58).

Ложки (рис.4, 3-7). Найденные в катакомбах Даргавса семь ложек относим к туалетным принадлежностям по причине того, что они не могли быть употреблены по прямому назначению, т.е. для приема пищи. Тем более, что три из них с дырочками являлись цедилками, кроме того, одна ложка-цедилка, была снабжена цепочкой точно такой, какая была надета на копоушку, с которой была вероятно соединена (катакомба №16), а 4 остальные ложки были парными т.е. найдены были по двое вместе в катакомбах №27 и 59 и были предназначены для размятия каких-то снадобий, может быть даже для

приготовления лекарственных средств у ложек есть петелька для подвешивания, а также отверстия на конце ручки: сквозь них можно продевать приспособления для подвешивания.

Все туалетные принадлежности приспособлены для ношения в связке. Что касается деревянных гребней, то они содержались в кожаных чехлах, часть которых сохранилась фрагментарно. Два кожаных чехла были украшены ажурной аппликацией в виде завитков (катак.№№1,22,41).

Бальзамарии (рис.3, 15-16). Бальзамарии это сосуды предназначенные, в основном, для благовоний. В даргавском могильнике в катакомбе №28 был найден стеклянный бальзамарий, представляющий собой миниатюрный сосуд — высота 57 мм, ширина корпуса 50 мм, диаметр шейки 15 мм с ровно срезанным венчиком. и вытянутым из бесцветного стекла.

Второй бальзамарий — бронзовый, спаянный из двух штампованных половинок, хорошо видна вертикальная линия спайки. Высота 47 мм, ширина корпуса 34 мм, толщина 19 мм. невысокая шейка сосуда 12 мм имеет горизонтальное утолщение, предающее жесткость изделию. Сосуд был заткнут деревянной затычкой. Надо полагать, что оба сосуда с содержимым благовониями были импортного происхождения.

Кувшинчики (рис.4, 1-2). Два миниатюрных стеклянных кувшинчика из прозрачного стекла представляют собой сосуды с округлым, туловом узкой шейкой, завершающейся слабо отогнутым венчиком с валиком по краям и ручкой. отходящей от венчика и крепящейся нижним концом к тулову сосуда. Сосуды почти идентичны: высота 128 и 133 мм, диаметр тулова 70 и 68 мм, высота шейки 48 и 56 мм, диаметр шейки 8 и 22 мм, диаметр венчика 32 и 36 мм, диаметр ручки сосуда 3 и 4 мм, толщина стенок 1,2 мм (рис....).

К туалетным принадлежностям относим кувшинчики по двум ображениям: из-за миниатюрности и редкости — их всего 2 экземпляра, да и что могло храниться в столь хрупких и небольших сосудах, как не благовония или лечебные снадобья, да и то привезенные издалека?

Следует отметить и время бытования найденных предметов туалета, т.е. дать им подобающую датировку. В целом Даргавский катакомбный могильник датируется довольно широко от VI-VII вв. до

IX-X вв. Однако основной пласт катакомб Даргавса датируется по некоторым предметам VIII-IX вв. к этому времени и относятся описанные предметы туалета.

Номенклатура туалетных принадлежностей, вероятно, была более разнообразной, чем она представлена в погребальных комплексах. Погребальные комплексы, безусловно, намного ущербнее номенклатуры предметов, окружавших раннесредневековое население горной зоны Осетии-Алании. И все же даже найденные в катакомбах предметы туалета живо воспроизводят пристрастия и занятия аланских дам: им свойственны привычки, склонности и ряд исключительно женских предметов и ухода за своей внешностью, что и всем женщинам с древнейших времен по настоящее время. Красота ценилась всегда и женщины-аланки были на уровне потребностей и пристрастий своего времени. Импортные украшения дополнялись предметами туалета.

-
1. Аланы. История и культура. Alanica III, Владикавказ, 1995.
  2. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
  3. Материалы по археологии Кавказа, VIII. М., 1900.

Рис. 1. Зеркало;

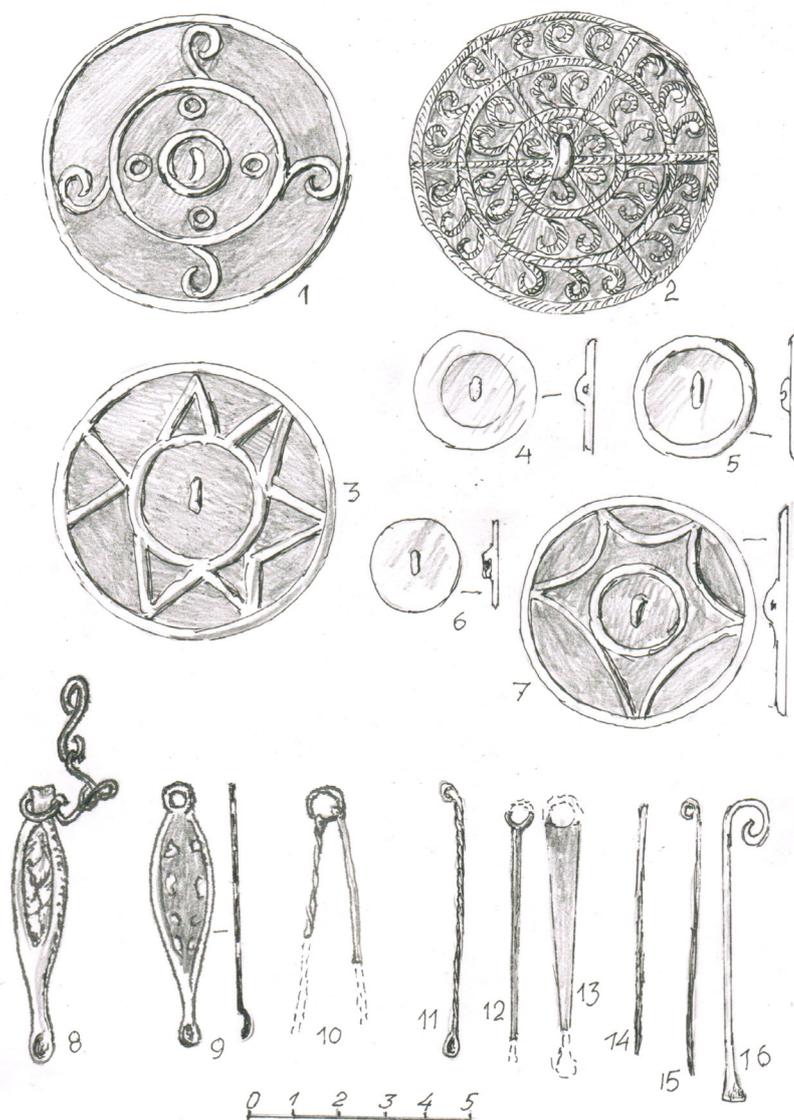
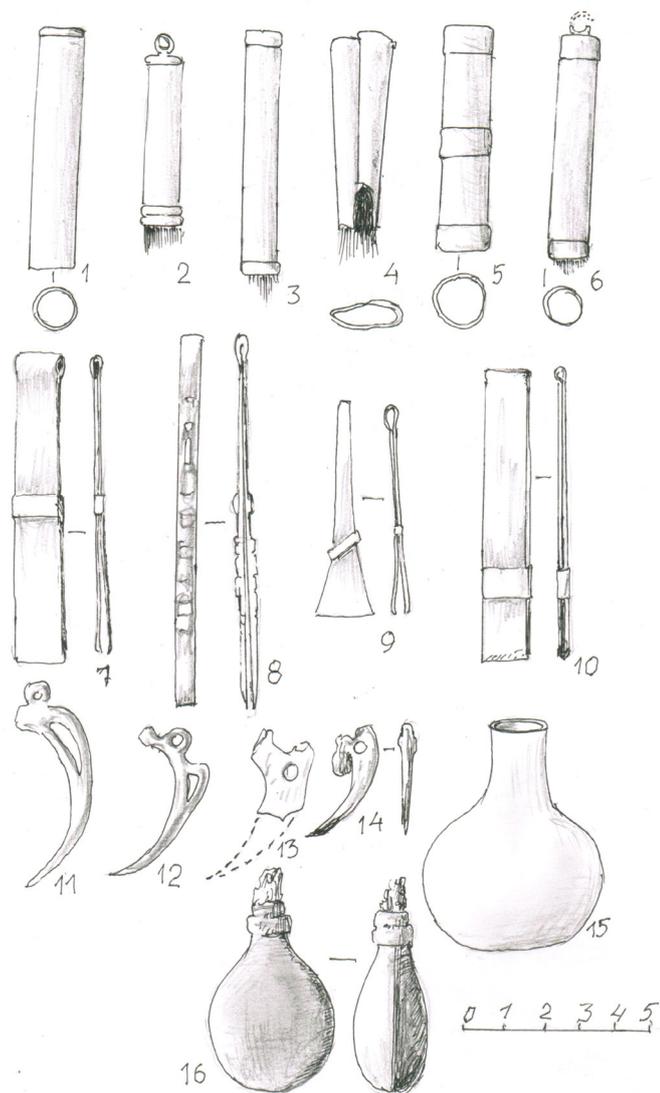

Рис. 2. Зеркало (1-7); Копоушки (8-16);

**Рис.3. Кисточки (1-6); Пинцеты (7-10); Ногтечистки (11-14);
Бальзамарин (15-16)**

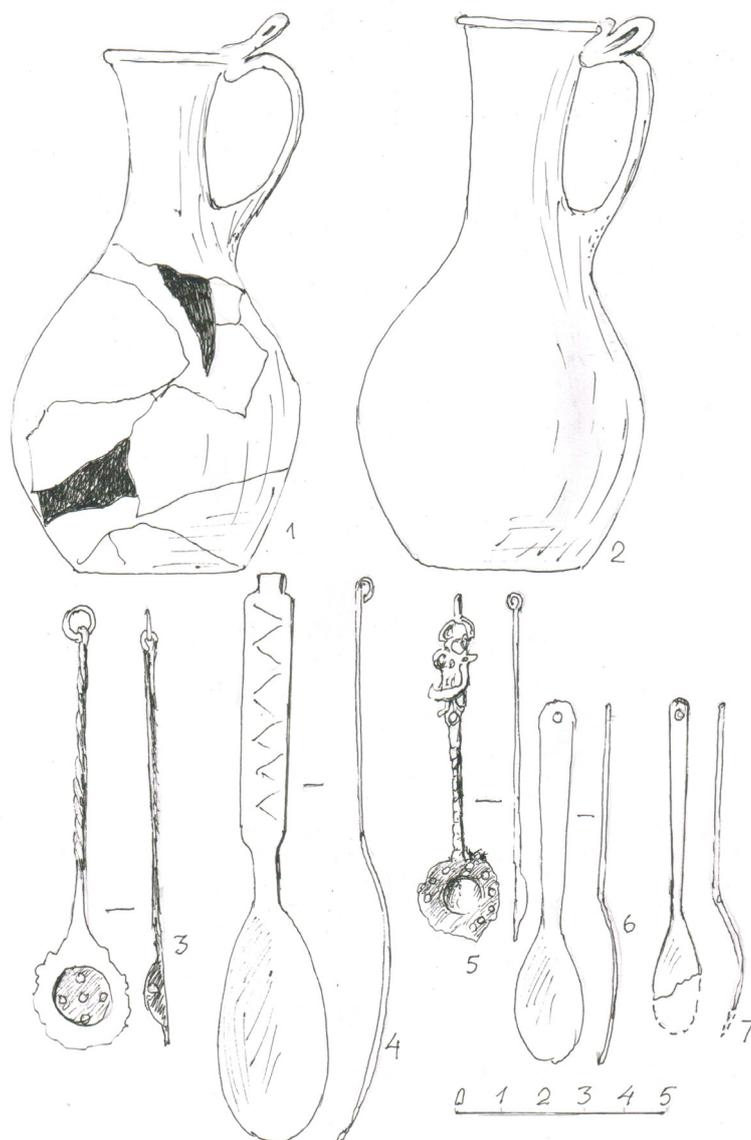

Рис. 4. Кувшинчики (1-2); Ложки (3-7)

**Э. Ш. ГУТИЕВА,
кин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)**

**ОСЕТИНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В ПЕРИОД ПОРЕФОРМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ**

Осетинская интеллигенция долгое время не становилась предметом самостоятельного комплексного исследования, но отдельным ее представителям — участникам народно-демократического и революционного движения, известным поэтам, писателям, общественным деятелям — посвящено немало исследований. Изучение обозначенной темы требует систематизации многочисленных исследований по общим проблемам истории и культуры Осетии, а также по отдельным профессиональным группам интеллигенции.

Особую значимость для нашего исследования имеют обобщающие монографии С. А. Айларовой «Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-х — 90-х гг. XIX века» и «Общественная мысль народов Северного Кавказа: культурно-исторические проблемы модернизации (XIX век)», в которых рассматриваются проблемы развития общественно-политической мысли, генезиса и становления горской, в том числе осетинской интеллигенции, предлагается авторская периодизация основных этапов ее развития, формирования общегражданского российского менталитета, а также ставится проблема гармонизации традиционных культур, народной ментальности и российских модернизационных реформ [1,2].

Одной из первых групп осетинской интеллигенции была военная. Большой вклад в изучение военной службы осетин внесла Г. Т. Дзагурова. В монографии «Под российскими знаменами» введены в научный оборот архивные документы об осетинах — генера-

лах, кавалерах Георгиевских крестов, участниках русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Кроме военной службы, в монографиях Г.Т. Дзагуровой описывается благотворительная и культурно-просветительская деятельность представителей военной интеллигенции [3;4;5]

В отечественной историографии не было понятия «духовная» или «церковная» интеллигенция, поэтому многочисленная социальная группа, включавшая священнослужителей, преподавателей церковно-приходских школ и других духовных учебных заведений долгое время не становилась предметом научного исследования. В дореволюционной историографии особое место занимает сочинение А. Гатуева «Христианство в Осетии», где описывается деятельность первых осетинских священнослужителей в горных приходах, в церковно-приходских школах [6]. В постсоветский период возросший интерес к конфессиональной проблематике, новые исследования выявили многочисленные сведения о представителях осетинской духовной интеллигенции. В работе Высокопреосвященного Гедсона, митрополита Ставропольского и Бакинского «История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России» на основе многочисленных источников рассматриваются древнехристианские археологические памятники, история Кавказской и Владикавказской епархии и миссионерская деятельность среди горцев Северного Кавказа [7]. Большим вкладом в изучение православия в Осетии стала монография И.А. Сланова «Ардонская духовная семинария», где рассматривается история учебного заведения и результаты его деятельности для религиозно-нравственного просвещения осетинского народа [8]. В монографии В.Д. Таказова «Журналистика и литературный процесс в Осетии (2 половина XIX — начало XX)» показано влияние православных миссионеров на процесс развития журналистики, издательского дела, национальной литературы [9].

Литературная деятельность священника С. Гадиева освещена в специальных исследованиях филологов [10;11]. В современной периодической печати обозначилось движение по возвращению незаслуженно забытых имен, появились очерки об осетинских священниках Харлампии Цомаеве, Моисее Коцоеве, Николае Цопанове [12;13;14;15;16]. Деятельность православных храмов и их служи-

телей в городе Владикавказе рассматривается в работе З. В. Кануковой и С. А. Хубуловой «Религия в истории и культуре полиэтничного города» [17], в ряде статей Ф. Р. Бираговой. [18,19]. В работе игумена Андрея (Мороз) «История Владикавказской епархии» рассматривается история Моздокского викариатства Астраханской епархии, деятельность осетинской духовной комиссии в Тифлисе, управление осетинскими приходами во Владикавказском военном округе, их просветительская и переводческая деятельность [20].

Наиболее изученной группой интеллигенции является педагогическая. Вопросы истории образования и педагогической мысли Осетии исследованы в работах В. Д. Магометовой, Е. Е. Хатаева, С. Р. Чеджемова, Р. А. Хатаевой, В. К. Кочисова, и некоторых других авторов. В работах Е. Е. Хатаева рассматривается состояние школьного дела в регионе, деятельность горских просветителей и первых учителей. [21]. В монографии Р. А. Хатаевой «Харитон Уруймагов (1864-1919 гг.)» дана общая характеристика народного образования на Северном Кавказе во второй половине XIX- начале XX века, рассматривается участие видного осетинского педагога в общественно-педагогическом движении этого края, оцениваются его педагогические воззрения и вклад в развитие просвещения кавказских народов в рассматриваемый период [22]. Ряд исследований посвящен деятельности других видных педагогов [23].

Вопросы, связанные с формированием и развитием творческой интеллигенции в Осетии, затрагивались во многих исследованиях по истории науки, литературы, искусства, журналистики. В монографических исследованиях, посвященных различным проблемам истории Осетии, в той или иной связи затрагиваются вопросы, связанные с деятельностью интеллигенции. М. С. Тотоев, рассматривая развитие культуры и общественной мысли, русско-осетинские культурные связи, большое внимание уделяет интеллигенции, выявляя ее роль в распространении русской культуры в Осетии [24;25;26]. А. Хачировым проведено исследование процесса формирования и деятельности отдельных представителей осетинской интеллигенции [27]. В краеведческих исследованиях Г. Е. Кусова приводятся уникальные факты из жизни осетинской интеллектуальной элиты, ее профессиональной и благотворительной деятельности. [28]. Интересные сведения содержатся в исследованиях Ю. В. Хоруева по развитию местной

периодической печати, в работах Р.Я. Фидаровой, посвященных истории художественной культуры осетин [29,30]. В монографии А.А. Хадарцевой по истории осетинской драмы рассматриваются вопросы становления осетинской драмы, впервые вводятся в научный оборот новые материалы об осетинских драматургах и их творчестве [31]. В историко-этнологическом исследовании З.В. Кануковой «Старый Владикавказ» рассматривается городская общественно-культурная среда, участие осетинской интеллигенции в деятельности просветительских и образовательных учреждений, в развитии театрального искусства и музыкальной культуры [32]. В монографии Б.В. Туаевой «Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX — начале XX вв.» представлен обзор деятельности культурно-просветительских и благотворительных обществ в городах Северного Кавказа, выявлена роль провинциальной интеллигенции в процессе распространения, функционирования и приобщения народов Северного Кавказа к мировым и российским ценностям культуры [33].

Медицинская интеллигенция пореформенной Осетии не становилась самостоятельным объектом исследования. В работах по истории появления и развития медицинской службы и здравоохранения, в основном написанных в советский период, часто приводятся факты деятельности бесплатных лечебниц, отдельных врачей, благотворительных организаций. В монографиях Д.Р. Тхостова, Э. Д. Грибанова содержатся сведения о профессиональной деятельности некоторых осетинских врачей, их вклада в развитие медицинской службы [34;35]. Исследование Н.А. Гиоева «На страже здоровья» представляет собой серию коротких биографических очерков о наиболее известных деятелях медицины Северной Осетии, внесших существенный вклад в развитие народного здравоохранения [36]. Интересные сведения о состоянии медицинского обслуживания населения и о первых врачах осетинах [37].

В диссертационном исследовании А.С. Уадати «Владикавказская городская дума (1875-1917)» обстоятельно рассматривается развитие здравоохранения как одного из важных направлений социальной деятельности думы, выявляется роль городского самоуправления и отдельных врачей, в том числе и осетин, в становлении городской медицинской службы [38].

Техническая интеллигенция — одна из самых неизученных групп. Историография этого вопроса включает несколько очерков по отдельным представителям этой группы [39;40;41]. Особую ценность имеет работа М. К. Гатиева «Осетины — Бауманцы», где приводится материал о первых студентах и выпускниках этого учебного заведения [42].

В указанных работах содержится большое число сведений об осетинской интеллектуальной элите. Попытки создания целостного представления об осетинской интеллигенции как о новом социальном страте пореформенной Осетии принадлежат научной школе СОИГСИ, в частности И. Т. Марзоевым, К. Р. Дзалаевой и автору данной статьи [43,44, 45,46,47,48]. На основе новых архивных и полевых источников проведено комплексное исследование осетинской интеллигенции, выделены ее профессиональные группы и сословная принадлежность, судьба многих ее представителей. Следующим этапом изучения проблемы станет исследование советской интеллигенции.

---

1. Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-х — 90-х гг. XIX века». Владикавказ, 2002.

2. Айларова С. А. Общественная мысль народов Северного Кавказа: культурно-исторические проблемы модернизации (XIX век). Владикавказ, 2003.

3. Дзагурова Г. Т. Сыны Отечества. Владикавказ. 2003.

4. Дзагурова Г. Т. Под российскими знаменами. Владикавказ Ир, 1992.

5. Дзагурова Г. Т. Осетины в Императорском Конвое // Дарьял. № 3. 1992. С.21.

6. Гатуев А. Христианство в Осетии. Владикавказ, 2007.

7. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М-Пятигорск, 1992.

8. Сланов И. А. Ардонская духовная семинария. Владикавказ: Проект-Пресс. 1999.

9. Таказов В. Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (2 половина XIX — начало XX). Спб: издательство СПбГУ, 1998.

10. Абаев. В. И. О Сека Гадиеве // Советская Осетия. Альманах. 1965. № 26-27.

11. Салагаева З. М. От нузальской надписи к роману. Орджоникидзе, 1984.

12. Дзатцеева Н.А. Время возвращает имена... Харламбий Цомаев — просветитель, деятель культуры // Вопросы осетинской литературы и фольклора/Ред. А. А. Хадарцева. Владикавказ, 1993.
13. Мецаев Э.М. Поборник разума и веры из Гизели // Северная Осетия, 2003. №28.
14. Берозов Б.П. Подвижник. Просветитель. Педагог. Поэт // Социалистическая Осетия, 1990. №213.
15. Кудзоев Б. Священник Цопанов Николай из Верхнего Ущелья // Ираф. 1999. №1.
16. Суанов Е. Кто был Бола Тлийаг? (Бола Суанов — распространитель христианской религии, церковный художник) // Заря. 2001. 3 мая.
17. Канукова З.В. Хубулова С.А. Религия в истории и культуре полиэтнического города. Владикавказ в ХУШ-нач.ХХ1 вв. Владикавказ, 2006.
18. Бирагова Ф.Р. Культурно-просветительская деятельность осетинских священнослужителей // Ритмы истории. Вып. 1. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003. С. 141-150.
19. Бирагова Ф.Р. Осетинская церковная интеллигенция: история и современность // Религия в современном обществе. Материалы научной конференции. Владикавказ: изд-во СОГУ, 2003. С.30-35.
20. Игумен Андрей (Мороз). История Владикавказской епархии. Элиста: Джандар, 2006.
21. Хатаев Е.Е. Просветители горских народов XIX века. Ордж: изд-во СОГУ, 1985.
22. Хатаева Р.А. Харитон Уруймагов (1864-1919 гг.) Владикавказ. Изд-во СОГУ, 2008.
23. Блейх Н.О., Хатаев Е.Е. Научно-просветительская деятельность и педагогические взгляды Г.И. Дзасохова. С. 80, 81.
24. Тотоев М.С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, 1957.
25. Тотоев М.С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века. Орджоникидзе, 1968.
26. Тотоев М.С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977.
27. Хачиров А.К. О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964.
28. Кусов Г.Е. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ, 1999.
29. Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971
30. Фидарова Р.Я. Художественная культура осетинского народа. М.: Наука, 2007.
31. Хадарцева А.А. История осетинской драмы. В 2 ч. Ч.1. Орджоникидзе, 1983.

32. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008
33. Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX — начале XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
34. Тхостов Д.Р. К истории развития здравоохранения в Северной Осетии. Ордж.,1971.
35. Грибанов Э.Д. К истории здравоохранения Северной Осетии в первые годы советской власти. Ордж.,1958.
36. Гиоев Н.А. На страже здоровья. Орджоникидзе: Ир., 1980.
37. Аликова З. Р, Гурциев О. Н., Салбиев К. Д. Очерки истории здравоохранения. Владикавказ. 1995.
38. Уадати А.С. Владикавказская городская дума (1875-1917). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владикавказ, 2008. С.18-19.
39. Доморозов Д.И. и Балаев З.В. Кузница железнодорожных кадров. Ир. 1978.
40. Кануков Н.Д. В. А.Гассиев — создатель фотонаборной машины. М.,1953.
41. Медоев К.Д. Б. Д. Датиев. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. — 226 с.
42. Гатиев М.К. Осетины — Бауманцы. М., 2005
43. Марзоев И.Б. Т. Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук/Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Москва, 2006.
44. Марзоев И.Б. Т. Тагиата: привилегированное сословие Тагаурского общества Северной Осетии. Владикавказ, 2012.
45. Дзалаева К.Р. Городская культура осетин (вторая половина XIX — начало XX вв.) Владикавказ, 2009.
46. Дзалаева К.Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX-начало XX века). Монография;/ Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ, 2012. (2-е изд., перераб.).
47. Гутиева Э.Ш. Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук/Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2009.
48. Гутиева Э.Ш. Социокультурное развитие пореформенной осетии (вторая половина XIX — начало XX вв.) Монография/Рецензенты: З.В. Канукова, К.Р. Дзалаева. Владикавказ, 2013.

Т. А. БЕКОЕВА
доктор педагогических наук, профессор
СОГУ им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

Н. И. ВОРОНОВ
О ГОРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Фольклор народов Кавказа содержит огромный материал для исследования мировоззрения горцев, ибо путь к общечеловеческой культуре лежит именно через изучение и усвоение культуры, традиций, обычаев, национальных особенностей этноса, через максимальное использование их прогрессивных элементов. Это поняли российские кавказоведы и просветители горских народов, знатоки и собиратели кавказского фольклора, еще во второй половине XIX столетия высоко оценившие его значение.

Российские учёные и после того, как были составлены грамматики и созданы национальные школы, внимательно следили за прогрессивными начинаниями горских просветителей, курировали их деятельность, освещали её в печати. Так, под влиянием российских кавказоведов началось формирование адыгской, дагестанской, осетинской, чеченской и ингушской интеллигенции. Н. И. Воронов (1832-1888 гг.) принадлежал к плеяде прогрессивно мыслящей русской интеллигенции и размышлял о необходимости перемен в России, модернизации экономики и культуры кавказских этносов, критически осмысливая явления окружающей действительности. О либеральных просветительских взглядах Николая Ильича мы можем судить не только по его статьям, но и по материалам, отобраным и помещённым в возглавляемом им «Сборнике сведений о кавказских горцах» и газете «Кавказ». По мнению современников, Н. И. Воронов отличался умом, энергичностью, порядочностью, большой силой воли, умением находить общий язык с коллегами и ученика-

ми, одержимостью в работе и даже в трудных ситуациях никогда не изменял своим гуманистическим принципам.

Н. И. Воронов, редактор «Сборника сведений о кавказских горцах», высоко оценил национальную культуру и духовные качества горцев: «Кто видел Дагестан, тот согласится, что страна эта представляет замечательный, в высшей степени своеобразный мир, и в общих чертах, и в мелочах сложившийся по одной мерке, по одному идеалу, так что не будет натяжкой приписать ему обладание своего рода (горской) цивилизацией...» [1, 24].

Член Кавказского Отдела Императорского русского Географического Общества, Н. И. Воронов предложил известному лингвисту П. К. Услару напечатать в «Сборнике сведений о кавказских горцах» наиболее полное собрание аварских сказок. В ответ академик написал ему следующее: «Милостивый государь Николай Ильич! Аварские сказки переведены мною совместно с Айдемиром Чиркеевским и перевод напечатан мною ещё в прошлом году в Шуре в числе ста экземпляров... В аварских сказках интересны обороты речи, прибаутки. В этом отношении они заслуживают полного внимания. Желательно иметь аварскую сказку, представляющую сколь возможно большее число таковых характеристических особенностей. Сказка в таком виде составит замечательное явление на страницах «Сборника» [2, 126-127]. Предисловие к изданию этих сказок было написано Н. И. Вороновым, в нём он рассказывает об аварцах, географических границах их расселения, об их языке.

Первый выпуск «Сборника сведений о кавказских горцах» вышел в свет к концу 1868 года. В «Предисловии» к нему Н. И. Воронов высказал мнение о том, что изучение культуры и быта горцев представляет особый интерес и именно в настоящее время имеет большое значение, ибо происходит «переустройство горского быта» — «старое в их жизни понемногу отходит, а новое нарождается». Он надеялся, что «Сборник сведений о кавказских горцах» именно в настоящее время даст ключ к пониманию процесса «восприятия горцами русского гражданства» [3, 7]. В первом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» были помещены «Казикумухские (лакские) народные сказания», собранные горцами и российскими учёными. В последующих выпусках сборника это значительное начинание было продолжено, став традицией, а в III, V, VII и других

томах были напечатаны: «Осетинские нартовские сказания», подготовленные Д. Шанаевым, «Аварские народные сказания» (Вып.II), «Из чеченских сказаний» (Вып.IV). В предисловии к лакским сказаниям «Несколько слов о Казикумухах» читаем: «Приводимые ниже народные сказания довольно хорошо характеризуют практический ум лаков».

Во втором выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» его редактором было опубликовано ещё несколько записей аварских сказок. В статье Н. И. Воронова «Несколько слов об аварцах» читаем: «Предлагаемое собрание аварских сказаний, преимущественно сказок, достаточно уясняет их главнейшие мотивы и может быть признано довольно полным» [4,8]. При содействии Н. И. Воронова в газете «Кавказ» была опубликована статья А. Чиркеевского «О происхождении аварцев» [5, 16]. Российские учёные подробно описали пословицы, поговорки горцев, песни и сказки, что говорит о наблюдательности и поэтичности горских народов, подчеркивая, что многие пословицы являются почти буквальными переводами не только русских, но и европейских пословиц, хотя никакого перевода здесь не могло быть: «Жалованному коню в зубы не смотрят», «На голове вора огонь (на воре шапка горит)», «В мешке пики не утаишь», «Кто яму копает, в яму попадает» и другие [6, 16]. «Как ни разрозненны жители Дагестана, — замечают ученые, — но в пословицах они весьма часто друг с другом сходятся».

Н. И. Воронов помог опубликовать в этом издании статьи ингушского просветителя Ч. Ахриева; чеченца У. Лаудаева, представителей осетинской интеллигенции Дз.Шанаева и И. Канукова, лакца А. Омарова и др. Басни У. Берсеева, вместе с которым учёными России была разработана кабардинская азбука, были первой попыткой создания произведения адыгейской художественной литературы. К. Атажукин перевел и издал несколько статей из «Детского мира» К. Д. Ушинского («О воде», «О воздухе»), записал для народного чтения «Отрывки из поэмы о Сосыруко».

В V выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» были изданы «Нартовские сказания осетин», записанные Дз.Шанаевым, и подборка «Из кабардинских сказаний о нартах», предложенная Кази Атажукиным. Публикация, подготовленная К. Атажукиным, со-

держит два сказания о Сосруко, а также сказания о Пшибадиноко и Ашамезе. В Предисловии К. Атажукин писал: «Представляемые ниже песни о нартах составляют самую незначительную часть существующих о них в Кабарде сказаний» [7, 52].

В следующем, VI выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах», была опубликована подборка образцов кабардинского фольклора под названием «Кабардинская старина». Исследователи считают, что эта публикация принадлежит Кази Атажукину, и отмечают, что русский перевод, сделанный К. Атажукиным, довольно точно передает содержание и стиль оригинала [8, с. 43]. Важно отметить, что были напечатаны варианты адыгских песен и сказаний о любимых народных героях — Андемиркане, Куалове Созерыхе и др. Весьма ценно, что о каждом герое приводятся и песня, и прозаические сказания, комментирующие и раскрывающие содержание песни. В этой публикации представлен также ряд прозаических сказаний, повествующих о жизни адыгов, их быте, обычаях, об их представлениях о чести и мужестве, то есть имеющие большое воспитательное значение. Исследователи фольклора считают, что вышеуказанные тексты играют важную роль в процессе изучения произведений устного народного творчества северокавказских горцев, ибо это первая фиксация образов популярных прозаических жанров адыгского фольклора [9, 30-31].

В этом же сборнике были представлены две публикации образцов чеченского фольклора, ингушские предания, собранные Ч. Ахриевым, «Осетинские народные сказания», записанные Дз. Шанаевым и Г. Шанаевым, а также даргинские «Сказания о мулле Насретдине», собранные М. Амировым, и другие публикации. Здесь же были помещены сказания северокавказских народов о нартах, это издание одним из первых познакомило русских читателей с отрывками из знаменитого нартского эпоса. Сказания о Нартах появились и в других выпусках «Сборника». По поводу опубликованных в «Сборнике сведений о кавказских горцах» нартских сказаний в «Записках Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества» говорится следующее: «Народная фантазия, выразившаяся в сказаниях о Нартах, отличается весьма оригинальными образами, приемами и чертами. На некоторых из этих черт заметен отпечаток глубокой древности». Кавказский Отдел высказал поже-

ление, чтобы в «Сборнике сведений о кавказских горцах» больше печатали сказаний о Нартах, чтобы они сохранились для потомков. Даже по этой небольшой части нартских сказаний, опубликованных в вышеупомянутом издании, можно судить об их этнографическом и историческом значении.

Гуманистически настроенный человек, Н.И. Воронов был сторонником скорейшего сближения двух различных цивилизаций, он отмечал: «Горцы из врагов наших становятся нашими согражданами, нашими близкими братьями: кому же, как не нам, пойти на радушную встречу... И если на стороне горцев лежит роковая необходимость знакомства с нами, то на нашей — нравственная обязанность проникнуть до глубины в их замкнутый круг жизни и определить затем, как удобнее и скорее помочь нашим новым согражданам» [3, 1-2]. Он считал, что русские должны приблизить горцев к себе, и между ними и горцами всегда должно быть согласие. Записи горских просветителей, материалы, опубликованные Н.И. Вороновым в «Сборнике сведений о кавказских горцах», имеют большую научную ценность, так как по количеству научных рубрик, по широте поднимаемых проблем, по объему привлекаемого фактического материала этот сборник значительно превзошел многие российские этнографические сборники, появившиеся во второй половине XIX столетия.

-
1. Воронов Н. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-40.
  2. Губаханова Р.А. Н. И. Воронов и проникновение передовой прогрессивной культуры России в Дагестан // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI — начале XX в. Махачкала: ДагФАН СССР, 1988.
  3. Воронов Н. Предисловие // Сборник сведений о кавказских горцах/Составлен и издан под редакцией Н.И. Воронова. Тифлис, 1869. Вып. 1.
  4. Воронов Н.И. Несколько слов об аварцах // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. С.3-8.
  5. Чиркеевский А. Аварские песни и сказки. Темир-Хан-Шура, 1867. 92 с.
  6. Услар П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868. Отд. V. С. 3-42.
  7. Из кабардинских сказаний о нартах // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. V.

8. Кудзаева А. Г., Бекоева Е. Д. Кази Атажукин выдающийся адыгский педагог и просветитель: монография; Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2015.

9. Алиева А. И. Возникновение адыгской фольклористики в XIX веке // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX начала XX века/Под общей ред. А. М. Гугова Нальчик: Эльбрус, 1979. С. 13-89.

II. ИСТОРИЯ

**К.Р. ДЗАЛАЕВА,
кин, СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

В статье рассматриваются процессы трансформации северокавказской традиционности в условиях пореформенной модернизации, социально-культурной интеграции Северного Кавказа в состав Российской империи, утверждения российской государственности и распространения общероссийской идентичности в период второй половины XIX — начала XX веков. Предметом исследования выступила трансформация ценностно-ментальных установок северокавказских народов.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Россия, интеграция, межкультурное взаимодействие, пореформенная модернизация, трансформация традиционности, ценностно-ментальные установки.

The processes of the North Caucasian traditionality's transformation in the postreform modernization conditions, North Caucasus socio-cultural integration into the Russian Empire, validation of the Russian state and the spread of Russian national identity during the second half of XIX — early XX centuries are considered in the article.

Keywords: North Caucasus, Russia, integration, intercultural interaction, postreform modernization, traditionality's transformation, values and mental attitudes.

Адаптация народов Северного Кавказа к новой социально-культурной действительности Российской империи протекала в условиях пореформенной модернизации, сопровождающейся процессами утверждения российской государственности и распространения общероссийской идентичности.

Существенные отличия в системе ценностей российской и северокавказской культур, неоднозначное отношение горцев ко всему неизвестному, чуждому и непонятому воспринималось ими крайне негативно.

Самобытность народов Северного Кавказа во многом была обусловлена исторически сложившимся комплексом специфических архаических черт традиционной культуры, обусловленных природными особенностями зоны проживания кавказских этносов, типом хозяйства, спецификой исторического развития и межэтнических контактов, преобладающей системой религиозных верований [1,33-35].

В процессе межкультурного взаимодействия, направленного на утверждение российской государственности и идентичности в регионе необходимо было учитывать особенности системы ценностных установок, имевших место среди местного населения, так как она отражала субъективные ориентации отдельно взятых индивидов как членов общества на те или иные ценности, предписывающих им определенные социально одобряемые способы поведения. Ценностные ориентации формируются в течение исторически продолжительного периода времени, формируют не только сознание индивида, но и его глубинно-психическую связь с общностью, частью которой он является, определяют на-

циональный менталитет, «национальный характер». Социокультурные установки тесно связаны с процессами развития духовной культуры, духовности в целом. Культура в этом смысле выступает как органическая целостность представлений, норм поведения, эстетических образов, социальной гармонии, отношений солидарности, возникающих в традиционном крестьянском мире. Она противопоставляется «цивилизации», порождению буржуазного индустриализма и урбанизма с его индивидуалистически-рационалистическим мировидением [2,154]. Поскольку сам набор ценностей, образцов, смыслов, символов как составляющих культурного пространства не является универсальным, носит всегда конкретно-исторический характер, будучи сопряжен с теми или иными группами интересов, потребностей, то и возникающая на пересечении этих факторов с конкретными формами деятельности культура будет иметь различное «наполнение» в разные эпохи и в разных социальных слоях, в различных профессиональных видах деятельности и процессах социокультурной идентификации личности [3,30].

Главное в историческом времени для горца — это прошлое, которое есть эталон социального совершенства, олицетворение идеального мироустройства. Люди, которые являлись носителями этого прошлого, всегда воспринимались в патетических чувствах: они идеальны, совершенны, мудры, высоконравственны, храбры и т. д. Здесь каждое новое поколение гордится своими предками и всегда отзывается о них в возвышенных чувствах и представлениях. Потому на Кавказе, как и на Востоке, отношение к историческому прошлому свято, сакрально, благоговейно; историческое прошлое есть тот образец, которому должно соответствовать социальное будущее» [4, 94]. В противовес этой установке, ценности, которые несло с собой вступление в социокультурное пространство модернизирующегося российского социума, напротив, были ориентированы на будущее и в корне противоречили представлениям горцев. Приученные уповать только на самих себя, народы Северного Кавказа поначалу с большой и нескрываемой неохотой и недоверием впускали в свою жизнь какие-либо новые веяния, отдавая предпочтение проверенным не одним поколением предков принципам своего общественно-культурного жизнеустройства.

Так о кабардинцах как о более типичном, более самостоятельном и самобытном народе А. Г. Ардасенов писал: «Кабардинцы... не спешат подражать и заимствовать внешние блески цивилизации, не желая, так сказать, ложку меда променивать на чашку чечевичной похлебки, дорожа своим строем, своим обычаями, своими более содержательными и насущными сторонами жизни. У кабардинцев есть свое, пока имеющее для него смысл и содержание и препятствующее ему пока стать на путь заимствований и подражаний» [5,38]. Далее он продолжил: «...Бесспорно, кабардинцы в будущем обнаружат свою восприимчивость, когда увидят воочию более содержательную жизнь, когда собственная перестает удовлетворять их» [6,83]. Подобные же проблемы на пути инкорпорации в новую государственную культуру А. Г. Ардасенов видит и в осетинах, и в других народах традиционного Северного Кавказа: «...Гораздо важнее в этом отношении общественно-нравственные стороны, обычаи и нравы, выработанные продолжительною гражданской жизнью народа. К сожалению, мы не видим, чтобы эта существенная часть всякой культуры могла получить сколько-нибудь заметное развитие в неприступных и изолированных тущобах осетинских гор...» [7, 27].

Утверждение общероссийской государственности и распространение общероссийской идентичности на Северном Кавказе в XIX — начале XX вв. подразумевали формирование новых социокультурных установок и традиций в рамках государственной идеологии и культурной политики России, направленной на трансформацию традиционного мировосприятия и поведенческих моделей, веками передаваемых народами, проживающими в регионе, из поколения в поколение. Россия империя, включившаяся в процесс модернизации в духе европейских ценностей, вовлекала в «европеизацию» и северокавказские народы, находящиеся в стадии догосударственного типа общественных отношений. Главной стратегической целью выступило распространение и укрепление единых ценностно-ментальных ориентиров, лежащих в плоскости российской гражданственности и выступающих мотивационным основанием добровольного гражданского участия северокавказских горцев в жизни страны, нации, последующего духовного единения с народами России в общем порыве к цивилизованному развитию.

Взаимообогащению и интеграции культур, повышению уровня толерантности в обществе способствовали межкультурные контакты. Однако необходимость сосуществовать, принимать другую культуру на фоне так называемого «культурного эгоцентризма» была чревата возникновением разного рода конфликтов, противостоянием «культурных миров». Данный процесс имел в своей основе две составляющие: самоидентификацию горцев, осознание ими себя частью большой многонациональной страны и признание их самой Россией неотъемлемой частью единого государства.

Как известно, доминирующей формой идентификации является соотнесение себя с более древней исторической памятью [8,14]. Народы Северного Кавказа — это действительно древние народы, которые всегда имели глубоко укорененную собственную гордость и воспринимали себя как особую общность со «своей» историей, культурно-бытовыми традициями, кровно-генетической связью, исторической территорией, языком и религией [7, 28]. В новых исторических условиях традиционная культура в целом, и ее ценностно-нормативная составляющая, претерпевали существенные изменения [9,140-152].

Общественная динамика пореформенной России предопределила необходимость приспособления к ней северокавказских обществ, каждое из которых выработало свои адаптационные механизмы. Степень усвоения социальных и культурных инноваций во многом определялась уровнем урбанизации общества и наличием интеллигенции. Одним из важнейших последствий присоединения Северного Кавказа к Российской империи является формирование в среде северокавказских народов интеллигенции, которая во многом выступила в качестве своеобразного проводника образцов мировой культуры, Рождение интеллигенции — важное общественное явление, свидетельствующее о достаточно высоком уровне общественно-культурной зрелости народа, его готовности к прогрессу в области культуры, науки, техники и организации производства. [10,27-29]. Так в отношении, например, Осетии, пресса отмечала: «... Стоит сравнить Осетию 25 лет назад с нынешнею и тогда всякому станет ясно, до какой степени европейская культура и гражданственность власти влияют на мирозерцание осетина... Устои родового быта сильно пошатнулись... Происходит эмансипация личности...

Разумеется, что вся прошлая жизнь наложила отпечаток на личность осетина и было бы странно ожидать радикального перевоспитания за какие-нибудь полстолетия. Однако если сделать обзор всего хорошего, светлого, что приобретено и перенято до сих пор, то предаваться отчаянию не стоит... Лет двадцать назад совершенно отсутствовало, например, промышленное производство и огородничество: тот, кто вздумал бы продавать фрукты, подвергся бы всеобщему осмеянию и вообще скомпрометировал бы себя. Дерево и плоды, им приносимые считались чем-то вроде общественного достояния, как вода и воздух. Теперь мы видим, как всюду усиленно производится посадка разных сортов фруктовых деревьев и уже многие пожинают плоды своих трудов в виде ежегодного дохода. Чему приписать некоторый прогресс на пути усвоения осетинами европейской культуры? Главный фактор, содействовавший этому процессу — моральное влияние закона, применение которого во всех случаях жизни осетины видели изо дня в день. Это было основным фоном. Второй и самый надежный фактор — это школа, иначе говоря, просвещение через посредство устного и печатного слова. Вот уже несколько поколений получают образование в стенах русских учебных заведений и из года в год количество интеллигенции среди народа возрастает усиленным темпом... Многие, окончивая среднее образование, возвращаются в родные аулы и становятся, например, сельскими учителями... или занимают какие-либо выборные должности. Все виденное и усвоенное ими за время пребывания среди русских они стараются ввести в свой обиход, а окружающая среда постепенно воспринимает, подражает... Последнее свойство является самым надежным двигателем...» [11].

Русский этнограф-путешественник Евгений Марков, в своем труде «Очерки Кавказа», посвятивший целую главу русской цивилизации в Осетии, вспоминал: «Я познакомился с несколькими разумными и наблюдательными осетинами, хорошо говорившими по-русски и вполне испробовавшими успехи нашей европейской цивилизации. К моему удивлению, они с большой сердечностью говорили не о Петербурге или Тифлисе, а о патриархальных нравах своей родины, и в этой похвальбе горца, не сбитого с толку мишурной цивилизацией, много справедливого и поучительного... Благодаря стремлению осетин к просвещению среди них уже являются люди,

кончившие курс в различных русских учебных заведениях, даже в университетах, способные посвящать себя и научному исследованию своей народности и развитию ее духовных сил» [12].

Северный Кавказ вынужденно вступил в период многоуровневой трансформации устоявшихся за столетия миропонимания и самоидентификации горцев. Консервативность взглядов, социально-культурных привычек, поведенческих и хозяйственно-бытовых стереотипов в новых обстоятельствах неизбежно вступала в противоборство с реформами, проводимыми российской властью, генерируя на выходе некий социокультурный субстрат, ценностный симбиоз «старого» и «нового», «чужого» и «своего». Новые общественные явления, тенденция неизбежного распада феодально-крепостнических устоев под влиянием развития новых, буржуазных отношений неизбежно вели к изменениям в их повседневности, образе жизни, трудовой деятельности: «...В настоящее время туземцы Северного Кавказа вступают в новый период жизни. Современная торгово-промышленная жизнь начинает касаться их все более и более благодаря улучшенным путям сообщения, в особенности железным дорогам, сблизившим пространства и народы» [13,3]. Все сферы общественной жизнедеятельности теперь претерпевали существенные изменения, не замечать которые было уже невозможно: «...ингуша, чеченца, осетина в особенности можно видеть теперь, так сказать, на всех перекрестках жизни ищущими всюду работы — приложения для своих рук. При этом они не брезгают уже никакой должностью: их можно видеть в гостиницах, трактирах, в передней барина, на вокзалах железных дорог, в канцеляриях, в полиции, в ямщиках, в магазинах в качестве мальчишек... С проведением Ростово-Владикавказской железной дороги произведения мануфактурной заводской промышленности вытесняют всюду местные изделия, убивая кустарные промыслы страны. Железные изделия, доставлявшиеся местными кустарями, сделались покупными. Выгода легкой литовки (сравнительно с тяжелой туземной косой, которую можно косить в обе стороны) слишком очевидна, чтобы ее не покупать. То же самое и во всем. Лучшие оружейники-туземцы не находят себе работы» [14].

Со временем многие привносимые Россией новшества в силу своей очевидной привлекательности, удобства и практической вы-

годы стали находить отклик в душах и сознании горцев, что отражалось на их мировоззрении и выражалось в его поступательной трансформации. Особенную популярность приобрело стремление к образованию, превратившееся в своеобразный тренд эпохи. Обусловлено это было тем, что выдерживать конкуренцию в условиях стремительно и неизбежно развивающейся экономики, все более усложняющихся социальных отношений представлялось возможным только для человека с выраженными адаптивными способностями, творчески и самостоятельно мыслящего, открытого ко всему новому, обладающего определенными знаниями, необходимыми качественно новому обществу. Образование выступило важнейшим механизмом интеграции в модернизирующийся социум, формирования эстетических и нравственных черт личности в неразрывной связи с общественной жизнью, встраиванию индивида в экономическую систему. Новые экономические отношения, в которых горцу приходилось теперь действовать, волею или неволею, как более развитые и могущественные, подвергают его хозяйственный быт, культуру серьезному испытанию, увлекая за собою и подчиняя своему влиянию [15,79-81]. Изменение способов ведения хозяйства, развитие городской экономики вполне закономерно и неизбежно повлекли за собой трансформацию менталитета, традиционного образа жизни, ценностных ориентаций, способствовали возникновению новых целей и задач, новых потребностей и требований к человеку. В рамках развивающейся городской культуры во второй половине XIX — начале XX вв. образование выступило доминирующим фактором формирования ценностных представлений горцев Северного Кавказа, оказывающим существенное воздействие на изменение всех сторон общественной жизнедеятельности, в кратчайшие сроки превратившись в важнейший социальный институт. Северокавказские народы встали перед необходимостью «облачиться во всеоружии образования и направить все свои силы к тому, чтобы подрастающее поколение было развито всесторонне и мобилизовано к борьбе за существование» [16].

Интеграционные процессы, сопровождаемые пореформенной модернизацией, коснулись абсолютно всех сфер жизнедеятельности народов Северного Кавказа, которые еще совсем недавно находились в условиях традиционного догосударственного соци-

ума, обозначаемого понятием «горского феодализма» и подразумевающего богатый комплекс патриархально-родовых обычаев. Наиболее наглядной была трансформация внешнего облика горских поселений и жилищ. Процессы модернизации и урбанизации второй половины XIX — начала XX вв. не могли не сказаться на структуре, свойствах и функциях семьи. В новых условиях большая семья стала утрачивать свои преимущества крупной производственной ячейки общества и начала трансформироваться в некую промежуточную форму — неразделенную семью, основой которой была общность хозяйства — нераздельное владение землей, скотом, орудиями производства, недвижимым имуществом. Неразделенная семья отличалась от традиционной большой семьи меньшей численностью. К началу XX века по всему Северному Кавказу обозначилась тенденция к значительному сокращению неразделенных семей «братского» типа, постепенно стала утверждаться нуклеарная семья. В связи с проникновением капиталистических отношений наметилась тенденция отделения женатых сыновей от родителей и среди сельских жителей, что свидетельствует о том, что теперь характерной чертой в образе жизни и мышления местных народов начал прослеживаться дух индивидуализма и частной собственности, преобладающий над родовой солидарностью, присущей прежнему быту осетин. Во второй половине XIX века селения стали нарушать кварталльно-родственный принцип расселения в виду обозначившейся тенденции разделения больших семей и отселения женатых сыновей на окраины. Заметные изменения коснулись способов построения и внутреннего обустройства домов. Так, по данным переписи 1897 года, в селениях абазин наряду с турлучными стали появляться саманные, деревянные и каменные дома. Возведение основательных жилищ было обусловлено переходом к мирной жизни. По примеру русских, в абазинских жилищах стали появляться застекленные окна, печь и деревянная мебель, покупная посуда и одежда: «Снаружи и внутри стены сакли выбелены. Обыкновенно имеются одно или два небольших окна, потолка в сакле нет, пол глинобитный. Влево от двери, у передней стены, помещается очаг, над которым висит чугунный котелок для варки пищи. По обе стороны от дымоприемника поперек сакли проходят полки для посуды; такие же полки

имеются вдоль продольных стен, под самой крышей. Вдоль задней стены полки располагаются одна над другой от самого пола и большею частью завешены коврами; на них помещаются сундуки, а днем также спальные тюфяки и подушки. Остальную обстановку сакли составляют деревянный диван и такая же кровать, окруженная с трех сторон необычайно высокими перилами и раскрашенная цветными узорами, сундуки, низенький, употребляемый для еды, круглый столик на трех ножках...» [17,138]. В пореформенный период в абазинских аулах стала формироваться социально-бытовая инфраструктура, состоящая из общественных зданий — образовательных и медицинских учреждений, торгово-промышленных заведений, почтовой связи, объектов дорожного сообщения и др. В период пореформенной модернизации подобные изменения затронули структуры повседневности всех народов Северного Кавказа.

В условиях длительного дружелюбного сосуществования этносов нации неизбежно превращаются в интегрированный, сплоченный монолит. В связи с этим, по большому счету, не имеет значения, насколько этносы разнятся между собой, даже расовые и конфессиональные отличия этносов не мешают этой сплоченности [18,175].

Ярчайшим примером такого культурного сближения являются межнациональные и межконфессиональные браки. Межкультурное взаимодействие в национально-смешанных семьях характеризуется созданием унифицированного слоя культуры, вырабатываются общие, обоюдно приемлемые формы семейной жизни — встретившись в одной семье, культуры не самоуничтожаются, а сосуществуют в весьма причудливых сочетаниях [19,182].

Впервые брачные союзы стали заключаться представителями северокавказской и российской интеллигенции. Межнациональные браки Индриса Шанаева и Капитолины Свистуновой, Раисы Гайтовой и Георгия Келер [20], Кошерхан Жукаевой и Петра Похитонова, Ефима Газданова и Меланьи Бузиловой, Бориса Гатиева и Аграфены Соколовой, Филиппа Такоева и Натальи Шимановской, Дзамболата Абациева и Елизаветы Фукс, Баразби Мамышева и Варвары Барановой, Тега Ревазова и Надежде Бордаевской, Эльбаздуко Кудашева и Анны Коченовской, Муртуз-Али Базоркина и Гретты Де Ратце, Абая Шаханова и Елизаветы Матвеевой, Батырбека Туганова и Клавдии

Горской являются подтверждением наметившейся к началу XX века уверенной тенденцией на сближение между народами Северного Кавказа и многоликой России.

Трансформация северокавказской традиционности в условиях утверждения российской государственности и распространение общероссийской идентичности на Северном Кавказе в XIX — начале XX вв. неизбежно привела к трансформации традиционных ценностных установок северокавказского социума и формированию новой системы ценностей. Процесс социокультурной интеграции в состав Российской империи, адаптация к новым условиям и образу жизни сделал возможным дальнейшее прогрессивное развитие северокавказского общества и его интеграцию в общероссийское социально-культурное пространство.

---

1. Культурная политика России на Кавказе как фактор утверждения российской государственности и общероссийской идентичности. Материалы научного семинара. Владикавказ, 2016. 70 с.

2. Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в.: Монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2002. 213 с.

3. Соколов К. Б. Особенности межкультурного взаимодействия в условиях глобализации культуры // Личность в социокультурном измерении: история и современность. Сборник научных трудов. М., 2007.

4. Раздольский С. А. Модернизационные процессы в адыгской культуре. Конец XIX — начало XX в. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». № 4. 2012.

5. Ардасенов А. Г. К характеристике народностей Северного Кавказа / Алихан Ардасенов. Избранные труды. Владикавказ, 1997.

6. Ардасенов А. Г. (В-Н-Л) Переходное состояние горцев Северного Кавказа // Алихан Ардасенов. Избранные труды. Владикавказ, 1997.

7. Панеш Э. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействия и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 1996.

8. Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик, 2007.

9. Канукова З. В. Система внутреннего управления в пореформенном осетинском селе // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Сборник научных трудов. Кабарди-

но-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. Нальчик, 1989.

10. Гутиева Э.Ш. Социокультурное развитие пореформенной Осетии (вторая половина XIX — начало XX в.) Монография. Владикавказ, 2013.

11. К. А. Е. Письма из Осетии // Кавказ. 1903. № 301.

12. Баев Г. Письма осетина. Казбек. 1905. № 2163.

13. Ардасенов Н. Кто он — «В. Н. Л.»? // Северная Осетия. 28 сентября. 1996 г. № 184 (22237).

14. Научный Архив СОИГСИ Ф. Черджиева Х.С. Оп. 1. Д. 115. Л. 54.

15. Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX — начало XX в.)//Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49).

16. Терские ведомости. 1909. № 4.

17. Ктиторова О.В. Культурно-бытовые преобразования в абазинских аулах как результат интеграции в российский социум (конец XIX — начало XX вв.) // Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: Дизайн-студия Б. 2014.

18. Тайсаев Д.М. Эволюция. Этничность. Культура. На пути к построению постнеклассической теории этноса. Нальчик, 2005.

19. Голованова С.А., Шутемова Е.В. Институты добрососедства у народов Северного Кавказа как фактор межэтнического взаимодействия // Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: Дизайн-студия Б. 2014.

20. Марзоев И.Б. Т. Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Москва, 2006.

Ч. В. ТИГИЕВ,
аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ДОСУГ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье дается характеристика досуговым видам времяпрепровождения городского населения Терской области. Рассмотрены виды досуга, которые получили наибольшее распространение под влиянием Первой мировой войны, а также определены условия, с помощью которых удавалось занять свободное время горожан.

Ключевые слова: досуг, война, концерт, благотворительность

The article gives characteristics of the leisure pastimes of the urban population of the Terek region. The types of leisure which is most prevalent under the influence of the First world war, and also the conditions by which managed to occupy the free time of citizens.

Keywords: leisure, war, concert, charity

Вступление Российской империи в войну 19 июля 1914 г. серьезным образом изменило привычную жизнь населения страны. Когда был обнародован царский Манифест, во всех городах прошли патриотические манифестации, во всех православных храмах возносились молебны во славу русского оружия. Начальник жандармского управления Терской области доносил в Петроград «21 июля около вокзала (речь идет о Владикавказе — Авт.) образовалась манифестация; огромная толпа в 2000 человек, с флагами и портретом Государя Императора тронулась к собранию апшеронцев. Здесь рядом ораторов произнесены патриотические речи... Весь Александровский проспект оказался запружен народом. Манифестанты отправились ко дворцу Начальника области. Опять речи, пение «Боже, царя храни!»». Столь же многочислен-

ными были демонстрации в других городах области. Так, в Грозном «против городского сада появилась демонстрация, оркестр исполнял сербский гимн» [1, 4].

Военная обстановка неизбежно меняла повседневную жизнь, в том числе и досуг горожан. Последний сильно отличался от миного времени, происходили значительные трансформации форм и видов свободного времени. В области существовали определенные ограничения, связанные с военным временем: «Воспрещается в театрах, синематографах, цирках окончание представления позже 12 часов вечера. Воспрещается владельцам ресторанов, кафе-шантанов, загородных садов производство в содержимых ими заведениях торговли позже 2-х часов ночи...» [2, 128].

В зависимости от статуса города (столичный, курортный, уездный) формировались и предпочтения горожан. Например, г. Владикавказ, являвшийся не только административным центром, но и культурной столицей Терской области, предлагал обывателю посещение театра, кинотеатров, парков, концертов, ипподрома, цирка, музея и многое другое.

Самым массовым видом досуга являлись гуляния в парках и скверах. Так, в большом парке, разбитом на правом берегу р. Терек, были дорожки для прогулок, пруд для катания на лодках, а дети могли плескаться в детском пруду. Желающие погулять на бульваре, также могли воспользоваться Театральным, Александровским, Вокзальным и другими бульварами. Кисловодск также славился своим парком, где наряду с горожанами прогуливались отдыхающие.

В городах, где не было парков и садов, горожане фланировали по центральным улицам. Например, в г. Моздоке для гуляний было единственное место — Михайло-Архангельская площадь и прелагающая к ней широкая улица Красивая. В сл. Хасав-Юрт не было скверов и парков, поэтому публика проводила время в праздном гулянии по улицам.

На площадях и в парках обязательным элементом досуга были военные оркестры, которые исполняли марши, вальсы, романсы. Желающие могли танцевать. Во время гуляний, которые устраивались также благотворительными обществами, проводились лотереи-аллегри, а вырученные от лотерей и входных билетов средства пополняли казну Обществ содействия пострадавшим от военных действий.

Такие лотереи проводились в городах области, к примеру, 12 сентября 1914 г., 2 апреля 1915 г. и т.д.

На открытых площадках при содействии местного РОКК устраивались благотворительные спектакли. В новогодние дни с разрешения начальника области устраивались костюмированные вечера и маскарады. Условием проведения этих вечеров было обязательное отчисление в пользу РОКК половины прибыли.

В г. Грозном усилиями комитета по призрению семей воинов 31 января 1916 г. в зале собрания был устроен семейный маскарад с игрой в лото, с «волшебным фонарем». Собранные средства пошли «на поддержание детей воинов, сражающихся за Отечество». В Кисловодске 8 марта 1916 г. в помещении женской гимназии силами учащихся был проведен музыкальный вечер, где исполнялись патристические произведения, а весь сбор перечислен в пользу беженцев. В г. Георгиевске 3 января 1917 г. состоялся корцерт учащихся реального училища. 10% сборов с него были перечислены на оказание помощи раненым воинам местного лазарета.

Несмотря на тяжелые военные времена, горожане Терской области посещали благотворительные концерты и разные просветительские вечера, принимали активное участие в их организации. Нередко такие вечера и праздники проводились силами местных национальных обществ, а также благотворительных союзов. Так, в отчете о концерте, устроенном Нальчикским местным комитетом Красного Креста для приобретения материала на противогазовые повязки, было указано, что «поступило 350 руб. 60 коп.: от продажи программ, от продажи цветов и конфетии, от буфета». Большой популярностью пользовались благотворительные вечера, устраиваемые национальными обществами. Грузинский, ингушский, польский вечера собирали большое количество публики, а разыгрываемые лотереи — средства для поддержания пострадавших от войны.

Подобные концерты посещали люди разного финансового положения, поэтому предлагались общедоступные программы. Например, в апреле 1915 г. в городах Кисловодске и Пятигорске были организованы симфонические концерты в парках и скверах. Разнообразить следовало не только досуг малодостаточного городского населения, но и многочисленных беженцев и переселенцев,

фронтовиков. Так, 20 сентября 1914 г. в городском саду Владикавказа состоялось народное гуляние, чистый сбор от которого поступил в пользу семейств запасных и ратников: «в программе праздника симфонический оркестр Терского казачьего войска, беспроегрешная детская лотерея, метание колец. В 6 часов вечера кинематограф на открытом воздухе по интересной программе. С 7 часов вечера в ротонде интересное кабаре при участии лучших местных сценических и музыкальных сил. Пение и музыка».

В г. Грозном комитетом помощи пострадавшим был организован в местном лазарете литературно-музыкальный вечер с программой из двух отделений по произведениям Чайковского, Глинки и др. российских композиторов. В Кисловодске состоялся бесплатный концерт для беженцев из западных губерний, в котором звучали традиционные прибалтийские и украинские песни и танцевальная музыка. Позже, к Рождеству силами грозненских обществ помощи пострадавших от войны была организована елка для детей беженцев, «стараясь всякими способами помочь обездоленным семьям, чтобы они могли забыть постигшее их горе. Всех детей одели и обули».

Во Владикавказе был устроен костюмированный бал-концерт, сбор от которого поступил на нужды одной из фронтовых частей Юго-Западного фронта. Благотворительные концерты дал Владикавказский местный отдел общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям.

Не остались в стороне и гастролирующие музыканты. Так 14 сентября 1915 г. в г. Грозном выступала арфистка А. К. Эрдели. Владикавказ посещали концертные труппы Табенцкого, Петрова, Гайдамаки. В декабре 1914 г. в г. Грозном с концертом выступил известный российский баритон Б. Мезенцев, которому местные газеты расточали дифирамбы.

В г. Грозном известный пианист П. И. Дьяконов дал концерт чистый сбор, от которого поступил в пользу больных и раненных воинов.

Новым в досуге населения стали так называемые «патриотические концерты», посвященные военной тематике. Часть средств от этих мероприятий направлялась в фонды Красного Креста и других благотворительных организаций. Так, в октябре 1914 г. в сл. Нальчик

с концертом выступили местные гимназисты.

В сл. Хасав-Юрт силами местного гарнизона были проведены вечера с тематическими названиями («Франция», «Англия») из серии, посвященной союзникам России.

Массовым стало и кино. Так, в кинотеатре «Прогресс» г. Грозного демонстрировались ленты «Нашествие французов на Москву» и «Парижские тайны».

Многие горожане полюбили активный отдых, занимаясь разными видами спорта. Летом предпочтение отдавалось футболу, вело-сипеду, лазанью по горам. Зимой в городском парке Владикавказа организовывались состязания конькобежцев. Так, в газете «Терские ведомости» было размещено объявление о спортивном празднике: «В парке спортивного общества «Трек» устраивается сокольский гимназический праздник». Например, соревнования на лодках всегда вызывали интерес: «Сегодня на большом пруду начнутся гонки на лодках и по плаванию. Всего будет 6 заездов лодок: три мужских и три женских. В каждом заезде участвуют две лодки, которые пускаются в один круг в разные стороны. Затем произойдут состязания в плавании».

Таким же демократичным видом городского досуга были цирковые представления. Наряду со своим цирком, управа приглашала с гастрольями цирк Никитиных, Сулье, Труцци и др. В апреле 1915 г. они дали несколько благотворительных представлений для детей, билеты продавались по сниженным ценам.

Нередко в газетах публиковалась информация с отчетом о проведенных мероприятиях. Оказывается, населению подобного рода мероприятия очень нравились, поэтому и посещаемость доходила до 400 и более человек на каждом концерте. Частыми гостями местных сцен были артисты Московского Малого театра, которые привозили на суд провинциальной публики спектакли развлекательные, драматические и всегда их творчество было по достоинству оценено зрителями: Судя по отзывам прессы, гастроли всюду проходят с большим успехом. Билеты в кассах моментально раскупаются».

Азартным людям по душе был владикавказский ипподром. Бега и скачки также приносили определенный процент в пользу помощи раненым и больным воинам. Так, в апреле 1916 г. на Владикавказском ипподроме проводились скачки на приз государствен-

ного коннозаводчества. Победителями стали жеребцы Баграт и Борзяк.

Помимо гуляний и посещения кинотеатров, мужчины предпочитали проводить свой досуг в различного рода духанах, трактирах, а те, кто побогаче — в ресторанах. Хозяева увеселительных заведений старались привлечь как можно больше состоятельной публики и для этого предлагали бильярд, лото: «Сидят не только за столами, но даже в передней собрания, перед зеркалами, положив карты на подзеркальник. Публика самая разношерстная: тут и купец, который за день торговли успел «обыграть» своих покупателей на несколько десятков рублей, и мелкий лавочник и рядом сидящий с ним «штатский» генерал и, конечно, масса дам — просто дам и дам приятных во всех отношениях. Кое-где мелькают по две-три студенческие фуражки — это коллеги пришли поиграть в долю». В это время большое распространение получила азартная карточная игра. Наряду с невинными преферансом и винтом, играли в «железку» и «баккара», запрещенные в виду их азартного характера. Азартные игры вскоре вышли далеко за пределы закрытых клубов, «в каждом сквере можно наблюдать несколько групп играющих в карты и азартные игры».

Наряду с активными формами досуга, в обществе стали распространяться иные, продиктованные военными тяготами. К осени 1915 г. масштаб потерь русской армии стал очевиден. Прошла череда сданных противнику населенных пунктов, был развеян миф о непобедимости русской армии. Это вызвало в обществе большое уныние, национальная идея, вокруг которой ранее сомкнулось все население страны, разрушалась. Именно с этого времени в российском обществе национально-патриотические мотивы ушли на второй план, уступив социальным. В социуме нарастала растерянность и безысходность, психологическая усталость: «Устал физически очень и нравственно массу перенес — очень тяжело, — писал в письме к жене поручик Денисов, — но надеюсь на Бога, что кончится это испытание» [3, 321].

В это время многие, прежде всего женщины, обращают свои взоры к церкви, в которой ищут успокоения и опоры. Обращаясь в письме к мужу-фронтовику, Е. Денисова горячо просит его: «Говори всегда молитву, это спасет тебя. Вообще, одна надежда на Господа!»

[4, 26]. С целью поддержания в населении религиозности по городам области нередко совершались крестные ходы с чудотворными иконами. Например, во Владикавказе 7 раз совершался крестный ход с Моздокской чудотворной иконой Иверской Божьей матери.

Особенности периода накладывали специфический отпечаток на повседневные практики обывателей, в которые активно проникал мистицизм. Так случилось и в годы Первой мировой войны. Ужасы военного времени стали рассматриваться многими как Божье наказание. Война породила живой интерес к предсказаниям и вызвала спрос на услуги гадалок, ясновидящих. Мистика этого периода стала основой распространения разного рода суеверий и предрассудков [5, 128].

Долгая война и связанный с ней духовный кризис порождали всякие оккультные теории. Ловкие дельцы организовывали спиритические сеансы, вовлекая в них большое количество людей, потерявших духовно-религиозные ориентиры. Это приводило к глубокому нравственному кризису общества и усугубляло его деградацию. Все чаще в обществе говорили о Сатане и его кознях [6, 137]. Как правило, это было характерно, прежде всего, для женщин, которые обращались к прорицателям и гадалкам, желая получить некоторое успокоение за своих родных, сражавшихся на фронтах. В местной печати стали появляться объявления о прибытии известных прорицателей, люди передавали рассказы о спиритических сеансах, предсказаниях. Во Владикавказе проездом побывала известная французская прорицательница г-жа де Тэб. Она предсказала начало войны; это сделало ее оракулом, которому можно полностью доверять, и к ней на прием приходило множество людей. Она же заявила о том, что война закончится в октябре 1915 г. Ее слова быстро разлетались по всем городам области, и обыватели надеялись, что предсказания сбудутся, «сколько радости было бы повсюду, точно Святое Христово Воскресение было бы для всех» [7, 112].

Большой популярностью пользовались гадания, основанные на магии цифр: их складывали особым образом, выводили год окончания войны. В письме к мужу на фронт Е. Денисова делилась своей радостью от услышанного: «Была вчера у гадалки-персианки. Наговорила мне много, ничего плохого, говорит, что гадание вышло мне очень хорошее. Сказала, что у меня голова с пуд (т.е. много ума), что

через месяц, т.е. в сентябре, закончатся неприятности. Говорит, что тебе три дороги, и мне предстоит длинная дорога, что ты получишь много денег и назначение» [4, 81].

Если магия чисел не помогала, устраивались спиритические сеансы: вызывался «дух известий исторической личности», которому задавали вопросы. Власти предпринимали меры к обузданию увлечения оккультными науками, запрещая газетам печатать разного рода предсказаний о завершении войны [8, 6]. Начальник Терской области в специальном распоряжении также указал на недопустимость распространения ложных слухов и наказание за неисполнение данного предписания.

Мистика принимала все большие размеры, затягивая в свои сети обывателей. Это немедленно отразилось на снижении уровня хотя бы внешнего благочестия: уклонение от посещения храмов, праздничных служб, а также откровенная непочтительность к священнослужителям [9, 18]. Эту тенденцию отмечало и само духовенство. Во многих приходах Терской области происходило охлаждение к Православной церкви, но стали возникать дочерние организации разного рода сектантских вероучений. Об этом красноречиво говорят факты: если в 1904 г. сектантов в Терской области было 40968 человек, то уже в 1915 г. — 51954 [10, 19]. В 1914 г. в некоторых городах Владикавказской епархии официально начали свою миссионерскую деятельность хлысты, молокане и баптисты. Только по г. Георгиевску открыто откололись от православия 46 семей. РПЦ приходилось вести серьезную борьбу с сектантством, т.к. оно расшатывало не только православные догматы, но и государственный строй, верной опорой которого была православная церковь. Одним из основных догматов сектантов признавалась свобода каждого человека и право выбора, особенно это касалось участия в вооруженных конфликтах, ношения оружия и принятия военной присяги [11, 278]. В тяжелых для русской армии условиях, когда требовалось постоянное пополнение военнослужащих, такие проповеди были вредны и недопустимы. Таким образом, в провинциальном обществе усиливались мистические настроения и разного рода суеверия. Это было связано с поражениями русской армии и недостатком правдивой информации, что стало благодатной почвой для разного рода шарлатанов.

Итак, в годы войны сохранилось разнообразие форм свободного времени. Так, посещение общественных садов и парков могло сопровождаться обычным гулянием, созерцанием происходящего, либо участием в предлагаемых культурных мероприятиях. В одних случаях горожанин был пассивным потребителем, в других же становился активным участником, организовывал благотворительные концерты, сбор денег для оказания помощи нуждающимся семьям фронтовиков и т.д.

Досуг в военные годы изменился, в нем появились новые черты. В проводимых концертах, культурных мероприятиях обязательно присутствовали патриотические мотивы. Особенностью этого периода было также сочетание традиционного досуга с общественной деятельностью, направленной на поддержание армии.

В то же время досуг стал тем средством, которое позволяло человеку отвлечься от своих тяжелых дум, являлся естественным выражением потребностей человека в отдыхе и морально-психологическом и физическом восстановлении.

-
1. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп.62. Д. 19.
  2. ЦГА РСО-А. Ф. 17. Оп.1. Д. 15.
  3. Хубулова С.А., Магамадов С.С. Первая мировая война глазами современников (на материалах семейной переписки) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2014. № 3 (24). С. 110-120.
  4. Хубулова С.А. Семейная переписка как исторический источник по Первой мировой войне. //Былые годы. 2014, №33 (3). С. 320-326.
  5. Поршнева О.С., Поршнев С.В. К характеристике менталитета народных масс: революция 1917 г. в фокусе массового сознания // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. М. Чебоксары, 1999.
  6. Аксенов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914-1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации. //Российская история. 2012. № 4. С. 137-145.
  7. Аксенов В.Б. Иррационализация массового сознания обывателей в 1914-1916 гг. как кризис информационной политики земства и государства. //Вестник ТвГУ. Серия «История». 2015. № 1. С. 4-21.
  8. Хубулова С.А. Голубчик мой дорогой. Письма «забытой» войны. Владикавказ, 2014. 70 с.
  9. Храмцова Ю.С. Религиозная жизнь русского населения Терской области (вторая половина XIX — начало XX в.): правовое положение и де-

тельность конфессиональных объединений: автореф. дисс...канд. ист. наук. Пятигорск, 2013. 24 с.

10. Хубулова С. А. Весь мир мой храм: Поликонфессиональный Владикавказ в XX веке. Владикавказ, 2005. 181 с.

11. Гапеева М. С., Хубулова С. А. Городская ментальность Владикавказа в эпоху перемен: (1917-1920) // Научная мысль Кавказа. 2006. № 13. С. 278-285.

А. В. САЛАМБИЕВА,
старший преподаватель ЧГУ
(г. Грозный)

**ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ Г. ГРОЗНЫЙ В НАЧАЛЕ XX В.
(ДЕНЬ БЕЛОГО ЦВЕТКА)**

В статье впервые на материалах региональной печати дается характеристика новой для XX века формы благотворительной помощи городского населения туберкулезно больным согражданам. Предпринята попытка реконструировать инициативы добровольных общественных организаций медицинской направленности; анализируется деятельность местной Лиги борьбы с туберкулезом; показано взаимодействие медицинской общественности с властными структурами и городским социумом в профилактике легочных заболеваний и организации лечения больных.

Ключевые слова: *сострадание; благотворительность; общественная инициатива; белая ромашка.*

In the first article on the materials of the regional press, the new twentieth century form of the charitable help of the urban population tuberculosis sick fellow citizens. An attempt was made to reconstruct the initiatives of voluntary organizations medical orientation; the activities of the local League against tuberculosis; shows the interaction of the medical community with the power structures and urban society in the prevention of lung diseases and treatment of patients.

Keywords: *compassion; charity; community initiative; the white Daisy.*

Цель статьи — изучение такого элемента социокультурной благотворительности начала XX в. как День Белого цветка, являвшегося символом борьбы с туберкулезом. На материалах печати проанализированы инициативы местного населения в организации помощи нуждающимся жителям г. Грозного.

Весной 1882 г. немецкий ученый Э. Кох открыл возбудитель туберкулеза, и с этого времени в Европе стали отмечать Всемирный

день борьбы с туберкулезом. Это было выдающееся открытие, т.к. в Европе ежегодно от туберкулеза погибало примерно 800 тыс. человек. Борьба с чахоткой в России в начале XX в. также была актуальна, т.к. от разных форм туберкулеза в стране ежегодно умирало до 400 тыс. человек. Широкому распространению легочных заболеваний способствовало и плохое бытовое положение большинства населения страны, от частых неурожаев и скверных санитарных условий страдало примерно 70% населения страны, среди них заболеваемость достигла 28%. Чахотка продолжала активно распространяться среди населения. 20 апреля 1910 г. в Санкт-Петербурге состоялось торжественное открытие Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом, которая, следуя опыту западноевропейских стран (в первую очередь Великобритании), объединила все отечественные организации, боровшиеся с этой страшной болезнью (13 ее отделов и 19 медицинских обществ). Новому учреждению с капиталом в 10 тыс. руб. удалось привлечь к своей работе широкие слои общества (изначально до 1 тыс. представителей медицинского совета, профессуры, видных общественных деятелей). Подготовительным этапом к открытию действий Лиги послужила деятельность Русского общества охранения народного здоровья в 1890-е гг., в 1900-х гг. к работе над этим вопросом подключились Пироговские съезды и особая комиссия при Пироговском обществе. Первым заметным практическим шагом в деятельности этих собраний стало строительство специальных санаториев, больниц, кумысолечебниц.

Первое упоминание о Дне белого цветка относится к 1 мая 1908 г., сотни мужчин и женщин Швеции украшали свою одежду целлулоидными цветками белой ромашки — символом «природного антибиотика» ромашки, входившей в состав использовавшихся для лечения туберкулёза средств народной медицины, и одновременно любви, уязвимости и ранимости. Покровительницей больных туберкулезом считалась святая Маргарита, поэтому эмблемой акции стала белая ромашка или маргаритка. Полученные от продажи цветков деньги шли в помощь больным [1, 115].

К началу XX в. во всех крупных населенных пунктах на улицы выходили добровольцы-волонтеры, которые предлагали прохожим ромашки — живые и рукотворные. Каждый желающий мог опустить в кружку ту сумму, которую считал возможной для себя.

В это время в России отмечалась большая заболеваемость чахоткой (или туберкулезом, или бугорчаткой легких), в 62% она являлась причиной летального исхода [2, 46]. Ситуацию усугубляли неурожайные годы в южных районах страны. Конечно, правительство предпринимало меры по обузданию роста многих социальных болезней, в том числе туберкулеза легких. К борьбе была привлечена российская общественность.

Вслед за другими странами в апреле 1910 г. в России оформилась Всероссийская лига борьбы с туберкулезом. Решено было каждый год 20 апреля проводить праздник белого цветка под патронажем членов царской семьи. Членами лиги стали свыше 1000 медиков, видные российские общественные деятели [3, 2]. Через два года в два раза увеличилась численность дочерних отделений Лиги, появились они и в провинции. Наряду с оказанием медицинской помощи нуждающимся члены Лиги проводили общественные мероприятия в пользу чахоточных больных. Одной из таких массовых акций стал День Белого цветка. Программа праздника обычно формировалась из двух частей: сбор пожертвований в пользу чахоточных и широкая просветительская работа среди населения. В последней принимали участие известные ученые, медики, которые выступали с циклами лекций по профилактике туберкулеза, разъясняли слушателям, как уберечься от этого коварного заболевания. Акция получила широкую поддержку в прессе. Весенние номера газет «Терские ведомости», «Терская жизнь», «Терец» 1912-1914 г. пестрели заметками о подготовке и проведении Дня белой ромашки во всех городах Терской области.

Первый раз этот многолюдный праздник отмечался 20 апреля 1911 г. Во многих городах страны была организована благотворительная торговля в пользу нуждающихся. На площадях, улицах, в магазинах, трамваях, учреждениях были расклеены 1000 плакатов, розданы 22000 плакатов-летучек и 100000 листов, в которых содержались сведения о причинах туберкулёза, мерах его предупреждения. В Петербурге с 19 апреля (2 мая по новому стилю) по 1 мая были прочитаны лекции в 40 учебных заведениях. Просветительских листов было роздано 30000.

Для поддержания деятельности Лиги борьбы с туберкулезом нужны были немалые средства. В День Белого цветка организовали

массовую продажу ромашек, ставших эмблемой борьбы с туберкулезом. За один день на нужды Общества в двух столицах было собрано около 15 тыс. руб. Благодаря общественной инициативе в Петербурге был построен первый в стране детский туберкулезный санаторий, открыт санаторий-профилакторий для взрослых [4, 3]. Так, в Ялте, где отдыхала августейшая семья, дочери и сестры императора продавали собственные поделки, а вырученные деньги передали в фонд Лиги.

На Кавказе инициатива была подхвачена Кавказским обществом борьбы с туберкулезом. В начале марта 1912 г. председательница общества княгиня М. Туманова обратилась в Терское областное правление с предложением устроить в Терской области День Белого цветка. Несмотря на сжатые сроки, праздник был хорошо подготовлен и прошел на подъеме. В результате благотворительных акций удалось собрать около 3000 руб. только по г. Владикавказу.

Не остались в стороне и другие города области. В начале XX в. г. Грозный представлял собой второй по величине город Терской области с населением в 47,5 тыс. человек [5, 16]. Этнический и социальный состав города был весьма разнообразным, т.к. Грозный являлся развитым промышленным центром страны, специализировавшимся, прежде всего, на нефтедобыче и переработке нефтепродуктов. Рабочие, занятые в промышленности, вербовались не только из местного населения, но также из иногородних.

Терская область отличалась от некоторых регионов довольно высокой степенью урбанизации, связанной с интенсивным развитием капиталистического производства. Но санитарно-гигиеническое состояние не соответствовало городскому образу жизни. В городах отмечался высокий уровень смертности, прежде всего связанный с антисанитарными условиями проживания большинства горожан. Не стал исключением и г. Грозный. В городе наблюдается высокая легочная заболеваемость в виде бронхитов, воспаления легких, туберкулеза.

В 1912 г. этот праздник впервые стал отмечаться в г. Грозном. Вслед за областной столицей в Грозном группа врачей и представители местной интеллигенции решили устроить День Белого цветка в пользу Лиги борьбы с туберкулезом. Для этого был избран комитет во главе с городским головой В.П. Чернявским. В состав коми-

тета вошли заместитель председателя городской управы, врачи М. И. Шандров, С. И. Прохоров, И. А. Израев, С. М. Швецов, гласные городской думы В. Н. Муратов, В. С. Васильев. После долгих согласований в мае 1914 г. был принят устав Грозненской Лиги, утвержденный начальником Терской области [6, 4]. На открытии присутствовали 20 членов-учредителей. Капитал Лиги состоял из собранных в том году пожертвований в размере 11005 руб., а также благотворительных лекций местных врачей, прочитанных в зале городской управы, и спектакля, данного силами активистов движения за оказание помощи туберкулезно больным.

Общество стремилось вовлечь в свои ряды как можно больше горожан. С этой целью уже на следующем заседании был принят текст обращения, а также подготовлен тираж листовок с приглашением вступить в Лигу.

Программа деятельности местной Лиги была направлена на профилактику туберкулеза и других легочных болезней, а также на оказание помощи больным. Действительные члены должны были платить взнос в размере 1.5 руб., вступительный взнос для рядовых членов составлял 50 коп. [7, 4].

С разрешения начальника Терской области С. Флейшера 21 июля в день Ильи Пророка был назначен праздник.

21 июля 1912 г. местной Лигой борьбы с туберкулезом была проведена благотворительная акция. На улицы города в назначенное время вышла группа молодежи — волонтеров Лиги, снабженных опечатанными кружками, они раздавали прохожим букетики ромашек и принимали пожертвования. В кафедральном соборе города прошло торжественное богослужение. Объявленный здесь же тарелочный сбор составил 150 руб. По окончании праздника «на станцию Беслан для отправки в Москву было доставлено 15 кружек на сумму 1160 руб. [8, 3]. Как отмечали современники, это был внушительная сумма для молодого праздника.

В мае 1913 г. по улицам города вновь ходили волонтеры и предлагали букетики белых искусственных цветов. И в этот раз население охотно покупало их, а когда закончились заготовленные цветы, в ход пошли живые ромашки. Праздник начался с торжественного богослужения в кафедральном Соборе, затем в городском саду играл военный оркестр. На Трэке, а также бульваре устраивались

массовые гуляния, в кинотеатрах показывали научно-популярные фильмы.

Город был красочно украшен разнообразными цветами, даже капоты немногочисленных автомобилей венчали молодые деревца и еловые ветки — зеленью, так необходимой для борьбы с легочными болезнями. Везде публике предлагали ромашки.

В акции принимали участие все слои города. Для представителей высшего сословия считалось хорошим тоном участвовать в подобных благотворительных мероприятиях. Они делали значительные пожертвования. Наряду с ними, как явствует из отчета местной Лиги, жертвователями были и представители среднего класса, а также малоимущие. Например, учащиеся городской гимназии внесли 3 рубля 30 коп., мещанин Полуцкий — 1 руб. 20 коп. и т.д. [9, 3].

В последующие годы День Белого цветка стал одним из многоялюдных праздников, отсюда и возросшие сборы. Так, в 1914 г. в Центральную Лигу было отослано 11811 руб. [10, 3]. Такой успех акции привел ее вдохновителей к идее не перечислять собранные деньги в головную организацию, а использовать их на местные нужды. Газ. «Терский край», подводя итоги празднования Дня Белого цветка, отмечала: «Ввиду того, что число туберкулезных больных в Терской области, особенно среди городского населения, весьма значительно, а в области не существует ни одного специального лечебного заведения для них и что многие местности области по своим климатическим условиям вполне пригодны для устройства санаторий для туберкулезно больных, Начальником области возбуждено перед Наместником на Кавказе ходатайство о разрешении все деньги, как собранные в настоящем году, в сумме 11811 руб. 6 коп, так и собираемые впредь в день праздника Белого цветка употребить на нужды местных туберкулезных больных» [11, 3].

Из сиюминутного порыва День Белого цветка должен был перерасти в хорошо спланированное мероприятие. Прежде всего, требовалось анонсировать праздник. С этой целью на людных улицах, в общественных местах развешивались плакаты, людям раздавали листовки с разъяснением основных задач Лиги, с приглашением на благотворительные акции: «Господа, жертвуйте в День Белого цветка на борьбу с туберкулезом. Раскошесьте, господа, не скупитесь.

На собранные деньги будут куплены лекарства, наняты врачи, построены санатории...» [12, 4].

Затем следовало подготовить большое количество искусственных ромашек, а также иметь запас живых цветов. Появились специализированные фирмы, которые занимались изготовлением целлюлозных цветов. Самой модной считалась фирма «Мориц Филипп» в Москве [12, 4]. Она принимала заказы на ромашки по всей стране. В 1913 г. к услугам этой фирмы обратилась Грозненская Лига, было заказано 15 тыс. цветков.

Накануне празднования Дня Белой ромашки в здании городской управы врачи М. И. Шандров и С. И. Прохоров прочли лекции с использованием «туманных картинок» для публики. На следующий вечер в том же помещении был дан любительский спектакль, средства от него пошли в фонд Лиги. Сыгранный спектакль принес 26 руб. В ходе самого празднования Дня Белого цветка было собрано около 900 руб. [13, 3-9].

В 1914 г. Лига, стремясь расширить свою деятельность, решила организовать выставки, посвященные противотуберкулезным мероприятиям, а также демонстрацией диапозитивов, подготовленных Центральной Лигой борьбы с туберкулезом. В годы войны деятельность Лиги не угасла, наоборот, в связи с увеличением количества туберкулезно больных солдат, беженцев, пленных, члены Лиги активизировали свою работу. Часть вырученных денег передавалась на лечение военнослужащих, инфицированных детей. Лига столкнулась с тем, что в тяжелые военные годы резко подорожали услуги цветочных фирм, искусственных цветов стало остро не хватать. Поэтому в городе получила распространение своего рода благотворительная акция, когда во время Дня Белого цветка счастливицы, купившие ромашку, возвращали ее продавщице с тем, чтобы цветок мог купить еще кто-то.

День Белого цветка вызывал к жизни другие формы «цветочной» благотворительности: «незабудки», «эдельвейса» и др. В условиях военного времени общественная благотворительность сыграла неоценимую роль в поддержании здоровья малоимущих граждан, а также военнослужащих русской армии. Проведение праздника Белого Цветка вызвало к жизни целый ряд других подобных благотворительных дней: «синего цветка», «незабудки» и т.д. Общественная

помощь и желание посильным участием поддержать нуждающихся к началу XX в. настолько окрепла в российском обществе, что вся деятельность по формированию общественных объединений разного характера была направлена на высокие гуманные благотворительные цели.

В годы революции и гражданской войны общественная инициатива не имела продолжения, День Белого цветка перестал отмечаться. И все же следует сказать, что общественная инициатива помощи туберкулезно больным имела большое значение.

-
1. Иванов Н. «Белый цветок» распускается в мае // Звезда. 1997. 10 мая.
  2. Кошечкин В. А., Иванова, з.а. туберкулез: учебное пособие. М.: Гэотар-медиа, 2007. 318 с.
  3. Р. В. Лига борьбы с туберкулезом // Голос углецианина. 1910. 2 мая.
  4. Терский край, 1911, 17 июня.
  5. Терский календарь на 1915 год. Владикавказ, 1914.
  6. Терская жизнь, 1913, 3 сентября.
  7. Грозненские новости, 1911, 23 июля.
  8. Терское эхо, 1912, 25 июля.
  9. Терский край, 1913, 26 июля.
  10. Терский край, 1913, 2 августа.
  11. ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. оп. 52. д. 1009. л.8.
  12. Терский край, 1917, 2 августа.
  13. Ерохина С. В. День белого цветка как форма социально-культурной благотворительности малого провинциального города в начале XX в. (на примере г. Мологи Ярославской губернии) // Вестник тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Выпуск № 11 (127).

Л. Б. САЛИХОВА,
к.и.н. ИИАЭ ДНЦ РАН
(г. Махачкала)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

В статье дан обзор социально-экономического положения в Дагестане в первой четверти XX в. Уделено внимание таким вопросам как развитие сельского хозяйства в изучаемый период, рассмотрены дополнительные источники существования населения Дагестанской области: кустарные промыслы и отходничество. Отмечено проникновение в экономику области товарно-денежных отношений ускоривших процесс разложения крестьянства и способствовавших формированию буржуазного землевладения и т.д.

Ключевые слова: *Дагестанская область, сельское хозяйство, животноводство, кустарные промыслы, отходничество, крестьяне, землевладение, фабрично-заводская промышленность.*

The article gives an overview of the socio-economic situation in Dagestan in the first quarter of XX century. Attention is paid to such issues as the development of agriculture in the given period, additional sources of existence for the population of the Dagestan region are considered: homecraft and seasonal work. It is noted the penetration into the region's economy of commodity-money relations accelerated the process of the disintegration of the peasantry and contributed to the formation of bourgeois land ownership, etc.

Keywords: *Dagestan region, agriculture, animal breeding, homecraft, seasonal work, peasants, land ownership, factory industry.*

В начале XX в. в Дагестанскую область входило 3 города, 1408 населенных пунктов (селений, отселков и т.п.). К городам относились: Темир-Хан-Шура — областной город, Дербент с пригородным селением Сабнова и портовой город Петровск, все три города находились в ведомстве Министерства внутренних дел. Вся остальная область была разделена на девять округов: Аварский, Андийский,

Гунибский, Даргинский, Казикумухский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Самурский и Темир-Хан-Шуринский, они находились в военно-народном управлении. Города области не входили в состав округов, они находились в гражданском управлении [1, 60, 222, 223; 2, 42].

В последующем в структуре области существенных изменений не произошло, наблюдались небольшие изменения в структурах сельского управления, а именно создание новых сельских обществ, передача их из одних административных участков в другие. «Осуществленное царскими властями в середине 60-х годов XX в. административно-территориальное деление Дагестанской области на округа сохранялось вплоть до 1929 года, т.е. до перехода на районную систему управления» [3, 176].

В начале XX в. население Дагестанской области в основном располагалось в сельской местности. Согласно данным за 1903 г. в сельской местности, в общем, проживало 602,3 тыс. человек. А в трех городах области — 47,5 тыс. человек, к 1 января 1913 г. население городов возросло до 71848 человек, а население 9 округов до 621601 человек. Население всей области в этот период, включая войска, достигло 693449 человек. Рост городского населения был выше по отношению к росту населения области, что было связано с превращением городов в торгово-промышленные центры. В этнографическом отношении состав населения Дагестанской области был очень пестрым [4, 5, 7; 5, 34; 6, 6].

«Дагестан становится одной из окраин России, куда направлялась переселенческая волна из центральных губерний империи. В начале XX в. здесь насчитывалось около 30 тыс. русского населения, не считая жителей Хасавюртовского округа и Кизлярского отдела, входивших в состав Терской области» [4, 5].

В начале XX в. происходит и изменение социального состава населения. По данным за 1903 г., к привилегированным сословиям (представителям дворянского сословия, духовенству, потомственным и личным почетным гражданам, к купцам в городах) обоего пола в Дагестанской области относилось 5129 человек. К сословию мещан в городах было отнесено 25,8 тыс. человек. Более 570 тыс. сельских жителей рассматривались как государственные крестьяне и более 70 тыс. человек как зависимые крестьяне. «Помимо иму-

щественого, сохранялось социальное неравенство. ... Наметился процесс разложения крестьянства. Из него выделялись пролетарии и полупролетарии» [4, 7].

Что касается экономики Дагестана, то здесь ведущее место занимало сельское хозяйство, в котором было занято около 94% коренного населения. Пригодной для ведения сельского хозяйства земля в основном приходилась на пастбища, выгоны и леса. ¼ часть использовалась под пашни, сады и виноградники. Более 60% всех пашен и пастбищ находилось в равнинной части.

В начале XX в. в сельском хозяйстве происходят следующие изменения, расширяется площадь орошаемых земель, улучшается техническое оснащение сельскохозяйственного производства. Земли, находившиеся под разными угодьями в 1913 г., выросли более чем на 80 тыс. десятин по сравнению с 1907 г. За это время повысилась урожайность и ассортимент сельскохозяйственных культур. Широкое применение получили усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и даже машины, начиная с 80-90-х гг. XIX в. и особенно после прокладки железной дороги. В основном они внедрялись на плоскости, в селениях, находившихся неподалеку от железной дороги, в зажиточных хозяйствах. «В 1910 г. в Дагестане (Хасавюртовском округе) имелось свыше 104,8 тыс. сельскохозяйственных орудий» [4, 8; 7, 265, 266]. Остальная часть населения области использовала примитивные орудия производства.

В начале XX в. происходит процесс роста площадей под фруктовыми садами и виноградниками. В 1908 г. виноградниками было занято 3087 десятин, а в 1911 г. — 4500. Развитие виноградарства было связано со строительством железной дороги, способствовавшей росту товарности виноградарства.

Животноводство было характерно для нагорной части Дагестана. Если на плоскости и в предгорной части в основном занимались земледелием и разведением крупного рогатого скота, то в нагорной — овцеводством, земледелием и садоводством. Недостаток пастбищных и сенокосных участков во многих горных селениях и округах привел к тому, что скотоводство носило отгонный характер. «Крупные скотовладельцы арендовали летние и зимние пастбища на плоскости и в горах, а мелкие крестьянские хозяйства объединялись для этой цели» [4, 9, 10; 7, 266]. Хотя, животноводство не имело

условий для широкого развития, тем не менее, в начале XX в. наблюдался его рост с 2 млн. 16 тыс. в 1899 г. до 2 млн. 594 тыс. голов в 1903 г. В области животноводства имели место и отдельные нововведения: производились опыты по рациональному кормлению скота, велась работа по улучшению племенного состава скота, создавалась ветеринарная служба.

На развитие сельского хозяйства области оказало влияние и переселение людей из русских и украинских губерний, от которых местное население переняло передовые культурные навыки полеводства, садоводства, огородничества и т.д. [8, 13; 7, 266, 267]

Для населения Дагестанской области дополнительным источником к существованию были кустарные промыслы и отходничество. Кустарное производство не получило широкого распространения в плоскостной части Дагестана как в предгорных и горных районах. «Исторические условия, высокая плотность населения, скудная природа, малоземелье, малопродуктивное сельское хозяйство — все это вызвало широкое развитие промысловой деятельности в Дагестане» [9, 132]. В 1915 г. кустарным производством занималось 132,5 тыс. человек, однако большинство все еще было связано с сельским хозяйством. С включением Дагестана в общероссийский торговый оборот происходит падение местной кустарной промышленности. Сукна московских фабрик, начали вытеснять продукцию местных производителей. Хотя в конце XIX — начале XX в. несмотря на то, что в Дагестане появлялось все больше фабрично-заводской продукции, конкурировавшей с изделиями местных кустарей, они не были полностью вытеснены с рынка. В 1915 г. кустарями было заработано 6,4 млн. руб. [9, 145; 10, 22]

Иным источником существования населения области было отходничество. Причинами внутреннего характера являлись бедность населения, малоземелье, скудная растительность, аграрная перенаселенность и т.д. На рубеже XIX и XX веков происходит рост отходничества в связи с внешними факторами, а именно проникновение капиталистических отношений в Дагестан. «... были созданы такие мощные центры современного производства, как Юг России, Грозненский, Бакинский нефтяные районы и т.д., которые поглощали поступающую извне рабочую силу, в том числе и дагестанских отходников. Возросла роль денег в жизни дагестанского

крестьянства. Необходимо было платить налоги, делать покупки и т.д. Отходничество давало возможность заработать деньги» [9, 146].

Количество отходников в 1913 г. в Дагестане достигло 93 тыс. человек. Больше всего отходников было из Самурского округа, расположенного ближе всего к Баку мощному промышленному центру. Здесь на нефтяных промыслах, на хозяйствах закавказских помещиков, находили себе работу выходцы из Южного Дагестана [4, 268].

Количество отходников в неурожайные годы обычно увеличивалось. Однако Г.Г. Османов отмечал «при повышении спроса и росте цен на рабочие руки в районах выхода, ..., число уходящих за пределы округа и области резко сокращалось». Примером служит тот факт, что «с началом первой мировой войны было мобилизовано значительное число мужчин, особенно на равнине, в земледельческих районах. В связи с этим, внутри области увеличился спрос на рабочую силу, выросли цены на рабочие руки. На этой почве уменьшилось и число отходников» [11, 116].

Само по себе отходничество явилось прогрессивным явлением, оно способствовало связи населения области через отходников с окружающим миром, втягиванию горцев в промышленную, общественную и политическую жизнь страны [9, 147, 153].

В 1913 г. в Дагестанской области были ликвидированы зависимые отношения крестьян-раятов от беков, в этой связи следует отметить, что с решением этого вопроса царское правительство не торопилось. Оно считало крестьян Дагестана казенными, затягивало проведение данной реформы, не желая ущемить интересы местных феодалов, в которых видело социальную опору своей власти.

Лишь нарастание социальных противоречий в годы первой русской революции (1905-1907 гг.) способствовало принятию мер царскими властями по решению вопроса о ликвидации зависимости крестьян от беков [8, 16].

Закон «О прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам» был издан лишь 7 июля 1913 г. Согласно этому закону, а также приложенным к нему Правилам в первой статье указывалось, что с 1 января 1913 г. «все зависимые поселяне Дагестанской области всех разрядов (раяты, уздени, кешкелеплательщики) ... освобождаются

от всех отбываемых ими в пользу беков и кешкелевладельцев повинностей» [12, 5; 13, 3].

В результате реформы 1913 г. в Дагестанской области было освобождено 70 тыс. крестьян 98 селений, а именно 13026 дымов от податей и повинностей в пользу беков. Однако реформа 1913 г. не коснулась земельного устройства, главный вопрос — о земле не был решен. Проект положения, внесенный в IV Государственную думу, о закреплении земли за крестьянами, находившихся в их фактическом пользовании, не был утвержден. Беки оставались юридическими собственниками земель, которыми пользовались крестьяне [14, 3; 12, 5; 7, 270, 271]. Это послужило почвой для сохранения социальной напряженности. Хотя Г. Г. Османов, ссылаясь на архивные данные, писал, что после ликвидации феодальной зависимости за крестьянами было закреплено 125252 дес. бывшей бекской земли.

Согласно данным Г. Г. Османова (за 1905 г.) о распределении 380322 десятин земли между различными сословиями, собственниками земли являлись дворяне, которые сосредоточили в своих руках свыше $\frac{2}{3}$ всей частновладельческой земли. Из 273051 дес. дворянской земли 127151 дес. пользовались раяты, а остальные 145900 дес. находилось в личном распоряжении самих владельцев [11, 42, 43, 131-132]. Отсутствие земли у основной массы дагестанского крестьянства, или ее наличие в мизерных размерах вынуждало местное крестьянство арендовать землю у крупных собственников. Крестьяне влачили полуголодное существование [8, 9].

Проникновение в экономику области товарно-денежных отношений ускорило процесс разложения крестьянства и способствовало формированию буржуазного землевладения. «Феодальные формы землевладения постоянно сокращались, росло бессловное землевладение. Часть феодальной земли переходила в руки сельской буржуазии, торговцев, обогатившихся крестьян-раятов» [15, 37]. «Многие беки закладывали свои земли под ссуды банкам и частным лицам» [7, 269]. Подобные процессы, происходившие в общественно-экономической жизни области, являлись свидетельством усиления классового расслоения в ауле, превращения земли в предмет свободного товарного обращения и развития товарно-денежных отношений [15, 37].

Согласно выборочным данным сельскохозяйственной переписи 1916-1917 гг., «около 10% всех зажиточных хозяйств области сосредоточили в своих руках примерно столько же земли, сколько ее имели 90% малоземельных крестьянских хозяйств. К 1917 г. 64,6% дворянских земель перешло к новым хозяевам. Это было не чем иным, как исчезновением сословной и утверждением буржуазной собственности на землю» [4, 11].

Относительно животноводства отметим, что и здесь наблюдался социально-экономический раскол крестьянских хозяйств во владении скотом. В Дагестане 11-12% крестьянских хозяйств даже в скотоводческих аулах не имело крупного рогатого скота, 60-65% не имели овец, в то время как на 2,9% крестьянских хозяйств приходилось более 100 и выше овец [16, 392].

По сведениям Б.Б. Булатова представленным им на основе подсчетов по данным военно-конской переписи «в 1903 г. в Дагестане лошадей не было у 75% всех дворов, а в 1912 г. в земледельческом Хасавюртовском округе они отсутствовали у 68,9% хозяйств. В число безлошадных входили не только беднейшие слои крестьянства, ..., но и те кто занимался мелкой торговлей, кустарным промыслом.

В то же время 2% хозяйств имели 4 и более лошадей. Эти данные подтверждают то, что шел процесс имущественного расслоения крестьян, увеличения неравенства среди населения, вызванный развитием капиталистических отношений в области» [15, 50].

Данные сведения могут быть подтверждены примерами из разных округов области. «В 1907 году податный инспектор Кюринского округа писал, что в селениях «овцеводство находится в руках нескольких богатых кулаков, которые скупают как зимние, так и летние выпасы и часто в таком количестве, что перепродают их другим не без выгоды для себя» [17, 242]. Усиление процесса сосредоточения скота в руках сельской буржуазии видно и на примере Самурского округа, к 1917 г. по неполным данным там «насчитывалось 40 хозяйств, имевших по тысяче и более голов мелкого рогатого скота» [17, 242].

Социально-экономическое положение в Дагестане отображала и фабрично-заводская промышленность, которая в начале XX в. была представлена мелкими предприятиями. По официальной статистике к фабрикам и заводам причислялись различные

ремесленные мастерские, винодельни, мыловарни, известковые печи, мелкие цеха по изготовлению различных безалкогольных напитков, кондитерских изделий с несколькими работниками. Со строительством железной дороги, сооружением морского порта в Петровске, за счет капиталовложений русских и иностранных предпринимателей произошли изменения в экономике области. Получили развитие города, вырос товароборот между горной и плоскостной частями области, между Дагестаном и другими регионами Кавказа и страны.

До 1910 г. в промышленности России продолжался кризис (после поражения революции 1905-1907 гг.), подобное состояние в экономике страны в целом оказало влияние и на состояние промышленных заведений области, которым также сопутствовал кризис и депрессия.

Фабрика «Каспийская мануфактура» (самое крупное промышленное предприятие области) была закрыта до 1911 г. С подъемом в экономике России в 1910 г., происходят изменения и в промышленности Дагестана. Была вновь открыта ткацкая фабрика в Петровске, приступил к работе действующий гвоздильный завод, фабрика стальных канатов и жестяных банок и др. К 1912 г. число промышленных предприятий выросло.

Строительство железной дороги дало толчок к мощному развитию рыбной отрасли, она приобрела промышленный характер и заняла важное место в экономике Дагестана. С начала 90-х гг. XIX в. до 1915 г. добыча рыбы составила около 35 млн. пудов. Дербент и Петровск стали крупными центрами рыбной промышленности и торговли рыбной продукцией. Потребность в обработке рыбы способствовала открытию нескольких десятков мелких перерабатывающих предприятий рыбной промышленности, наряду с крупными. Хотя постепенно шел процесс вытеснения мелких промышленников крупными фирмами. Если в 1912 г. в области было 66 промыслов при 36 арендаторах рыбных участков, то в 1914 г. их количество увеличилось до 68, а число арендаторов снизилось до 8.

К началу Первой мировой войны все рыбные промыслы и перерабатывающая промышленность были сконцентрированы между двумя обществами «Рыбак» и бакинского миллионера Тагиева. На

этих фирмах в весеннюю пору работало до 15-16 тыс. рабочих, в том числе свыше 4,5 тыс. человек из народностей Дагестана.

К началу 1917 г. фабрично-заводская промышленность была представлена пищевой, легкой, строительных материалов, деревообрабатывающей отраслями. Они характеризовались низким уровнем развития и были сосредоточены в основном в городах [4, 17, 18; 15, 65, 66, 67; 18, 390-391].

В развитии фабрично-заводской промышленности прикаспийской зоны большую роль играл капитал русских и иностранных предпринимателей.

---

1. Административно-территориальное деление Дагестанской области (1860-1921 гг.). Сборник документов и материалов. Махачкала, 2011.

2. Республика Дагестан: Административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в. — 90-е годы XX в.) (статистический справочник). Махачкала, 2001.

3. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009.

4. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т. 2. Махачкала, 2005.

5. Булатов Б.Б. Проблемы социально-экономического и социально-культурного развития Дагестана (80-е годы XIX — 30-е годы XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 1997.

6. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее — ЦГА РД). Ф. 2. Оп. 2. Д. 69 г.

7. История Дагестана. Т. II. М., 1968.

8. Мирзабеков М.Я. Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX — 30-е годы XX в.). Махачкала, 2010.

9. Далгат Э.М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX-XX вв. Проблемы социально-экономического развития. Махачкала, 2000.

10. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 72а.

11. Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.

12. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 216.

13. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 6. Д. 28а.

14. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21а.

15. Булатов Б.Б. Дагестан на рубеже XIX-XX вв. Махачкала, 1996.

16. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.
17. Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.
18. Очерки истории Дагестана. Ч. I. Махачкала, 1950.

Х. В. ТЕДЕЕВ,
аспирант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(Южная Осетия, г. Цхинвал)

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Проанализированы основные тенденции развития промышленности Южной Осетии в довоенный период. Определены исходные задачи данного процесса, на основе статистических данных сделаны выводы о его результатах. Констатируется, что процесс индустриализации не затронул юго-осетинский регион СССР, вследствие чего его следует рассматривать в качестве одного из наиболее отсталых, социально-экономический уклад в котором основывался на традиционных формах аграрного производства. Данное обстоятельство было вызвано как объективными обстоятельствами, так и субъективными факторами.

Ключевые слова — промышленное развитие, индустриализация, тресты, обрабатывающая промышленность, сырьевая база.

The main trends of industry development of South Ossetia in the pre-war period. Define the initial objectives of the process, based on statistical data conclusions are made about the results. It is stated that the process of industrialization has not affected the South Ossetian region of the USSR, and therefore should be considered as one of the most backward socio-economic structure which was based on traditional forms of agricultural production. This was caused by objective circumstances and subjective factors.

Keywords: industrial development, industrialization, trusts, manufacturing, raw materials.

Историческая наука на современном этапе получила дополнительный импульс для своего развития благодаря, в первую очередь, ликвидации идеологических барьеров. Вследствие чего, происходит ревизия устоявшихся оценок и подходов к анализу ключевых событий и процессов, результатом которой становится утверждение более объективных, научно-обоснованных представлений. Одновременно создаются предпосылки для реализации откровенно

фальсификаторски-конъюнктурных оценок, призванных нанести ущерб российскому обществу.

В связи с этим в настоящее время возрастает актуальность осуществления подлинно научных исследований ключевых явлений отечественного исторического процесса. Одним из них, несомненно, является индустриализация.

Очевидно, что процесс создания крупной промышленности имел важнейшее значение в контексте сохранения отечественной государственности и обеспечения ее конкурентоспособности на международной арене. Несмотря на то, что к настоящему времени накоплен большой массив исследовательской литературы, посвященной анализу развития отечественной промышленности в довоенный период, в рамках которой реализованы разнообразные и часто противоречащие друг другу оценки и мнения, некоторые аспекты осуществления процесса индустриализации требуют своего дальнейшего изучения.

В первую очередь, это касается анализа становления промышленности в отдельных регионах Советского Союза. В связи с этим задача данной статьи — анализ состояния и тенденций промышленного развития Южной Осетии в довоенный период. Хронологические рамки настоящего исследования определяются началом оформления промышленности и становлением первых предприятий в регионе и завершаются началом Великой Отечественной войны. Как известно, именно в данный период процесс индустриализации в масштабах всей страны в общем завершился.

Переходя к рассмотрению проблемы, необходимо, в первую очередь, отметить, что Южная Осетия с момента вхождения данного региона в состав российского государства традиционно относился к числу наиболее отсталых регионов. В связи со сложным географическим положением (преобладанием гористой местности) в Южной Осетии не было ни развитого сельского хозяйства, ни, естественно, промышленных предприятий. Другими словами, следует констатировать, что вплоть до утверждения советской власти на данной территории господствовал полуфеодальный социально-экономический уклад.

Данный вывод подтверждает тот факт, что в Южной Осетии лишь после первой русской революции стали появляться первые мелкие

кустарные предприятия ремесленного типа, сосредоточенные в основном в Цхинвали и Ахалгори. В 1904 году в регионе насчитывалось 157 ремесленников с 40 учениками, представленными хлебопекарями, булочниками, шапочниками, портными, сапожниками, столярами, плотниками и другими специальностями [10, 77].

Таким образом, справедлив вывод о том, что к моменту установления советской власти промышленное производство на территории будущей Юго-Осетинской автономии, как отрасль, отсутствовало и проявлялось, как уже отмечалось, в кустарном характере деятельности небольших мастерских, продукция которых предназначалась для удовлетворения потребностей местного населения [10, 78].

Новый этап в истории региона ознаменовало его вхождение в результате реализации большевистской доктрины «национально-государственного строительства» в состав Грузинской ССР в 1922 г.

Данный факт при всех его очевидных негативных аспектах, связанных, в первую очередь, с не учётом этно-политических факторов (взаимоотношений осетинского и грузинского народов) имел важное положительное значение, поскольку, как представляется, означал «включение региона в цивилизацию». Как отмечает Б. В. Техов, именно с этого времени «молодой автономной области пришлось решать задачи, направленные на подъем экономического и культурного строительства, на создание многоотраслевого народнохозяйственного комплекса» [9, 125], определяемые партийным руководством. Иными словами, промышленность в Южной Осетии начала формироваться исключительно под влиянием партийных решений. При этом базовой признавалась концепция сырьевой ориентации будущей промышленности региона.

Так, в 1922 г. Центральный исполнительный комитет Юго-Осетии обратился в Академию наук СССР за помощью в деле изучения местных недр. Академия Наук СССР направила в Юго-Осетию комплексную научную экспедицию под руководством академика Левингсон-Лессинга и Флоринского. Так было начато изучение недр Юго-Осетии [8, 31]. Вывод участников экспедиции о том, что «нет никакого сомнения, что область представляет значительный интерес по крайнему разнообразию имеющихся в ее недрах ископаемых»

[1], явился основанием для продолжения такой практики.

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. в регионе было проведено несколько геологоразведок, результатом которых стало обнаружение месторождений различных стратегически важных ресурсов, а именно — свинцово-цинковых руд в Кударо и мышьяка в Ацрисхеви, туфа — около Цхинвала, мрамора, серпентинита и нефритообразной породы в — Знаурском районе, мрамора, литографского камня и озокерита — в Ленингорском районе, точильного камня — Джаве [5, 28].

Дальнейшие геологические исследования обнаружили на территории Южной Осетии богатые месторождения свинца, цинка, никеля, меди, ртути, железа, нефти, а также много нерудных ископаемых: барита, талька, мрамора, серпантина и разнообразных строительных материалов: туфа, гранита, андезита, извести, цемента, а также более разнообразных минеральных источников

Руководствуясь полученными результатами, в начале 1930 — х гг. в ходе инспектирования Южной Осетии советским ученым академиком А. Е. Ферсманом была окончательно определена ориентация будущего промышленного кластера региона, основу которого должны были составить следующие отрасли промышленного производства: керамическая и изоляторная, промышленность строительных материалов, производство дорожных материалов, декоративных материалов, химическая и прочие виды промышленности. Эти предложения нашли свое отражение в предварительном плане развития промышленности во вторую пятилетку [5, 17-18].

Исторически первым видом промышленного производства, созданного на территории Южной Осетии в советский период, стала лесная промышленность. Первоначально она включила в себя Сталинский лесокомбинат, Чурисхевский лесозавод и фабрику гнутой мебели.

Следует отметить, что фактически с момента начала формирования региональной промышленности возникла серьезная проблема, связанная с недостаточным финансированием данного процесса. В 1926 г. декабрьский Пленум ЦК КП (б) Грузии вынужден был констатировать: «Если взвесить на весах, какие достижения имеются в Осетии, то нам придется стыдиться». На Пленуме было отмечено, что в 1925–1926 гг. по Грузии на душу населения прихо-

дилось по бюджету 9,3 руб., в Абхазии — 5 руб., в Аджарии — 7,3 рубля, а в Южной Осетии — 4,2 руб. Намечая программу экономического возрождения Южной Осетии, Пленум выдвинул лозунг «Лицом к Осетии!». Казалось бы, что после столь самокритичной констатации фактов руководство Грузии должно было вплотную заняться проблемами экономического развития Южной Осетии, искоренив дифференцированный подход к решению проблем развития национальных меньшинств Грузии, но этого не произошло. Июльский Пленум ЦК КП (б) Грузии в 1928 г. вновь констатировал, что по Юго-Осетии на душу населения отпускается 9 руб. 20 коп., а по Грузии без Тифлиса — по 15 руб. Ситуация не улучшилась и в последующем. К примеру, в 1934 г. на развитие местной промышленности было выделено всего 350000 руб. О поднятии и развитии промышленности не могло быть и речи, тогда как сам председатель СНК Грузии Мгалоблишвили требовал передачу ЦИКу Юго-Осетии Чурисхевского и Цхинвальского лесопильных заводов, как не имеющих ни союзного, ни республиканского значения [8, 32]. В условиях отсутствия достаточного финансирования партийные организации традиционно уповали на фактор идейного стимулирования рабочих области, иначе говоря, на стахановское движение. Данному вопросу было посвящено обращение Юго-Осетинского обкома КП (б) Грузии 1930 г., в котором заявлялся лозунг: «Повышая активность рабочих масс, быстрым темпом развернем промышленность области» [4].

Прямым следствием недостаточной финансовой поддержки промышленности региона стало чрезвычайно малое число построенных предприятий. Перечислим некоторые из них. Из Тбилиси в Цхинвали был перевезен национализированный лесопильный завод, который был сдан в эксплуатацию в начале 1923 года. Это было небольшое предприятие с 19 рабочими. В этот же период в области приступили к строительству кирпичных заводов в Цхинвали и Кехви, начавших уже летом этого же давать первую продукцию. В селах Мсхлеб и Кехви началось строительство известковых заводов, а в селе Курта — черепичного. Заводы эти были маленькие, производственный процесс в них осуществлялся вручную. Обжиг кирпича происходил в начальных печах с низкой производительностью труда и большим процентом брака [10, 80].

Относительно крупные предприятия появились в Южной Осетии лишь после 1925 г., когда по стране быстрыми темпами осуществлялась индустриализация. В 1927 г. в г. Цхинвали был заложен фундамент лесопильного завода с годовым объемом производства в 40 тысяч кубических метров пиленого леса, 400 тонн древесной шерсти, 250 тысяч ящичных комплексов, 1 тысяча кубических метров фанеры и 200 тысяч квадратных метров паркета. 45% сметной стоимости завода были выделены ВСНХ СССР [11, 160].

В 1930 г. партийными органами предпринимались попытки активизировать промышленное развитие регионов методами прямого административного воздействия, который был направлен на оптимизацию имеющейся организационной базы. В соответствии с решениями союзного Совнархоза его местное отделение организовало на базе имеющихся производственных мощностей несколько промышленных трестов, а именно — Югоспром, Трест нерудных ископаемых и Югострой. Им были переданы функции оперативного управления, у Совнархоза остались лишь планово-экономические и контрольно-руководящие функции [2].

Необходимо отметить, что данные мероприятия имели определенный положительный эффект. В частности в сравнительно короткий срок были возведены значимые объекты социальной инфраструктуры — здания почты, аптеки, промышленных мастерских. Вместе с тем процент выполнения плана ведущим трестом Югострой в 1930 г. был неудовлетворительным, всего 25% [2].

В результате темпы индустриального развития региона в годы первых двух пятилеток были весьма скромными. Было создано лишь небольшое количество мелких промышленных предприятий кустарного типа, которые производили в среднем лишь 13,1% валовой продукции хозяйственной деятельности региона [3].

В период реализации второго пятилетнего плана партийными органами была предпринята попытка интенсификации экономического развития региона. Такая задача, наряду с окончательной ликвидацией промышленной отсталости региона, была поставлена Закавказским комитетом ВКП (б) в 1932 г. В соответствии с данным решением в годы второй пятилетки в регионе планировалось строительство предприятий горнодобывающей, горно-обрабатывающей

и силикатной промышленности, а также дальнейшее исследование региональной ресурсной базы.

Уже в начале 1933 г. местная промышленность Южной Осетии включала в себя мраморные и туфовые разработки, кирпичные и известковые заводы, ремонтно-механические мастерские [7, 246]. Несмотря на объективные сложности, связанные с дефицитом профессиональных кадров и острым недостатком финансирования, в регионе удалось создать мощное предприятие обрабатывающей промышленности — Цнелисский мраморный завод, который вплоть до 1939 г. выпускал мраморную крошку для мозаичных полов и других надобностей строительства, а также высококачественные мраморные плиты, которые широко использовались в самых ответственных сооружениях. В частности, данное предприятие обеспечивало строительную базу для возведения Дома Советов в Москве [8, 35]. Ведущие предприятия лесобработывающей промышленности региона к концу второй пятилетки обеспечивали постоянный прирост экспорта высококачественной древесины. Повышение экономических показателей позволило произвести совершенствование производственных мощностей данных предприятий — были построены и оборудованы новые цеха: фанерный и по производству дроби на Чурисхевском заводе; деревообделочный, гнутой мебели, фанерный, паркетный, стружечный и бондарный при Сталинирском заводе; фанерный, паркетный и лесохимический при Джалабетском предприятиях [8, 36].

Отметим, что в предвоенный период региональная промышленность совершила качественный рывок в своем поступательном развитии. Так, к 1940 г. было запущено пять электростанций, в результате чего ряд предприятий удалось полностью перевести на электроснабжение. В это же время была проведена реконструкция ряда действующих предприятий, в первую очередь, Сталинирского пищекомбината, лесокомбината, был построен и введен в эксплуатацию черепичный завод. В результате доля промышленности в валовом общественном продукте выросла более чем в 10 раз, достигнув к 1940 году 36,6%, против 2,4% в 1928 году [6, 127].

Завершая краткое рассмотрение развития юго-осетинской промышленности в довоенный период, отметим следующее. Несмотря на локальные успехи, достигнутые в данной сфере, связанные, в

первую очередь, с формированием и развитием отраслей обрабатывающей и легкой промышленности, статистические данные иллюстрируют очевидный факт — индустриализация в Южной Осетии не была завершена. Это было вызвано влиянием как объективных, так и субъективных факторов.

К числу первых из них следует отнести изначальное отсутствие в регионе потенциала для промышленного развития. Оно осуществлялось с нуля под влиянием принимаемых партийных решений, которые зачастую не учитывали действительную региональную социально-экономическую ситуацию. Вместе с тем следует отметить, что подход руководящих органов к проблемам формирования и развития промышленности в регионе был верным и опирался на объективные данные проведенных исследований, в первую очередь, на результаты геологической разведки.

Субъективным фактором, препятствующим осуществлению индустриализации в регионе, являлось стремлением грузинской партийной элиты занять господствующее положение в регионе, искусственно принижая его социально-экономический потенциал с целью обеспечения нужного им направления внутренней трудовой миграции. Результатом такого подхода являлось недостаточное финансирование регионального промышленного развития, отсутствие целенаправленной политики, необходимой для создания условий формирования квалифицированных кадров. Статические данные показывают крайне незначительный рост крупной промышленности в сравнении со средней и в целом промышленного производства по отношению к сельскохозяйственному. Рост на крупных предприятиях наблюдался, но в виду слабой технической оснащенности и незначительного объема выпускаемой продукции она занимала небольшой удельный вес в экономике области. В свою очередь, значительный удельный вес продукции мелкой промышленности объясняется наличием большого количества мелких предприятий традиционных для местности отраслей обслуживания. Кадры этой сферы производства и обслуживания имели большой опыт работы, что давало им возможность вести производство без больших затруднений и перебоев.

В результате промышленность Южной Осетии в предвоенный период так и осталась на зачаточном уровне, а социально-эконо-

мическая основа региона, несмотря на наличие потенциала для поступательного развития отраслей сырьевой и обрабатывающей промышленности в качестве была представлена традиционными примитивными формами сельскохозяйственного производства. В таких условиях невозможно было прогнозировать устойчивый рост уровня жизни большинства населения региона, что означало фактическую консервацию его отсталого характера на ближайшую перспективу.

---

1. Государственный архив Южной Осетии (далее — ЦГА РЮО). Ф. 8.

Оп. 1. Д. 39. Л. 27.

2. ЦГА РЮО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 116.

3. ЦГА РЮО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 363. Л. 171.

4. ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 646. Л. 67.

5. Дзагоева Е.П. Пути развития промышленности в Юго-Осетии. Цхинвал: Ирыстон, 1987. — 140 с.

6. Дзагоева Е.П., Кабисова Д.Г. Развитие народного хозяйства Юго-Осетии за 60 лет Советской власти. // Сб. Южная Осетия в период строительства социализма (К 60-летию установления советской власти в Грузии). — Тбилиси: Мецниереба, 1981. 245 с.

7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Наука. 1954. Ч. 3. 254 с.

8. Тадтаев Т.В. Промышленность Южной Осетии в 20-40- х гг. XX в. // Вестник РУДН. Серия История России. 2016. № 4. С. 29-37.

9. Техов Б.В. Южная Осетия в период строительства социализма. Тбилиси: Мецниереба, 1981. 228 с.

10. Чугаенко Ю.А. Грузия — Южная Осетия: исторические первопричины противостояния: Монография/Ю.А. Чугаенко. Киев: Национальная академия управления, 2013. 240 с.

11. Цховребов В.Д. Юго-Осетинская областная партийная организация в период борьбы за социалистическую революцию и построение социализма. (1917-1936). Цхинвал: Ирыстон, 1989. 276 с.

В. Ю. ЦАГАРАЕВ,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

**ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ РЕФОРМА
В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
1950-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.
В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ**

Статья посвящена политехническим реформам в образовательной школе. Автор рассматривает основные процессы политехнических реформ в образовательных школах Северной Осетии. Главной особенностью этих реформ является то, что труд был положен в основу всей ее учебно-воспитательной работы.

Ключевые слова: государственная образовательная политика, советская школа, политехническая реформа, Северная Осетия.

The article is about polytechnical reforms in the educational school. The author considers the main polytechnical reforms' processes in North Ossetian educational schools. The main feature of these reforms is that the work was the basis for all its educational work.

Keywords: state education policy, Soviet school, polytechnic reform, North Ossetia.

Усовершенствование всех сторон общественной жизни приводит к значительному расширению области применения научных достижений. Это приводит к расширению области применения научных достижений, а также возрастает роль теоретических знаний и умственного труда, увеличивается объем научной информации, которая человеку нужна в общественной жизни, в производственной жизни и в быту.

Для того чтобы использовать новейшие достижения науки и техники в процессе любой деятельности, современному человеку нужно обладать хорошей общеобразовательной подготовкой, а

также он должен владеть широким политехническим кругозором.

В общеобразовательной школе, которая является главным звеном системы образования в обществе, закладываются основы научных знаний, которые напрямую влияют на качество профессиональной подготовки работника. В то время, как социальное, экономическое и нравственное развитие общества полностью зависит от образовательной системы, очевидным становится факт, что реальные сдвиги в развитии страны, не могут происходить без модернизации всей системы образования. Образование, которое соответствует задачам государства, позволяет людям намного эффективнее включаться в экономическую жизнь страны, что позволяет продуктивнее решать социальные проблемы. Так как образование является одним из главных условий ускорения развития страны, государство постоянно уделяло внимание проблемам реформирования системы образования в нашей стране, в первую очередь это касалось реформ, которые проводились в общеобразовательной школе. Обязанность школы, дать своим ученикам высокий общеобразовательный уровень, а также помочь им в профессиональном самоопределении.

На сегодняшний день, в условиях новых экономических реалий, рынок труда нуждается в подготовленных к трудовой деятельности выпускников школ. В современном обществе, когда происходит демократизация всех сторон жизни, в том числе и системы образования, молодежь имеет больше возможностей в выборе сферы приложения своей жизненной активности, которая проявляется ими, прежде всего, в выбранной профессии. Решающее значение при выборе профессии для выпускников школ имеет качество обучения, в процессе которой раскрываются способности и возможности молодежи для ее социализации [3,54].

Если в 1950-1960-е гг. следствием ускоренного развития научно-технического прогресса стала необходимость политехнизации школы, то стремление России на современном этапе овладеть нанотехнологиями и стать конкурентным государством в этой области должно выделиться в серьезные изменения в образовательной сфере. Проблемы, которые на сегодняшний день являются актуальными и касаются качества школьного образования, а также профессиональной ориентации учащихся стояли перед обществом и в

прошлом, но особую остроту они приобрели в период второй половины 1950-х — первой половины 1960-х гг.

В этот период, в условиях научно-технической революции, советское руководство взяло курс на ускоренное развитие отраслей промышленности, которые были наиболее перспективными. В СССР с середины 1950-х годов можно наблюдать интенсивное развитие научно-технического прогресса. А также в это время в народное хозяйство начинают внедряться достижения науки и техники. К концу 1950-х гг. в стране было создано и освоено производство более 5 тыс. новых типов машин и оборудования. А освоение человеком космоса стало одним из главных показателей научно-технического прогресса [1].

Технологический переворот привел к большим изменениям не только в производительных силах общества, но и в привычном для людей образе жизни. Чем выше находится уровень технологического производства, а также всей человеческой деятельности, тем выше должна быть степень развития самого человека. Поэтому возрастают требования к человеку: в его личности должны гармонично сочетаться высокая квалификация, владение техникой, профессиональная компетенция с социальной ответственностью и общечеловеческими нравственными ценностями.

Общеобразовательная школа обязана была соответствовать уровню развития общества, т.е. идти в ногу с модернизационными процессами. В стране на данном этапе нужны были миллионы рабочих, чтобы осваивать строящиеся предприятия, а также эти рабочие должны были овладеть современной техникой. Проблема, которая возникла с подготовкой кадров для дальнейшего развития страны, попытались решить путем профессионализации общеобразовательной школы. Политехническая школа 1950-х г создала действенный механизм социализации учащейся молодежи.

В середине 50-х годов в связи с большим числом выпускников средней школы стали возникать проблемы социально-психологического плана. Дело в том, что средняя школа ориентировала своих выпускников преимущественно на продолжение обучения в вузе. Пока большинство молодежи ограничивалось семилеткой, конкурсы в вузы были невелики, но с середины 50-х годов в связи с увеличением числа выпускников общеобразовательных школ

число поступавших в вузы резко возросло. Выпускники, которые не поступили в вузы, вынуждены были идти работать на производство. К этому они не были готовы. Поэтому с одной стороны появился разрыв между уровнем подготовки и социальными ожиданиями молодежи, и реальными потребностями народного хозяйства с другой. Исходя из всех этих реалий, правительство решило провести данную реформу.

Суть этой реформы сводилась к следующему — укрепить связь школы с жизнью. С помощью этой реформы государство старалось восполнить постоянно растущие потребности народного хозяйства в квалифицированных кадрах. Также реформа должна была преодолеть враждебное отношение выпускников школ к физическому труду и рабочим профессиям, которые не пользовались популярностью среди выпускников школ [3, 56].

В Северной Осетии реорганизация учебно-воспитательной работы на принципах политехнизации началось с 1955/1956 гг. Во всех школах республики ввели новые планы и программы, которые основывались на принципах политехнического обучения. Согласно этим планам, увеличивались часы, отведенные на преподавание предметов физико-математического и естественного циклов, это увеличение было достигнуто за счет сокращения гуманитарных дисциплин. В 1-4 классах ввели преподавание ручного труда, в 5-7 классах ученики проходили практические занятия в мастерских, а также на опытных учебных участках. Практикумы по машиноведению, сельскому хозяйству и электротехнике проходили в 8-10 классах. Новые учебные программы давали минимум политехнических знаний и навыков, которыми должен был владеть выпускник средней школы, в области промышленного и сельскохозяйственного производства.

Вопросами политехнизации школ в Северной Осетии занимались такие ученые как Галазов А. Х., Текиев В. Д., Цориева И. Т. Цориева на основе архивных данных пришла к выводу, что устойчивость связей между шефами и их подопечными во многом зависела от финансовых и технических возможностей предприятий. Поэтому здесь наибольшую помощь школам могли оказать ведущие предприятия Северной Осетии: заводы «Электроконтактор», «Электроцинк», «Победит», Вагоноремонтный завод, Бесланский

маисовый комбинат. Они помогали в организации и оборудовании учебно-производственных мастерских, создании кабинетов естественного цикла, предоставляли базу для прохождения производственной практики. Эффективность трудовой практики на базе отмеченных предприятий, по мнению обучавшихся и обучавших, оставляла желать лучшего (как правило, обучение профессии сводилось к овладению простейшими рабочими операциями). Составной частью трудового воспитания школьников являлась организация пришкольных участков и учебно-опытных станций. В 1956/1957 учебном году в 186 школах имелись опытные участки. Учащиеся специализировались на выращивании фруктовых деревьев, плодово-ягодных кустарников, овощей. Наибольшее распространение пришкольные участки получили в сельской местности [5, 71]. Удачным был опыт работы на пришкольных участках и ряда городских школ. Особую популярность приобрели ученические бригады, признанные наиболее эффективной формой в решении задач политехнического обучения школьников. Несмотря на то, что руководство колхозов и совхозов с большой остороженностью относилось к новым производственным структурам (ученическим бригадам выделялись худшие участки земли, их не обеспечивали необходимым инвентарем, машинами, не оказывали квалифицированной помощи), популярность их, поддерживаемая партийными решениями, росла с каждым годом [2, 1].

В 1959 г. 70 ученических бригад, объединявших 6 тыс. школьников, были заняты обработкой около 5 тыс. га земли. Учащиеся осуществляли весь комплекс сельскохозяйственных работ от посева до уборки урожая. По данным Министерства просвещения Северо-Осетинской АССР, в этих бригадах были подготовлены 1357 специалистов по сельскохозяйственным специальностям, в том числе 170 трактористов, 260 шоферов, 108 животноводов, 80 полеводов [6, 70].

В сельской местности ученические бригады фактически стали «пробным камнем», а затем основанием для радикальной реформы школьной системы конца 1950-х — начала 1960-х гг. Опыт работы ученических бригад показывает, что в школьной бригаде, работая под руководством учителя или агронома, учащиеся не

только закрепляют знания, полученные на уроках физики, химии, биологии, машиноведения и других предметов, но и практически осваивают агротехнику выращивания различных сельскохозяйственных культур, и расширяют знания по зоотехнике [6, 70].

Кульминационным документом реформы явился закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования СССР», принятый 24 декабря 1958 г. сессией Верховного Совета СССР. В соответствии с Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» бюро обкома КПСС и Совет Министров Северо-Осетинской АССР постановляют:

— выделить рабочие места в промышленных предприятиях, колхозах, РТС и совхозах для прохождения производственной практики учащихся 9-10-11 классов средней школы с производственным обучением. Организовать при крупных школах межшкольные мастерские производственного типа;

— на промышленных предприятиях и в колхозах создать советы по политехническому и производственному обучению учащихся в составе специалистов производства и учителей школ. Вменить в обязанность этим советам выделять рабочие места для учащихся, определять режим, следить за соблюдением правил техники безопасности и охраны труда подростков [5,79].

В Северной Осетии закон о реформе школьного образования предусматривал введение всеобщего обязательного восьмилетнего образования для детей и подростков с 1961/1962 учебного года. Перевод школ с семилетнего на восьмилетнее обязательное обучение начался с 1959/1960 учебного года. С 1 сентября на новый учебный план перешла двадцать одна школа. В этих школах наряду с изучением основ наук учащиеся 9-х классов должны были проходить производственное обучение на базе промышленных предприятий, колхозов и совхозов. Выбор специальностей осуществлялся по распоряжению Совета Министров республики в соответствии с потребностями организаторов производственной практики. По возможности рекомендовалось учитывать и желание учащихся.

Важным звеном в системе народного образования являлась 11 летняя трудовая политехническая школа с производственным

обучением. В 1959 учебном году на опытный план 11-летних школ с производственным обучением были переведены 34 девятого класса с общим числом учащихся в них — 734. В этих классах учащиеся обучались 30 различным специальностям промышленного и сельскохозяйственного производства. На новый учебный план трудовой политехнической школы с производственным обучением со следующего учебного года перешли 9-е классы 11 сельских школ. Учащиеся этих классов специализировались по 8 наиболее массовым профессиям: механизаторы, полеводы, животноводы, овощеводы и др [5, 67].

Опыт работы ученических бригад показывает, что в школьной бригаде, работая под руководством учителя или агронома, учащиеся не только закрепляют знания, полученные на уроках физики, химии, биологии, машиноведения и других предметов, но и практически осваивают агротехнику выращивания различных сельскохозяйственных культур, расширяют знания по зоотехнике.

В практике работы многих школ был накоплен опыт правильного соединения обучения с производственным трудом. Было много школ, которые хорошо организовали работу на школьных участках, а также нашли правильные формы приобщения учащихся к производительному труду непосредственно на производстве в колхозе... В ряде школ республики задачи соединения обучения с производительным трудом решались с помощью организации производственной практики в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Правильная организация труда учащихся дала свои результаты. Многие десятиклассники изъявили желание остаться работать в родном колхозе [6, 74].

В 1964/1965 учебном году в Северной Осетии работало около 100 одиннадцатилетних школ с производственным обучением, составлявших почти половину общеобразовательных школ республики. В них насчитывалось более 9 тыс. учащихся 9-11 классов. В этом году был произведен выпуск из 11-х классов 2100 чел., специализировавшихся по различным сельскохозяйственным и рабочим профессиям. По производственным специальностям в 43 городских школах обучались 4846 чел., в 54 сельских школах — 3810 чел [5, 145].

Реализация Закона «Об укреплении связи школы с жизнью...»

шла с большим трудом, что обуславливалось многими причинами: необеспеченностью материально-технической и финансовой базы реформы, отсутствием профессионально подготовленных мастеров производственного обучения, психологическим неприятием обществом преобразований, выразившимся в пассивном сопротивлении им.

Так, в 1964 г. для производственного обучения на предприятиях Северной Осетии были созданы 16 участков, 5 учебных цехов на 310 рабочих мест с пропускной способностью в 740 чел. Межшкольные производственные мастерские обслуживали в течение дня 620 учащихся. В принципе, всего этого было недостаточно для осуществления политехнизации. Имевшаяся производственная база обеспечивала работу только 2360 учащимся. Остальные размещались в общих цехах на местах рабочих, что существенно затрудняло последовательное, систематическое прохождение программного материала и организацию производственного обучения [6,77].

Однако проводимые реформы имели как положительные, так и отрицательные стороны. К отрицательным моментам относится то, что эти реформы плохо финансировались, и не была создана материально-техническая база для проведения этих реформ, а школы не располагали необходимой материальной базой для организации профессионального обучения. Так средства, которые выделялись для оборудования мастерских, не удовлетворяли всех нужд школы. Поэтому имевшуюся нехватку в средствах должны были восполнить МТС, а также колхозы и совхозы. Но эти организации в школы передавали, как правило, оборудование и технику, которые были уже непригодны для обучения детей. Предприятия-шефы, на которых возлагалась эта обязанность, зачастую не были заинтересованы в работе школьников. В результате профессиональная подготовка нередко носила формальный характер. Также ощущалась нехватка в подручных средствах. Ко всем минусам, прибавлялось еще отсутствие кадров. В итоге школьная реформа 1958 г. в значительной степени себя не оправдала. Слабо велась работа по профессиональной ориентации учащихся. Лишь небольшой процент выпускников средних школ работали по специальностям, полученным в школе. В то же время снизилась общеобразовательная

подготовка школьников.

Таким образом, главная цель политехнического обучения в школе — создание квалифицированных рабочих кадров для народного хозяйства — не достигалась. Все эти факторы проявлялись на фоне усиливавшегося негативного отношения всех слоев общества к дальнейшей реализации программы политехнического обучения.

-
1. ЦГА СОАССР, ф.786, оп. 1, д.717, лл 17-53.
  2. ЦГА СО АССР, ф.629, оп.5 д. 1037, лл. 91-93.
  3. Политехнические знания учащихся средней школы. М., 1968;
  4. Политехническое обучение в средней школе. М., 1956;
  5. Политехническое обучение в школах Северной Осетии. (Материалы научно-практической конференции по вопросам политехнического обучения). Орджоникидзе, 1958.
  6. Цориева И.Т. Политехническая реформа советской школы: от замысла до паллиативной реализации (по материалам Северной Осетии). // Вестник РУДН, сер. История России, 2011, № 1. С. 66-76.
  7. Из отчетного доклада министерства просвещения Северо-Осетинской АССР на II съезде учителей республики. //Социалистическая Осетия. № 169. 27 августа 1957.

**А. Ж. Шереужев,
студент КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)**

ТРАДИЦИОННОЕ КАБАРДИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РАМКАХ «ТОТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»

Статья посвящена теоретическому рассмотрению кабардинского общества в рамках тотальной истории. Показывается исследовательское направление исторической науки. Рассматриваются причины и последствия применения новых методологических приемов при исследовании тех или иных вопросов. Дается перечень возможных тем для глубокого раскрытия в рамках нового направления исторической науки.

Ключевые слова: традиционное кабардинское общество, тотальная история, микроистория, история повседневности.

The article is devoted to theoretical consideration of the Kabardian society in the framework of the total history. Research shows the direction of historical science. The causes and consequences of the application of new methodological techniques in the study of certain questions. Given a list of possible topics for in-depth disclosure in the framework of a new research area in historical science.

Keywords: traditional Kabardian society, total history, microhistory, history of everyday life.

Развитие исторического знания влечет за собой потребность в переосмыслении исторических явлений и процессов. Такое естественное для исторического познания явление связывается с изменением научных концепций, выявлением и введением в научный оборот новых источников, а также совершенствованием приемов и методов изучения исторической информации.

Целью статьи является теоретическое рассмотрение кабардинского традиционного общества в фокусе «тотальной истории».

Культурологический и антропологический поворот в исторической науке на рубеже XX-XXI веков определил активные поиски новых течений развития истории, проблемных полей и исследователей с новыми подходами и методами. Стало понятным, что необ-

ходимы изменения социально-гуманитарного знания, то есть качественный виток в ее развитии. Глобальные исторические концепции показали кризис прогностической функции истории, а также выявили недостаточность объяснений и обоснований тем социологического и политологического характера.

Обычно советская историография рассматривала масштабные и сложнейшие события истории. Следовательно, вопросы жизненного характера затрагивались незначительно. Вне поля исследований историков оказались внутренние побудительные мотивы человеческой деятельности в определенной исторической действительности, т.е. главный элемент исторического процесса — человек, который создает историю и формирует ее внутреннее содержание.

В последние годы в отечественной исторической науке, в т.ч. и кавказоведении, наблюдается рост интереса к проблемам «тотальной истории», являющийся следствием самоисчерпания позитивистских приемов работы с источниками, ветшанием прежних интерпретационных подходов и когнитивных парадигм. Эти проблемы продиктованы сложившейся культурно-исторической ситуацией, вызваны движением культуры, сдвигами пластов мысли, глубинными запросами общества. «История — это не бегство от жизни, но существенный ее компонент». По словам основателей Школы «Анналов» М. Блока и Л. Февра, в современное время перед историком появляются актуальные темы для исследования, которые и должен историк-аналитик рассмотреть в полной мере [1, 27]. В истории народов Северного Кавказа такие исследователи, как М.А. Текуева, Ю.Ю. Карпов, А.С. Марзей, Е.А. Нальчикова [2] применяют междисциплинарные методы исследования и обращаются к изучению повседневности. «Тотальная история» Кабарды должна стать историей людей, которые проживали на определенной территории в конкретное время, и жизнь которых изучается с максимально возможного числа сторон наблюдения для реконструкции доступных нашему познанию фрагментов их жизнедеятельности, понимания их поступков, перипетий разных обстоятельств и причин.

Исследование кабардинского общества традиционного периода как объекта «тотальной истории», в рамках которого предполагается исследование проблем бытовой культуры, образа жизни, стереотипов поведения позволит осмыслить данное локальное со-

общество в качестве субъекта исторического процесса. Восстановление подробностей быта, анализ взаимодействий между людьми, их поступков, ценностей и норм, различных институтов общества позволит определить особенности исследуемых обществ.

Расширение областей изучения Кабарды предусматривает вовлечение в поле исследования историков человеческий фактор. Обращение к социокультурным аспектам исторического процесса уже стало неотъемлемой частью научного дискурса. Необходимо подвергнуть изучению и сам процесс трансформации — перекодирования значимых элементов внешней среды социокультурными системами прошлого. Современные исследователи должны понимать, что нормы поведения людей зависели от их мировоззрения, который сформировался благодаря той или иной культуре [3, 21-36], а также исходя из социальной принадлежности, образования, личных качеств, возраста и исторической ситуации, в которой он существует.

Принципы «тотальной истории» реализуясь в виде локального, регионального исследования Кабарды, рассматривающего самые различные аспекты истории и функционирования данных социальных общностей людей, позволяют рассмотреть их таким образом, чтобы в результате сложилась связанная и целостная картина их жизни. «Такого рода локальное исследование «тотальных социальных фактов» представляет собой образчик «микроистории», в которой отражаются черты «макроистории»; микроанализ служит средством моделирования истории более обширных образований» [4, 285].

«Тотальный» подход к изучению Кабарды подразумевает применение обширного материала различных проявлений жизнедеятельности населявших их народов, их социальных структур, а также общих представлений и культуры как взаимовлияющих элементов истории. Подобный материал дает возможность соединить жизненные циклы индивидов с общей системой социального расслоения в микроструктурах. Историю кабардинского народа можно исследовать через призму смены поколений, ритмов повседневной жизни, социально-культурных контекстов, включая фольклор и традиционные ежегодные ритуалы, в результате чего можно добиться проявления индивидуальных особенностей народа.

Историки, собирающиеся работать в рамках «тотальной истории», должны анализировать эмоциональные реакции, переживания различных людей прошлого в связи с теми или иными обстоятельствами быта. Во главу угла исследований «тотальной истории» Кабарды следует поставить не только быт людей, но и их проблемы в жизни и попытки их переосмысления. Как заметил А.Я. Гуревич, предметом исследования историка должны стать «люди, мыслящие и эмоциональные существа» [4, 15]. Новый подход к изучению прошлого даст нам возможность понять «маленького человека» и осмыслить всю важность их роли в общественной жизни. Стоит внимательнее присмотреться к духовной жизни Кабарды, учитывая одновременное существование множества культурных традиций, культурой образованного населения и необразованной части, лиц духовного звания и мирян, социальной элиты и непривилегированной части общества.

В своей совокупности рассмотрение всех этих аспектов картины мира и поведения людей прошлого создает возможность построения истории именно как человеческой истории, ибо, как пишет А.Я. Гуревич, «история — не наука о политико-экономических абстракциях и не «социальная физика», это наука о живых людях и коллективах, в которые они организованы, и, следовательно, современный историк, намеревающийся раскрыть тайны прошлого, не может не обращаться со своими вопрошаниями к людям, некогда жившим, и пытаться завязать с ними диалог, т.е. поставить сохранившимся источникам, созданным этими людьми, интересующие его вопросы и стараться расслышать их ответы, расшифровывать их послания» [5, 293].

В рамках «тотального» подхода можно рассматривать следующие темы:

- быт и повседневность простых людей;
- отношение членов кабардинского общества к труду, собственности, бедности и богатству;
- мир воображения;
- историческая ментальность и др. [5, 95-96] Так, обозначенные темы требуют данные из исторической демографии, социальных отношений, экономического развития, культурной сферы.

Тенденция расширения сфер изучений кабардинского общества

наполняет исследования человеческим содержанием. В результате подобного анализа процессы исторического прошлого становятся всеохватывающими и более полными.

При этом не следует забывать о том, что, во-первых, необходимо учитывать историю отдельных людей, населяющих определенную территорию, с более полным раскрытием всех жизненных обстоятельств и явлений, а, во-вторых, следует рассматривать внутреннюю организацию среды обитания и отражать возможное специфическое влияние самой среды на человека.

Ю.Ю. Карпов в своих исследованиях рассматривает семиотику пространства мужского и женского слоя населения кавказского общества. По его словам, в большинстве случаев мужское пространство обозначает контуры официальной культуры общества, а женская субкультура не очень ярко выражается. Дихотомия женского и мужского пространства наблюдается практически во всех сферах социума, но все же имеет она больше символическое значение. Отмечается, что разделение на «мужское-женское» в кавказских обществах входит в систему как «правая-левая» или «вверх-вниз». В исследовании, посвященном женскому пространству, автор с применением разнообразных источников и методов исследования анализирует образы женщин в различных регионах Кавказа («закабаленная хозяйством и мужем горянка», «порабощенная мусульманка», «свободная женщина»). Подчеркивается, что характеристика женщины зависела от ее самоощущения в окружающем социуме и насколько ее интересы совпадали с общекультурными интересами. В итоге культурное пространство, где существует «мужское-женское», можно представить в виде большого многослойного шара, где нет четкого разграничения в том или ином слое [6, 359].

Традиционное кабардинское общество рассматривалось с позиции «мужское-женское». Так, мужчина в традиционном кабардинском обществе прежде всего воспринимался ответственным за судьбу своего народа. Личные дела должны были иметь второстепенную важность в жизни адыгского мужчины. Стоит сказать, что сыновей князей и дворян с самого раннего возраста воспитывали аталыки [7, 6]. «Ребенка обучают искусству руководить набегом, ловкости и умению переносить голод и усталость» [8, 103]. Их готовили к взрослой жизни, в которой от них многое зависело.

Ю.Ю. Карпов отмечает, если женщине в большей степени принадлежало пространство дома, очага, то мужчине — вся община. Признаки мужского дома на Северном Кавказе автор выявляет и в другом общественном явлении, а именно — кунацкой. Кунацкие являлись, как отмечает автор, прямым выражением кавказского гостеприимства, и они же играли особую роль в жизни мужской молодежи. Юноши и неженатые мужчины любили собираться в кунацких. Сеть кунацких, разбросанных по селению, материализовала нормативные связи, взаимные обязательства мужского населения общины [9, 69, 112]. Женщину, как и мужчину, с ранних лет готовили к выполнению общепринятых обязанностей в социуме.

Л.Х. Сабанчиева пишет, все работы — и индивидуального, и коллективного труда, делились на мужские и женские. Наиболее трудоемкие процессы в земледелии, например, пахота, сев и др.; в скотоводстве — уход за скотом — выполнялись мужчинами, а обработку продуктов земледелия и скотоводства выполняли женщины. Нарушение этого принципа осуждалось обществом [10, 242].

Вне зависимости от степени участия женщин в общественном труде, она имела неравные права с мужчинами в имущественном, наследственном и процессуальном обычном праве, поскольку ее считали иждивенкой. Я.С. Смирнова отмечает, что субъектами правовых отношений могли являться лица мужского пола, которые достигли совершеннолетия и заключали различного рода сделки, вступали в некоторые договорные обязательства [11, 35-37].

Деление в кабардинском обществе на мужское и женское пространство наблюдается с самого раннего возраста, а в последующей жизни оно только усиливается и проявляется. Мужское пространство было шире, чем женское, что было обусловлено обычаями и традициями кабардинского общества. Однако, стоит заметить, что социальные роли мужчин и женщин были крайне важны для полноценного функционирования всего общества. Только многофакторный подход и междисциплинарные методы смогут дать объективную оценку различных процессов общества.

Таким образом, в начале XXI века историческая наука претерпевает внутренние изменения, которая проявляется в смене парадигм, исследовательских направлений, методологических подходов к изучению прошлого. С появлением новых исследователь-

ских направлений историки пытаются использовать максимально возможные ресурсы для более полного освещения определенной сферы общества. Одним из таких направлений и явилась тотальная история, которая стремится к раскрытию определенного предмета исследования с максимально возможных сторон и позиций.

-
1. Цит. по: Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
  2. Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006; Карпов Ю.Ю. Джигит и Волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996; Его же. К мировоззренческим основам функционирования горских обществ Кавказа // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения, 2000-2001 гг. СПб., 2002. С. 34-35; Марзей А.С. Черкесское наездничество — «Зек1уэ» М., 2000; Нальчикова Е.А. Генезис феномена «Добровольной смерти»: миф и традиция // Власть. 2007. № 8. С. 71-73; Ее же. Смерть в ментальном восприятии и повседневной практике адыгов: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2007.
  3. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2/3.
  4. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. Анналы на рубеже веков-антология/Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2002.
  5. Тамазов М.С. Кабарда и горские общества XIX века в фокусе «тотальной истории» // Исторический вестник. Вып. 3. 2006.
  6. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.
  7. Мальбахов Б., Эльмесов А. Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994.
  8. Де Мариньи Э.Т. Путешествие в Черкесию // АБКИЕА. Нальчик, 1974.
  9. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.
  10. Сабанчиева Л.Х. Гендерные отношения в традиционной культуре кабардинцев: вторая половина XVI — 60-е гг. XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.07. Нальчик, 2003.
  11. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа. М., 1983.

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

А. А. ЖУРТОВА,
кин, ассистент кафедры
КБГУ им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик)

ОСМЫСЛЕНИЕ РОССИЙСКО-ОСЕТИНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В XVIII В. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье изучена современная историография российско-осетинского исторического взаимодействия. В частности, в ней проанализированы исследования М. М. Блиева, Р. С. Бзарова, Е. И. Кобахидзе, З. М. Блиевой, Ф. Х. Гутнова, Л. А. Чибирова, Т. В. Гапбаева, Ф. В. Тотоева и других современных авторов, посвященные проблеме взаимоотношений Северной Осетии и России в XVIII веке.

Ключевые слова: историография, Северная Осетия, Россия, добровольное присоединение, посольство.

The article is devoted to the modern historiography of Russian-Ossetian historical interaction. In particular, it analyzes the research of M. M. Bliev, R. S. Bzarov, E. I. Kobakhidze, Z. M. Blieva, F. H. Gutnov, A. A. Khamitsaeva, L. A. Chibirov, T. V. Gapbaev, F. V. Totoyev and other contemporary authors, devoted to the problem of relations of North Ossetia and Russia in the XVIII century.

Keywords: historiography, North Ossetia, Russia, voluntary adherence, embassy.

На Кавказе история является средством обоснования требований сегодняшнего дня, самоидентификации и консолидации этносов [1]. Историческая память северокавказских народов носит не только мемориальный характер, она всегда актуализирована и переживается как фактор современности [2].

В начале 1990-х гг. доминирующим фактором общественного развития стали центробежные силы и этноцентризм [2]. История как область знания всё больше превращалась в историю этносов и этнических государств. Вопросы развития этнонациональной государственности, этнонациональных территорий и границ, этнической культуры и этнического языка составили основу научных построений последних лет. Историческая наука как важный фактор воздействия на массовое сознание и формирования общественно-го мнения, приобрела еще большее значение.

Важным импульсом современных исторических построений, как утверждает Т.С. Гузенкова, выступает стремление практически всех этнических интеллектуальных элит Северного Кавказа избавить собственные народы от статуса исторической и культурной периферии и найти аргументы в пользу того, что их достижения сопоставимы с общепризнанными образцами мировой цивилизации [4, 138].

С точки зрения К.Ф. Дзамихова, в условиях национально-культурной трансформации российского сообщества четко обозначились проявления этнонационального сознания в исторических исследованиях, которые привели к осязаемому усилению этноцентризма как исследовательского подхода [3, 29].

Указанные тенденции можно проследить в исследованиях, посвященных проблеме российско-кавказских взаимоотношений в прошлом. Версия о «добровольном присоединении» кавказских народов к Российской империи, господствовавшая во второй половине XX в., была отвергнута многими северокавказскими учеными как заказное произведение советской идеологии, вместо нее была предложена концепция «жесточкого колониального завоевания».

Часть историков продолжает отстаивать идею о «добровольном вхождении» малых народов Кавказа в состав России, в частности, в исследованиях, посвященных истории российско-осетинских взаимоотношений, эта концепция остается доминирующей.

Тематика научных исследований в последние десятилетия претерпела ряд важных изменений: в центре внимания ученых оказалась имперская колониальная политика, Кавказская война и другие страницы истории взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. При этом в большинстве работ подчеркивается равноправный и взаимовыгодный характер российско-горского исторического взаимодействия, возникает теория о военно-политическом союзе местных народов с Россией в XVI-XVIII вв.

В региональных исследованиях по проблеме вхождения народов Северного Кавказа в состав России нашел отражение концептуальный и методологический плюрализм, свойственный современной исторической науке. Палитра научных подходов к изучению вопроса представлена, в частности, методами политико-правового, цивилизационного анализа российско-кавказских взаимоотношений в XVI-XIX вв. и др. Часть национальных историков сохраняет в своих работах элементы советской историографической традиции.

Советская концепция о добровольном присоединении Осетии к России в 1774 г. утвердилась в национальной историографии и получила свое развитие в современных исследованиях. В частности, М. М. Блиев [5] в одной из современных работ заявляет, что большую роль в сближении осетинского и русского народов сыграло их «этно-генетическое родство» [6, 8].

В 40-х — 50-х гг. XVIII в. «российское правительство, несмотря на сложности в международной обстановке на Кавказе, взяло на себя посредством миротворческих усилий решение важных для Осетии проблем — оказание помощи в переселении из горных ущелий на предгорную равнину и в степные районы Северного Кавказа, а также обеспечение безопасности переселенцев и предоставление права на беспошлинную торговлю на русской пограничной линии. Со своей стороны, — подчеркивает Блиев, — Осетия становилась исходной территорией, позволявшей России вернуть на Кавказе своё экономико-политическое влияние» [6, 218].

По Кючук-Кайнарджийскому договору Россия добилась отмены Белградского мира 1739 г. и закрепила за собой всю Кабарду. Трактовка российской стороной 21 статьи договора о Кабарде включала в себя также присоединение Осетии к России. По мнению М. М. Блиева, в Петербурге посчитали, «что этого не достаточно и решили

провести переговоры с представителями осетинского народа» [6, 193]. В итоге осенью 1774 г. в Моздоке состоялись переговоры между губернатором Астраханской области П. Н. Кречетниковым и осетинским представительным посольством, на которых было достигнуто соглашение по вопросу присоединения основной части Осетии к России.

Автор далее отмечает, что «политическое присоединение еще не означало вхождение их в административную систему России». После присоединения к России Осетия значительное время продолжала сохранять независимость от российской системы государственного управления. Как подчеркивает автор, «сами русско-осетинские переговоры носили тогда равноправный характер, поскольку обе стороны преследовали взаимовыгодные интересы; русское подданство было в интересах Осетии и наряду с такими вопросами, как переселение на равнинные земли Северного Кавказа, развитие торговых отношений, внешней безопасности Осетии, входило в программу осетинских посольств XVIII в.» [6, 193, 194].

Таким образом, концепция М. М. Блиева претерпела ряд изменений, которые выразились в стремлении продемонстрировать равноправный характер российско-осетинских связей, что свойственно современным исследованиям по данной проблеме.

Идея о присоединении Осетии к России в 1774 г. была дополнена Р. С. Бзаровым [7]. Ученый утверждает, что «политическое положение Алании-Осетии в середине XVIII в. определялось объединительным движением горных обществ, противостоящих нарастающей внешней опасности. Резкое обострение хозяйственных и социальных проблем, феодальные междоусобицы и внешнеполитические конфликты настоятельно требовали государственных форм самоорганизации» [8]. Всё это вынудило осетин искать более могущественного союзника.

Этот поиск совпал с продвижением на Кавказ Российского государства. Как заявляет Р. С. Бзаров, «в Петербурге быстро поняли, что не удастся обойтись без лояльности небольшого народа, оседлавшего стратегические перевалы, — без военных баз в центре Кавказа, без аланских дорог и серебряно-свинцовых месторождений» [8].

Заслуга в установлении русско-осетинских отношений, по мнению автора, принадлежала посольству 1749-1752 гг. Итоги русско-о-

сетинских переговоров заключались «в установлении политического союза и тесных дипломатических отношений». В итоге в 1774 г., после заключения Россией Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Турецким государством, состоялось присоединение Осетии к России. Официальное закрепление данного акта произошло в октябре 1774 г. в крепости Моздок в результате подписания соглашения между астраханским губернатором П.Н. Кречетниковым и представителями Осетии [8]. Р.С. Бзаров является одним из главных разработчиков современной версии концепции о «добровольном присоединении» Северной Осетии к России.

Исследователи Е.И. Кобахидзе, З.М. Блиева и др. [9] полагают, что, в соответствии с условиями международного права, Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. санкционировал возможность России распоряжаться Центральным Кавказом.

С точки зрения Е.И. Кобахидзе, особое значение для Российского государства имела Осетия, отличавшаяся выгодным для Империи геополитическим положением, обеспечивавшим России прямой доступ к важнейшим транскавказским магистралям, и значительным военно-экономическим запасам в виде рудных и лесных ресурсов [10, 109]. Признание за Россией в 1774 г. Большой и Малой Кабарды резко изменило положение на Кавказе в пользу Империи, которая могла уже официально заняться административным обустройством этой территории [10, 109].

Как утверждает автор, сложившиеся на Кавказе после подписания мирного договора новые политические реалии способствовали тому, что в 1774 г. Россия, наконец, удовлетворила ходатайства, поступавшие от населения Осетии. Официальное присоединение Центрального Кавказа к России в последней трети XVIII в. (в 1770 г. — Ингушетии, в 1774 г. — Кабарды и Осетии) позволило начать административные мероприятия по формированию в регионе российского управленческого аппарата [10, 109].

По словам З.М. Блиевой, заключение мира с Турцией в 1774 г. предоставило российскому правительству возможность удовлетворить неоднократные просьбы Осетии, Ингушетии и Чечни о присоединении к России. Разновременно (в 1770 году — Ингушетия, в 1774 году — Осетия, а в 1781 году Чечня) эти районы вошли в состав России [11]. Договор о присоединении Чечни к России 1781 года, как

сообщает автор, чеченцами был дезавуирован [12, 55]. Их борьба против новых управителей, рассматриваемая как «война за веру», отныне приняла ожесточенный характер [12, 56]. Произошло столкновение контрастирующих между собой общественных систем — российской феодально-крепостнической и чеченской эгалитарной [12, 59].

По выражению одного из авторов «Истории Осетии», Ф.Х. Гутнова, определяющим в русско-осетинских отношениях стал XVIII в. [13, 480].

Большое внимание автор уделяет деятельности осетинского посольства и сообщает, что оно прибыло в Петербург в начале февраля 1750 г.; переговоры проходили до конца 1751 г. В ходе заседаний осетинская сторона высказала пожелание: «Весь осетинский народ желает быть в подданстве е.и.в.». Переговоры, как подчеркивает Ф.Х. Гутнов, «венчал официальный прием, устроенный в декабре 1751 г. императрицей Елизаветой в честь осетинского посольства» [13, 481].

Успешное для России завершение войны с Турцией ускорило подготовку русско-осетинских переговоров, состоявшихся осенью 1774 г. в Моздоке. В результате переговоров Центральная Осетия вошла «под протекцию все милостивейшей государыни» Екатерины II.

Вхождение в состав Российской империи в 1774 г., как считает автор, стало важной вехой в истории осетинского народа, принесло ему стабильность, необходимые условия для экономического, социально-политического и культурного развития [13, 492]. В частности, они получили разрешение на переселение в предгорную зону Центрального Кавказа, признанную «вольной и свободной», на беспошлинную торговлю в Кизляре и Астрахани и др. [13, 486]. Ф.Х. Гутнов полагает, что «обоснование осетин на равнине, появление новых сел рядом с казачьими станицами и русскими поселениями, установление позитивных межэтнических контактов способствовали взаимовлиянию соседствующих культур» [13, 492].

Историк А.А. Хамицаева оценивает присоединение Осетии к Российскому государству как единственно возможный позитивный вектор развития, как в экономическом смысле, так и в культурно-эт-

ническом. В результате были созданы условия, «пусть не всегда гладкие и полностью приемлемые, для ликвидации разобщенности осетинских обществ», ограждения от внешних врагов, определения «дальнейшего пути трансформации и прогресса» [14, 6].

Исследователь Т.В. Гапбаев в этом процессе важное значение придает принятию осетинами православия [15]. Осетия до инкорпорации в Российскую Империю не являлась, с его точки зрения, централизованным государством.

Первый этап вхождения Осетии в Россию автор связывает с появлением первых новообращенных осетин-христиан, начиная с 1745 г. — со времени начала миссионерства Осетинской духовной комиссии. Как утверждает Т.В. Гапбаев, «осетины в своем большинстве воспринимали крещение как акт союза с Россией». К числу основных документов, оформлявших процесс вхождения осетинских обществ в состав России, он относит тексты официальных присяг осетинских старшин на верность России, датированные более ранним временем, чем 1774 г. (официально принятая дата присоединения Осетии к России). Присягнувшие наделялись правами и обязанностями как российские подданные. Автор приходит к выводу, что эти и последующие «нормативно-правовые акты центральной власти, касающиеся Северной Осетии, положили начало интенсивному административному освоению региона» [15].

По мнению Л.А. Чибирова, проблемы социально-политического характера, последствия периодических эпидемий и другие негативные тенденции к XVIII в. «довели жизнь осетин в горах до критической точки и поставили перед лучшими представителями осетинского народа проблему определения его исторической судьбы» [16, 8].

Вхождение «в орбиту русской государственности» давало возможность «выйти из вековой изоляции, покончить со своеволием феодальной знати, спастись от нищеты и гнета, от внешней агрессии» [16, 9]. И Россия была заинтересована в присоединении Осетии, как с экономической точки зрения (в Осетии были разведены богатые рудные запасы), так и с геополитической (по ее территории проходила магистраль, соединяющая Россию с Закавказьем).

Акт присоединения Осетии к России, как подчеркивает автор, «был встречен с неподдельной радостью всем осетинским наро-

дом» [16, 9] и стал «спасительным кругом» для них. В результате осетины получили возможность переселения на равнину. Л. А. Чибиров приходит к выводу, что присоединение к России «послужило большим толчком для социально-экономического развития края, которое особенно ускорилось со второй половины XIX в., когда в Осетии начали развиваться капиталистические отношения. С присоединением к России связан и существенный прорыв в области образования и культуры; началось национальное возрождение осетинского народа» [16, 9].

К числу историков, выступивших против концепции о добровольном присоединении Осетии к России, относится Ф. В. Тотоев. В одной из своих работ начала 1990-х гг. он подчеркивал, что отечественные исследователи сильно преувеличили действенность Кючук-Кайнарджийского трактата [17] и значение русско-осетинских переговоров в Моздоке в октябре 1774 года. По мнению исследователя, эти переговоры были организованы тщеславным астраханским губернатором П. Н. Кречетниковым без ведома императрицы Екатерины II и являлись политической авантюрой [18]. Их результаты были непредсказуемы, но губернатор сделал все возможное, чтобы «осетинские старшины осознали и признали себя подчиненными ему» [18]. По сведениям Ф. В. Тотоева, позже П. Н. Кречетников заявит, что переговоры в Моздоке были с его стороны попыткой «сделать опыт собственных» дел с осетинами, но не как с ищущими подданства России, а как с «прилежательными к здешней губернии», кои «ведением и делами сопряжены» с астраханским губернатором [18].

Такова палитра концепций и исследовательских подходов к изучению проблемы российско-осетинских взаимоотношений в XVIII в. Идея о добровольном присоединении Осетии к России в 1774 г. осталась доминирующей в отечественном кавказоведении, претерпев ряд важных изменений, в числе которых демонстрация взаимовыгодного союзнического характера российско-осетинского исторического взаимодействия.

---

1. Епифанцев А. А. Разные трактовки истории Кавказской войны на Западном Кавказе и их влияние на современность // URL:

<http://www.kavkazoved.info/news/2011/07/15/traktovki-vojny-na-kavkaze-i-ih-vlijanie-na-sovremennost.html> (дата обращения: 15.06.2017).

2. Добаев И.П., Черноус В.В. Олимпиада — 2014 и информационные атаки глазами ученых Юга России // URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/12/27/olimpiada-2014-i-informacionnye-ataki-glazami-uchenyh-uga-rossii.html> (дата обращения: 11.06.2017).

3. Дзамихов К.Ф. «Свое» и «чужое» прошлое, или Актуальные вопросы историографии Кавказской войны // *Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX-XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С. 29-47.*

4. Гузенкова Т.С. Этнонациональные проблемы в учебниках по истории (на примере Украины, Беларуси и некоторых республик Российской Федерации) // *Национальные истории в советском и постсоветских государствах/Под редакцией К. Аймермахера, Г.А. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 114-141.*

5. Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // *История СССР. 1991. № 6. С. 67-84*; Блиев М.М., Дегоев В.В. *Кавказская война. М.: Росет, 1994. 591 с.*; Блиев М.М. *Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ: СОГУ, 1999. 330 с.*; Его же. *Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с. и др.*

6. Блиев М.М. *Осетинское посольство в Петербурге 1749-1752 гг. Присоединение Осетии к России. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им В. Гассиева, 2010. 236 с.*

7. Бзаров Р.С. Состав и принципы формирования Осетинского посольства 1749-1752 гг. в России // *История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. М., 2011. Вып. 5. С. 15-34*; Его же. *О первых осетинах, представленных Осетинской духовной комиссией Российским властям // Осетия в истории российской государственности и дипломатии. Сборник статей. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. Владикавказ, 2012. Вып. 3. С. 5-12 и др.*

8. Бзаров Р.С. *Осетинское посольство 1749 г. и современность // URL: <http://www.kavkazoved.info/pview/2011/07/11/osetinskoe-posolstvo-1749-i-sovremennost.html>* (дата обращения: 15.05.2017).

9. Кобахидзе Е.И. *Взаимодействие традиционной и государственно-административной систем управления в истории Осетии (конец XVIII-XIX в.): дис. ... канд. истор. наук. Владикавказ, 2002. 170 с.*; Её же. *Осетия конца XVIII*

— начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления: дис. ... д-ра истор. наук. Владикавказ, 2010. 484 с.; Её же. «Не единою силою оружия...». Осетия конца XVIII — начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ: СОИГСИ, 2010. 452 с.; Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е годы XIX века: дис. ... д-ра истор. наук. Владикавказ, 2004. 476 с.; Её же. Управление Осетией в 30-50-е годы XIX в. // История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. М., 2011. Вып. 5. С. 83-102 и др.

10. Кобахидзе Е.И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII — конец XIX в.): Историко-этнологический анализ. Владикавказ: СОГУ, 2003. 236 с.

11. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е годы XIX века // URL: <http://www.dissercat.com/content/rossiiskii-byurokraticheskii-apparat-i-narody-tsentralnogo-kavkaza-v-kontse-xviii-80-e-gody> (дата обращения: 12.06.2017).

12. Блиева З.М. Русско-чеченские отношения в XVII-XVIII веках // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 47-61.

13. Гутнов Ф.Х. Присоединение Осетии к России // История Осетии: в 2-х томах/Гл. ред. З.В. Канукова. Владикавказ: СОИГСИ, 2012. С. 478-494.

14. Осетия в кавказской политике Российской империи, XIX в.: сб. док. и материалов/Под ред. А.А. Хамицаевой. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. 333 с.

15. Гапбаев Т.В. Государственно-правовое положение Северной Осетии в составе Российской Империи: конец XVIII — начало XX века: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007 // URL: <http://www.dissercat.com/content/gosudarstvenno-pravovoe-polozhenie-severnoi-osetii-v-sostave-rossiiskoi-imperii-konets-XVIII> (дата обращения: 16.06.2017).

16. Чибиров Л.А. Россия и исторические судьбы осетинского народа // Россия и Кавказ. Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказ. Владикавказ, 6-7 октября 2009. Владикавказ, 2010. С. 7-12.

17. Тотоев Ф.В. К истории русско-осетинских отношений // Отчизна. Владикавказ, 1993. Сентябрь, Октябрь. № 11.

18. Тотоев Ф.В. К истории русско-осетинских отношений // Отчизна. Владикавказ, 1993. Сентябрь, Октябрь. № 12.

**И. С. ТАХУШЕВА,
магистрант ИИФиСМИ, КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)**

**ВОЕННО-СИЛОВЫЕ МЕТОДЫ ПОКОРЕНИЯ КАВКАЗА
В XIX В. И ИХ ОЦЕНКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИБЕРАЛЬНО-
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ
«ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»)**

В статье анализируются публикации о Кавказской войне в ведущем столичном журнале «Отечественные записки» (1818-1884). Редакция опубликовала авторские материалы и собственные рассуждения и комментарии, раскрывающие содержание правительственной политики на Северном Кавказе в 50-60-е гг. XIX в.

Ключевые слова: «Отечественные записки», журнал, демократическая печать, Кавказ, Кавказская война, национальная политика, журнальная критика, рецензия.

The article analyzes the publications about Caucasian war in the leading capital journal «Otechestvenniye zapiski» (1818-1884). The journal's edition published copyrighted materials and their own arguments and comments, that reveal the content of the government's policy in the Caucasus in the 50-60-es 19th century.

Keywords: «Otechestvenniye zapiski», journal, democratic press, Caucasus, Caucasian war, national policy, journal's criticism, review.

«Отечественные записки» (1818-1884) занимали центральное место среди подцензурных либерально-демократических изданий в России середины и второй половины XIX в. В демократической прессе четко и глубоко отражалась жизнь общества: бесправие народа, полновластие абсолютизма, необходимость освобождения от феодального деспотизма, судьба многочисленных народов России. Редакционная коллегия ведущего российского журнала много внимания уделяла злободневной общественной проблеме — формам и методам включения народов Кавказа в политическое и правовое пространство Российской Империи, что требует

серьезного исторического и историографического анализа. В условиях современной идеологической и экономической поляризации общества, изучение подвижнической и просветительской деятельности демократической прессы особенно актуально, поскольку помогает осмыслить проблемы российского общества и, в свою очередь, его отношение к народам Кавказа в годы военного противостояния.

К событиям Кавказской войны — особой вехи в истории России, стоившей воевавшим сторонам огромных усилий и жертв [1;2], надолго было приковано внимание «Отечественных записок». Военное противостояние на Кавказе и одновременно организуемое властями его обустройство нашли яркое отражение в периодическом издании при его редактировании А. А. Краевским. Информативные заметки о ключевых военных событиях и общие очерки о ходе войны ежегодно публиковались на страницах отдела «Современная хроника России». Журнал не только констатирует факты, но и выражает свое отношение к ним.

В 1857 г. редколлегия сообщала о взятии русской армией области Салатавия, расположенной в Предгорном Дагестане на левобережье реки Сулак; о десантной операции майора Ф. С. Левашева против турецких судов в бухте Геленджика и защите офицером крепости Анапа от нападения шапсугов [3, 63-65]. По мнению редакции, несмотря на то, что война шла достаточно долго, известия с Кавказа вызвали большой общественный резонанс, чем объяснялась публикация им ежегодных отчетов о расстановке сил в регионе [3, 65].

В 1859 г. «Отечественные записки» напечатали обширный очерк об основных фазах военных действий на Кавказе за 1858 г. [4, 3-17]. Наиболее значительные события в этом году происходили на Левом крыле Кавказской линии, в которое входили Чечня и Дагестан. Редакция познакомила читателей с результатами военных экспедиций в регионе. Действия 1858 г. в Чечне начались занятием считавшегося неприступным ущелья реки Аргун, где генерал Н. И. Евдокимов построил сильное укрепление, названное Аргунским. Для контроля аулов Шатоевского общества в верховьях Аргуна он заложил укрепление Евдокимовское. Шамиль попытался отвлечь внимание российского командования диверсией к Назра-

ни, но был разбит отрядом генерала И. К. Мищенко. Убедившись в том, что его контроль над Аргуном окончательно подорван, Шамиль удалился в Ведено — новую резиденцию. «Результат действий на Левом крыле превзошел самые смелые ожидания. Все горное пространство между Военно-Грузинскою дорогою (верховьями Терека) и долиною Шаро-Аргуна покорилось России» [4, 13], — отметили журналисты отдела.

В следующих номерах обозреватель хроники сообщал об успехах российской армии в Кубанской области и покорении шапсугов, назначении генерал-адъютанта Д. А. Милютина товарищем военного министра и связанных с этим преобразованиях в крае [5, 19-25], возведении новых укреплений на Северо-Западном Кавказе и переселении в эти места казаков [6, 56-63]. Примечательно, что сотрудники журнала высказывали некоторые соображения о принципах переселения россиян на Кавказ и устройства казачьих поселений. По их мнению, «переселять казаков за Кубань надо преимущественно из станиц; хутора следует оставить в покое: там уже устроилось хорошее хозяйство и есть капиталы — стало быть, все заложено к развитию и усовершенствованию сельского хозяйства» [6, 61]. «Успеху нашей колонизации на Кавказе также могло бы принести большую пользу водворение азовских казаков в удобных местах по восточному берегу Черного моря» [6, 61]. Редакция давала читателям журнала продуктивные советы: «Чтобы русские поселения на Кавказе могли принести всю пользу, которую можно от них требовать, надо доставить поселенцам средства к образованию, или, по крайней мере, к грамотности; без этого наши колонии не только не могут иметь полезного влияния на туземцев, среди которых они поселены, но даже рискуют потерять свою народность, забыть свой язык» [6, 62]; «Распространение грамотности и образования между нашими поселенцами на Кавказе не требует ни расходов, ни усилий со стороны правительства. Дозволение духовенству, офицерам и чиновникам заняться этим делом имело бы самые благие результаты; кроме того, поселенцы сами, на свой счет нигде бы не отказались устроить школы и содержать их. Благородное начало устройству школ уже положено чиновниками и офицерами в укреплениях Нальчик и Хасав-Юрте; несколько десятков солдатских сыновей и дочерей изучает уже в

этих двух школах закон божий, русскую грамоту и арифметику» [6, 62-63]. Характерно, что для прогрессивных сил русской литературы и публицистики, сотрудничавших в «Отечественных записках» (А. А. Краевского, С. С. Дудышкина и др.), покорение Кавказа непременно связывалось с просвещением горцев.

В рецензионных статьях редакция «Отечественных записок» старалась полнее выразить свою позицию к событиям на Кавказе. Анонсируя выход в свет работы Р. А. Фадеева (1824-1883) «Шестьдесят лет Кавказской войны», редколлегия опубликовала рецензию на труд военного историка и перепечатала в журнале наиболее интересные, по ее мнению, выдержки из книги [7, 95-106]. В рецензии подчеркивалось, что «страна, целых шестьдесят лет державшая в напряжении наши военные и финансовые силы, стоившая нам ежегодно нескольких тысяч солдат и многих миллионов рублей, подчинилась, наконец, нашей власти» [7, 95]. К 1860 году, по мнению рецензентов, Кавказ был практически завоеван Россией. Война, которую привыкли считать бесконечной, с которой все свыклись, как с «неизбежным злом», была близка к завершению. По словам редколлегии, вслед за прекращением военных действий наступил бы долгожданный мир, выгодный для обеих сторон: на Кавказе «место солдата займет земледелец, промышленник, торговец; вместо военных экспедиций начнутся другие экспедиции — мирные; вместо разорения, вместо грома оружия, мы понесем теперь Кавказу цивилизацию, образованность, гражданский порядок, пути сообщения, промышленность, торговлю; мы научим его ценить всю пользу гражданского порядка, все благодетельства мира... Хорошо будет Кавказу, но еще лучше будет нам. Кавказ наш, и навеки упрочено наше влияние над Средней Азией [8]; нам не страшно теперь соперничество англичан, и от нашей энергии, от нашего благоразумия будет зависеть, сделав Кавказ опорною точкою, приобрести первенствующее политическое и торговое влияние над Азией» [7, 95-96].

На такие размышления сотрудников журнала натолкнула, как нам предполагается, прежде всего, работа Р. А. Фадеева, которая явилась первым исследованием, объясняющим геополитическую стратегию покорения Кавказа. Если до этого население «интересовали личность Шамиля, его проводы и встречи, его впечатления,

трудная судьба дикого сына гор» [7, 96], то с выходом книги Фадеева редакция переключала внимание читателей на общий ход войны, ее смысл и значение, на стратегические цели Империи в регионе.

Внимание читателей Фадеев закрепил в 1865 г. серией статей в «Московских ведомостях» под общим названием «Письма с Кавказа», написанных по поручению нового наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича. «Отечественные записки» не оставили без внимания любопытные письма Фадеева о завершающем этапе Кавказской войны (1859-1864 гг.) [9, 263-268], разъясняющие сведения, изложенные в общем очерке «Шестьдесят лет...».

Первые десять писем были посвящены главным образом описанию военных действий. Покорение Северо-Западного Кавказа Фадеев рассматривал как достойное продолжение общего плана, разработанного А. И. Барятинским, но не доведенного им до конца из-за болезни. Рецензенты обращали внимание читателей, что этот план заключался в изгнании горцев и заселении Западного Кавказа русскими селами и деревнями. Отдавая должное настойчивости правительства, которому Россия обязана «великим торжеством своим», Фадеев одновременно упрекал русское общество за то удивительное равнодушие и невнимание, с которым оно смотрело на «кровавую горскую войну», не отдавая себе отчета в том, что именно Кавказ составляет «половину всей политической будущности России» [10].

Этой «будущности» были посвящены остальные четыре письма. Согласно военному историку, продвижение на Кавказ неизбежно ставило вопрос о распространении влияния России на Среднюю Азию. Размышления над кавказским вопросом привели Фадеева к мысли, что вся русская история есть преимущественно один бесконечный азиатский вопрос, и продвижение на Кавказ не было случайным или неоправданным [11]. Таким образом, в «Письмах» Фадеев возвратился к теме оценки геополитической ситуации на Кавказе и углубил первоначальный анализ.

Однако редакция журнала не была согласна с выводами геополитика. Во-первых, ей было не понятно, почему Фадеев считал русскую историю преимущественно одним бесконечным азиатским вопросом. Большинство жителей страны составляли славя-

не, которые не имели ничего общего с населением Азии. Наряду с продвижением на восток, Россия стремилась распространить свое влияние и «на юге — к Дунаю, и к западу — к Ботническому заливу и Карпатам» [9, 268].

Во-вторых, по представлениям сотрудников «Отечественных записок», «история русская есть развитие одного из главнейших славянских племен, которое составляет собою государство, по своему современному положению гораздо более и теснее связанное со всеми явлениями общей европейской жизни, нежели с хаотическим состоянием азиатских держав и невежеством их полудиких обитателей» [9, 268]. Поэтому редакция полагала, что «Фадеев сделал бы несравненно лучше, если бы, оставив в стороне дальнейшие политические последствия азиатского вопроса, познакомил читателей с положением края и его обитателей, с администрацией, которая, по-видимому, ему близко знакома, с управлением туземцев, которые считают наилучшим правительством то, о котором они меньше всего слышат, и т.д... Все это придало бы еще более занимательности его в высшей степени любопытным письмам с Кавказа, которым мы желаем полного успеха» [9, 268].

Таким образом, в кавказских письмах Фадеев показал себя искусным администратором и тонким знатоком стратегии, однако, по справедливому замечанию рецензентов, его письма вызвали бы больший интерес среди читателей при наличии большего количества качественных сведений о системе управления горских народов, «положении края и его обитателей», образе жизни и менталитете кавказских насельников, чему Фадеев уделил мало внимания. Редколлегия считала, что для российского читателя эти вопросы являлись более значительными, чем абстрактные размышления о покорении Азии.

В 1868-1884 гг. сколько-нибудь ценных публикаций о событиях и итогах Кавказской войны в «Отечественных записках» не выявлено. По-видимому, это объясняется завершением военных действий и включением региона в состав России. Можно предположить, что Н. А. Некрасов, который возглавил редакцию «Отечественных записок» в 1868 г., напечатал огромное количество очерков о войне в другом центральном журнале — «Современник» — и посчитал целесообразным обратить внимание читателей в новом журнале

на другие актуальные проблемы современности, например, о реализации на Кавказе либеральных реформ Александра II.

Таким образом, можно сделать вывод, что история Кавказской войны и весь край воспринимались в либерально-демократических органах печати, в частности в «Отечественных записках», многогранно и сложно. Журнал не только сообщал большой фактический материал о Кавказской войне, публикуя статьи о соотношении сил в регионе, целесообразности борьбы России за Кавказ и стабилизации обстановки в регионе, но и формировал отношение многочисленной аудитории к политике России на Северном Кавказе. Демократы рассматривали кавказскую тематику как политическую и стремились даже в рецензионных статьях выразить свое отношение к событиям на Кавказе. Подлинными представителями русского общества, передовые люди, самоотверженно поднимавшиеся на борьбу с царским строем, боролись за освобождение, как своего народа, так и других народов, населявших Российскую Империю. Однако отсутствие возможности открыто критиковать методы покорения Кавказа заставляло сотрудников «Отечественных записок» ограничиваться публикацией одобренных рецензий на труды, обличавших беспорядки в управлении Кавказом. Реалистическое освещение событий, происходивших на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе, способствовало распространению правды о горских народах, об их героической, самоотверженной борьбе с самодержавием. Эти статьи не оставляют сомнения в том, что прогрессивные журналы и их руководители внимательно относились к горцам и по существу защищали их права.

---

1. Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век — 1917 год). Московский государственный институт международных отношений (университет). Москва, 2009

2. Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век) Москва, 2013.

3. Современная хроника России: Последние известия с Кавказа // Отечественные записки. 1857. Т. 113. С. 63-65.

4. Современная хроника России: Очерк военных действий на Кавказе за 1858 г. // Отечественные записки. 1859. Т. 122. С. 3-17.

5. Современная хроника России: Известия с Кавказа// Отечественные записки. 1860. Т. 133. С. 19-25.
6. Современная хроника России: Обзорение дел на Кавказе// Отечественные записки. 1861. Т. 135. С. 56-63.
7. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860// Отечественные записки. 1860. Т. 128. С. 95-106.
8. Завоевание Средней Азии произошло позднее, в 60-70-х гг. XIX в.
9. «Письма с Кавказа» к редактору «Московских Ведомостей» Р. Фадеева. СПб., 1865 // Отечественные записки. 1865. Т. 162. С. 263-268.
10. Кузнецов О.В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf?txt/593/25593/8488? p_page=1 (дата обращения: 10.06.2017).
11. Морозов Е., Сергеев С. Опоздавший Потемкин // Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о кавказских делах [Текст]/Фадеев Р.А. М., 2007. URL: <http://coollib.com/b/264695/read> (дата обращения: 10.06.2017).

А. А. ХАДАРЦЕВА,
магистрант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX -НАЧ. XX В.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматривается отечественная историография истории российско-британских отношений во второй половине XIX — нач. XX в. Обращено внимание на различные трактовки проблем, связанных с налаживанием или охлаждением отношений между великими державами. Делается вывод о ряде научных лакун, которые до сих пор остаются незаполненными.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, дипломатия, сотрудничество

Abstract. The article considers Russian historiography of the history of Russian-British relations in the second half of XIX — early twentieth century drew attention to different interpretations of the problems connected with the establishment or the cooling of relations between the great powers. It is concluded that a number of scientific gaps that still remain unfilled.

Key words: Russia, Britain, diplomacy, cooperation

Человечество опирается на опыт прошлого, опыт истории. Конечно, строить внешнюю политику России на внешнеполитическом опыте XIX и даже XX вв. — занятие непродуктивное. Вместе с тем в сфере международных отношений есть исторически преемственные элементы. Незнание уроков истории или пренебрежение ими дорого обошлись и обходятся человечеству.

Цель данной статьи — проанализировать развитие внешнеполитических отношений двух величайших империй XIX-начала XX столетий, избегая при этом перекосов в ту или иную сторону.

Обе державы на протяжении XIX-XX вв. состояли в союзе лишь во время борьбы с наполеоновской Францией в начале XIX в., накануне и в годы Первой мировой и Второй мировых войн. Наиболее

острым российско-британское противостояние было в годы нахождения на престоле королевы Виктории (1837-1901 гг.). «Викторианская эпоха» связана с эскалацией соперничества двух империй на Ближнем и Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Балканах. Время королевы Виктории, во многом влиявшей на формирование антироссийского внешнеполитического курса Британии, — это и время активной политической деятельности таких последовательных противников России, как Г.Ф. Пальмерстон и Б. Дизраэли, вице-король Британской Индии Э. Литтон.

Требуется всестороннее осмысление исторического опыта российско-британских межгосударственных отношений в исследуемый период, выявление объективных и субъективных причин столь длительного противостояния двух империй, а также причина российско-британского сближения в начале XX в.

Особый интерес для исследования представляет анализ причин заинтересованности России в сближении с Великобританией в начале «викторианского века», а также причин того, почему этого сближения не произошло.

Необходимо проследить процесс установления и развития родственных отношений между династией Романовых и Британским Королевским Домом, начавшийся как раз при королеве Виктории. Роль династической дипломатии исследована лишь в малой степени.

В рассматриваемый период для Британии Кавказ — выгодный военно-стратегический плацдарм для дальнейшей экспансии. Особенно подчеркивалась русская угроза Индии, усугублявшаяся в связи с присутствием России на Кавказе. Следует выяснить, насколько реальными были страхи англичан по поводу такой угрозы «жемчужине Британии».

Историографический обзор построен нами на основе хронологического членения имеющейся литературы на три основные группы: 1) работы, опубликованные в период предшествующий Февральской и Октябрьской революциям 1917 г.; 2) вышедшие в свет в советский период, то есть в 1917-1991 гг.; 3) исследования постсоветского периода.

К первой группе относятся труды, вышедшие в свет в условиях самодержавной монархии. По отношению к Великобритании они

носят резко негативный характер, так или иначе, затрагивая российско-британские отношения во время «викторианского века». Следует выделить «Дневники» В. Н. Ламздорфа, долгие годы являвшегося заместителем министра иностранных дел, а в 1900 г. возглавившего МИД России [11]. Они содержат немало ценного фактического материала и в плане российско-британские отношения и в конце 80-х — начале 90-х гг. XIX в. Несмотря на некоторую пристрастность, они позволяют получить представление о сути внешней политики России в данный период.

Научный интерес вызывает исследование А. М. Зайончковского, посвященное Крымской войне [8]. В нем анализируется не только само время Крымской войны (1853-1856 гг.), но и отношения России с Британией и Францией в 30-е — 40-е гг. XIX в., что позволяет получить представление о роли Британии в развязывании войны.

Особый интерес представляют мемуары С. Г. О. Витте [5], долгие годы оказывавшего влияние на формирование внешнеполитического курса России.

Противостояние Британии и России в годы русско-турецкой войны 1877-78 гг. описано в воспоминаниях второй супруги Александра II — Е. М. Долгорукой и французского дипломата М. Палеолога, долгое время проработавшего послом Франции в России. Интересен сборник «Русский орел на Балканах», включающий воспоминания нескольких российских генералов (таких, как И. В. Гурко, А. Н. Куропаткин), участвовавших в русско-турецкой войне. Данные источники позволяют оценить роль Великобритании в противодействии российским планам как в годы русско-турецкой войны 1877-78 гг., так и на Берлинском конгрессе.

Из зарубежных источников данного периода следует выделить «Воспоминания» О. фон Бисмарка [1]. Автор подробно освещает события Крымской войны, ход Берлинского конгресса, на котором он совместно с Б. Дизраэли сумел лишить Россию итогов Сан-Стефанского мирного договора. В «Воспоминаниях» можно найти и характеристики российских и британских государственных деятелей, подробный анализ сущности внешнеполитического курса Британии, направленного на поддержание противоречий между континентальными державами с целью удержания за собой доминирующей позиции в Европе.

Общим для большей части исследований дореволюционного периода, опубликованных в России, является отсутствие критики российского внешнеполитического курса и, тем более, государственных деятелей России (исключение отчасти составляют «Дневники» В. Ламздорфа).

Ко второй группе отнесены работы, вышедшие в свет в период с 1917 по 1991 гг. Выделение этого периода в историографии обосновано тем, что в ходе кардинальной трансформации социально-политической системы России, наступившей после Октябрьской революции 1917 г., большинство авторов стали исследовать историю внешней политики России с иных идеологических позиций. Накануне Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. интерес к истории внешней политики Российской империи был не очень высок, опубликованные исследования были работами либо эмигрантов, либо зарубежных историков и государственных деятелей [2]. Из работ, написанных в предвоенные годы в СССР, так, или иначе затрагивающих российско-британские отношения в 1837-1907 гг., следует выделить «Воспоминания дипломата» Ю. А. Соловьева, до революции работавшего в МИДе России, а затем перешедшего на службу Советской власти [12]. Ю. А. Соловьев, служивший в Пекине, Афинах, Штутгарте, Мадриде, на каждом месте своей работы сталкивался с противодействием британских дипломатов.

40-е — 80-е гг. XX в. отмечены повышенным интересом исследователей к проблемам внешней политики. В 1949 г. в СССР опубликовано фундаментальное исследование выдающегося советского историка Е. В. Тарле, посвященное Крымской войне, в 1958 г. — «Очерки по истории Великобритании» К. Н. Татариновой [14]. Е. В. Тарле детально рассматривает борьбу России, Британии, Франции и других держав за господство в Европе; анализирует недальновидную политику Николая I и канцлера Н. К. Нессельроде, приведшую к изоляции России и войне с сильнейшими державами — Великобританией и Францией; раскрывает позицию королевы Виктории, принца Альберта, премьера Эбердина и Г. Дж. Пальмерстона, объединивших усилия для сокрушения Российской империи. Работа К. Н. Татариновой позволяет проникнуть в сущность политической системы Великобритании, того времени.

В конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. вышла в свет «История дипло-

матии» под редакцией министра иностранных дел СССР А. А. Громыко. Это исследование насыщено богатым фактическим материалом и содержит подробный анализ системы международных отношений в описываемый период.

Среди трудов, написанных в СССР в 1960-е гг., стоит отметить исследования Н. А. Халфина, посвященные экспансии Российской империи в Средней Азии [16]. Они, безусловно, представляют научную ценность. И даже тогда, в разгар «холодной войны», одна из них была опубликована в Британии.

В 1960-е — 1980-е гг. вышло немало работ, затрагивающих проблемы российско-британских отношений. Уместно выделить исследования Л. С. Семенова, Н. А. Ерофеева, С. Д. Сказкина, Н. С. Киняпиной, К. Б. Виноградова, Л. Е. Кертмана [4]. Исследование Л. С. Семенова раскрывает особенности торгово-экономических отношений Британской и Российской империй в середине XIX в.

Ценный материал для исследователей содержится в труде К. Б. Виноградова. Автором дан подробный анализ британской историографии конца XIX — первой половины XX в.

В работе Н. А. Ерофеева рассмотрена важная проблема сущность радикальной формы британского шовинизма и — «джингоизма».

Общим для большей части исследований в 1917-1991 гг. является то, что под влиянием конфронтации СССР и Запада авторы исследований (особенно западные) подвергали противоположную сторону чрезмерной критике; для большинства авторов характерна идеологическая заданность. Но и в этот период накоплен большой фактический материал.

К третьей группе мы отнесли исследования, посвященные различным аспектам избранной темы, которые вышли в свет в постсоветский период. Многие авторы стали исследовать проблему российско-британских внешнеполитических отношений и династических связей уже с иных теоретических и методологических позиций.

В 1990-е гг. — начале XXI века отчетливо обозначился возросший интерес исследователей к проблематике российско-британских отношений. Появились новые труды, посвященные различным аспектам российско-британских внешнеполитических отношений и династических связей. Так, Ю. Ю. Клычников и М. М. Блиев изучают проблему противостояния России и Британии на Северном Кавказе,

объясняя причины политического успеха России в данном регионе [10].

Следует отметить значимость исследований В. Г. Трухановского [15] и А. Б. Широкограда [17]. Труд В. Г. Трухановского, освещающий биографию британского политика Б. Дизраэли, насыщен богатым фактическим материалом, раскрывает взаимодействие Дизраэли и королевы Виктории в проведении антироссийского курса во внешней политике. Исследование А. Б. Широкограда затрагивает многие аспекты российско-британских внешнеполитических связей и династических отношений в 1837-1907 гг. Хотя, на наш взгляд, автор слишком враждебно настроен по отношению к Британии и дает резкие критические оценки таким отечественным государственным деятелям, как А. М. Горчаков, Александр II, В. Н. Ламздорф.

В 90-е XX в. — начале XXI века вышли в свет и другие работы, освещающие историю российской внешней политики и деятельность выдающихся российских дипломатов в целом. Это, прежде всего, исследования В. В. Дегоева, А. В. Ревякина, А. А. Трапезникова, Л. Б. Виноградова и др. [6; 7].

Но в то же время, в 1990-е — 2000-е гг. не было написано новых диссертационных исследований, посвященных проблеме внешнеполитических отношений России и Британии, родственным связям Романовых и Ганноверской династии. В 1990-2000-ые гг. вышло в свет значительное число научных публикаций, рассматривающих различные аспекты династических связей дома Романовых и Ганноверской династии. В этом ряду отметим работы К. Б. Виноградова и П. Б. Суртаева, В. А. Матвеева, Г. С. Остапенко, Л. С. Третьяковой [3].

Таким образом, историографический обзор литературы позволяет сделать вывод о том, что как отечественными, так и зарубежными авторами в течение XX — начала XXI вв. освещен довольно широкий круг вопросов, связанных с развитием российско-британских внешнеполитических отношений и династических связей в исследуемый период. Но не все проблемы изучены с одинаковой полнотой, с соблюдением систематизации. Практически нет работ, обобщающих все аспекты исследуемой нами проблемы.

1. Бисмарк О.фон. Воспоминания, мемуары: Т. 1. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2002. 592 е.; Т.2. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2002. 560 с.
2. Бьюкенен Дж Мемуары дипломата — М:«Международные отношения», 1991. 344 е., Вильгельм II. События и люди 1878-1918: Воспоминания, мемуары. Минск: Харвест, 2003.
3. Виноградов К Б., Суртаев П. Б, Королева Виктория, принц-супруг Альберт и Крымская войны И Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 175-201; Матвеев В. А. Британская монархия: искусство выживания // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 156-185; Остапенко Г. С. Наследники королевы Виктории и первые британские монархи XX в.: Эдуард VII и Георг V // Новая и новейшая история. 1999. № 6 С. 129-154; Третьякова Л. С. Островной инстинкт // Вокруг света. 2002. № 6. С. 106-113.
4. Виноградов К. Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л.: Прибой, 1975. 480 е.; Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М.: «Мысль», 1990. 541 е.; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в./Под ред. Н. С. Киняпиной. М: Наука, 1991. 509 е.; Семенов Л. С. Россия и Англия Экономические отношения середины XIX в. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. 167 е.; Ерофеев Н А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М.: Издательство «Наука», 1982. 320 е.; Сказкин С. Д. Дипломатия А. М. Горчакова в последние годы его канцлерства. Международные отношения. Политика. Дипломатия. М.: «Международные отношения», 1964. 324 с.
5. Витте С. Ю Воспоминания, мемуары: В 3 т. Минск, Харвест, 2002. 800 с.; 800 с; 608 с.
6. Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы. 1700-1918 гг. М.: МГИМО; РОССПЭН, 2004-496 е.; Монархи, министры, дипломаты XIX — начала XXв.
7. Дегоев В. В., Стамова И. И. Приз для победителя. Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века//Центр проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО (У). Сер. Кавказский архив. Москва, 2013.
8. Зайончковский А. М Восточная война, 1853-1856: В 2 т. СПб., ООО «Издательство Полигон», 2002. 922 е.; 574 с.
9. История дипломатии. Издание второе, переработанное и дополненное/Под ред. А. А Громыко. Т I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 896 с. Т. II. Дипломатия в новое время 1871-1914. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. 821 с.
10. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг). Пятигорск, издательство ПГЛУ, 2000-494 е.; Блиев М. М. Рос-

сия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.

11. Ламздорф В.Н. Дневник 1886-1890. Воспоминания, Мемуары. Минск: Харвест, 2003. 403 с. Ламздорф В.Н. Дневник 1890-1892. Воспоминания Мемуары. Минск: Харвест, 2003. 416 с. Ламздорф В.Н. Дневник 1892-1894. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2003. 410 с

12. Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России 1648-2000. М.: Аспект-Пресс, 2001. 344 с.;

13. Соловьев Ю.А. Воспоминания дипломата 1893-1922. Минск: Харвест, 2003. 416 с.

14. Татарина К.Н. Очерки по истории Великобритании. М.: ИМО, 1958. 456 с.

15. Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры. М.: Наука, 1993. 368 с.

16. Халфин Н.А. Политика России в Центральной Азии. М.: Прогресс, 1960. 370 с.

17. Широкопад А.Б. Россия — Англия: неизвестная война, 1857-1907. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 512 с.

IV. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

И. А. БЕДОЕВА,
кин
(г. Владикавказ)

ТРАДИЦИОННЫЕ ХМЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ ОСЕТИН КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В данной статье рассматриваются традиционные хмельные напитки осетин, которые восходят к индоевропейскому культурному кругу, подтверждают этническую преемственность осетин с их этногенетическими предками, а также сходны с напитками соседних кавказских народов и свидетельствуют о тесных культурно-исторических взаимоотношениях.

Ключевые слова: осетины, хмельные напитки, ронг, алутон, осетинское пиво, арака, вино, квас и брага.

This article is about traditional beverages of the Ossetians, which date back to the Indo-European cultural circle, confirm ethnic continuity of the Ossetians with their ethno-genetic ancestors, as well as drinks similar to the neighboring Caucasian peoples and indicate close cultural and historical relationship.

Keywords: the Ossetians, beverages, rong, aluton, ossetian beer, araq, wine, kvass and braga.

Специфические особенности социальной культуры осетин особенно ярко выражены в традиционных хмельных напитках. Одни из них восходят к индоевропейскому культурному кругу, подтверждают этническую преемственность осетин с их этногенетическими и непосредственными предками — скифами, сарматами, аланами, другие же — сходны с напитками соседних кавказских народов и свидетельствуют о тесных культурно-исторических взаимоотношениях.

Ронг. Наибольший интерес из унаследованных напитков вызывает ронг. Современными осетинами он утрачен, от предков остались лишь название напитка и некоторые скудные сведения о способах его приготовления.

В попытках разгадки этой исторической тайны исключительную роль сыграл выдающийся исследователь В.И. Абаев. Собирая по крупицам и анализируя материалы, сохранившиеся в Нартовском эпосе, в памяти народа, знатоков быта средневековых алан, соседних народов, ученому удалось разгадать историческую тайну появления этого чудодейственного напитка.

Слово «ронг» является исконно осетинским по происхождению и означает «хмельной медовый напиток». Его изготовление было известно раннесредневековым аланам. Однако изменение их политической судьбы после татаро-монгольского нашествия и их сход с исторической территории привели к упадку пчеловодства и, как следствие, к уменьшению производства мёда, а значит, и к прекращению приготовления ронга.

Ронг был древнейшим и наиболее популярным хмельным напитком у индоевропейских народов, которым он был известен с IV-III тыс. до н.э. [1, 422]. По мнению В.И. Абаева, как название, так и культура его приготовления и употребления были непосредственно связаны с древнеиранским миром [1]. Об этом свидетельствует и то, что ронг являлся любимым напитком Нартов. В эпоху, когда у осетин-алан пчеловодство было широко распространенным явлением, название напитка, а также традиции его приготовления и употребления были переняты соседними грузинскими племенами — сванами, мегрелами и рачинцами, сохранив, в то же время, его архаичное написание — ранга. При этом, это понятие у них также означает: медовый напиток; хмельной напиток, приготовленный из

меда; медовое вино [2, 364]. Ронг был не только приятным, но также очень крепким и хмельным напитком.

Æлутон. Не менее интересна история, связанная с другим древнейшим напитком предков осетин, — æлутон, который, как и ронг, сохранился преимущественно лишь в памяти народа.

Æлутон — сорт высококачественного пива. В.И. Абаев, посвятивший специальную статью значению и происхождению слова «æлутон», считает, что оно является старым заимствованием из германского и балтийско-славянского или финского языка в значении пива и является неопровержимым свидетельством культурных связей предков осетин с народами Северной Европы, у которых пиво было также широко распространенным напитком. Им же установлено, что культура пива была известна осетинам с глубокой древности [3, 344-345].

Аланы, позаимствовав слово у германцев или финнов, в свою очередь, передали его своим соседям на Кавказе — грузинам-горцам под названием «луди», сыграв тем самым роль культурного посредника между Северной Европой и Закавказьем [4, 340-341]. В связи с этим возникает вопрос: почему грузины-горцы не взяли более распространенное слово **багганы**, а его старинное название? Ж. Дюмезиль даёт следующее объяснение: «Они предпочли æлутон, означающее божественное питьё... То есть грузины заимствовали у своих соседей осетин священное пиво, напиток, предназначенный для богов. Это существенное уточнение, ибо оно приводит к мысли о том, что не потребности питания побудили грузин-горцев заимствовать пиво, а потребности религиозного порядка — пиво прочилось на роль ритуального напитка (вино), употребление которого они вынуждены были прекратить из-за климатических условий» [5, 185].

Вокруг напитка æлутон с древних времен слагались легенды. В связи с этим, большой интерес представляют наблюдения Ю. Клапрота, посетившего одним из первых Южную Осетию в начале XIX в. «В Двалетии, — писал он, — недавно в земле нашли большой глиняный сосуд, похожий на те, которые употребляют в Грузии для хранения вина; сосуд содержал массу, похожую на смолу; когда её нюхали в течение длительного времени или брали небольшие куски в рот, то наступал крепкий и продолжительный сон. На том месте, где

лежал сосуд, не росло, как говорили, никакой травы, а зимой здесь не залеживался снег. В Двали это вещество называют лутон. Я очень сожалею, что не мог остаться дольше в этой местности, чтобы проверить истину этих рассказов и исследовать это, похожее на опиум, вещество» [6, 144].

По его же сведениям, «варят обыкновенное горское пиво. Когда оно готово, опускают в котёл туши барашков и продолжают варить до тех пор, пока мясо само не отстанет от костей. После этого варево освобождают от крупных и мельчайших костей и продолжают варить до тех пор, пока, по выражению стариков, в полученной густой массе вертикально не будет «стоять опущенный нож». Сваренный таким путём напиток — æлутон, хранили потом в больших сосудах под землёй. Æлутон считался крепким напитком, который чем дольше выдерживался, тем большую крепость приобретал он» [7]. Такой же способ приготовления напитка зафиксирован в горной Осетии К. Н. Кулаевым [8].

Æлутон был связан с религиозным ритуалом и использовался «как причастие». При этом, «не только момент «причастия», но и весь процесс приготовления и потребления его был пронизан сознанием важности и серьезности, особой «религиозной торжественности» [9, 344]. По образному выражению В. Уарзиати, этот сорт пива отражал комплексную зерново-скотоводческую модель питания алан-осетин [10, 151].

Как уже указывалось, в Осетии этот напиток фактически исчез из употребления. Сохранились лишь воспоминания о нём, как о сорте пива, сваренном каким-то особенным способом, и о его чудесном вкусе, насыщающих качествах, якобы утолявших голод.

Вот что узнал В. И. Абаев об этом высококачественном напитке во время поездки в горную Дигорию в 1931 г. «Один старик-дигорец сообщил, что в пору его молодости приготовление æлутон было распространено в Дигории; это было пиво, в котором вываривались бараньи курдюки или целые бараньи туши. Теперь стали понятны и представления о чудесных насыщающих свойствах æлутон; пиво как хлебный сок, само уже имеет способность утолять не только жажду, но и голод; будучи же до отказа пропитано бараньим жиром, оно, конечно, могло насыщать, конечно, «не навсегда, но надолго» [11, 339]. Продолжая суждения по данному

вопросу, В. И. Абаев в другой своей работе назвал æлутон — пивом особой варки, «в котором вываривался говяжий или бараний жир» [12].

Между тем, известно, что в понятиях скотоводов жир был символом благополучия, изобильной жизни. Значение жира ярко воспето также в мифологии арийцев, в священных гимнах Ригведы и в фольклоре осетин [13, 169].

Исследование названия и культуры «æлутон», его иранских корней, уводят нас на Восток, на территорию Казахстана, с которой связана культура скифо-сакского и сармато-массагетского мира. У казахов бытовал напиток — разновидность бузы — сурбоза (букв. крепкая боза). Как и предки осетин, в готовый напиток казахи опускали бараньи курдюки, и буза насыщалась роскошным курдючным жиром. После этого напиток становился такой крепости, что от одной выпитой чашки наступало сильное опьянение. Считалось, что это был напиток настоящих мужчин.

Эти аналогии, выявленные в традиционной культуре казахов, свидетельствуют о том, что скифо-сакские и скифо-массагетские древности явились субстратной основой в их этнической культуре [13, 176-177; 14, 323].

Одним из больших заслуг В. И. Абаева является и выяснение причины, почему представление об æлутон связывалось с чем-то драгоценным, доступным только в малых количествах. Однако со временем произошло невероятное: слово æлутон бытовавшее в лексиконе более 2 тыс. лет, было заменено не очень старым словом бæгæны (с кабард. бегина — кисель). Причину такой замены пытались объяснить ряд исследователей, но наиболее верное объяснение мы находим также у В. И. Абаева. Учёный связывает его с фактом «использования пива в религиозно-ритуальных церемониях... многие слова и наименования, относящиеся к этой сфере, попадают под действие словесных запретов или табу. Именно под действием такого запрета название напитка, служащего для «причастия», могло быть вытеснено из обихода и заменено другим словом» [15, 345].

Осетинское пиво бæгæны. У современных осетин пиво — бæгæны — до сих пор остаётся самым популярным ритуальным напитком, оно широко представлено и в Нартовском эпосе. Именно Нар-

товские сказания позволили установить органическую связь между значениями бæгæны и æлутон.

Возникновение этого национального напитка уходит корнями в глубокую древность. О том, что напитки ронг и æлутон имеют древние индоевропейские корни, свидетельствует и то, что не только их названия, но и названия зерновых злаков, из которых они изготавливаются (ячмень пшеница, кукуруза), имеют иранские корни [15, 59].

Арака (арахъ). К национальным напиткам осетин относится также арака — арахъ. Для определения времени возникновения и роли этого напитка в жизни народа, как и прежде, своеобразной лакмусовой бумагой оказался Нартовский эпос.

В Нартовских сказаниях арака упоминается, но она не так престижна и сакральна, как ронг и æлутон. Большинство ученых сходятся на том, что временем появления араки является послемонгольский период.

Вино (сæн). К числу хмельных напитков осетин, известных с древнейших времен, относится и вино — сæн. Культура виноградарства и виноделия были давно освоены скифами и аланами. Вино является популярным хмельным напитком их потомков — осетин, и само слово «сæн» относится к скифскому наследию в осетинском языке. Этот напиток дошел до алан, но после монголо-татарского нашествия климатические условия Центрального Кавказа не позволили им в дальнейшем заниматься виноградарством.

Квас (къуымæл) и брага (махсымæ). Из числа прохладительных напитков осетинам был известен квас — къуымæл, без которого не обходились летом, особенно в жару. Не менее интересна брага — махсымæ, которую также можно отнести к хмельным напиткам. Отметим, что многие яркие ритуально-обрядовые феномены этнической культуры осетин связаны с традиционными хмельными напитками [16, 367-381; 17, 307-323].

На примере распространения многих из них среди народов, объединенных историческим соседством, ярко иллюстрируются этнокультурные взаимоотношения народов Центрального и Северо-Западного Кавказа.

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 5 т.; Т. II. Л., 1973.
2. Толковый словарь грузинского языка... Под общей ред. проф. Арн. Чикобава. Изд. АН Груз. ССР, I-VII, VIII, Тбилиси: Мецниереба 1950-1964.
3. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л., 1949.
4. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 5 т.; Т. I. Л., 1958.
5. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.
6. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (ОГРИП). Оржоникидзе, 1967.
7. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф.4. Оп.1. Д.6. Л.39.
8. НА СОИГСИ. Ф.4. Оп.1. Д.160. Л.43.
9. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 5 т.; Т. I. Л., 1958.
10. Уарзиати В.С. Избранные труды. Владикавказ, 2007.
11. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л., 1949.
12. НА СОИГСИ. Лингв. № 54. Папка 26. Л.130.
13. Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. М., 1995.
14. Уарзиати В.С. Избранные труды. Владикавказ, 2007.
15. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л., 1949.
16. Хадикова А.Х. Свадебный обряд//Осетины. Отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М.:Наука, 2012.
17. Хадикова А.Х. Этикетно-поведенческие нормы// Осетины. Отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М.:Наука, 2012.

Б. А. БИТИЕВ,
 аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
 (г. Владикавказ)

ЦОППАЙ — СТАРИННЫЙ ОСЕТИНСКИЙ ОБРЯД — В ЗАРИСОВКЕ М. С. ТУГАНОВА

В данной статье рассматривается старинный осетинский обряд — Цоппай, и его отражение в одноименной зарисовке М. С. Туганова; приводится описание обряда самим М. С. Тугановым и другими исследователями. На основании проведенного исследования раскрывается смысл обряда, связь с культом Уацилла, а также современное положение данного обряда и культа.

Ключевые слова: осетины; этнографические зарисовки; Махарбек Сафарович Туганов; Цоппай; Уацилла; гром; молния.

This article discusses the ancient Ossetian rite — Tsoppay, and the reflection of the rite in the M.S. Tuganov's sketch. The article also gives this ceremony description by M.S. Tuganov, and by other researchers. The rite's meaning, the relation to the Wacilla cult, and current situation of the rite and cult reveals here on the research basis.

Keywords: Ossetians; ethnographic sketches; Makharbek Safarovich Tuganov; Tsoppay; Wacilla; thunder; lightning.

Народный художник Северной Осетии Махарбек Сафарович Туганов (1881-1952 гг.) известен в нашей стране как выдающийся живописец. Однако, творческая деятельность этого удивительного человека имела широкий диапазон, который включает также фольклористику, историю, археологию и этнографию. В данной статье будет рассмотрена этнографическая сторона творчества М. С. Туганова: он проявил себя тонким знатоком традиций и обычаев своего народа.

У М. С. Туганова есть замечательная зарисовка, одна из немногих, выполненных в цвете, подробно иллюстрирующая обряд «Цоппай».

Кроме того, Махарбек Сафарович оставил очень интересное наблюдение, посвященное данному обряду: «Наиболее древним тан-

цем у осетин надо считать танец «Цоппай», получивший еще в 17 столетии свое описание грузинским географом Вахушти, который именует его танцем в честь «Бога Вачела» (Уацилла, прим. М.С. Туганова). Происхождение этого танца связано с отдаленными временами народной жизни, когда силы Природы наводили ужас на человека, который видел в них проявление силы божества Вачела-громовержца. Пораженный божественным огнем, человек был, по народному поверью, особо отмеченным среди других. Смерть пораженного молнией считалась в народе особой милостью неба, и оплакивать покойника ни в коем случае не полагалось. Вокруг убитого молнией на земле очерчивался круг, за черту которого никому нельзя было переступить.

Все ближайшее взрослое население, мужчины и женщины, молодые и до преклонного возраста — несмотря на ливень или дождь — полностью высыпало на место происшествия с песнями, с музыкальными инструментами и, образуя попарно огромный круг, обходило покойника три раза, после чего на место, где лежал убитый молнией, приводили двух молодых бычков, которые еще никогда не

были в упряжи, и запрягали их тут же в арбу. Покойника, как есть, клали на арбу и пускали бычков на все четыре стороны. Понукать ими, направлять их куда бы то ни было не разрешалось. Предоставленные сами себе бычки шли впереди, а народ с песнями и танцами за ними. Там, где останавливались бычки, и намечалась могила убитого молнией, труп снимали с арбы, могильной ямы почти никакой не рыли, но покрывали труп огромным каменным холмом из нанесенных или свезенных затем камней. Вокруг такой могилы, диаметром в десять метров, делалась небольшая оградка из камней или плетня высотой полметра. С этого момента для всего рода, откуда происходил покойник, место считалось уже священным. Тут же сажали молодые деревья, которые в течение времени разрастались в целую рощу. Ежегодно родственники убитого молнией на это место должны были приводить жертвенных быков или баранов. Резали их, варили, устраивали пиршество — кувд, а не хист — поминки, чтобы показать радость, а не печаль по поводу того, что покойник был убит молнией и умер необыкновенной смертью.

Но то, что не поедалось, оставалось на месте, т.к. уносить оттуда (с места погребения убитого молнией. — прим. автора) ничего нельзя было во избежание гнева небесного огня. Шкуры со всех зарезанных животных вешались тут же на деревьях или на отдельных шестах (æвгъил — ирон.; æвгъелæ — диг.) и оставались до следующего года, когда в урочное время здесь вновь устраивался такой же пир в честь покойника.

Так в течение многих сотен лет в урочное время справляли этот праздник. Место и деревья становились в народе священными, и срубить с них даже веточку народом категорически запрещалось. Так получилось по Осетии образование священных мест, деревьев и рощ, закрепилось в старину поклонение им в народе.

Самый танец исполнялся вокруг убитого или его могилы следующим образом: мужчины и женщины, парни и девушки шли попарно под руку одна пара за другой, или в четыре пары (как показано на зарисовке — прим. автора). В каждой паре был музыкант с национальным инструментом фæндыром или же с двенадцатиструнной арфой (дыууадæстæнон). Лучшие голоса запевали, а остальная масса подхватывала: «Ой, алай, ой, алай! Алай цоппай бæстæн хуарзæй!» (Смысл песни таков: танец «Цоппай» благодетельствует всему краю,

населению). Когда после похорон покойника дождь прекращался, громовые раскаты стихали и выглядывали лучи солнца сквозь рассеянные тучи, народ верил, что громовержец сменил гнев на милость. Все население с песнями и плясками возвращалось домой поздно вечером» [1, 36].

Также данный обряд подробно описан у Л. Штедера — русского офицера, путешествовавшего в конце 18 века по Кавказу и подробно записавшего информацию по данному обряду: «Сильная гроза убила молодую женщину. После удара те, кто с ней шли, издали крик радости, стали петь и танцевать кругом убитой. Все жители селения собрались вокруг танцующего круга, невзирая на то, что гроза продолжала бушевать. Их единственным и простым припевом было: «О Елиа, Елиа! Ёлдари цоппай», — слова, которые никто не смог мне объяснить. Кружась в хороводной пляске, повторяли они эти слова, то в таком, то в обратном порядке, причем один запевал, а хор подхватывал. Убитой надели новую одежду, положили ее на то место и в том же положении, как она была убита, и до самой ночи продолжались непрерывные танцы. Ее родители, сестра и муж танцевали, пели и представлялись настолько довольными, как будто это было какое-то празднество. Печальные лица оценивались бы как грех против Ильи (Уацилла — прим. автора). Это празднество тянулось 8 дней... Сюда же заставили прийти пораженного когда-то молнией юношу. Все пораженные молнией, но оставшиеся в живых становятся слугами и предвестниками воли Ильи. Даже скот, пораженный молнией, получает свободу... Юноша пел и танцевал в кругу, потом упал... и стал биться в конвульсиях. В промежутках между судорогами он бойко рассказывал с закрытыми глазами о том, что видит у Ильи, и называл имена убитых, которые находились рядом с ним. Потом он возвестил приказание Ильи для умершей. Самым значительным был приказ поддерживать огонь в течение 8 дней около трупа и воздержаться от всяких работ и ремесел. Убитая была положена в гроб и выставлена в течение 8 дней на помостках. На восьмой день ее положили в новую арбу, которую должна была вести пара быков с белыми пятнами... Молодые люди с родственниками убитой пошли процессиями по соседним деревням, пели и собирали подарки скотом и другими продуктами. Подарки шли для убитой, или для празднества, или для родственников... гроб был

поставлен наконец в арбу, запряженную быками, и им позволили идти, куда они хотели; там, где они остановятся, и должна была быть похоронена убитая. На этот раз быки остановились у ближайшей травы. Тотчас выложили четырехугольник из камней на возвышении несколько футов, поставили гроб и заложили его кругом и сверху камнями, образовав возвышение в сажень высоты. Рядом с кучей камней воздвигли шест с натянутой козьей шкурой и головой. Рядом на более маленьком шесте повесили лучшие одежды усопшей и поели сообща у могилы собранные подарки. Этому скоту привязали значок, и, если он приближался к пастухам, его вновь отгоняли» [2, 372].

Подобную информацию нам дает В.Ф. Миллер, в своей книге «Осетинские этюды», но с некоторыми дополнениями: «Верования в Уацилла как громовика, выражаются особенно ярко в обрядах, совершаемых в случае поражения кого-нибудь громовым ударом. Осетины считают, что пораженного молнией Уацилла ударил стрелой (фат — прим. автора). Убитый молнией считается прогневавшим Уацилла и поэтому не может быть погребен на общем кладбище».

Таким образом, культ пораженного молнией в традиционной осетинской культуре возник в связи с особым почитанием Уацилла, выполняющего функции покровителя грома и молнии, а также хлебных злаков и урожая. После Святого Георгия (Уастырджи — прим. автора) Уацилла является самым почитаемым святым у осетин. Это проявляется уже в наименовании святого, в составе которого есть слово «уац» — «святой» + Илья (имя христианского пророка). Именно поэтому в день почитания молнии (Æрвдзæвды куывд) этому святому предназначались щедрые жертвоприношения.

По мнению Б. А. Калоева, имя Уацилла является дохристианским аланским названием святого [3, 243]. Согласно мнению В. Ф. Миллера, имя библейского пророка перешло к осетинам вместе с ранним христианством и стало именем древнего бога-громовержца, вытеснив его прежнее название [4, 425]. По мнению автора данной статьи, вторая версия является более правильной, потому что функции, приписываемые Святому Илье, у многих народов схожи. Так, например, в славянских православных традициях Илья-пророк выступает прежде всего как персонаж, связанный с громом, дождем, плодородием, летом и урожаем [5, 506].

Самое известное осетинское святилище, посвященное Уацилла, находится в Даргавском ущелье, на священной горе Тбау, с которой связано большое количество легенд. Здесь ежегодно в третью неделю июня в честь святого приносятся жертвы и устраиваются пиршества, продолжающиеся всю неделю. На этот праздник съезжаются люди из разных сел и городов Осетии [Сасиев С. Х.].

В этнографическом очерке «Осетины» Г.Ф. Чурсин исследует слово «Цоппай». Под названием «Цоппай» известно моление в честь повелителя грома и молнии Уацилла. «В день Уацилла, — пишет Чурсин, — собирается молодежь и во главе со стариками обходит все селение с шестом, на котором развеивается белый флаг. Собирают с сельчан скот, съестные припасы, деньги, и на собранные средства устраивают около святилища Уацилла шумную пирушку. На месте праздника на высоком шесте вешается набитое травой чучело козла (с головой и ногами). Празднество это устраивается, чтобы умиловить Уацилла. Чтобы он не поражал громом, не побивал градом» [6,79].

Присутствие в данном обряде козла, как и в обряде захоронения — не случайно. Козел должен был быть обязательно черным, это требование было характерно для многих народов мира. В индоевропейской мифологии козел является зооморфным символом божества грома и молнии. Также считалось, что для пораженного молнией покойника козел будет служить пищей и поможет ему возродиться [7, 663-664].

По представлениям древних осетин, гром происходит от катящихся по небу камней. Или же от цокота копыт прославленного у нартов Ёрфæн, который мчится по небосводу. Осетины думали, что гром — это пение гигантской птицы, которая летает в тучах и машет крыльями.

Гром и молния рассматривались осетинами как нечто сверхъестественное. Они вечно в погоне за злыми духами; гром своей стрелой (молнией) поражает дерево, когда туда прячется нечистая сила. Разбитые таким образом и высохшие деревья становились священными и под ними совершались различные ритуалы.

Именно такие деревья становятся священными и около них строятся фамильные святилища, где проводятся фамильные праздники (мыггаджи куывд, прим. автора) в честь фамильных покровителей

(дзуары бон — прим. автора). «Филиал» дзуара фамилии Битиевых (Гуфтайы дзуар — прим. автора) на поле около сел. Октябрьское, построен вокруг дерева, пораженного молнией, которое специально выбрали представители фамилии [Битиев А.].

Противопоставление злым духам породило, в свою очередь, веру в способность грома содействовать очищению от болезней, передавать свою чистоту, т.е. награждать здоровьем.

Также многие осетины до сих пор верят в то, что во время удара молнии Уацилла сбрасывает на землю цепь, и место ее обнаружения считается священным.

Многие осетины до сих пор считают, что, когда молния убивает человека, то Бог или Илья, видя святую, примерную жизнь пораженного, достаивает его чести быть небесным обитателем вместе со святыми ангелами [8,181].

Часто люди, пораженные молнией, выживали. В этом немало важную роль играли манипуляции, проводимые нашими предками. Так, К.Л. Хетагуров писал: «Цоппай — совсем не языческий какой-то бог, а просто известного рода движение. Если пораженный не убит наповал, то его этим можно спасти. Процедура эта происходит следующим образом: первые прибежавшие на тревогу торопливо становятся в круг и, держа друг друга за руки, образуют живую цепь и быстро вращаются, выкрикивая «цоппай» для более равномерного вращения. Это хотя и делается бессознательно, но такой способ помощи пораженному молнией даже с научной точки зрения заслуживает серьезного внимания. Живая цепь, кружась вокруг пораженного молнией, постепенно выделяет из него электричество, и он через два-три часа такой манипуляции совершенно оправляется» [9, 62-63].

Уцелевшие от удара молнии (в основном женщины) становились вещуньями и гадалками. Не на кладбище, а на месте поражения молнией хоронили не только убитого громовым ударом, но и того, кто умер своей смертью, но при жизни был поражен ударом грома [10, 220].

Также священным считается место удара молнией домашних животных. Так, в 70-е гг. XX века на лугу, около станицы Змейской, молния поразила барана и ягненка, которые были животными уважаемого в селе человека — Дудаева Ильи. Впоследствии на том са-

мом месте, где молния поразила животных, жители села (а именно, соседи Дудаева Ильи) соорудили святое место и каждый год в начале июня (первое воскресенье — прим. автора) устраивают большой праздник (куывд), носящий имя Дудаева Ильи. Данный праздник является общеуличным, на него собирают деньги (мысайнаг — прим. автора) всей улицей. В этом году (2017 — прим. автора) усилиями жителей улицы в святом месте сделали ремонт [Плиева З. Ш.].

Таким образом, культ Уацилла и связанных с ним явлений до сих пор глубоко укоренен в сознании осетин. Так, при первом раскате грома осетины бьют в спину камнем или кулаком и приносят определенную фразу. Святыми становятся также и объекты, которые, по народным представлениям, выбирает Уацилла для своей жертвы. Но и гнева Святого Ильи до сих пор тоже боятся очень сильно. Почитание Уацилла остается неотъемлемой частью духовной жизни осетин.

Что касается замечательного мастерства М. Туганова, то оно вдохновило поэта Васо Малиева на создание цикла стихов, который так и называется «Созерцающая картины Махарбека Туганова». Один из ярких фрагментов цикла — поэтическая зарисовка «Цоппай», в котором автор делает акцент на основной идее картины художника, а именно: на символике круга как сохранности здоровья и полноты существования нации, народа [11, 132-133].

-
1. Туганов М.С. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977.
  2. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1992.
  3. Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование; М., 1971.
  4. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
  5. Мифы народов мира. Энциклопедия, Т. 1. М., 1980.
  6. Чибиров Л.А. Традиционная культура осетин. Владикавказ; 2008.
  7. Мифы народов мира, М., 1995.
  8. Накусова Н.Т. Культ пораженного молнией в традиционной и современной осетинской культуре. Владикавказ. 2007.
  9. Хетагуров К.Л. Помощь пораженному молнией // Периодическая печать об Осетии и осетинах. Т. 6. Владикавказ, 2006.
  10. Цагараев В. Древний осетинский обряд (Цоппай)// Золотая яблоня нартов; Владикавказ; 2000.

11. Мамиева И. В. Аивады бирæвзагон хъæлæс: дзырд — хуыз — зæл // Мах дуг. 2010. № 12.

Информанты:

1. Битиев Алихан, 1941 г.р., житель сел. Сунжа Пригородного района
2. (уроженец сел. Битета (Цон) Дзауского района).
3. Плиева Зарема Шотаевна, 1955 г.р., жительница станицы Змейской Кировского района.
4. Сасиев Сланбек Хаджисмелович, 1940 г.р., житель сел. Даргавс Пригородного района.

Л. Х. АХМАТХАНОВА, старший лаборант ИГИ АН ЧР,
М. М. ГАРСАЕВА, старший преподаватель ЧГПУ,
Л. М. ГАРСАЕВ, дин, проф. ЧГУ, КНИИ РАН им. Х. И. Ибрагимова,
ИГИ АН ЧР (г. Грозный)

К ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ РОДОВЫХ СЕЛ ЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ЭЛИСТАНЖОЙ

Статья посвящена историко-этнографическому описанию этнического общества Элистанжой, на примере следующих его родовых сел: Элистанжи, Тевзана, Хаттуни.

Ключевые слова: этническое общество Элистанжой, Тевзана, Хаттуни, Нижние Агишты, тайп, Элсан, Моцу, Шейх Мансур.

The article is devoted to the historical and ethnographic description of the ethnic society of Elistanzhoy, which includes the following villages; Elistanzhi, Tevzana, Khattuni, Lower Agishty.

Keywords: Ethnic society of Elistanzhoy, Tevzana, Khattuni, Nizhne Agishty, Taup, Elsan, Motsu, Sheikh Mansour.

Настоящая тема представляет собой малоисследованную проблему в чеченоведении. Попытки осветить историю чеченских сел и генеалогию чеченского народа в целом в отечественной исторической науке делались крайне редко. Если даже и делались, то людьми, далекими от науки, к тому же не в пользу чеченцев.

Этническое общество Элистанжой (Эластанжойн латта/мохк) с его историческим и духовным центром Элистанжи включает в себя следующие родовые села: Тевзана, Хаттуни (Веденский район), Агишты «нижние» (Шалинский район), расположенными между горными реками Басара-хи (склона вода) и Хулхулау (горная вода). Данное общество является первым выходцем в Ичкерия (Нохч-Мохк) из т.н. прародины нахов Нашха [1].

Как отмечает кавказовед XIX в. И. М. Попов, Веденское наибство заселяют восемь фамилий (тайпанаш), а именно: Харачоевская, Дишни-Веденская, Эрсеноевская, Эхишбатоевская, Гуноевская, Элистанжинская, Чермоевская и Чеберлоевская. Правом превосход-

ства из них по древности рода и правдивости убеждений (с точки зрения ичкеринцев) пользуются элистанжинцы, дишниведенцы и эрсеноевцы [2].

Далее мы остановимся на кратком историко-этнографическом описании родовых сел элистанжинцев, расположенных в Веденском районе, в основу которого лег полевой материал, собранный нами в Веденском, Шалинском, Урус-Мартановском, Грозненском, Надтеречном и других районах нашей республики, где компактно проживают представители тайпа элистанжой.

Авторы не претендуют на истину в последней инстанции. Мы постарались как можно реальнее отобразить наше видение исследуемой и, вместе тем, крайне тяжелой проблемы, используя имеющийся у нас корпус письменных источников, которых по данной проблеме крайне мало

На юго-востоке Чечни, исторической Ичкерии, в современном Веденском районе, у подножья Элистанжойн лам (Элистанжинцев гора), на плато, окруженном буковыми лесистыми горами, на левом берегу реки элистанжинки между реками Ахк и Аржи (Iаържа — черная. — Л. Г.) — Ахк, к западу от районного центра Ведено (плоское место-Л. Г.) лежит древнее в этом регионе село Элистанжи. Этот живописный уголок еще называется и как *Элистанжойн Мохк* (Элистанжинская земля). В прошлом Элистанжи считался экономическим, духовным, ремесленным, торговым и политическим центром общества Элистанжой, не имеющим зависимых сословий, располагалось «в междуречье рр. Басс и Хулхулау, на западе водораздельный хребет отделял элистанжинцев от Саьрбала и Нижалоя, на севере находилось общество Эгишбатой, на востоке граница шла с обществом Дишни-Ведено, а южную границу замыкали земли общества Чермой».

Об экономической позиции Элистанжи в регионе свидетельствует тот факт, что еженедельно в селе организовывался базар, куда съезжались жители из многих сел Нохч-Мохка, Ч1еберлоя и более далеких мест.

Жители Элистанжи успешно занимались зерноводством, картофелеводством, садоводством, пчеловодством, разведением крупного и мелкого рогатого скота, находившим реализацию в Нохчмокке и в других местах. Некоторые Элистанжинцы имели стадо

овец (до 1-2 тысяч голов). Для их обслуживания нанимали пастухов из Дагестана. Элистанжи являлся в регионе одним из центров ремесла. Женщины села славились своими вышивками из золотых и серебряных нитей, ковроткачеством, изготовлением одежды и т.д. Кроме того, элистанжинцы были известны ювелирным искусством, мастерством по изготовлению инструментов, сельскохозяйственных орудий и средств транспортировки. Было развито оружейное и косторезное дело.

На рубеже XIX-XX вв. в Элистанжи функционировало немало мелких предприятий мануфактур и мастерских, заводов по обжигу красного кирпича и черепицы. В селе имелись свои пилорамы, кузни, мельницы, принадлежавшие соответственно Эсамби; Ахазю, Пабсти Зайндину, Цоки Хьасану, Гайсолте; Элибаю, Такалш Бексолте и Эсамби Хлади, которые функционировали вплоть до 70-80-х гг. XX в. В Элистанжи были магазины, куда доставлялись товары не только из крупных городов России, но и из зарубежья. В селе проживали купцы разных гильдий, в их числе известный купец II гильдии, настоящий рыцарь Чести Эдисолта Битимиров, имевший свои магазины в Элистанжи, Ведено, Шали, Хасавюрте, Тбилиси. За товарами купец выезжал в Закавказье, центральные губернии Российской Империи и даже в Европу — рассказывали старожилы. Свой магазин по продаже смешанных товаров имел и наш дедушка Гарси.

В начале XX в. Элистанжи был достаточно крупным и современным для своего времени населенным пунктом с ровными улицами, медресе и Джума-мечетью, построенной по инициативе председателем сельсовета Газиева Абдулкьадыра, который вложил львиную долю в ее строительство вместе с братом Муси (тогда слушателем Всесоюзного Коммунистического университета трудящихся Востока им. И. В. Сталина в Москве), предрекавшим этому проекту короткую жизнь: в мечети будет советский клуб, — говорил он. Так и случилось.

В числе этих педагогов работал кадий села, бывший мут¹алим (ученик) и единственный в Элистанжи (все элистанжинцы къадарийцы-религиозный орден) последователь вирда известного Шейха Сугаип-муллы из Шали богослов Дата-мулла, ученый-арабист, автор ряда работ по философии и логике, знаток медицины и астрономии, прозорливый священнослужитель, широко известный в Чечне. О

признании его святости говорит следующий факт. Элистанжинцы часто произносили и произносят клятву: «Датас а, Элимирзас а деш-начу Къор1анор» (Клянусь Кораном, прочитанным Дата-муллой и Элимирза-муллой!). Эту клятву нам приходилось слышать и от нашего покойного отца Мохьмад-Хаджи (Дала гечдойла царна массарна!).

Гордостью села Элистанжи являются также: *святые шейхи* — Мутлу, Музаг, Межи-Хаджи, Шахьта-Хаджи, Гюьта, Химмат, Нурмохьмад, Абдсаламан Мохьмад, Хьамад; прославленные алимь — Элимирза-мулла, Асхьаб-мулла, Болатхан (Бола) — мулла, Хасмохьмад-мулла, Хьаби-мулла, Сату-мулла и их достойные преемники-муллы — Абдулла Петиров, Абдул-Вахид (убит бандитами в 2003 году), молодые священнослужители — Такалашев Альви Вахаевич, Закараев Тагир Саидэминович, Басханов Элабек Саидбекович, Магомадов Амарбек Джамаевич, Хамзатов Анзор Исаевич, Ушаев Алхазур Валидович, Закараев Ахмед Саидалиевич, Хараев Умар Денилбекович.

Желанными и очень дорогими гостями элистанжинцев были Устаз Кунта-Хаджи, его лучший мюрид Умар-Хаджи Андийский и, конечно же, дочь Устаза — Эсет.

В настоящее время Элистанжи является крупным сельским поселением Веденского муниципального района. Население села по данным 2010 г. составляло — 2570 чел.

Ближайшие населённые пункты: на северо-востоке — сёла Верхатой, Ца-Ведено и Зелимхан-Юрт, на северо-западе — село Хаттунни, на юго-востоке — село Эшилхатой, на западе — села Тевзана и Махкеты.

Согласно полевому материалу и некоторым историческим данным, в разные времена, как и Белгатой, Беной, Центарой, Дарго, Элистанжи имело статус столицы Нохч-Мохка в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств в общественно-политической жизни чеченского народа.

Общепризнано, что Элистанжой — исторически самоуправляемое крупное общество Нохч-Мохка, которое в древности локализовалось на горе *Элистанжойн лам* (*элистанжинцев гора*), в местечках *Билта* и *Эласичовь*. Согласно преданиям, сюда они пришли из т.н. прародины, именуемой колыбелью нахов Нашха (район Галайчю-

жа, последний исходный регион чеченцев в средние века) из местечка Х1илах (чуткие, бдительные-Л. Г.), а по другой версии — из Т1ийста [3]. В ауле Т1ийста имеются три полуразрушенные башни, одна из них принадлежала предку Ц1онтаройцев, вторая была родовым гнездом Дишнинцев, кровных братьев Элистанжинцев. Старожилы так и называют их (башни): «Ц1онтарочуьнан хилла г1ала», «Дишно-чуьнан хилла г1ала».

Этнограф Саидов И. М. в своей работе «Мехкан кхел» пишет: «По преданиям, все ичкерийские (Нохчмохкхоевские) тайпы: Бенойцы, Белгатойцы, Дишни, Ц1онтаройцы, Эрсенойцы, Элистанжинцы и др., от которых произошли и некоторые другие тайпы, являются потомками «родных братьев», «братство» это, согласно преданиям, зафиксированным и российскими исследователями досоветского периода, было закреплено ещё в Нашхе в период нахождения там общенахского Совета старейшин страны (Мехкан Кхел)».

По мнению Ив. Попова, нынешние (1869 г.) элистанжинцы считают себя в 11-м поколении, производя свой род от Элсана. Нисходящая линия идёт в таком порядке: Элсан имел сына Мовка, Мовк — Уока, Уока — Урузбия, Урузбий — Эрсимирзу, Эрсимирза — Исса, Исса — Муссу, Мусса — Бетыша, Бетыш — Даа, Даа — Саада, а это — Есу, еще и в настоящее время живого старика. Эта запись им сделана в 1869 г. в крепости Ведено [4].

В настоящее время в родовых селениях, кроме основателей-элистанжинцев, проживают в дружбе и согласии, одинаково деля горе и радость, представители более 20 тайпов (*ригахой, нижалой, чермой, чеври, абкхкхий, д1айа, ц1икрой, макажой, бути, садой, орсой, хьарклой, ц1онтрой, харачой, басой, зилой, дишни, кей, ч1аьнтий, дзумсой, битрой...*), относящиеся к разным тукхумам и вирдам. Таким образом, этнотерриториальное объединение *Элстанжойн Мохк* с середины XIX в. вбирает в себя, наряду с нохчмакхоевскими, аккинские, ч1аьнтийские, чеберлоевские и др. тайпы. Среди них присутствуют также и очеченившие инонациональные элементы: татары (*чеч. г1езалой*), андийцы (*чеч. лаьндой*), даргинцы (*чеч. ц1а-дахьарой*), *мелардой, шолардой, т1андой* (аварский элемент), черкесы (*чеч. черкаси*), являющимися, *подчеркиваем*, такими же чеченцами, как все остальные [5].

Изддревле чеченский народ являлся открытым обществом, при-

нимавшим любых переселенцев и беглых. Переселившись обеспечивалась безопасность и защита, что являлось показателем экстерриториальности и суверенности чеченской страны [6].

Согласно менталитету чеченцев, им не свойственны ксенофобия и другие подобные обобщения. Наоборот, издревле, даже когда ненависть к инородцу или иноземцу была для многих народов привычным делом, чеченцы отличались ярко выраженным интернационализмом. Об этом, пусть и в крайне негативной форме, говорил враг чеченского народа генерал Ермолов: «Общество у них не так многолюдно, но чрезвычайно умножилось в последние несколько лет, ибо принимает к себе дружественных злодеев всех прочих народов, оставляющих землю свою после совершения каких-либо преступлений. И не только. Даже наши солдаты бегут именно в Чечню». Поэтому чеченцы и представляли особую опасность для России.

Необходимым условием для принятия отходников (людей, покинувших родные места по разным причинам) в Элистанжинское общество, впрочем, как и в другие чеченские общества, было следующее обязательство — подтверждение клятвой на Коране последних следовать адату (неписанные законы, обычное право) коренного населения, а в случае отступления от обычного права (низам) они будут согласны добровольно покинуть поселение. К их чести, серьезного повода для отчуждения пришлых не возникало.

Элистанжинцы, к счастью, исторически находятся в выгодном положении, чем многие другие чеченские тайпы. Они испокон веков живут преимущественно в своем родовом селе Элистанжи у подножия своей тайповой горы Элистанжойн лам, которая указывает на древность возникновения Элистанжи, по соседству со своими родовыми селами, расположенными на территории Элистанжойн Мохк (Земля Элистанжинцев). Тут сомнений в коренном их происхождении никаких нет. Потомки элистанжинцев разделяются на следующие некъе (ответвления): в Элистанжи — *Ашни, Арсан, Биги* (тюрк. «голова общества — селения» или «голова сотни». Для сравнения: *Бигаевы у осетин, Бигуловы у карачаевцев, Бигулав у андийцев и аварцев, Бигахой у чеченцев в том же смысле. Кроме того, Биги означает и собственное имя, например, Биги-некъе имеется в тайпе Чермой*), в Тевзана — *Гири, Музи, Эльти, Дарси, Бах1ад, Манкъар, Му-*

стан, Джаватхан, в Хаттуни — Ашни, Мовси? Эти названия означают собственные имена.

Теперь несколько слов об этимологии названия Элистанжи.

Элистанжи — исторический центр элистанжинского тайпа. В основу названия Элистанжи, согласно одной из легенд, легло: *эла* (князь) + *сту* (княгиня) + *ж1ай* (крест), по другой версии — *эла* (князь) + *Станжо* (имя) — Эластанжо (*князь Станжо*). Есть мнение, что этимология Элса-Элсан-чу — исходит от *Эла* (князь), *Са* (душа) — княжеская душа, что мало убедительно, хотя в народе об элистанжинцах до сих пор говорят Эла Элстанжой (в переносном смысле — рыцари Чести и Достоинства).

Считается, что легендарным родоначальником элистанжинцев является Орс-Эла. На вершине *Элан-ж1аран-Корта* (княжеского креста вершина) — на юге Элистанжинского мохка стоял большой деревянный крест, воздвигнутый этим известным человеком. Недалеко от этой вершины — на в. имеется Менги баса (Менги склон). Менгу звали сына восточного тирана Чингис-Хана. Согласно преданиям, именно отсюда его войско, доселе не знавшее поражения, позорно бежало под натиском мощного объединенного войска Элистанжинцев и Садоевцев, — сообщает одна из легенд [7].

Но есть еще другой вариант легенды, связанный с названием некогда монотайпового села. Считается, что название Элистанжи произошло в результате трансформации имени Элсан: Элсан — Элсанчу — Элстанча — Элстанжа (по — русски Элистанжи). По преданию, эпоним элистанжинцев Элсан — выходец из древнего Нашха, который со своим младшим братом Дишни поселились на плоскостях, разделенных невысоким хребтом — Шулукъ. Дишни поселился на побережье Хул-хулау, а Элсан — на побережье реки Аржи-ахк в урочище Билта. Элистанжинцы рано начинают освоение и плоскости Чечни вплоть до Терека. Потомки Элсана последовательно заселяли равнину до самых Алдов, собственно образовав такие поселения, как Хаттуни, Тевзана, Нижние Агишты, а также Устрада-эвл (Аргун) и Шали — с другими первопроходцами из Нохчмохка. Имена всех потомков Элсана, ушедших из общества Элистанжи и основавших некоторые новые поселения, к сожалению, нам пока неизвестны. Исследовательская работа в этом направлении продолжается.

Есть еще другой вариант происхождения названия Элистанжи — от калмыцкого Элиста/Элесун (пески). Это мнение профессора И. Ю. Алироева и других авторитетных ученых республики. Но такого, по нашему мнению, не может быть вовсе, так как здесь очень зеленая зона. Абсурдно называть песками прекрасный зеленый ландшафт.

В конце XVIII века имперская Россия предприняла попытку завоевания Чечни. Этому воспротивилось в 1785 году массовое народное движение в Чечне во главе с чеченцем Ушурмой из тайпа Элистанжой. В этом движении активное участие принимали, конечно, элистанжинцы, сородичи Имама, постоянно находившиеся с ним до его пленения, к тому же понесшие колоссальные людские потери. Поэтому этот тайп в настоящее время является немногочисленным.

Согласно полевому материалу, в ходе Кавказской войны Шамиль хотел избрать Элистанжи столицей своего Имамата. За территорию села и близлежащих земель он хотел заплатить его жителям два мешка серебра, но дальновидные и гордые Элистанжинцы, к их Чести, не согласились совершить эту позорную сделку [8].

Тем не менее, с элистанжинцами и в дальнейшем Шамиль поддерживал тесные контакты. В коннице, бывшей основной ударной силой его войска, было немало всадников (дошлой) из Элистанжи.

Главной причиной его уважительного отношения к элистанжинцам был его наиб Тяхир Элистанжинский, послуживший в Имама-те очень короткое время. После его гибели, говорят, имам Шамиль сказал: «Я лишился крыльев».

Анализ имеющихся различных источников, фольклорных данных и полевых материалов приводит нас к выводу, что современное село Элистанжи берет свое начало с XI века, т.е. примерно 1000 лет назад.

Особое внимание заслуживает следующая информация, зафиксированная нами в ходе полевой работы.

Так, со слов старожил, в 1874 году царь Александр II, объезжая окраины Юга России, посетил село Сержень-Юрт, где в честь его приезда были организованы торжества — «Паччахьан ловзар». На встречу с царем была направлена делегация во главе с Шабой Агатаевым. Цель делегации — передать царю прошение элистанжинцев разрешить им вернуться на родную землю. В составе делегации был

отличный танцор и статный красавец Бурсигов Солса, который виртуозно станцевал лезгинку и в финале танца встал перед царем на пальцы ног и простоял так до тех пор, пока его Величество не велел одарить Солсу червонцами. С достоинством уклонившись от даров, он попросил у царя разрешения заложить заново свой родовой аул Элистанжи на равнинных землях, на что было дано «Высочайшее согласие». По мнению информаторов, нынешнее село Элистанжи заново заложено в 1874 году на 3 км севернее от прежнего места его нахождения. Ровные и широкие улицы села были спроектированы приглашенным землеустроителем из Грозного. Таким Элистанжи выглядит и сегодня [9].

Из всех родовых сел этнического общества Элистанжой наиболее крупным, древним, к тому же живописным является Тевзана. Об основании его существуют различные легенды и предания.

Исследователь И. М. Попов пишет: «Аул Таузенъ-Элистанджинской (правильно — Элистанжинской — Л. Г.) фамилии, основан раньше (в 1820 г.) Хаттуни и был расположен на Тавзан-Эрзау (чеч. ирзо — Л. Г.), т.е. на расчищенном месте элистанжинцем по имени Тавзан, являющемся переселенцем из аула Элистанжи. Тавзанское поселение насчитывало тогда 2-3 сакли. С покорением же края (1859 г.) обитателей хутора переселили на запад от нынешнего Хаттуни в двух верстах при р. Басс, где в настоящее время стоит целый аул» [10]. Эта запись автором сделана в 1869 г. в крепости Ведено.

Согласно полевому материалу, первопоселенцем, якобы, был другой элистанжинец по имени Аюб (от которого идет ветвь Аюба-гар), ранее проживавший в местечке Арадуххехь.

Со слов старожилов, первоначально аул Тевзана был расположен у подножия горы «Тевзанхойн лам» (правильно — Элстанжойн лам — Л. Г.) в местечке Арадуххехь, где его жители находились в очень сложных географических и социально-экономических условиях, в связи с чем они нашли себе место для нового поселения в северной части «Таузенской равнины» (чеч.-шовданашкахь-у родников), расположенной на землях элистанжинцев, где сегодня находится село Тевзана.

Видя выгодное положение первых поселенцев, то есть элистанжинцев, в аул стекались люди с разными судьбами из других этнических обществ, в том числе и из Дагестана (отходники). Одни

— скрываясь от кровной мести, другие — в поисках работы и т.д. Постепенно обживаясь, привыкали к соседству старых хозяев — элистанжинцев.

В настоящее время село Тевзана расположено на месте родников (шовданашкахъ) Тевзанинской равнины, на правом берегу р. Басара-хи. Оно граничит на юго-западе с Махкеты, на севере — с Агишты и на востоке — с Хаттуни. Село исторически делится на три части (территории): северо-восточная — за ущельем (1инал дехъа), центральная — на селе (эвла т1е), юго-западная — в лощине (тог1ичу).

В восточной части над селом высится Г1алин дукъ (Крепости хребет), разделяющий родовые села элистанжинцев Тевзана и Хаттуни по обеим сторонам хребта. А с юго-запада вдоль села течет река Басара-хи, разъединяя села Тевзана и Махкеты как водная граница, берущая свое начало на северных склонах Пешхойн лам (Пешхоевцев гора). Эту реку, текущую с севера на юг, местные жители старшего поколения называли Басара-хи (с чеч. склона река, а не Басс — су «главная река», как звучит на тюркском языке).

Тайповое многообразие в с. Тевзана, как и по всей Чечне, — давняя особенность региона [11]. Первоначально село населяли только представители одного тайпа Элистанжой. Со второй половины XIX в. произошло активное подселение и других тайпов. В настоящее время здесь проживает смешанный состав тайпов не только с чеченскими корнями, но и инонациональными: 1. Акхкхий (Эльдар), 2. Бути (1иса), 3. Чантий (Алдам), Дзумсой (1умар); 4. Бассахуой (Бешил), 5. Татары — Г1езалой (Байзет), 6. Даргинцы — Ц1адахъарой (Кур-Махъма, Махъмад, 1ашурло, Алдам), 7. Чеберлой: Макажой (Мовсар), 8. Д1ай (Мосу), 9. Нижалой (Дурга, Муртаз1ели, 1ибака), 10. Ригахой (Хъажа, Эльда, Алхаза, Мама), 11. Садуой (Дибир), 12. Ци-каруой (Муртаза); 13. Чермой (Адахъа), 14. Чеври (1умар) и еще несколько семей андийцев. Ядром сельского общества является тайп Элистанжой со следующими ветвями — некъе: (Гири, Манк1ар, Джаватхан, Дарси, Муза, Бахъад, Аьлти). (Примечание: в скобках даны имена первопредков названных этнических обществ). Благодаря перечисленным тайпам образовалось новое укрупненное монолитное аульное объединение под тем же историческим названием — Тевзана (тевзанхой).

Но в последнее время в селе Тевзана объявились люди, преимущественно из отходников, претендующие на первопоселение вопреки сложившимся народным традициям заложения одноименных поселений.

Пользуясь случаем и исходя только из благородных намерений, хотели бы информировать любителей спекуляций и разных авантур вокруг вопроса об основателях родовых сел элистанжинцев, что первопоселенцы не посягают и не претендуют на основание сел, к примеру, ни Ригаха, ни Цикара, ни Маклажа в Чеберлое, ни Цудахар, Акуши или Анди в Дагестане, а на Казань в Татарстане — тем более.

Чеченские села, основанные на чеченской земле элистанжинцами, имеют право на свою историю и называться именами основателей.

Все мы люди, и жить должны по-людски. Споры о том, кто первопроходец или основатель этих сел — до добра не доведут. Нам делить нечего и мы обречены жить вместе до конца. Но быть благодарным за добро — долг каждого мусульманина.

Здесь уместно привести хадис. Передается от Абу Зарра (да будет доволен им Аллах), что он слышал, как Пророк (с.а.с.) сказал: «Человек, который сознательно причисляет себя не к своему отцу, совершает куфр. А тот, кто приписывает себя к людям, с которыми он не имеет кровной связи, пусть приготовит свое место в Огне!» (аль-Бухари 3317, Муслим 61).

В судьбоносные периоды времени для Чечни тевзанчане активно участвовали в жизни Отечества.

Когда началась Великая Отечественная война, из с. Тевзана на фронт ушло много добровольцев, в числе которых были Махмудов Эланакъа (Бита), Бисаев Насрудди, Гамарагов Хасан, Халидов Селим-Солта, Амхадов Хамзат, Ахмадов Абдулла, Даниев Лечи, Берсаев Дауд, Берсаев Халид, Битимиров Межед, Сулейманов Зайнди, Сулейманов Дзеуди, Ясаев Шамсудин и другие. Всего на фронте воювало 20 человек, только 12 из них вернулись домой, а остальные погибли на полях сражений или пропали без вести.

В конце XX и в начале XXI вв. жертвами российско-чеченских войн стали более 40 жителей села: одни погибли в бою, другие — под ракетно-бомбовыми ударами, а третьи — во время зачисток в

ходе т.н. контр-террористической операции, другие — от рук местных бандитов-вахаббитов.

Особенно трагическим был день 1 мая 2001 г. Ночью этого дня жертвами нелюдей-односельчан стали Султан Ортаханов, полковник ВС СССР в отставке, представитель Главы ЧР в г. Санкт-Петербурге; Рамзан Элесов и Бадруддин Ахмадов — учителя местной школы; Ваха Исраилов (мастер ДРСУ); Заурбек Семеев (электрик) и его племянник Сайхан в возрасте 13 лет; Мовлид Манцаев (пенсионер). Позже был убит директор СШ Сираждин Зумаев (Дала глазот къобала дойла церан!) [12].

Из этого села вышли политические и государственные деятели, ученые, учителя, врачи, военные и другие известные люди нашего времени.

Село Хаттуни, согласно богатому полевому материалу и имеющимся письменным источникам [13] также основано древним этническим обществом Элистанжой. В 1944 г. после депортации чеченцев и ингушей и ликвидации Чечено-Ингушской АССР с. Хаттуни было переименовано в Кванхидатль и заселено дагестанцами. После восстановления ЧИАССР населенному пункту вернули прежнее название — Хаттуни. Дагестанцы были обратно переселены в Дагестан, но уже в другой район. Таким образом, и Кванхидатль также имел сложную судьбу, как и Хаттуни.

Хаттуни расположено на берегу речки Хаттуни, правого притока реки Басара-хи (чеч. склона вода), к северо-западу от районного центра Ведено. Ближайшие населенные пункты: на западе — с. Тевзана, на юго-западе — с. Махкеты, на юго-востоке — с. Элистанжи, на северо-западе — с. Агишты.

Вот что пишет исследователь Ив. Попов об основании села Хаттуни: «Аул этой фамилии Элистанжоевской, он образовался около 40 лет тому назад (примерно в 1830 году-Л. Г.), что помнят еще многие старики-хаттунинцы. Историю Хаттунинского аула рассказывают так. Один элистанджинец из аула Элистанжа, нуждаясь в пахотном месте, отправился с целью поискать свободную поляну; вблизи он не нашёл её, и поэтому ему пришлось удалиться от аула вёрст за семь, по направлению к северо-западу. Проходя местность густым лесом, он заметил невдалеке от себя опушку орешника, мысленно решив уже вырубить его и расчищенное место при-

обрести в свою пользу; но, подойдя ближе, он увидел, что грунтом орешника было болото, грязь — (чеч. хатт). Сообразив, что усилия его в этом месте останутся напрасными, элистанджинец пошёл дальше по течению ручейка, который выходил из болота, и, пройдя ещё версты три, дошёл до места, жизнь на котором обещала полное приволье. Без особых усилий он расчистил местность под посев и занял её; но так как уход за посевом требовал прохода от дома к занятому месту и обратно вёрст двадцать, то он решился поселиться там навсегда. Впоследствии он взял своё семейство и водворился с ним на вновь приобретённом месте. Конечно, переселение элистанджинца из аула не было секретом ни для кого из жителей, его одноаульцев, и потому многие последовали примеру переселившегося.

Признательные пришельцы, совершенно довольные жизнью на новом месте и обязанные открытием его болоту, назвали своё поселение *Хатт-туной* (чеч. жители грязевого места) [14].

Данную версию подтверждает этнографический материал, собранный нами в ходе полевой работы в селах Элистанжи, Тевзана, Агишты, Хаттуни Веденского района и Дойкур-Эвл Грозненского района, где компактно проживают представители тайпа Элстанжой [15]. Кстати, к данному тайпу относится уроженец села Дойкур-Эвл легендарный Садо Мисербиев, кунак Великого русского писателя Л. Н. Толстого [16].

Согласно полевому материалу, основателем села Хаттуни (современный Веденский район Чеченской Республики) является элистанджинец по имени Моцу из известного рода Ашна-Некьи. Он похоронен в с. Элистанжи примерно в середине XIX в. В одно время хаттуницев хоронили как в Элистанжи, так и в Тевзана из-за отсутствия своего кладбища. До поселения его в Хаттуни на этих землях никто не жил, и он оказался первым поселенцем в этих местах. Отца Моцу звали Ражаб. У него, кроме Моцу, было ещё трое сыновей — Арсангира, Сата, Хьюьса [17].

Кроме элистанджинцев в Хаттуни, одинаково деля горе и радость, в мире и согласии проживают представители многих тайпов с различными этническими корнями, из них: **очеченившиися** — Ц1а-дахьарой, Шолардой, Мелардой, Т1андой, Зилой, 1аьндий (дагестанский элемент), Черкасий (адыгский элемент), а также представи-

тели и других **чеченских тайпов**: Нижалой, Хьаркъалой, Макажой, Ригахой, Ц1икарой, Буьтий, Басой, Садой, Дишний, Харачой.

Хаттунинцы всегда принимали активное участие в общественно-политической жизни и социально-экономическом развитии Веденского района. Большой вклад в развитие сельскохозяйственного производства вносили труженики местного совхоза «Прогресс». В их числе механизаторы и водители: Малкан Мухаджиева (депутат Верховного Совета ЧИАССР), Ваха Илесов, Нажмуддин Загаев, Ваха Ахмаев, Леча Синбаригов, Леча Халадов, Умидат Успанова, Абусолта Алсултанов, Докка Джунаидов, а также Гилани Везиков (про-раб), Муса Алгериев, Мовлади Ахазаев (гл. экономисты), Мумади Сулейманов (гл. зоотехник). В разные времена из местных специалистов руководителями совхоза «Прогресс» были: Самраил Орсаханов, Мохьмад Джабраилов, Ахмад Газиев, Сайдхасан Магомадов, Умар-Паша Косумов, Ваха Баймурзаев, Шерип Джабраилов, Бавди Хукаев, Султан Сукуев, Умар Басханов, Гайрбек Мальсагов и другие приезжие «гастролеры».

Десятки хаттунинцев защищали свою Родину в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., из них больше половины погибли.

Настоящий патриотизм хаттунинцы проявили в Афганистане, проходя военную службу в составе ограниченного контингента войск СССР. Это Хусейн Висаитов, Хасан Висаитов, Харон Канаев, Усман Аббазов. Все они за ратный подвиг были награждены медалями «За отвагу».

Большой вклад в воспитание подрастающего поколения внесли и вносят педагоги села: Султан Хумаидов, Ваха Умалатов (бывшие директора СШ), Саид-Эми Юдиев, Хеди Синбаригова, Залпа Зеудинова, Совдат Байгериева, Яха Абубакарова, Мумади Ахметов, Бадрудди Ахметов, Хава Ахметова, Рукьет Тайсумова, Малкан Абдусаламова, Яну Аюбова, Белкиз Махмудова, Муса Зеудинов, Асет Ибрагимова, Ширвани Канаев, Адам Тапаев и Муса Мусаев (бывшие Главы сельской Администрации) и др.

Ярких успехов в спорте добились: Гойты Дазаев (мастер спорта Международного класса по ММА, мастер спорта России по вольной борьбе, мастер спорта Республики Казахстан по жекпе-жек, грэпплингу, мастер спорта международного класса по Панкратиону, чемпион Казахстана по грэпплингу (FILA), чемпион Казахста-

на по бразильскому джиу-джитсу (FILA), синий пояс по бразильскому джиу-джитсу, двукратный Чемпион Мира по панкратиону (2014,2015 гг.), двукратный чемпион Азии по ММА (2015, 2016 гг.), двукратный чемпион Азии по Панкратиону (2014,2016 гг.), вице-чемпион мира по ММА (2016 г.), вице-чемпион мира по панкратиону (2016 г.); основатель Детско-юношеского клуба «Кокжал Актюбе»), Сулейман Дазаев (мастер спорта России по вольной борьбе, мастер спорта международного класса по панкратиону, мастер спорта по ММА, мастер спорта по грэпплингу, мастер спорта по национальному виду спорта «жекпе-жек», двукратный Чемпион Казахстана по Панкратиону, двукратный чемпион Казахстана по грэпплингу, чемпион Кубка Казахстана по национальному виду спорта жекпе-жек, чемпион Азии по Панкратиону); Сулим Бердукаев (мастер спорта России по боксу международного класса), Хамзат Шарипов (мастер спорта СССР по вольной борьбе, чемпион вооруженных сил СССР), Аббаз и Альберт Шариповы, Хасан Юнусов, Саид-Магомед Гусигов, Саид-Хасан Сулейманов, Султан Бетелгериев (мастера спорта СССР по вольной борьбе), Хаважи Тезбиев (мастер спорта по самбо), Хусейн Зулпакаров (футболист, легкоатлет) и др.

В районе и за пределами республики хорошо известны старшие офицеры полиции, как: Иса Зайдинов (действующий полковник полиции, начальник следственного управления линейной полиции г. Барнаул), Умар Хумаидов (майор полиции, пенсионер), Махмут (Магомед) Гойсуев (бывший начальник ГАИ Веденского района, майор милиции, пенсионер), а также Дики Элиханов (майор вооруженных сил РФ в отставке, инженер авиации).

Талантливыми врачами, опытными фельдшерами зарекомендовали себя Петимат Аюбова (главврач местной больницы), Сиддик Умалатов (пластический хирург, г. Иваново), Апти Мадаев (врач-травматолог, г. Уфа), Хусейн Магомадов (врач-уролог), Яхита Алсултанова (гинеколог, анестезиолог), Айзан Бердукаева и Сацита Умалатова (фельдшера).

Активную работу по духовно-нравственному воспитанию среди населения проводили и проводят алимы Абдул-Азим Магомадов, Мусаби Каимов, Ваха Тапаев, Хаважи Магомадов и др.

Село славится своими искусными ораторами — народными дипломатами, такими, как Ваха Дазаев, Джунид Алгериев, Ладди Гуси-

гов, Иди Гойсуев, Буч1у Магомадов, Шахрудин Бетельгиреев и другие.

С особой благодарностью сельчане произносят имя уроженца Хаттуни, мецената Хасмагомеда Илесова, проживающего в г. Барнаул за его благие дела, в оказании материальной помощи нуждающимся, обеспечении сельской мечети всем необходимым для отправления религиозных обрядов. (Дала сагадойла цо мелдинарг!).

Хаттунинская земля вырастила и дала району и республике видных политических, хозяйственных руководителей, замечательных спортсменов, деятелей культуры, искусства, известных ученых, замечательных педагогов. И сегодня в Хаттуни и других родовых селах Элистанжинского общества (Элистанжи, Тевзана, Нижние Агишты) сохранили и приумножили славные традиции и трудовые достижения многих поколений.

Особым уважением в селе и районе пользуются глава Администрации Гина Дазаев, потомок Моцу, основателя села Хаттуни, кунака Л. Н. Толстого — Садо Мисербиева и рода первого Имама Кавказа Шейха Мансура [18]. Как говорится, дела пошли в гору с его повторным назначением по многочисленным просьбам хаттуинцев на эту ответственную должность.

Выводы и прогноз. Авторы приходят к выводу, что этническое общество Элистанжой является крупным как по территории, так и по численности населения в своем регионе и относится к тукхуму (союзу тайпов) Нохчмахкахой, являющимся ядром чеченского народа, и делится на множество ветвей (некъи, гары). Его представители, где бы они не находились, оставили яркий след в истории и судьбе чеченского народа. Элистанжинская земля пользовалась и пользуется по сей день особенной почитаемостью как в Чечне, так и в других республиках Северного Кавказа в связи с тем, что она, прежде всего, связана с именем Великого Имама Шейха Мансура, родители которого являются уроженцами с. Элистанжи. А это село славится еще тем, что на сельском кладбище покоится прах матери Имама Шамиля Баху Меседы, похороненной предками авторов, здесь же похоронены наибы Имама Шамиля — андийцы Лабазан и Газияв, а также Техир Элистанжинский.

Таким образом, Элистанжинцы завоевали достойное место в

созвездии многочисленных чеченских тайпов своим мужеством, патриотизмом, гостеприимством, крепким Иманом и милосердием.

История этнического общества Элистанжой (Элстанжойн мохк/латта), богата и разнообразна и вбирает в себя всю сложную историю формирования и развития чеченского народа с древнейших времен до наших дней.

---

1. Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М., Шаипова Т.С., Гарсаева М.М. История села тайпа элистанжой — Хаттуни и родословной Моцу — его основателя // Вестник Чеченского государственного университета. Грозный, 2014. Вып. 2. С. 94.

2. Попов И.М. Ичкерия (Историко-топографический очерк). Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870 г. Выпуск IV. ч. 1. С. 14.

3. Гарсаев Л.М. Элистанжи (Элистанжой) // Журнал Рефлексия, Назрань, 2013. № 1. С. 76-77; Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Этническое общество Элистанжой // Журнал Генеалогия народов Кавказа. Владикавказ, 2013. Вып. № 5. С. 86-95; Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Этническое общество Элистанжой // Известия СОИГСИ № 12. Владикавказ, 2014. С. 111-127; Гарсаев Л.М., Гарасаев Х.-А. М, Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX — начала XX вв. Саратов, 2009. С. 162-188; Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужская одежда чеченцев и ингушей XIX-начала XX веков. История, предания, наименования. Саратов, 2009. С.102-111; Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX — начала XX вв. (история, предания и наименования). Саратов, изд. центр «Наука». 2010. С. 110-117.

4. Попов Ив. Наибство Веденское // ССКГ, Вып. IV. ч. 1. Тифлис, 1870, С.14.

5. Гарсаев Л.М. Элистанжи (Элистанжой) // Журнал Рефлексия, Назрань, 2013. № 1. С. 76-77; Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Этническое общество Элистанжой // Журнал Генеалогия народов Кавказа. Владикавказ, 2013. Вып. № 5. С. 86-95; Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Этническое общество Элистанжой // Известия СОИГСИ № 12. Владикавказ, 2014. С. 111-127; Гарсаев Л.М., Гарасаев Х.-А. М, Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX — начала XX вв. Саратов, 2009. С. 162-188; Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужская одежда чеченцев и ингушей XIX-начала XX веков. История, предания, наименования. Саратов, 2009. С.102-111; Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX — начала XX вв. (история, предания и наименования). Саратов, изд. центр «Наука». 2010. С. 110-117.

6. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001. С.48.

7. Гарсаев Л.М. Элистанжи (Элистанжой) // Журнал Рефлексия, Назрань, 2013. № 1. С. 76-77; Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Этническое общество Элистанжой // Журнал Генеалогия народов Кавказа. Владикавказ, 2013. Вып. № 5. С. 86-95; Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М. Этническое общество Элистанжой // Известия СОИГСИ № 12. Владикавказ, 2014. С. 111-127; Гарсаев Л.М., Гарасаев Х.-А. М, Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX — начала XX вв. Саратов, 2014. С. 162-188; Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужская одежда чеченцев и ингушей XIX-начала XX веков. История, предания, наименования. Саратов, 2009. С.102-111; Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX — начала XX вв. (история, предания и наименования). Саратов, изд. центр «Наука». 2010. С. 110-117.

8. Полевой материал, собранный авторами в с. Элистанжи Веденского района ЧР.1995 г.

9. Полевой материал, собранный авторами в с. Элистанжи Веденского района ЧР.1995 г.

10. Там же.

11. Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М., Шаипова Т.С., Гарсаева М.М. К вопросу об этническом обществе Гуьна (Гуной) // Труды КНИИ РАН. Грозный, 2014. Вып. 7. С. 230.

12. Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М., Шаипова Т.С., Гарсаева М.М. Из истории основания родового села Тевзана этнического общества Элистанжой // Материалы II международной научной конференции «Гуманитарная наука юга России: международное и региональное взаимодействие». Элиста, 14-15 сентября 2016 г. С. 87-90.

13. Попов Ив. Наибство Веденское // ССКГ, Вып. IV. ч.1. Тифлис, 1870. С. 14.

14. Там же.

15. Полевой материал, собранный в селах Элистанжи, Агишты, Тевзана, Хаттуни, Дойкур-Эвл Чеченской Республики (Информаторы: Каимовы Турпал и Чингисхан — 55 и 60 лет, Дазаев Гина — 55 лет; Зеудинов Мовсар — 80 лет; Дабхаджиев Зайнди — 80 лет, 2014 г., Сулейманов Рамзан — 80 лет, 2002 г.).

16. Гарсаев Л.М., Гарасаев Х.-А. М, Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX — начала XX вв. — Саратов, 2009. С. 162-188; Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужская одежда чеченцев и ингушей XIX-начала XX веков. История, предания, наименования. — Саратов, 2009. С.102-111; Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX — начала XX вв. (история, предания и наименования). — Саратов, изд.центр «Наука». 2010. С. 110-117.

17. Гарсаев Л.М., Гарасаев А.М., Шаипова Т.С., Гарсаева М.М.

К вопросу об истории села Хоттуни тайпа Элистанжой и родословной Моцу — его основателя // Сборник статей международной научно-практической конференции «Северный Кавказ: стратегия устойчивого социально-экономического, политического и культурного развития региона», проводимой в связи с Годом культуры и 279-годовщиной образования города Кизляр. Кизляр, 26 сентября 2014 г. С. 218-221.

18. Гарсаев Л. М., Гарасаев А. М., Шаипова Т. С., Гарсаева М. М. Об основании, тайповом составе села Бердыкель // Вестник ЧГУ, вып. 2. Грозный, 2014. С. 94-96.

Т. Т. ДАУЕВА,
кин, нс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

СИСТЕМА КОМПОЗИЦИЙ ОСЕТИН В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XIX В.)

В работе анализируется система наказаний, которая представляла собой основу традиционного обычного права осетин. Анализ источников позволил выявить комплекс мер, решений и способов, направленных на урегулирование конфликта. Исследование этой проблемы играет важную роль в формировании современной народной дипломатии, она актуальна в практическом применении, в процессе досудебного разбирательства конфликтов в современном обществе.

Ключевые слова и фразы: система композиций, правонарушения, смертная казнь, наказание увечьем, имущественные штрафы, заключения брака

The article analyzes the criminal penalty system that constitute the basis of Ossetian traditional customary law. The research of the sources revealed a range of measures, solutions and ways to resolve the conflict. The study of this problem performed an important role in the formation of modern public diplomacy, it is relevant in practical application, the pre-trial process of the conflicts in modern society

Keywords: system tracks crimes, the death penalty, a punishment injury, property fines, marriage

В конце XVIII — начале XIX в. у осетин существовала довольно обстоятельная система композиций, компенсирующая различные виды правонарушений. Проанализировав источники обычного права, можно выявить некую систему композиций осетин, которая, наряду с материальной компенсацией для возмещения нанесенного ущерба, включала и различные виды наказаний — наказание увечьем, изгнание из общества, заключение брака, похищение и воспитание ребенка потерпевшего до его совершеннолетия и т.д. Особо тяжкие преступления предусматривали и смертную казнь.

В исследуемый период сложно выявить бытование у осетин

смертной казни. Путешественники отмечали рассказы о применении смертной казни среди осетин, однако никто из них не являлся свидетелем применения такой меры наказания.

В.Б. Пфаф, характеризуя способы урегулирования конфликтов в Осетии, определил, что «наиболее суровыми видами наказаний являлись смертная казнь и наказание увечьем, исполнявшиеся по причине кровной мести. Осетинам не были известны такие виды наказаний, как лишение свободы и телесные наказания вне семьи» [1, 264]. В сборнике адатов есть свидетельства существования смертной казни в отношении *гурзиаков* — несвободного сословия. «Гурзиаки находятся в полной зависимости от своих владельцев, которые могут делать с ними, что им угодно, продавать и дарить их другому поодиночке или целыми семействами, и даже умертвить их по произволу» [2, 18]. Анализируя римское право и сравнивая с осетинским, М.М. Ковалевский утверждает, что подобно тому, как в древнем Риме *familia* включала в себя наравне со свободными и рабов, и отец семейства, неся ответственность за их действия, один имел по отношению к ним право наказывать, так среди осетин господин может безнаказанно изувечить и убить своего раба и «уæзданлæг имеет право убить своего гурзиака». Этот факт повторяют сборники осетинских адатов. Вместе с тем предполагается возмездие за все преступления, совершенные последним. В адатах мы находим указания и на то, что за преступление, которое совершил представитель несвободного сословия, отвечает его владелец: если раб убил человека высшего сословия, хозяин его обязан внести полную плату за кровь, как и в случае совершения убийства им самим; если был убит представитель несвободного сословия, то его стоимость. Ответственность переходила в этих случаях с совершившего преступление на того, в чьей власти он состоял [3, 167].

В.Б. Пфаф отмечает, что убийство родового старшины безусловно каралось смертной казнью, как необычайное злодеяние. Дом убийцы разоряли до основания и сжигали [1, 269].

Одним из видов наказания за ранения и телесные повреждения было нанесения равного по тяжести увечья. Для разрешения конфликта могло быть предоставлено право нанесения ответного ранения, равного по тяжести совершенному. Использование такой меры могло применяться в случаях, когда потерпевший не мог опла-

тить компенсацию, а также в случаях разнословного конфликта. Однако в большинстве случаев убедительное предпочтение при урегулировании вопроса отдавалось удовлетворению потерпевшего материальной компенсацией.

Одним из миротворческих регуляторов конфликта в осетинском обществе можно назвать женское вмешательство. Гарантом избежания смерти служило также укрытие на женской половине дома. Практиковалось и искусственное родство для урегулирования кровной мести. Форма примирения, при которой убийца, касаясь губами груди матери убитого, разрешал конфликт, имела две разновидности: одна из них — если вооруженный убийца после совершения преступления бежал к матери убитого и принуждал подать ему грудь. Во время этого насильственного действия родственники требовали кровной мести. Однако после касания груди виновный нарекался ее сыном. В данной процедуре мать играла важную роль, говоря, что потеряет этим убийством второго сына [4, 553]. Второй способ — после полной уплаты за кровь виновная фамилия должна была организовать угощение, во время которого обычно и происходило примирение. Данную процедуру контролировали третейские судьи, которые выносили приговор и следили за полной уплатой цены крови. После процедуры примирения убийцы с представителями нескольких авторитетных старших из виновной фамилии оставались со своими бывшими кровниками и прочими мужчинами, а все остальные с несколькими судьями отправлялись в дом убитого для примирения с женской частью фамилии: «Судья произносил речь, в которой просил мать и сестер убитого простить убийцу так же, как простили мужчины. С этими словами судья подводил убийцу к матери. Прежде чем пожать ему руку, мать говорила, что вынуждена простить ему, уступая многочисленным просьбам народа, и с сегодняшнего дня он будет ее сыном вместо убитого. В доказательство того, что она говорила, мать давала прикоснуться губами к своей груди» [5, 289].

Касательно народов Кавказа, Н.Я. Данилевский указывал на исключительное право женщин защищать мужчин и прекращать конфликтное столкновение [6, 181]. Строгому табуированию подлежало совершение мести или наказание в присутствии женщины. Также, распустив волосы, без платка, становясь между дерущимися,

она могла остановить кровопролитие.

В некоторых работах по этнографии имеются свидетельства наличия у осетин такой миротворческой практики, как воспитание ребенка потерпевшего. Ряд авторов описывает эту форму при урегулировании конфликта по убийству. «Кровавая месть прекращается, если убийца похищает сына убитого, становится его приемным отцом и воспитывает его», — отмечал Л.Л. Штедер [7, 33]. Суть сводилась к тому, что виновная сторона воспитывала ребенка, а затем по совершеннолетию возвращала с подарками. После этого акта две семьи считались родственными и не могли больше враждовать. С. Каргинов указывает, что после примирения кровник брал к себе на 3-7 лет на воспитание сына, дочь или сестру убитого, которых обязан был одевать в лучшее и хорошо кормить, а по окончании срока кровник снабжал воспитанника подарками (мальчиков — сбруей и верховой лошадей) и отправлял в родительский дом. Этот обычай называется *хъан-хæссын*, т.е. вскармливание, воспитание, опека [8, 590-591].

В обычном праве осетин есть понятие посвященный покойному (*фæлдыст*), а также самопосвящение (*хифæлдисын*). По верованиям осетин, посвященный покойнику человек в загробном мире должен был служить умершему конем, и в этом заключалась позорная для всей фамилии и унижительная для убийцы сторона акта. Особенно актуальным этот приговор был в случаях, когда совершенное убийство рассматривалось как особо тяжкое преступление, а также в случае столкновений представителей разных сословий, когда сильный мог требовать от слабого *фæлдисын* [9, 79]. Суть процедуры сводилась к тому, что кровомститель острием ножа касался уха убийцы и пускал несколько капель крови на могилу убитого. Самопосвящение (*хифæлдисын*) избавляло преступника и его родственников от кровной мести, но он принимал по отношению к покойнику и его родным некоторые обязательства, в числе которых было совершение поминок. Одной из форм этого вида наказания было отрезание кровомстителем уха виновного и зарывание его в могилу убитого. В этом случае вражда считалась оконченной.

Одной из фиксированных мер наказания за правонарушения было изгнание преступника или его семьи из общества. Остракизм являлся одним из особо тяжелых наказаний в осетинском праве.

Причин применения такой меры было достаточно. Согласно архивным материалам периода середины XIX в., лишение прав было нескольких видов: лишение некоторых гражданских прав; лишение всех гражданских прав; схоже с предыдущим, но дополнено конфискацией имущества при известных преступлениях [11, 249]. Право лишения прав имелось у *ныхаса*, позже у сельского схода, который принимал общественные приговоры. «... Изгнание как вид наказания применялось не только за определенные преступления, но и за беспорядочную жизнь, то есть отступление от патриархального образа жизни, а также за непризнание патриархальной власти» [1, 265]. «Из общего правила о невозмещаемости преступлений, совершенных против родственников, — пишет Ф.И. Леонтович, — осетины делают исключение для случаев отцеубийства — за убийство отца и матери сыном. Родственники, собравшись, сжигают дом и разграбляют имение. Разрушая жилище виновного, осетины тем самым побуждают его к оставлению прежнего местожительства; таким образом, это является не более как средством к насильственному удалению преступника из сообщества его единокровных» [2, 117].

Основным видом композиций у осетин являлись имущественные платежи, выплачиваемые скотиной или денежным эквивалентом. Для того, чтобы представить полную картину компенсационных выплат, необходимо обратиться к сборникам адатов. Они собирались в период внедрения российской администрации на Кавказе для того, чтобы руководство имело представление о судебных системах местного населения. Эта проблема отражена в трудах дореволюционных авторов — П. Палласа, Л. Штедера, Я. Рейнегса, Ю. Клапрота. Среди современных авторов следует указать Ф.Х. Гутнова, который дал полную характеристику собранным адатам [12].

А. Яновский подробно описал процедуру разбора дел о кровной мести в медиаторском суде, а также привел довольно подробное описание материальных компенсаций за убийство. Так, автор указывает, что в основе размера выплаты лежит происхождение фамилии — «за убийство старейшины знатного рода ... определяется 18 коров и день вспахивания земли, стоящей 36 коров» [13, 194]. В случае обоюдного убийства сильнейшая патронимия имеет то преимущество, что слабый всегда доплачивает.

Помимо происхождения автор указывал на важное значение пола убитого. «За убийство женщины определяется плата в половину против мужчин». Размер компенсации по указанию автора также зависел от того, как было совершено убийство. «Нечаянное убийство, убийство при защите и убийство вора отмищаются одинаково с некоторою разницею в количестве назначаемой медиаторами платы» [13, 196].

Наиболее полный перечень материальных компенсаций приводит Ф. И. Леонтович в работе «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа». Имущественные или денежные штрафы являлись обязательной частью любого вида наказания. Размеры компенсаций зависели от преступления: наибольшая сумма назначалась за убийство, наименьшая — за оскорбления. Платеж производился скотом, рабами, землей, оружием, медной посудой, а позднее деньгами [2, 219]. Считалось, что материальная составляющая компенсирует обиду, нанесенную фамилии или семье и принуждает к прекращению вражды. На размер компенсации влияло несколько факторов: характер преступления, принадлежность к сословию и пол жертвы. Согласно адату, «если убийца и убитая были муж и жена, то плата за кровь была на половину меньше» [2, 219] и выплачивалась родственникам жены. Возраст также играл определенную роль в определении размера компенсации.

Размер платы за кровь свободного человека равнялся 324 коровам. Что касается высшего сословия, то в Дигорском обществе баделята требовали за кровь 15 душ рабов или рабынь [2, 64], в общей сложности на сумму 3900 р.; в Тагаурском обществе за кровь алдара платилось 240 быков или имущество — скот, земля, оружие — общей стоимостью 2400 р.; в Алагирском участке — 324 коровы или 1620 р. [12, 113].

Таким образом, дифференцированная шкала размеров компенсаций за различные виды правонарушений зависела от сословной принадлежности потерпевшего. За преступления против представителя высшего сословия штраф был значительно выше, чем за аналогичное преступление по отношению к простым членам общины. Во время разбора сословных прав туземцев, лица, претендовавшие на принадлежность к привилегированному сословию, считали не-

обходимым в доказательство своей принадлежности к высшему сословию приводить факты получения какой-либо большой платы за своих убитых предков их ближайшими родственниками.

В XIX в., с распространением российской власти на Кавказе, основной единицей исчисления имущественных платежей стал рубль. При этом штрафы могли взиматься и в натуральном виде [14, 287]. Очень часто в постановлениях о взимании штрафа он указывался и в натуральном виде, и в рублях.

К середине XIX в. постепенно трансформировалась традиционная система социальных установок. Модификации подверглись также устоявшиеся правовые нормы. Касательно характера коллизии теперь была возможность разрешения на основе юридических систем (обычно правовой, русского законодательства).

В качестве формы урегулирования малозначительных правонарушений, российская администрация довольно успешно использовала компенсационные выплаты. Проанализировав судебные дела, относящиеся ко второй половине XIX в., можно сделать вывод, что большинство случаев регулировались путем имущественной пени на виновную сторону. Обязательным условием стала выплата определенной доли штрафа в общественную сумму.

Сверх выплаты установленного выкупа, который за отдельные виды преступлений взимался с обидчика, со всей его фамилии могли взыскать так называемый *бонгæн* — подарок. Его отдавала семья убийцы. К. Кох, описывая кровную месть, отмечал: «Чтобы добиться примирения с оскорбленной стороной, обидчик, как правило, делает перед началом переговоров более или менее значительный, в зависимости от обстоятельств, подарок» [15, 255]. Пытаясь заключить перемирие, виновная сторона на похороны убитого посылала жертвенное животное. С. Каргиев пишет, что на шею жертвенного животного повязывалась красная лента из шелковой материи. По его мнению, это был символ покорности и попытка искупить свою вину [16, 36]. Принятие данного подарка служило гарантом последующего примирения.

А.М. Ладыженский в работе «Адаты горцев Северного Кавказа» указывает на наличие барантования, среди горцев Северного Кавказа, не исключая его и у осетин. Одним из понятий термина барантование является право сородичей убитого до исполнения

кровной мести конфисковать имущество виновного и его сородичей [17, 57].

В.Б. Пфаф также указывает на данный обычай: «По миновании срока истец со старшинами отправляется во двор, на поле или пастбище должников и, не разбирая долго, отбирает, что попадает под руку, преимущественно скот, сено, хлеб на поле и т.п.» [1, 220]. Ввиду того, что обычай барантования мог нести серьезные последствия, то часто сильные и влиятельные фамилии использовали данный обычай как средство эксплуатации более слабых фамилий.

По утверждению М.М. Ковалевского, обычай барантования связан с тем, что, «виновник преступления обязан был скрыться, чтобы своим присутствием не раздражать родственников обиженного, а ограничение мести им одним не позволяло более мстителю пролить кровь кого-либо из родственников обидчика. Не имея возможности направить свою месть против личности преступника, мститель довольствовался захватом всего оставленного им имущества» [3, 9].

По замечанию Н. Дубровина, «побег убийцы» позволял мстителю забрать все его жилище и семейство, кроме жены [18, 361]. В сборнике адатов Дигорского общества Осетии 1844 г. указывается, что родственники убитого имеют право захватить имущество виновного и разделить его между собой [2, 38]. Данный обычай имел место даже в случаях последующей полной уплаты за убийство.

Одним из распространенных способов примирения кровников было то, что, помимо денег и прочих взиманий, виновная сторона в качестве платы за кровь могла отдать враждебной стороне девушку (*цыты чызг*). В словаре В.И. Абаева *цыты чызг* — девушка почета, или *фидыды чызг* [19, 23] — девушка примирения, выдаваемая фамилией убийцы в род убитого без калыма в знак примирения [20, 327]. Ее из фамилии кровников могли выдать замуж за мужчину из враждующей фамилии в знак полного и окончательного примирения. В этом качестве не могла выступить вдова или разведенная женщина. Случалось, что две фамилии окончательно не могли помириться даже после полной уплаты и примирительного пиршества. Тогда кровникам вменялось в обязанность выдать свою девушку замуж за представителя враждующей фамилии. По свидетельствам очевидцев, после породнения, несмотря

на враждебность и злость, война прекращалась [21, 6]. Многие фамилии и без приговора судей передавали кровной фамилии через посредников, что в качестве примирения требовали невесту для одного из своих неженатых мужчин [22, 31]. Еще одной причиной заключения брака между кровниками была несостоятельность виновной стороны выплатить кровную плату. Об этом информировался третейский судья, представляющий виновную сторону и он склонял судей к разрешению путем выдачи *цыты чызг*. В 1851 г. осетинский народный суд во Владикавказе приговорил некоего Ц. К. за убийство В. заплатить за пролитую кровь брату 27 быков и выдать свою сестру за него замуж. До брака своей сестры с В. две семьи торжественно помирились [23, 319].

Заключительным этапом любого вида конфликта было примирительное угощение. Оно служило гарантом примирения двух сторон. Суть такого пиршества сводилась к следующему: потерпевшая сторона медиаторами уполномочивалась приготовить угощение, количество которого заранее оговаривалось. Затем назначался примирительный день, на который собирались мужские стороны фамилий. Обычно один из судей, мужчина почтенного возраста, выполнял жреческие функции. Произнося молитвы Всевышнему, он призывал стороны помириться. Следует учесть, что, несмотря на обилие еды и напитков, стороны вели себя достаточно сдержанно, так как основная суть такого пира — молитва и примирение. Количество людей при примирении зависело от вида преступления: наименьшее число — при ранениях, ссорах, наибольшее — при убийствах. В последнем случае присутствовали все мужчины фамилии, а также племянники по матери. Это делалось для того, чтобы лично примирить каждого, во избежание дальнейшего кровопролития. Приведем пример примирительного угощения по случаю кровной мести: «2 котла пива, 25-40 кувшинов араки, 1 бык, 10 баранов» [22, 15], а это — случай примирения кровников. Виновная в убийстве фамилия У. приготовилась к угощению потерпевшей фамилии Т. Третейские судьи назначили день, в который должно было произойти примирение. Убийца при активном участии всей фамилии обязывался выплатить штраф в размере 400 р., а также подготовить примирительное угощение — сварить пиво, зарезать быка, 3 баранов и около 170 кур [24].

С введением российского законодательства система композиций претерпела достаточно серьезные изменения. Некоторые виды компенсаций, такие, как нанесение ответного увечья, заключение брака для приостановления кровной мести, воспитание ребенка кровника, были исключены из применения. Вводилась новая для осетинского общества система, которая не всегда удовлетворяла потерпевшую сторону.

-
1. Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1872. Т. 2.
  2. Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса. 1883. Вып. II.
  3. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. Т. 2.
  4. Дзапарова Е. Б. Имена собственные в зеркале художественного перевода // Современные проблемы науки и образования. 2014. №5. С. 553.
  5. Абаева Ф. О. Число нымæц как сакральная единица в свадебном обрядовом тексте осетин // Современные проблемы науки и образования. 2012. №4. С. 288.
  6. Данилевский Н. Я. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846.
  7. Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967.
  8. Каргинов С. Г. Кровная месть у осетин // ППКОО. Владикавказ, 2014. Кн. 7. С. 590-591.
  9. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.
  10. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967.
  11. ЦГА РСФСР-А. Ф. 112. Оп. 1. Д. 71.
  12. Гутнов Ф. Х. Адамы осетин: историографические заметки // Известия СОИГСИ. 2013. №10 (49). С. 31-56; Он же. Древние обряды Дигорского общества. 1844 г. // Известия СОИГСИ. 2013. № 9 (48). С. 118-128; Он же. Нормы обычного права осетин. Часть. II. Адамы обществ Западной Осетии. Владикавказ, 2015.
  13. Яновский А. Осетия // Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. II.
  14. Канукова З. В. Женское пространство в пореформенной Осетии //

Кавказский сборник Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Центр кавказских исследований. Москва, 2008.

15. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967.

16. Каргиев Б. М. Старинные обычаи и нравы осетин (из жизни жителей Куртатинского ущелья) // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп.1. Д. 109.

17. Ладыженский А. М. Адамы горцев Северного Кавказа. М., 1947.

18. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871-1888. Т. 1.

19. Дзлиева Д. М. Проблемы классификации и исторического развития музыкально-хореографических жанров осетинского фольклора // Музыковедение. 2013. №10. С. 21-25.

20. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958. Т. 1.

21. НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 112.

22. НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12; Д. 39 а.

23. НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109.

24. Терские ведомости. 1896. № 51.

Д. М. ДЗЛИЕВА
снс отдела фольклора и литературы
СОИГСИ ВНЦ РАН

ПЕСЕННЫЙ ЗВУКОВОЙ КОД ОСЕТИНСКОЙ СВАДЬБЫ В ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Статья посвящена музыкальному наполнению осетинской свадьбы. Автором представлены закономерности функционирования свадебных песен, их связи с другими жанрами. Детально разобраны поэтические и музыкально-типологические особенности, выявлены вопросы исторического развития.

Ключевые слова: осетинская фольклористика, осетинская свадьба, свадебные песни, музыкальный фольклор.

The article is devoted to the musical content of the Ossetian wedding. The author presents the patterns of functioning, wedding songs, their connection with other genres. Poetic and musical-typological features are analyzed in detail, questions of historical development are revealed.

Keywords: Ossetian folklore, Ossetian wedding, wedding songs, musical folklore.

Звуковой код является неотъемлемой частью любого ритуала. «Подобно другим явлениям и реалиям внешнего мира звук может наделяться значением, становиться знаком, приобретать культурную функцию и включаться в культурный текст» [1, 9]. Рассмотрим музыкальный код осетинской свадьбы как наиболее интересный с позиции сочетания различных форм и жанров. Песенный код осетинской свадьбы включает в себя разножанровые тексты: обрядовые, мифологические, эпические и застольные песенно-хореографические.

Песенная система осетинской свадьбы включает обрядовые и необрядовые жанры. Среди обрядовых выделяются как собственно свадебные песни: *алай, нанайы зарæг* ('песня матери') и *чынд-зхæсджыты зарæг* ('песня поезжан'), так и ритуальные, функциони-

рующие не только в рамках свадьбы, но и в других обрядовых ситуациях: *Уастырджийы зарæг* ('песня Уастырджи'). К необрядовым относятся приуроченные *кадджытæ* (эпические) и застольные, а также единичные образцы песен, не позволяющие однозначно судить об их жанровой принадлежности.

Первая специальная обрядовая песня, открывающая свадебный пир, всегда была обращена к одному из самых почитаемых в Осетии святых покровителей — *Уастырджи* (в осетинской мифо-религиозной системе покровитель мужчин, путников и воинов). «Первым запевал старший — *Уастырджийы зарæг* [Песня *Уастырджи* — Д. Д.]. Старше [т.е. важнее — Д. Д.] этой песни на застолье не было, а тем более на свадебном застолье. И когда он уже спел её, тогда уже разрешено было всем петь другие песни» [2, 002-024]. Поскольку в настоящее время далеко не каждый владеет навыками пения и знает традиционный репертуар, право начинать пение передается тому из присутствующих на свадьбе, кто владеет этим искусством.

Уастырджийы зарæг, как было отмечено выше, может исполняться во время праздничных застолий в различных обрядовых контекстах календарного и жизненного циклов. Поэтические мотивы песни связаны с просьбами к *Уастырджи* о защите, покровительстве и ниспослании благ участникам ритуала и примыкают к молитвословиям. К числу традиционных образов-символов, характеризующих этого святого, относятся, например, формулы обращения, основанные на использовании постоянных эпитетов: златокрылый; золотой; сидящий на вершине; тот, кто из жеребенка коня делает, а из мальчика мужчину и т. д. В системе свадебного обряда *Уастырджийы зарæг* исполняется перед отправлением поезда из дома невесты. Свадебные варианты сюжета связаны с включением в текст просьб о благословении невесты, гостей и поезжан, о счастливом пути в новый дом.

Поэтика и музыкальные особенности *Уастырджийы зарæг* обособляют ее в системе осетинского фольклора. Ф. Алборов относит ее к жанру мифологических песен, напевы которых весьма разнообразны. «В Осетии едва ли не в каждом ауле существует собственный вариант (а то и несколько вариантов) ее, а выдающиеся певцы-солисты из народа знают и поют по крайней мере по 5-6 вариантов

песни о Уастырджии». Отчасти музыкально-стилевые особенности *Уастырджийы зарæг* близки группе историко-героических песен. В отличие от свадебных, *Уастырджийы зарæг* характеризуется ярко выраженной декламационной манерой исполнения и развитыми формами песенной строфики.

В отношении фактуры и строения многоголосия Уастырджийы зарæг обладает типичными признаками, свойственными осетинской мужской хоровой песне. По определению Е. Гиппиуса, *Уастырджийы зарæг* отличает «стиль взволнованной, патетической речитации солиста (высокого тенора или баритона), сопровождаемой хором (басы), тянущим в унисон на цепном дыхании нижний голос» [3, 5]. К. Цхурбаева приводит следующее описание *Уастырджийы зарæг*: песня «начинается сольным вступлением верхнего (ведущего) голоса, имеющим зачастую значение мелодического эпиграфа к песне. <...> Сольное вступление иногда состоит из лаконичного интонационного возгласа, но нередко представляет собой развернутое напевно-речитативное изложение, после которого обычно вступает басовый голос» [4, 10-11].

Благодаря тому, что образ *Уастырджи* чрезвычайно значим для осетинской культуры, свадебная песня, адресованная этому святому, сохранилась и продолжает бытовать в современной культурной практике. Однако тексты песни в современном ее бытовании оказываются значительно редуцированы. Стабильными элементами поэтики остаются мотивы восхваления святого как защитника и покровителя всех участников данного свадебного ритуала и просьбы о благословении невесты в путь-дорогу.

К числу приуроченных необрядовых жанров свадебного пира относятся эпические песни — *кадджытæ* ('эпические сказания'). Исходя из анализа опубликованных этнографических источников, а также полученных в ходе полевой работы свидетельств информантов можно определить, что в контексте свадебного обряда функционировали лишь те эпические сюжеты, где шло повествование о бракосочетании героев нартовского эпоса: Ацамаза и Агунды, Таркана и Азаухан, Гудзуна и Фатумы. Большая часть сюжетов этой группы завершается устойчивыми поэтическими мотивами уподобления реальной свадьбы бракосочетанию мифологических персон: «Пусть Божья благодать той невесты снизойдет на эту невесту»;

«Пусть эта девушка в счастье уподобится той, о которой сложены песни и сказания».

Традиционный способ воспроизведения сказов представлял собой исполнение певца-солиста под сопровождение осетинского народного музыкального инструмента *хъисын фæндыр* (струнный музыкальный инструмент). По классификации Хорнбостеля-Закса хордофон, индекс 321.211.) или *дыуудæстæнон фæндыр* (двенадцатиструнный музыкальный инструмент). По классификации Хорнбостеля-Закса, хордофон, индекс 321.322.). К. Цхурбаева отмечает, что «характерной чертой нартских (или...или — см. выше: нартовский) напевов является сравнительная краткость вариационно повторяющейся мелодии <...> Варьируемый напев, в основе которого зачастую лежит излюбленная сказителем попевка, соответствует одной или двум стихотворным строкам импровизационного текста».

В современной традиции осетин пласт эпических песен, приуроченных к свадьбе, полностью утрачен.

Отдельную группу песенных жанров образуют застольные песни. В стилистике застольных песен ярко проявляет себя импровизационное начало. Как правило, тексты их достаточно краткие и не включают более одной строфы (по традиции песня звучит только во время осушения бокала. Все застольные песни бессюжетны в общепринятом значении этого слова. В настоящее время наиболее широко распространена песня *айс æй аназ æй*. Песенный рефрен строится на призыве испить бокал, называемый «благословенным»:

*Возьми его [бокал. — Д. Д.] и выпей, глотни его,
Возьми его и выпей!
Благословенный бокал осуши.
Возьми его и выпей! [2, 002-025]*

Строфическая структура застольных песен организована по принципу ритмо-синтаксического параллелизма. При этом каждая строфа достаточно автономна по содержанию, что позволяет атрибутировать композицию каждой песни как монострофическую. Музыкально-стилевые особенности застольных песен близки плясовым. Им свойственен довольно быстрый темп исполнения, четко ритмизованное, декламационное произнесение текста, пропорциональность композиционных единиц песенной строфы.

Образцы данной группы песен неоднократно были зафиксированы в ходе экспедиционной работы последних лет, хотя в современной культурной практике они звучат все реже.

В прошлом в ситуацию застолья были включены и некоторые другие приуроченные песни, ныне уже полностью вышедшие из употребления. Так, например, в Туальском ущелье на свадебном пиру исполнялась поминальная песня *рухсаг* («царствие небесное» или «светлая память»), в которой перечислялись имена предков рода по мужской линии. Музыкальная форма этой песни заключается в чередовании сольных и ансамблевых фрагментов, изложенных в манере декламационного скандирования.

В этнографической литературе зафиксирована еще одна песня, приуроченная к ситуации свадебного застолья. Песня *зула* была зафиксирована в 1927 г. в Дигорском ущелье собирателем А. Толасовым от 105-летнего старика Ц. Макиева. Она звучала во время обхода застолья девушками. Поскольку по традиционному этикету холостым парням и незамужним девушкам было запрещено сидеть за столами вместе со старшими, участие в данном ритуале представляло возможность получить свою долю ритуального угощения. Сначала певички обращались к старшему гостю, потом — ко всем остальным:

*Ой, Зула, Зула, Зула!
Три девицы сидят,
Среднюю бранят.
Похитит ее тот, кого она достойна.
Зула, скажем тебе:
— Угости нас, не задумываясь [5, № 15, п. 8, с. 2-3].*

Как свидетельствуют архивные материалы, если подаяние было невелико, то гостя укоряли в форме ритуальных угроз, а в адрес щедрых сыпались благопожелания.

Приведенная выше песня названа по рефрену, звучащему после каждой смысловой строки текста. В современном осетинском языке нет самостоятельного слова *зула*, но известны слова, образованные с помощью корневой основы — *зул* -, обозначающей 'кривой, косо́й' (например, *зулдзинад* — 'кривизна', *зулаив* — 'слегка косо́й', *зулдаст* — 'косо́й', *зулдзых* — 'криворотый' и т. д.). Как известно, в традиционной культуре эпитеты, связанные с обозначением кривизны, характеризуют образы предков, что, тем самым, раскрывает представле-

ние о присутствии на свадебном застолье умерших покровителей рода. Напев песни, к сожалению, остался неизвестен, а осуществить повторные записи на современном этапе существования традиции не удалось. Возможно, что по стилистике песня зула могла примыкать к календарно-обрядовому фольклору, а именно к песням годоводних обходов дворов.

В ходе полевой работы нам посчастливилось обнаружить сведения о самостоятельной песне, приуроченной к свадебному пиру, и зафиксировать развернутое описание контекста ее функционирования. Песня исполнялась во время передачи пивной чаши по кругу каждому участнику застолья. Этот обряд, как и песня, его сопровождающая, получили название *гъайтты рæнхъ* ('побуждающий к веселью тост').

Ритуал начинался с игровой интермедии ряженого, в образе которого нашли воплощение представления о мире предков: «Это призыв к побуждению к началу веселья. Когда младшие хотели начать веселиться [петь, танцевать. — Д. Д.], то тулуп выворачивали наизнанку и один из парней засовывал туда руки, это был знак для старших, что младшие хотят начать веселиться. Его [парня — прим. автора] подводили к ним [старшим — прим. автора], и вот они ему говорили сколько пустить тостов. Это не от младших зависело, сколько можно пустить тостов, сколько они [старшие — прим. автора] им скажут. <...> Они [младшие — прим. автора] говорили так: «Холодная зима наступила, сколько вы нам дадите животных?» Это имелось в виду, сколько тостов вы нам дадите, чтобы *гъайтты рæгъ* начать. Те [старшие — прим. автора] им говорили, должно было быть нечетное количество: либо три, пять, либо семь, либо девять. А когда они [младшие — прим. автора] подходили к старшим, у одного из парней была в руках шумовка, и на нее клали угли. И когда уже договорились — тогда порох клали на угли, и он начинал вспыхивать. Тогда все понимали, что это служило сигналом к началу веселья для младших, и начинали петь песню *гъайтты рæгъ*» [2, 002-024].

Музыкально-поэтическая строфа *гъайтты рæгъ* представляет собой структуру рефренного типа. Архитектоника песенного текста близка застольным; в ней используются принцип ритмико-синтаксического параллелизма и вопросно-ответные конструкции. Рит-

мика этой песни обнаруживает родство с музыкально-хореографическими жанрами, в частности, с плясовыми песнями и инструментальными наигрышами.

В рамках осетинской свадебной обрядности также существовала специальная обрядовая песня *медмоси инайа*, известная нам лишь в двух записях. Одна из них представляет собой дигорский вариант, зафиксированный Г. Дзагуровым от Т. Туганова в 1921 году во Владикавказе. Обрядовый контекст исполнения песни был описан фольклористом следующим образом:

«Когда невесту уже отравили, когда гости уходят, а хозяева остаются, тогда они запевают такую песню. Старинная песня, сейчас ее уже никто не будет знать. Старшего сына Гула Секинати звали Дзимдзи, и Гула его дочку выдавал замуж, и когда гости уехали, тогда Гула сказал:

— *Ну что, теперь наше дело сделаем.*

— *Как ты хочешь, Гула?*

— *Тогда выходите, — и поднялся на плоскую крышу дома, и там взяли друг друга под руки, вот как в симде.*

— *Ну, а теперь кто нам будет запевать? — спросил Гула.*

— *Сам нам запевай.*

— *А если я умру, кто вам будет запевать?*

— *Вот ты нам и покажи, как запевать.*

— *Ну вот, когда невесту увезут, тогда запевают песню, которую пели наши предки, — сказал Гула. — Ну, вот я скажу «Медмоси инайæ», а вы скажете «Арси луби луб-луб!» (это и была подпевка). В середину они поставили двух хлопающих, и они палками хлопали, им Гула показал, как хлопать, и тогда запел.*

Песню Татаркан, еще маленьким был, так слышал. Он ее называет «Песня Гула», потому что кроме как он [Гула — Д. Д.], и в то время никто не знал эту песню» [5].

Второй вариант, иронский, был записан П. Мамуловым и издан в 1948 году в нотном сборнике «Осетинский музыкальный фольклор» [6, 96].

К сожалению, эта версия не прокомментирована, но по схожести текстов и идентичности припева «арсы луби луб-луб» можно с уверенностью сказать о ближайшем типологическом родстве этих вариантов, зафиксированных у различных этнографических групп

осетин.

Вероятно, в прошлом этот танец-песня имел ритуальное значение, которое со временем было утрачено. По этому поводу Т. А. Хамицаева замечает: «При выводе невесты кричат «Фарн фæцæуы», «Уходит счастье, обилие»; в молитвословии также говорилось о том, что невеста уносит в постоянный свой дом «фарн»; но произносящий эти слова никогда не забывал сказать о том, что и в родительском доме она оставляет «фарн» (об этом же и пелось в песне «Алай»). Это проясняет смысл песни «Медмоси инайа». Она пелась с верой в вербальную магию: песня об обилии поможет сохранить «фарн», изобилие в том доме, из которого ушла невеста, сама олицетворение «фарна»» [7, 151].

По музыкально-стилевым характеристикам эта песня сближается с другими свадебными песнями, сопровождающими хореографические формы, такими, как, *чепена*, *алай-булай* и *уайра-уайтау*. Структура всех этих песен идентична и представляет собой: запев + припев, где запев исполняется солистом, а припев — хором.

В прошлом каждый переход невесты из одного места в другое сопровождался определенными фольклорными текстами, служившими оберегами и заговорами, которые в настоящее время можно услышать все реже и реже. Для современного свадебного фольклора характерна краткость и лаконичность, что, вероятно, связано с сокращением времени и пространства.

Что же касается песенного фольклора, этот вид свадебной обрядности более всего претерпевает изменения. В настоящее время услышать на свадьбах обрядовые песни можно все реже и реже. По словам информантов, в прошлом на свадьбе и со стороны невесты и со стороны жениха были специально приглашенные люди, славившиеся умением красиво петь. В современной свадебной практике такие люди встречаются редко, специально их уже не приглашают. Традиция преемственной передачи навыков ритуального пения полностью утрачивается, взамен нее появляется традиция современного национально-эстрадного жанра, который зачастую и бывает востребован публикой во время празднования.

Уходят из практики фольклорные элементы, сопровождавшие свадебные обряды. Так песня *алай*, сопровождавшая обряд обхода невесты вокруг очага, полностью выходит из обихода. Среди

опрошенных информантов только несколько человек знали о существовании этой обрядовой песни, но никто из них не помнил, в каком контексте она исполнялась, и о чем был поэтический текст.

В прошлом *алайы зарæг* функционировала в двух зеркально расположенных обрядовых ситуациях осетинской свадьбы. Полифункциональность песни прослеживается на уровне средств художественной выразительности. Некоторые особенности поэтической организации (космогонический характер образов — уподобление невесты небесным светилам, упоминание святых и героев нартского эпоса как покровителей девушки, готовой к супружеству) выявляют принадлежность *алай* песням инициационной линии обряда. Другие свойства поэтики (наличие величальных мотивов, связанных с обозначением статуса молодухи как хозяйки нового дома, будущей жены и матери, а также мотивов, направленных на регулирование ее отношений с родственниками мужа) связывают песню *алай* с коммуникативно-обменной линией свадьбы. Возможно, что некогда существовали две различные песни *алай*, включенные соответственно в комплекс самостоятельных обрядов в доме невесты и в доме жениха, которые со временем составили единый фольклорный жанр. Одновременно с этим, типологическое родство напевов *алай* с хоровами, исполняемыми над пораженным молнией — *цоппай*, позволяет определить основной жанровый статус песни как заклинательно-магический.

Исполнение песни *алай* в свадебном обряде связывалось с комплексом древнейших представлений и верований осетин, связанных с очагом. В.Ф. Миллер писал: «Переходя из родной семьи в чужую, осетинская девушка оставляет духа-покровителя родного домашнего очага и поступает под ведение такого же домашнего патрона дома мужа. Поэтому она должна проститься с родным очагом и получить от домашнего патрона благословение на уход» [8, 476]. Со временем культ домашнего очага постепенно угасает, и песня проникает в иные контексты свадебной обрядности. В более позднее время песня потеряла ритуальное значение, и ее стали петь девушки, встречавшие свадебный поезд при подъезде к дому жениха. В настоящее время в современных постройках очаг вовсе отсутствует, следовательно, и обряд обхода невесты вокруг очага и

обрядовая песня *алай* перестают существовать вовсе. Отдельные ее строки включаются в свадебные молитвословия и благопожелания, образуя новые жанрово-синтетические формы.

После обхода вокруг очага при выводе невесты из помещения исполнялась песня *нанайы зарæг* (букв. песня матери), песня, адресованная матери. Она принадлежит к инициационной линии ритуала. Традиционный этикет и нормы поведения в обществе не позволяли матери и дочери выражать свои чувства и переживания на людях, и исполнение песни являлось единственной возможностью передать их эмоциональное состояние. *Нанайы зарæг* включалась в цикл обрядов прощания невесты с родным домом, обозначая начало перехода невесты в социальный статус замужней женщины. «Завершив ритуал прощания, шафер медленным шагом выводил из хадзара невесту. При этом снова запевали свадебную песню» [9, 36], — отмечал А. Х. Магомедов. По сведениям, полученным от народных певцов Ю. Баева и С. Гетоева, песня матери также звучала перед выходом из дома свадебного поезда: «*Нанайы зарæг* поют, когда ее [невесту. — Д. Д.] уже к старшим ведут, чтоб они благословили ее перед выходом из дома. Тогда ее [песню. — Д. Д.] поют» [2, 002, № 015].

Все поэтические тексты *нанайы зарæг* имеют схожую структуру и образное содержание. Примечательна трактовка в этой свадебной песне образа поезжан, которые обозначаются как *удхæсджытæ* (*уæдхæссæг* — букв. 'забирающий душу') — персонажи низшей демонологии, забирающие душу умершего в день его кончины. Тем самым в поэтике песен матери реализуется идея замужества девушки как символического умирания (реализация инициационной линии свадебного обряда).

В текстах *нанайы зарæг* раскрывается образ девушки-невесты как идеальной дочери, помощницы матери во всех домашних делах. Через образ матери, теряющей дочь, получает воплощение идея отчуждения девушки от своего рода. Поэтические обороты, характеризующие образ невесты как помощницы матери, имеют формульный характер: утром огонь разводила, вечером постель стелила, утром постель убирала, воду носила, двор подметала и т. д.

Корпус поэтических мотивов песен матери обнаруживает тесную связь с *хъарджытæ* — похоронными причитаниями, имевшими в

осетинской традиции как сольную (индивидуальную), так и хоровую (групповую) исполнительскую форму [10, 155]. Связь песен матери с похоронными причитаниями прослеживается как в поэтике, так и в музыкальной стилистике. Так, в частности в текстах используются формульные мотивы-сетования о потере дочери, выраженные в форме риторических вопросов: Что будешь делать?; На кого будешь смотреть?; Кто будет убирать?; Кто будет постель стелить? и т. д.

Что касается мелодической линии, то ее развертывание происходит преимущественно в нисходящем движении, декламационность, короткая фразировка, прерывистое дыхание и другие особенности свидетельствуют о том, что плачевое начало является ведущим качеством *нанайы зарæг*, раскрывающим ее функции в обряде. Связь песни матери с плачами имеет и смысловую обусловленность, так как свадьба и похороны принадлежат к обрядам перехода. *Нанайы зарæг* логически завершала обряд отчуждения невесты от родного дома, что и получило многоаспектное выражение на всех уровнях художественной организации песни.

В процессе исторического развития песенный стиль *нанайы зарæг* не претерпел существенных изменений. По архивным материалам и полевым данным, в том числе современным, мелодика песен данной группы обладает устойчивостью и интонационной узнаваемостью. Функциональность песен матери и их принадлежность инициальной линии свадебного обряда в целом сохраняется. Однако если в прошлом *нанайы зарæг* была строго приурочена к обряду обхода очага и исполнялась вслед за песней *алай*, образуя с ней своеобразный микроцикл, то в настоящее время песня может исполняться на отъезд невесты из отчего дома и сближается отчасти с другой группой свадебных песен, принадлежащей коммуникативно-обменной линии обряда — *чындзхæсджыты зарæг* (песнями поезжан). Эта песня также известна в научной литературе и под другими названиями: *Фарн фæцæуы* (букв. 'фарн идет') или *Фарны зарæг* (букв. 'песня о фарне'). Образ *фарна* (букв. 'небесная благодать'; 'счастье') имеет ключевое значение в поэтике песни поезжан [11]. Благопожелания в адрес всех участников свадебного обряда являются характерной чертой данного жанра.

Песни поезжан включают две музыкально-типологические группы напевов. Предположительно, напевы первой группы исполня-

лись, скорее всего, во время перемещения свадебного поезда. Тем самым, функция напевов была связана с организацией свадебной процессии как шествия и акцентировала в них моторно-двигательное начало. Этим обстоятельством определены и средства музыкальной выразительности: принцип равномерного сегментирования, постоянство объемов музыкального времени, достаточно подвижный темп, единая ритмическая пульсация, отсутствие остановок в конце отдельных музыкальных фраз и строфы в целом. Все эти черты указывают на генетическую связь этой группы песен поезжан с жанрами песенно-хореографического фольклора.

На наш взгляд, в силу того, что в современной свадебной действительности поезжане находятся в машинах, песни, исполняемые во время переезда, становятся не актуальными.

Вторая типологическая группа *чындзхæсджыты зарæг* включает напевы, исполняемые во время вывода невесты из родительского дома или ввода ее в дом жениха. Основное значение в этих песнях придавалось произнесению ритуально-значимого текста, включающего наставления, благопожелания в адрес невесты, представителей ее рода и рода жениха. Качество повествовательности, присущее песне поезжан, и наличие в поэтических текстах обращений к божествам и героям осетинского эпоса, придавая песням гимническое звучание, отчасти сближает эту группу с эпическими и мифологическими песнями.

В текстах велико значение образа поезжан, но понимание его ритуальных функций весьма различно. Родня невесты воспринимает их как разрушителей родовых и социальных связей, поэтому, как и в *нанайы зарæг*, поезжане называются *удхæсджытæ*. Для родни жениха поезжане являются желанными гостями, приводящими в дом продолжательницу жизни и источник благодати — *фарн*.

Несмотря на то, что *чындзхæсджыты зарæг* так же, как и другие свадебные песни исполняются представителями рода жениха (собственно поезжанами), песенные тексты содержат скрытую диалогичность. Тексты *чындзхæсджыты зарæг* начинаются с приветствий, которыми поезжане обмениваются с родней невесты, когда приезжают за девушкой в свадебный день, а также с родственниками жениха — при встрече свадебного поезда в его доме.

Большое значение в поэтике песен поезжан имеет мотив дви-

жения, отмечающий изменения в жизни молодоженов и двух родовых групп в целом. В песенных текстах передвижение свадебного поезда описывается при помощи глаголов: уводим; увозим; уходим; повезем; едем; идем и т. д. С этим же связано метафорическое уподобление невесты птицам: вороне; галке; воробью и т. д.

Ведущей функцией песен этой группы является обрядово-процессуальная, способствующая обеспечению максимально безопасного перехода невесты из своего рода в род жениха [12].

Таким образом, звуковой код осетинской свадьбы достаточно обширен. Динамика исторического развития характеризуется большими потерями в песенной системе. Так, полностью или частично вышли из употребления многие приуроченные песни, в частности эпические и поминальные. Вместе с тем, ряд песенных жанров, например, застольные, продолжает существовать в традиционной культуре, хотя и в сильно редуцированном виде.

---

1. Толстая С. М. Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 9-16.

2. Дзлиева Д. М. Экспедиционный видео фонд.

3. Гиппиус Е. В. От редактора // Осетинские народные песни, собранные Б. А. Галаевым в звукозаписях, нотированных совместно Б. А. Галаевым и Е. В. Гиппиусом/под ред. и с предисл. Е. В. Гиппиуса. М.: Музыка, 1964. 249 с.

4. Цхурбаева К. Г. Музыкальная культура осетин. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. 24 с.

5. НА СОИГСИ. Ф. фольклор.

6. Осетинский музыкальный фольклор/отв. ред. А. С. Тотиев. М.; Л.: Музгиз, 1948. 127 с.

7. Хамицаева Т. А. Семейная обрядовая поэзия осетин // Вопросы осетинского литературоведения. Т. XXXIII. Орджоникидзе, 1978. С. 140-179.

8. Миллер В. Ф. Религиозные верования осетин. // Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ученые записки императорского Московского университета. Вып. 1. Москва, 1881. Репринтное издание: Владикавказ, 1992. 717 с.

9. Магомедов А. Х. Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. Орджоникидзе, 1962. 72с.

10. Бесолова Е. Б. Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 406 с.

11. Абаева Ф. О. Обрядовый свадебный текст осетин. Автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.02/Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2013.

12. Даева Т. Т. Регулирование общественных отношений осетин в XIX — начале XX вв. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. №15. Владикавказ, 2016. С. 153-157.

С. В. КАБИСОВ,
преподаватель ЦМУ им. Ф. Алборова,
магистрант МГИК (РЮО, г. Цхинвал)

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЕМОВ ИГРЫ НА ОСЕТИНСКОЙ ГАРМОНИКЕ

В статье рассмотрены вопросы возникновения, развития и применения различных приемов игры на осетинской гармонике в современном инструментальном творчестве.

Ключевые слова: культура, народные музыкальные инструменты, осетинская гармоника, инструментальное исполнительство, национальная музыка, приемы игры.

The article examines the problems of the origin, development and usage of various playing tricks on the ossetian harmonica in modern instrumental art.

Keywords: culture, folk musical instruments, ossetian harmonica, instrumental performance, national music, playing tricks.

Основой инструментального исполнительства является техника игры. Без крепкой технической базы, при всем желании, невозможно музыкально сыграть произведение. Под «техникой игры» понимается комплекс исполнительских средств и навыков, направленных на воплощение музыкального образа исполняемого произведения. Совершенствование техники игры — процесс перманентный и ограничен лишь возможностями инструмента. Степень владения игровой техникой напрямую влияет на качество звука, а значит, и на формирование художественного образа музыкального произведения в целом. «Высшим проявлением технического совершенства в музыкально-исполнительском искусстве является мастерство» [1, 7].

Осетинская гармоника относится к язычковым клавишно-пневматическим музыкальным инструментам с полным хроматическим звукорядом на правой клавиатуре, басами и готовым (или гото-

во-выборным) аккомпанементом на левой. Благодаря своему специфическому тембру и сравнительно небольшому весу (8-11 кг) осетинская гармоника снискала большую любовь не только на Кавказе, но и по всему миру. На осетинском языке гармоника носит название «ирон хъандзал-фæндыр» [2, 95].

Первые образцы осетинской гармоники представляли собой модифицированные местными народными умельцами варианты казачьей гармоники, предположительно, заимствованной у казаков, живших по соседству. Они имели весьма ограниченный диапазон, представленный натуральным звукорядом в пределах одной октавы. С развитием исполнительства постепенно развивались и технические характеристики инструмента. В процессе модификации осетинская гармоника достигла уровня, позволяющего исполнять любые музыкальные произведения наравне с баяном и аккордеоном. Современная разновидность гармоники позволяет исполнять не только обработки народных мелодий, но и переложения шедевров классической музыки. Особенно интересно звучат в исполнении гармоники полифонические произведения, ввиду тембральной близости звучания гармоники к звучанию органа.

Схожесть конструктивных особенностей обусловила следование гармоники по пути развития баяна и аккордеона, имеющих более долгую историю появления и совершенствования. Постепенно были переняты не только конструктивные особенности инструментов, в частности — хроматическая система тональной гармонии, но и приемы игры. Абсолютно все приемы игры, используемые при игре на этих двух инструментах, используются также и на осетинской гармонике. В этом плане у гармоники нет своих специфических приемов. Хотя следует отметить, что благодаря своему, в сравнении с баяном и аккордеоном, более легкому весу, исполнение такого приема, как «тремоло мехом», на гармонике возможно с наименьшими физическими усилиями.

Наибольший теоретико-методический вклад в исследование приемов игры на клавишно-язычковых инструментах внес российский баянист и педагог Фридрих Липс. Основные и специфические приемы игры описаны Ф. Липсом в его книге «Искусство игры на баяне».

На сегодняшний день не существует общепринятой и утвержденной классификации приемов игры для этих инструментов. Од-

нако, учитывая особенности различных приемов игры, можно выделить следующие основные группы:

I. Туше. Слово «туше́» в музыкальном искусстве обозначает способ прикосновения пальцами к клавишам. Выделяют три основных способа туше: нажим, толчок, удар. «При нажиме палец мягко нажимает на нужную клавишу, заставляя ее плавно погружаться до упора. Пальцы при этом располагаются очень близко к клавишам. Каждая последующая клавиша нажимается так же плавно» [4, 15].

Толчок, как и нажим, не требует замаха пальцев, однако в отличие от нажима «палец быстро погружает клавишу до упора и быстрым кистевым движением отталкивается от нее (эти движения сопровождаются коротким рывком меха)» [4, 16]. Толчок при игре на осетинской гармонике используется сравнительно редко.

«Удар предваряется замахом пальца, кисти или того и другого вместе. Этот вид туше применяется в отдельных штрихах (от *non legato* до *staccatissimo*)» [1, 17].

II. Скольжение (*glissando*). В некоторых литературных источниках *glissando* относят к разновидностям туше. Однако в силу значительного отличия его от основных видов туше, целесообразнее выделить его в отдельный прием игры. *Glissando* — это скольжение ногтем или пальцами руки по клавишам вверх или вниз. По направлению движения *glissando* бывает восходящее или нисходящее. По типу исполнения — темперированное и нетемперированное. Обычно *glissando* исполняется ногтем большого пальца при нисходящем движении или ногтем среднего пальца при восходящем (реже — указательного или безымянного). «*Glissando* кластером исполняется либо кулаком, либо тыльной стороной кисти, развернутой к клавиатуре. *Glissando* в левой клавиатуре практически не используется, в следствие неудобства его исполнения» [1, 22].

В нотном тексте *glissando* обозначается следующим образом:

III. Приемы игры мехом. «Основными приемами игры мехом являются разжим и сжим. Все остальные в своей основе построены на различных сочетаниях разжима и сжима» [1, 24]. Существует несколько графических знаков для обозначения этих приемов. Знаки ставятся над нотами. В современной музыкальной нотации применяются, в основном, следующие два вида: приемы игры мехом; можно разделить на следующие подгруппы:

а) Чередование разжима и сжима. В данном варианте возможны разные сочетания чередования разжима и сжима. Например:
 разжим — сжим разжим — сжим;
 разжим — разжим сжим — разжим — сжим (кавказский ритм) и т.п.

б) Триоли мехом — чередование сжима и разжима мехом в триольном ритме. По сути, «триоли мехом» являются ритмической разновидностью приемов игры мехом, но могут быть выделены в отдельную подгруппу, ввиду их частого употребления при игре на осетинской гармонике. Наиболее распространенными ритмическими рисунками при игре «тремоло мехом» являются тремоло триолями, причем, в отличие от баяна, сжим и разжим чередуются непрерывно, и тремоло в т. н. «кавказском ритме».

Данный прием часто встречается в обработках осетинских народных мелодий, а также в произведениях осетинских композиторов — Булата Газданова, Феликса Алборова, Николая Кабоева и др.

с) Рикошет. «Характерным моментом при исполнении рикошета является равномерное чередование ударов верхней частью меха и нижней. Рикошет состоит из четырех элементов:

Исходное положение — мех собран.

1 — разжим верхней частью меха. Нижняя часть остается сомкнутой.

2 — общее направление движения меха в сжим; верхняя часть сжимается, а нижняя в это время расходится. Вторая доля длится до смыкания верхней части меха. В момент смыкания начинается третья доля.

3 — сжим нижней частью меха (верхняя сомкнута).

4 — разжим верхней частью меха после смыкания нижней (момент смыкания фиксирует начало четвертой доли). Во время исполнения всего этого цикла пальцы с клавиш не снимаются.

Если рикошет требуется исполнить несколько раз подряд, то после четвертой доли рука снимается, аккорд берется заново, и начинается новый цикл. Получается, что четвертая доля предыдущего цикла и первая последующего исполняются разжимом верхней части меха, который делится снятием руки. Играя рикошет в быстром темпе, левая рука делает движения в большей степени вниз-вверх, чем влево-вправо (та же самая диагональ, что и в тремоло!)» [1, 30-31].

«Приемы игры мехом обретают все большую популярность в исполнительской практике гармонистов. Они значительно обогащают арсенал художественно-выразительных средств инструмента [1, 23]. Однако, исполняя приемы игры мехом важно помнить, что музыкальная мысль во время смены меха не должна прерываться.

IV. Вибрато. *Vibrato* — (ит.) колебание. В отличие от звуковысотного колебания у струнных, вибрато на гармонике является колебанием динамики. «Принцип его исполнения сводится к тому, чтобы, воздействуя на мех мелкими толчками, добиться изменения интенсивности подачи воздуха в резонаторные отверстия. В результате при непрерывном движении меха звучат как бы пульсирующие акценты» [1, 32].

Музыкальный материал, исполняемый приемом вибрато, может быть изложен или в партии левой руки, или в партии правой, а также обеих рук одновременно.

Применимо также напряженное дрожание игрового аппарата правой руки:

V. Шумовые эффекты. «К ним относятся часто встречающиеся в современной музыке удары по грифу, постукивание боринами меха, пощелкивание регистрами-переключателями в заданном ритме, шум отдушника и пр.» [1, 36]. Кроме слуховых, шумовые эффекты несут и зрительное воздействие (при выступлении на сцене) и оставляют неизгладимое впечатление.

«Нужно всегда помнить, что любой прием должен органично вписываться в музыкальное содержание произведения, а не быть самоцелью» [1, 23].

На сегодняшний день осетинская гармоника является самым популярным музыкальным инструментом на Кавказе. Среди наиболее известных исполнителей можно выделить следующих: Булата Газданова, Сослана Дзуцева, Мадину Кожеву, Залину Сапиеву и других. С каждым годом осетинская гармоника получает все большее распространение, что рождает потребность в наличии грамотной методической литературы. Автор не претендует на единственно верное решение изложенного вопроса, но надеется, что статья станет предтечей для более тщательного изучения вопросов использования различных приемов игры на осетинской гармонике.

1. Липс, Ф. Р. Искусство игры на баяне [Текст, ноты]/Ф. Р. Липс. М.: Музыка, 1985. 158 с.
2. Алборов, Ф. Ш. Музыкальная культура осетин [Текст]/Ф. Ш. Алборов. Изд. 2-е. Владикавказ: Ир, 2015. 192 с.
3. Антонова, С. Г. Редакторская подготовка изданий: Учебник [Текст]/С. Г. Антонова, В. И. Васильев, И. Жарков, О. В. Коланькова, Б. В. Ленский, Н. З. Рябинина, В. И. Соловьев. Под общ. ред. С. Г. Антоновой. М.: МГУП, 2002. 468 с.
4. Гвоздев, П. А. Принципы образования звука на баяне и его извлечения // Баян и баянисты: Сб. метод. материалов/Сост. и общ. ред. Ю. Т. Акимова. М.: Советский композитор, 1970.

А. С. МИКСЮК,
кин МГЭИ
(Минск, Республика Беларусь)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ И МИФОЛОГИЯ АВЕСТЫ

Статья посвящена изучению зороастрийских погребальных ритуалов и их взаимосвязи с мифологией на материалах Авесты. Рассматриваются авестийские представления, связанные со смертью и посмертным судом, описывается цикл погребальных ритуалов, их цели и критерии действенности. Обращается внимание на специфический зороастрийский погребальный ритуал выставления тел (дахмы), связанный с сакрализацией стихий. Исследование основано на оригинальных текстах Авесты.

Ключевые слова: Авеста, зороастризм, ритуал, погребальный ритуал, жрец, дахма.

The article is devoted to Zoroastrian funeral rituals and their interrelation to the mythology on the data of the Avesta. The Avestan beliefs connected with death and afterlife judgement are considered. Cycle of funeral rituals, their purposes and criteria for the effectiveness are described. Special attention is paid to the analysis of Zoroastrian funeral ritual of the exposure of bodies (dakhma) which is connected to the idea of sacralization of nature. The research is based on Avesta's original texts.

Keywords: Avesta, Zoroastrianism, fire, ritual, funeral ritual, priest, dakhma.

Мифология иранских народов нашла отражение в исторических источниках и художественных произведениях, традициях и обычаях, а, кроме того, оказала огромное влияние на развитие соседних народов, в том числе и славян. Среди всего спектра иранских мифологических представлений особый интерес, на наш взгляд, вызывает ранняя зороастрийская мифология. Это связано с несколькими факторами.

Во-первых, священная книга зороастризма Авеста является древнейшим письменным источником по иранской мифологии и содержит не только сведения о собственно зороастрийских боже-

ствах и представлениях, но также, вероятно, несет в себе информацию о древней мифологии индоиранцев.

Во-вторых, представления, традиции и обычаи, зафиксированные в Авесте, оказали огромное влияние на дальнейшее развитие народов Ближнего и Среднего Востока и развитие таких мировых религий, как христианство и ислам. В свою очередь, учение манихеев, возникшее на стыке зороастризма и христианства, дало начало многим христианским ересям. Также нельзя не отметить и мощное культурное влияние Персии в Римской империи: распространение в I в. н.э. культа иранского божества Митры.

Таким образом, на наш взгляд, исследования зороастрийской мифологии перспективны и актуальны в различных контекстах. В данной статье речь пойдет об анализе погребальных ритуалов зороастрийцев во взаимосвязи с зороастрийской мифологией. В качестве основного источника исследования выступают тексты Авесты.

Подобная постановка вопроса не случайна. Бесспорно, любой ритуал или обряд является способом выражения религиозно-мифологических представлений. Зороастризм относится к числу тех религий, в которых огромную роль играет именно ритуальная сторона. При этом важно отметить, что все зороастрийские ритуалы составляют строгую и непротиворечивую систему, подчиняясь общей цели — сохранение порядка в общине и всей Вселенной. Основу любого зороастрийского ритуала составляла идея сопричастности действий космическим силам, противодействующим злу и хаосу. Правильное прохождение ритуального «сценария» гарантировало существование стабильного мироустройства.

Среди всех категорий ритуалов именно погребальные ритуалы описываются в Авесте наиболее подробно. Данный комплекс ритуалов, как правило, условно разделяется на несколько этапов:

- ритуалы, совершаемые от момента смерти человека до погребения;
- собственно погребальный ритуал;
- ритуалы, проводимые после погребения (т.е. до того момента, когда душа умершего переселится в потусторонний мир) [1, 16].

Символично, что погребальные ритуалы и в целом правила поведения в случае столкновения со смертью и мертвой материей описаны в Видевдате (авест. *vī daēvā dātəm*, дословно «против дэвов

данный»), т.е. той части Авесты, в которой содержатся предписания по защите от сил зла. Старение и смерть рассматривались зороастрийцами как зло, исходящее от бога Ангро-Майнью и демонов, дэвов (авест. *daēva*). К категории дэвов в Авесте был отнесен ряд божеств, «принципиально лживых духов» [2, 187], которым поклонялись индоиранцы до религиозной реформы Заратуштры, и чей авторитет они отвергли впоследствии (Ясна 12, 4).

Среди многочисленных дэвов упомянем, прежде всего, следующих:

- дэв Заурва (авест. *zaurva*): «дряхлость» (Видевдат 19, 43),
- дэв Насу (авест. *druhx̌-ya-nasu*): «скверна трупная» (Видевдат 7, 2).

Дэв Насу представлялся зороастрийцам в облике отвратительной трупной мухи (к примеру, Видевдат, 9). В этой связи интерес представляют находки, сделанные и описанные В.И. Сарияниди в храме Тоголок-21 (Маргиана; на территории Восточного Туркменистана). В ходе археологической экспедиции здесь был найден медно-бронзовый амулет с двухсторонним изображением, на одном из которых присутствовала композиция «в виде огромного, предположительно, крылатого и явно рогатого чудища, набрасывающегося на пару людей, лежащих на земле» [3, 52-53]. Представляется, что амулет может изображать сцену, связанную именно с дэвом Насу.

Считалось, что в момент смерти тело человека попадало во власть дэвов и, прежде всего, дэва Насу, который поражал ближайших родственников и людей, оказавшихся рядом, поэтому никто не мог прикоснуться к умершему [4, 62-63]. С мертвой материей не могли соприкоснуться и жрецы, хотя они были «более устойчивы» по отношению к негативному влиянию сил зла. Так, в Авесте отмечается, что если умирает жрец, Насу оскверняет десятого человека, если воин — девятого, если земледелец-животновод — восьмого (Видевдат 5, 27-28).

В соответствии с этим представлением в случае смерти следовало позвать двух человек, которые должны были перенести тело в специально отведенное место (Видевдат 8, 10). Эти же люди готовили тело к погребению и руководили похоронной процессией. Человек, в одиночку переносивший труп, попадал во власть дэва Насу (Видевдат 3, 14) и считался совершившим не искупаемый смертный

грех. Его следовало изолировать вплоть до старости, а затем ритуально убить (Видевдат 3, 14-21). Аналогичным образом каралось смертью загрязнение мертвым телом огня (Видевдат 7, 25; Видевдат 8, 74).

Кроме того, в похоронном обряде задействовали собак, которые, как считалось, обладали способностью отгонять взглядом дэвов (Видевдат 8, 16-19).

Чтобы защитить от дэвов, которые появлялись в момент смерти рядом с телом, до момента смерти при умирающем должны были находиться два жреца (Видевдат 7, 2). Один должен был читать молитву около огня, а другой давал умирающему выпить напиток хаому, который символизировал бессмертие [4, 52-54].

Сам погребальный ритуал Авесты тесно связан с почитанием стихий, составляющим важный элемент зороастризма. Как правило, представления о сакральности земли во многих традициях закрепляли установку «умерший должен быть похоронен в своей земле» [5, 299]. Однако в зороастризме сакрализация земли, огня и прочих стихий привела к появлению специфического погребального ритуала выставления тел, цель которого заключалась в предохранении стихий от осквернения [6, 4].

Данный ритуал заключался в размещении тел умерших на крышах специальных сооружений — дахм (авест. *дахма*). Дахма, по-видимому, выполняла двойственные функции, являясь одновременно и местом выставления мертвых тел, и местом хранения уже очищенных костей [7, 113].

Термин *дахма* впервые упоминается в Видевдате и, вероятно, понимается в достаточно широком значении как универсальное обозначение места, куда помещают мертвое тело [8, 210-211]. Вместе с тем, данный термин не всегда упоминается при описании погребения (Видевдат 6, 45). Место, где расположены дахмы, называется одним из самых несчастливых на земле (Видевдат 3, 9), а уничтожение дахм после определенного срока «службы» считается благим делом (Видевдат 3, 13).

Авеста разрешала также строительство временных «домов для мертвых» (Видевдат 5, 10-14) или выкапывание временных ям (Видевдат 8, 8), когда захоронение в дахме было недоступным. Все прочие погребальные обряды (закапывание или сжигание) являлись

грехом, не имеющим искупления (Видевдат 1, 12; 16), а «закапыватель» (авест. *nasusrā*) приравнивался к врагам авестийского общества — тем, кто неправильно исполнял обряды (авест. *aṣṣtaoṣō*), лживым правителям, колдунам и др. (Ясна 65, 8).

Судьба души после смерти напрямую зависела от тех благих или злых дел, которые человек совершал при жизни. В соответствии с зороастрийской доктриной каждый человек самостоятельно совершал выбор между добром и злом (Ясна 31, 12) точно так же, как этот выбор совершили две первичные сущности — Ахура Мазда и Ангро-Майнью (Ясна 30, 5). Следовательно, после смерти каждая душа должна была ответить за все совершенное.

«Маршрут», которому следовала душа умершего, в Авесте прописан весьма условно. Более подробно этот сюжет получил развитие уже в средневековой пехлевийской литературе («Большой Бундахишн», «Меног-и-Харад», «Книга о праведном Вирафе» и др.). Что же касается сведений Авесты, то душа после нахождения у головы умершего следовала к мосту Чинват (авест. *cinvat.pərətūm*; «мост-разделитель»), где вершился суд, и достигала его через три дня (Видевдат 19, 28). Соответственно, ритуалы имели своей целью облегчить путь души к мосту. В ряде случаев в могилах Бактрии и Маргианы были обнаружены керамические и каменные модели обуви, которые могут указывать на загробное путешествие души [3, 55].

На мосту Чинват душу встречала его собственная вера, принимавшая антропоморфный образ. Так, если человек при жизни совершал благие поступки, он получал соответствующее воздаяние. В этом случае на мосту душа встречала прекрасную девушку с собаками (Видевдат 19, 29). Она благополучно переводила душу через мост и направляла в место пребывания Ахура Мазды на небе, Дом песни (авест. *gaṯō dātāna*). Грешного же человека на мосту встречала вера в безобразном облике, которая опрокидывала его с моста в Дом лжи (авест. *drūjō dātāna*) (Ясна 46, 11). В этом случае его ожидали тьма, дурная еда и стоны (Ясна 31, 20). В пехлевийской литературе также указывается на то, что суд на мосту Чинват осуществляли три божества — Митра, Рашну и Сраоша [9, 66]

Ритуалы, связанные со смертью, преследовали две главные цели: облегчить достижение бессмертия души умершего и защи-

тить живых, поэтому важной составляющей этих ритуалов являлись обряды очищения людей и предметов, соприкоснувшихся со смертью. Многочисленные предписания по этому поводу содержатся в Видевдате (Видевдат 3, 5-8, 12). Соблюдение ритуальной чистоты и очищение после осквернения в целом играло весьма важную роль в жизни древнеиранского общества. И особенно актуальным это положение становилось в случае соприкосновения с мертвой, а, следовательно, наиболее опасной материей.

Наиболее масштабным зороастрийским ритуалом очищения являлся ритуал «очищения девяти ночей», детально описанный в Авесте (Видевдат, 8). Данный ритуал был специально предназначен для того, чтобы очистить человека от «трупной скверны», т.е. последствий соприкосновения с какой-либо мертвой материей. Данный ритуал проводился исключительно жрецами на пустынной земле вдали от огня, баресмана и всего живого и включал омовение тела очищаемого мочой быка и водой, а также произнесение соответствующих отрывков из Гат. Сложность, кратность и продолжительность омовений зависела от степени осквернения [8, 170]. В Видевдате упоминается обычное омовение (Видевдат 8, 36), троекратное (Видевдат 12, 2) и шестикратное (Видевдат 8, 37). Обращает на себя внимание троичность совершаемых ритуалов, которая в целом свойственна не только иранским народам, но всем индоевропейцам (к примеру, трифункциональная теория Ж. Дюмезиля [10]).

Действенность ритуала очищения и его результат определялись правильностью и точностью действий жрецов. Любая погрешность в проведении ритуала влекла за собой негативные изменения, поэтому правилами проведения ритуалов владели лишь жрецы и хранили их в тайне (Ясна 48, 3; Яшт 4, 10; Яшт 14, 46). К проведению ритуала не допускались непосвященные, которые могли нанести ущерб всему мирозданию своими неправильными действиями. Кроме того, неправильное отправление ритуала также могло привести к смерти жертвователя (Видевдат 9, 56).

Описанные ритуалы в различных вариациях на протяжении долгого времени сохранялись у многих народов Средней Азии [6, 156-160; 11, 134].

Таким образом, авестийские погребальные ритуалы имели своей основной целью защиту от сил зла, которые воплощали дэвы:

- во-первых, следовало огородить от мертвой материи все живые существа, а также сакральные стихии, что привело к появлению специфического ритуала выставления мертвых тел в дахмах;
- во-вторых, следовало очистить предметы, людей, животных, уже соприкоснувшихся с мертвым;
- в-третьих, необходимо было облегчить путь души к мосту Чинват, где осуществлялся посмертный суд.

---

1. Смирнов Ю. А. К теории отражения социального статуса умершего в погребальном обряде // Теория и прикладные методы в археологии: межвуз. сб. науч. трудов. Саратов, 1994.

2. Леманн Э. Персы // Иллюстрированная история религий: в 2 т./под ред. Д. П. Шантепи де ля Соссей. М., 1992. Т. I.

3. Сарианиди В. И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М., 2010.

4. Modi J. J. The Religious Ceremonies and Customs of the Parsees. Bombay, 1922.

5. Мейтарчян М. Почитание стихий в зороастризме // Человек и природа в духовной культуре Востока/сост. Н. Фомина. М., 2004.

6. Мейтарчян М. Погребальные обряды зороастрийцев. М.-СПб., 2001.

7. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах. Культура и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1983.

8. Крюкова В. Ю., Хисматуллин А. А. Смерть и похоронный обряд в зороастризме и исламе. СПб., 1997.

9. Паври Дж. Д. К. Зороастрийская доктрина загробной жизни. С момента собственной смерти и до моста Чинват. М., 2004.

10. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

11. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

М. Г. КУЁК
кандидат искусствоведения, внс Адыгейского республиканского
института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева
(Майкоп)

МЕЧ ТЛЕПША В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «НАРТЫ»

В статье рассматривается зарождение металлургии и металлообработки на Северо-Западном Кавказе, создание ранних образцов оружия и доспехов, транслируемое в адыгском героическом эпосе «Нарты».

Ключевые слова: Металл, железный век, бог — кузнец Тлепш, оружие и доспехи нартов.

The article discusses the emergence of metallurgy and Metalworking in the North-Western Caucasus, the creation of the earliest examples of arms and armor, broadcasted in the Circassian heroic epos «Narts».

Keywords: *Metall, iron age, God the Smith Tlepsh, weapons and armor sledges.*

Северо-Западный Кавказ является признанным центром металлургии и металлообработки Переднего Востока и Европы, на территории которого проходили стратегические пути миграции народов с древности, что обусловило развитие культурного пространства с уникальными археологическими памятниками мирового значения. Майкопская археологическая культура датируется IV тыс. до н.э. и достижения этого периода подтверждается, в контексте нашего исследования, древнейшим экземпляром бронзового меча длиной 63,5 см, который обнаружен в гробнице 5 кургана 31 могильника Клады [1, 54]. Как считает известный исследователь древнего металла С. Н. Корневский «Оружие с длинным прямым обоюдоострым клинком, размер более 55 см, исходя из традиций кавказского военного дела, можно называть мечом» [1, 41].

Как известно, яркий и многообразный металл Восточной Евро-

пы эпохи ранней бронзы связан с памятниками майкопских племен Северного Кавказа IV-III тыс. до н.э.: в майкопских коллекциях представлено несколько сотен орудий труда, предметов вооружения, культовых и бытовых предметов из мышьяковых и мышьяково-никелевых бронз. Интересны результаты последних исследований археологов, проводивших микроструктурный анализ 152 изделий из музеев Краснодар, Майкопа, Нальчика, Владикавказа, из хранилища Государственного Эрмитажа. Металлографическому исследованию подверглись орудия труда, оружие — кинжалы, копье и интересующий нас меч, а также бытовые предметы — вилки, псалии посуда, диски — зеркала. В результате их исследования были выделены 11 технологических схем изготовления изделий из мышьяковых и мышьяково-никелевых бронз. Результаты, полученные в лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ при изучении литейных и кузнечных приемов, известных майкопским мастерам, открыли новую страницу в истории майкопского металлопроизводства [2, 34]. В отношении рассматриваемого нами меча из могильника Клады было установлено, что для его отливки использовали горизонтальную закрытую двустороннюю форму с высоким литником для поступления металла. «Проделанные анализы позволяют говорить о высочайшем мастерстве майкопских литейщиков и кузнецов. Они прекрасно различали свойства обрабатываемых сплавов, группируя приемы изготовления вещей в системы взаимосвязанных повторяющихся действий, отраженных в технологических схемах. Это свидетельствует о сложении устойчивых технических традиций» [2, 35].

Материалы Курджипского кургана, исследованные научным сотрудником Государственного Эрмитажа Л.К. Галаниной, позволили реконструировать обряд погребения и установить хронологию захоронений. В кургане были найдены три бронзовых аттических шлема; три пары поножей; шесть железных меотских мечей; девять наконечников копий и дротиков; 166 железных наконечников стрел — три комплекта вооружения, что подтверждает количество захоронений. В мужском погребении найдены золотые фигурки пегасов с бубенчиками, служившие украшением головного убора, золотые квадратные бляшки с фигурами грифонов, четыре золотых колпачка. Колпачки были исследованы Н.Г. Ловпаче и Л.К. Галани-

ной [3]. Колпачок с чеканным изображением четырех фигур воинов в костюмах меотского покроя, считается уникальным, по мнению Л. К. Галаниной, связанным с меотским героическим эпосом. На плоскости кованной золотой пластины вкруговую даны изображения двух пар воинов, ухватившихся одной рукой за древко копья. Два воина держат в левой руке за волосы отрубленную голову, а два других воина держат в правой руке мечи разных типов. Их костюмы имеют треугольный вырез и распах до пояса, украшенный широким галуном. Галанина Л. К. отмечает, что коллекция металлических изделий из Курджипса знакомит с разнообразной деятельностью меотских кузнецов, бронзолитейщиков, торевтов. Наряду с обычными, широко распространенными на Северо-Западном Кавказе типами вещей, такими как, железные наконечники стрел, копий, дротиков, массивный меч без металлического перекрестья, бронзовые украшения, в кургане представлены редкие, и даже уникальные предметы. Таковыми являются меч и кинжал с брусковидными рукоятями и дуговидными навершиями. Они отличаются от всей массы синдо-меотских мечей и не находят себе аналогий среди оружия других регионов скифской эпохи [4, 33].

В 2014 году в Северокавказском филиале Государственного музея Востока совместно с Национальным музеем Республики Адыгея был осуществлен большой выставочный проект «Древности «Долины яблонь». Этот проект был успешно реализован «Газпромом», финансировавшим Кавказскую археологическую экспедицию, которая провела масштабные спасательные работы в окрестностях города Майкопа в 2011-2013 годах при реконструкции газопровода для Олимпийского Сочи. Археологические раскопки велись в окрестностях хутора Подгорный, где открыт комплекс «Псенафа»; в поселке Родниковый с исследованным могильником «Синюха»; в станице Ханской с раскопанными древними поселениями «Деметра» и могильником «Деметра II», и еще могильник Молдаванка вдоль трассы Майкоп — Апшеронск.

Предметы вооружения, оставленные в могильниках в качестве ритуальных подношений, представлены наконечниками копий и дротиков, мечами нескольких типов: ранними мечами с серповидным навершием, с гравировкой на клинках; поздними мечами и кинжалами со штырьевыми рукоятями без перекрестий, которые

были подвергнуты ритуальной порче или их ритуально «убивали»; наконечниками стрел и бронзовым шлемом закубанского типа. Как считают археологи, «ритуальные действия в святилище на вершине кургана производились в период всего времени существования поселения Псенафа, с конца IV в. до н.э. по I в. н.э., т.е. около 400 лет. На сегодняшний день это самое долговременное святилище из всех нам известных» [5, 32].

Краткий обзор нескольких мечей из археологических памятников Северо-Западного Кавказа в контексте заданной темы использован мной для акцентирования внимания на сырьевой, технологической, материальной и производственной базе развития металлургии и металлообработки на исследуемой территории, подтверждаемой в адыгском героическом эпосе «Нарты». В «Древней истории Северного Кавказа» Е. Крупнов продвигает тезис о том, что основное ядро главных сказаний нартского эпоса, отчетливо отражающих сущность своей эпохи было создано в ранний период железного века [6, 373].

История современной цивилизации в эпосе «Нарты» начинается с мифологизации и культивирования Солнца, Луны, звезд, огня, добывания огня и передачи его людям нартами Саусэруко и Пэтэрэзом.

В пантеоне мужских божеств эпоса «Нарты» появление образа хтонического божества Тлепша (Лъэпшъ), прошедшего трансформацию от «огневого» бога до бога — покровителя кузницы и художественного ремесла определено историческими предпосылками — началом раннего железного века (I тыс. до н.э.) и общественным разделением труда, появлением бронзы, получением металла железа и стали, т.е. можно утверждать вполне обосновано о трансляции в героическом адыгском эпосе «Нарты» исторических периодов и социально — общественных изменений.

«Вследствие десакрализации, то есть утраты прямых связей с верованиями и культами, персонажи мифов постепенно превратились в полноправных героев эпоса как явления художественного. Иными словами, мифологические персонажи, которых когда — то почитали как существ, обладающих сверхъестественными свойствами, перестали быть объектами религиозного поклонения и превратились в продукт художественного творчества народа. Так, например,

один из них, кузнец Тлепш, изготавливает первые орудия труда (в том числе молот, клещи, серп), а также оружие и воинское снаряжение. Многие его изделия обладают какими — либо чудесными свойствами: наковальня своим основанием пронизывает «семь пластов земли», коса с легкостью срезает не только траву, но даже и деревья, встречающиеся на ее пути, стрела безошибочно поражает всякого, чье имя будет названо в качестве ее жертвы, и прочее. Он же первым задается целью пройти всю землю и отыскать ее край, найти и познать истину» [7, 577].

Бог — покровитель кузнечного ремесла Тлепш в нартских сказаниях имеет характеристики искусного оружейника: его шашки были тонки, как самый тонкий волос и обладали такой твердостью, что могли перерубить все; его изделия не поддавались порче; меч, изготовленный Тлепшем, легко разрубал камни, железные предметы и другие твердые тела; только специальным мечом Тлепша можно убить дракона; его пика все пробивает, а стрелы непременно поражают врага в любом месте.

Также Тлепш показан в эпосе «Нарты» как искусный реставратор, чьи доспехи становятся еще лучше и прочнее, чем были раньше. Отмечены в сказаниях прочные и переливающиеся на солнце красивые кольчуги Тлепша. Нарты считали за честь носить оружие работы Тлепша.

Интересен образ реставратора — кузнеца Тлепша, который «модернизировал» мечи сильными магнитами, вставлял пружины, позволявшие «выстреливать» им из ящика, сундука.

Из эпических повествований узнаем, что Тлепш знал два вида закалки: холодную (чъы1э пщэжьын) и горячую (маш1о пщэжьын), а для закалки он использовал коровье молоко, придающее металлу красивый блеск. Использование молока и молочной сыворотки при золочении металла подтверждается этнографическими материалами. Золочение бронзы и серебра, отдельных деталей скульптурных изделий, является отличительной особенностью художественного металла адыгов (черкесов). Золочение производилось двумя способами: путем набивания на шероховатую поверхность изделия тончайших листов золота и при помощи золотой амальгамы. Амальгаму получали способом плавки золотых резаных кусочков с ртутью в тигле. Золото с ртутью после плавки превраща-

лось в густую массу, и этот процесс назывался у адыгских мастеров «умерщвлением золота». Изделие со слоем золотой амальгамы переносили в горн и под воздействием огня испарялись остатки ртути. Золотая амальгама равномерно распределялась, и восставливался солнечный, теплый цвет золота. У адыгских мастеров бытовал такой ритуал закрепления позолоты: в бронзовом тазу смешивались кислая молочная сыворотка, получаемая при изготовлении адыгейского сыра, горсть соли, несколько долек очищенного чеснока и ставили на горн. Во время кипения сыворотки, опускали привязанные на конопляной нитке позолоченные серебряные изделия, несколько раз поднимали и опускали их в кипящую массу. После таких манипуляций позолота обретала необыкновенно лучезарное, солнечное сияние [8].

Тлепш обладал магической способностью заклинать железо и повелевать им:

«В кузне железо
Тлепш заклинает.
Повелевает,
Горной рудой
Та покорялась беспрекословно,
Словно железо стало водою» [9, 220].

В сказаниях нартского эпоса заложена информация о сакрализации личности кузнеца, кузни, инструментов, приспособлений и изделий из металла. Культ железа и связанные с ним атрибуты наделялись охранительными функциями, им придавались сверхъестественные качества, способные излечить болезни, облегчить боль, уберечь от сглаза и т.д. Например, у порога комнаты, где лежал больной ребенок, клали кусок железа, наделенный качествами «обезболивания»; упавшего с высоты или коня очерчивали кинжалом, или железом; больного ребенка окунали семикратно в кадку с водой для закалки металла; при трудных родах вызывали кузнеца, который именем Тлепша отгонял от роженицы нечистую силу, для чего он брал из кузни воду, в которую опускал раскаленное железо и ею массировал живот роженицы.

Другим важным примером сакрализации кузнечного пространства является то, что она была местом, где разрешались споры, приносились клятвы, нарушение которых было невозможно.

Когда производилась плавка и ковка металла, произносились хохи в честь Тлепша:

«О, бог железа Тлепш! Помоги ты нам,
Чтобы железо расплавилось хорошо,
Чтобы оно стало мягким, как тесто,
И поддавалось легко обработке» [10,102].

Сопоставление, сравнительное исследование текстов эпоса «Нарты» и археологических памятников открывает новые грани и позволяет аргументировать тезис об историчности эпоса, который обоснован Е. Крупновым, М. Косвеном, А. Шортановым. Историчность эпоса, по мнению М. Косвена, «...заключается, прежде всего, в том, что их эпические образы с достаточной полнотой и убедительностью выражают эпический дух и характер определенной исторической эпохи в жизни адыгских и других северокавказских народов, в том, что эти эпические герои создавались на реальном субстрате определенного времени и они, проходя сквозь призму народных представлений, понятий и обобщений, отражают типическое в жизни абхазо — адыгских, осетинского, балкаро — карачаевского и других народов»[11,164-165].

---

1. Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко — культурный аспект. Учреждение Российской академии наук. Институт археологии РАН. М.:ТАУС, 2011. 336 с.: ил.

2. Рындина Н.В., Равич И.Г. Литейные и кузнечные приемы в металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2013. 40 с.

3. Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980.; Ловпаче Н.Г., О чем поведал Курджипский курган //Информационно-аналитический вестник АРИГИ. Вып. 8. Майкоп, 2004. С. 221-240.

4. Куек М.Г. Художественный металл адыгов. Историко-искусствоведческий дискурс. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2007. 196 с.

5. Древности долины яблонь. Каталог выставки. М.: ГМВ, 2014. 144 с.: ил.

6. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. 320 с.
7. Нарты: Адыгский героический эпос / Сост., коммент., статья, общ.ред. А.М. Гутова. Ил.Х. В. Савкуева. СПб.: Вита Нова, 2017. 632 с.:149 ил.
8. Унарокова М.Ю. Инструментарий и некоторые технологические процессы адыгейского златокузнечества // Культура и быт адыгов. Вып. 4. Майкоп, 1981. С. 97-127.
9. Нарты. Адыгский героический эпос /Сост.А. И. Алиева, А.М. Готов, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев / Вступит.ст. А.Т. Шортанова. М.: Наука, 1974. 415 с.
10. Шортанов А.Т. Адыгская мифология /Под ред. А.И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1982. 196 с.
11. Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. 2-е изд. М., 1957.

VI. ФИЛОЛОГИЯ

Е. Б. ДЗАПАРОВА,
кфн СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

РАССКАЗ М. ГОРЬКОГО «ЧЕЛКАШ» В ПЕРЕВОДЕ Б. ЗАНГИЕВА: СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА

В статье рассмотрена переводческая деятельность представителя осетинской интеллигенции конца XIX — первой трети XX века Бабу Зангиева. В работе на материале переведенного Зангиевым рассказа М. Горького «Челкаш» с русского на осетинский язык предпринята попытка характеристики его основного переводческого принципа. В ходе исследования установлено, что переводчик прибегал к адаптации переводного текста, что обеспечило его адекватное понимание в принимающей среде. В тексте можно наблюдать ввод или замену единиц перевода характерными для осетинской речи идиомами, пословицами/поговорками и т.д.

Ключевые слова: художественный перевод, прагматическая адаптация, единица перевода, фоновые знания, национальный колорит, исходный язык, переводящий язык, исходный текст, переводной текст, переводческая трансформация, идиома, образность, реципиент.

The article deals with the translating activity of the Ossetian intelligent of the late XIX — first third of the XX century — Babu Zangiev. In the work has been

made an attempt to characterize the basic translation principle of the M. Gorky's «Chelkash» translated from Russian into Ossetian language by Zangiev. The study found that the translator resorted to the adaptation of the translated text, which ensured his adequate understanding in the receiving environment. In the text, one can observe the introduction or replacement of translation units with idioms, proverbs/sayings, etc., characteristic of Ossetian speech.

Keywords: *artistic translation, pragmatic adaptation, translation unit, background knowledge, national color, source language, translating language, source text, translated text, translation transformation, idiom, imagery, recipient.*

Одной из важнейших задач при переводе художественного текста из одной языковой системы в другую является реализация в переводном произведении эстетической функции текста-источника. Перевод как фактор межъязыковой и межкультурной коммуникации должен оказать аналогичное прагматическое воздействие на реципиента, какое оказывает на читателя подлинник. При недостаточном владении фоновыми знаниями в переводе какая-то часть информации остается для него непонятой. Нахождение эквивалентных по значению единиц перевода не всегда обеспечивает в тексте адекватность коннотативного компонента оригинала. С этой целью переводчик определяет для себя приоритет: отдать предпочтение точному переводу или отойти от формальной структуры текста-донора [1, 49] и стремиться «объяснить» реципиенту все незнакомое средствами переводящего языка. Во втором случае происходит некоторая адаптация переводимого текста к новому адресату.

Цель настоящего исследования — на материале переводного текста М. Горького «Челкаш» выявить случаи использования переводчиком Б. Зангиевым языковых средств, оказывающих на получателя текста необходимое прагматическое воздействие.

Просветитель, педагог, общественный деятель Бабу (Магомет) Касаевич Зангиев в осетинской литературе известен как переводчик русской и зарубежной классической литературы на родной язык. Между тем переводческая деятельность Зангиева практически не изучена. Среди тех немногочисленных исследований, раскрывающих основные этапы жизненного пути и просветительской деятельности Зангиева, мало работ, рассматривающих реализацию в переводных текстах его переводческого таланта и мастерства [2, 163-164], [3, 7886], [4], [5]. Впервые нами предпринята попытка рас-

смотрения особенностей художественного метода Зангиева-переводчика и способов воспроизведения им текста оригинала на осетинском языке.

Имя Бабу Зангиева, пополнившего список незаслуженно репрессированных в 1937 году представителей осетинской творческой интеллигенции надолго было изъято из переведенных им изданий. При этом переводная литература 1920-1930-х годов заметно обогатилась трудами Бабу Зангиева [6]. В свое время он потрудился над переводами прозаических произведений Л. Толстого «Казачьи», «Хаджи-Мурат», «Кавказский пленник» [7], перевел на осетинский язык повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный», рассказы М. Горького «Челкаш» [8] и «9-е января» [9], роман Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» [10]. Высказываются предположения о том, что Б. Зангиев был автором и многих других переводов, но большинство из них якобы в рукописях были изъяты и уничтожены в годы репрессий, во время его ареста. Переводы произведений Л. Толстого выдержали несколько изданий: «Хаджи-Мурат», впервые вышедший на осетинском языке в 1929 году, затем переиздавался в 1948, 1960, 1978, 2008 годах, первая публикация повести «Казачьи» датирована 1930 годом, переиздания — 1953, 1978, 2008 годами. Отрывок из «Хаджи-Мурата» публиковал и журнал «Мах дуг» [11, 10-13].

Переводческому мастерству, проявленному Б. Зангиевым при отражении повестей Толстого, посвятил свою статью известный осетинский литературовед, писатель, драматург, переводчик Х. Ардасенов «Л. Н. Толстойы уацмыстæ ирон æвзагыл» («Произведения Л. Н. Толстого на осетинском языке») [3, 78-86]. Анализируя повесть «Казачьи», «Хаджи-Мурат», Ардасенов приводит примеры использования Зангиевым в переводах заимствованной малоупотребительной лексики новых сложных слов осетинского языка. Значительно приукрашают переводы Зангиева, по мнению Ардасенова, осетинские идиомы, выразительная народная речь. Говоря о принципах перевода Зангиева, Х. Ардасенов пишет: «Бæбу хорз æмбæрста, тæлмац кæнын механикон куыст кæй нæу, фæлæ сфæлдыстадон куыст кæй у, тæлмац кæнын кæй хъæуы хицæн дзырдтæ нæ, фæлæ фыссæджы хъуыдытæ, фыссæджы обрæзтæ æмæ нывтæ, йе стиль, йæ аивадон миниуджытæ хæлд куыд нæ цæуой, афтæмæй» [3, 80-81]. «Он (Бабу Зангиев — Е. Дз.) хорошо понимал, что перевод —

не механическая работа, а творческий труд. Что нужно переводить не отдельные слова, а мысли писателя, образы и картины, создаваемые им, его стиль, чтобы не нарушались художественные образы» [12, 204].

Среди отрицательных сторон переводных текстов Зангиева указывается не совсем верная передача смысла отдельных слов; некоторые слова и абзацы из повести «Казачи», как пишет Ардасенов, остаются в оригинальной для русского писателя форме (например, «Ваше высокоблагородие», «Ваше величество» и др.); местами в переводном тексте наблюдается подмена национального колорита.

Плодотворную работу по переводческому анализу трудов Б. Зангиева провел И. Дзахов [4], [5]. Автор исследовательской работы указывает не только на положительные стороны переводов Б. Зангиева, но и на их недостатки. Так, характеризуя переводы повестей Л. Толстого, автор пишет, что они «грешат сложными синтаксическими конструкциями или, наоборот, можно наблюдать расчленение развернутых предложений оригинала. Все подобные переводческие операции можно оправдать только особенностями осетинского языка, для которого менее всего характерны сложносочиненные и сложноподчиненные предложения» [4, 8]. В работе Дзахова указывается ряд других переводческих особенностей текстов. Например, в переводе «Хаджи-Мурата» наблюдается подмена национального колорита своим (в оригинале «ноябрь» — в переводе «Джеоргуыбайы мæй»), также переводчик опускает слова оригинала, хотя им вполне можно было найти в переводящем языке эквиваленты. Все указанные Дзаховым недостатки вряд ли можно отнести к переводческим ошибкам. Переводческий метод Зангиева позволил донести идейно-эстетическое содержание исходного текста.

На положительные стороны художественных переводов Б. Зангиева указывает З. Тедтеева, отмечая: «Переводчик смог найти в осетинском языке адекватные средства, точно передающие мысль автора и слова героев. Стиль переводов дает представление о стиле оригиналов. Зангиев сумел влиться в образную систему Л. Н. Толстого, в его язык, уделяя особое внимание переводу фразеологических оборотов, поговорок и пословиц. Все это свидетельствует о прекрасном знании им и осетинского, и русского языков, об умении сохранять глубокий психологический подтекст» [13, 78].

Некоторые особенности художественного перевода Б. Зангиевым произведений Л. Толстого рассмотрены и С. Бритаевым в статье «*Раст тæлмац кæнæм æви нæ?*» («Правильно переводим или нет?») [14]. В ней автор статьи указывает на некоторые погрешности, допущенные Зангиевым при переводе повести «Казачья жизнь». В основном они совпадают с замечаниями Дзахова [14, 8-10]. В конце своего исследования С. Бритаев пришел к несправедливым, на наш взгляд, выводам: перевод Зангиева корявый, пестрит многочисленными ошибками; автор перевода искажил оригинал Л. Толстого. Небольшие погрешности в переводе отдельных мест текста, как нам кажется, не искажают смысл всего переводного художественного произведения. Плодотворный труд Зангиева вошел в сокровищницу переводной русской литературы на осетинском языке.

Бабу Зангиев, осуществляя практическую деятельность по переводу на осетинский язык произведений русской литературы, обращался и к теоретическому осмыслению проблем художественного перевода в осетинской литературе, в частности, рассматривал переводческие принципы. В 1934 году в газете «Рæстдзинад» опубликовал статью «*Тæлмац кæныны тыххæй*» («О переводческой деятельности») [15, 3]. В ней он положительно оценивает стремление некоторых представителей интеллигенции обогатить осетинскую литературу переводными произведениями. Выбирая между дословным или вольным переводом, автор статьи отдает предпочтение последнему. По мнению Б. Зангиева, «переводчик не фотограф, а пособник автора, его помощник» [15, 3], и должен вжиться в образ автора и передать основную мысль так, как будто произведение изначально написано на осетинском языке. В противном случае, продолжает свою мысль Зангиев, произведение не дойдет до ума и сердца осетинского читателя, получится «сухим», а образы автора не такими красивыми, полными, живыми. Тут уместно привести цитату Гете, считавшего, что «существует два принципа перевода: один из них требует переселения иностранного автора к нам, — так, чтобы мы могли увидеть в нем соотечественника, другой, напротив, предъявляет нам требование, чтобы мы отправились к этому чужеземцу и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям» [16, 46]. Придерживаясь первого принципа перевода, Зангиев в своей статье советует переводчикам адаптировать

оригинальный текст к принимающей культуре: «Уырыссаг лæджды ирон хуызы равдисынмæ куы хъавай, уæд ын йæ кепкæтæ йедтæ аппарын хъæуы æмæ йын ирон худ, ирон дзаума скæнын хъæуы суанг зæнгбæттæнты онг, сыгъдæг ирон лæгæй куыд рагæпп ласа, афтæ... Афтæ хъæуы кæнын тæлмацгæнæджы дæр, сыгъдæг иронау цæмæй рауайа йæ куыст, уый тыххæй» [15, 3]. — («Если русского мужчину захотите представить в образе осетина, то необходимо снять с него кепку и все другое и надеть осетинскую шапку, осетинскую одежду, вплоть до повязок для ноговиц, чтобы он полностью принял облик осетина. Так необходимо поступать и переводчику, чтобы его работа вышла чисто по-осетински»). Таким образом, вольное обращение с текстом-источником Зангиевым рассматривается как проявление в «чужом» тексте художественного мастерства, оригинальности переводчика.

Руководствуясь вышеизложенным принципом, Бабу Зангиев перевел рассказ Горького «Челкаш» на осетинский язык. «Челкаш» (1895) — одно из первых опубликованных писателем произведений — продолжает отражение «босаяцкой» темы («Страсти-мордасти», «Дед Архип и Ленька», «Коновалов», «На дне» и др.) в творчестве М. Горького. В рассказе автор размышляет над смыслом жизни, ценностными ориентациями, над всем обществом в целом, порождающим таких героев, как Гаврила и Челкаш.

Композиционно рассказ Горького делится на пролог и три части. Формальная структура исходного текста воссоздана Зангиевым в переводе. Если рассматривать передачу семантики языковых единиц подлинника, то она решена в переводе с различной степенью эквивалентности.

Переводной текст адаптирован под осетиноязычную аудиторию: в нем можно наблюдать ввод или замену единиц перевода характерными для осетинской речи идиомами, пословицами/поговорками. Приведем примеры использования в переводе *пословиц/поговорок*, отсутствующих в оригинале: «Уж и полюбили бы тебя девки дома, а-ах как!..» [17, 116]. — «Чызджытæ дыл, хæрзаг, хæлæф кодтаиккой. **Мыд кæм уа, бындз дæр уым вæййы**» [18, 60] (выделено мной — Е. Дз.); «Ну, вот мы теперь закусим и поговорим толком. Пока ты посиди, а я схожу кое-куда» [17, 104]. — «Гъеныр æз æмæ ды хибарæй абаддзыстæм æмæ дзæбæх аныхæстæ кæндзыстæм. **Аф-**

*тид голлаг хъил нæ лæууы. Ды уал ам абад, æз та кæдæмдæрты азгъордзынæн» [18, 43]; «Ну, я, ведь, знаю, что это со всяким может быть» [17, 104]. — «Фæлæ æз зонын, **цард тæбæгъы донæй, кæнæ къамæй хъазтæй уæлдай нæу**, æмæ кæуыл не 'рцæудзæн ахæм хъуыддаг» [18, 42]. Приведенные отрывки представляют собой примеры адаптированных на осетиноязычного читателя фрагментов. Как легко заметить, переводчик с помощью языковых образов пытается приблизить текст перевода к принимающей стороне. Во всех случаях, на наш взгляд, ввод конструкций может быть оправдан описываемой автором оригинала ситуацией.*

Как известно, использование буквального/дословного перевода идиоматических выражений в художественном переводе не всегда приемлемо. При этом сохраняется их форма, но остается непонятен читателю смысл. Нахождение идентичных вариантов переводимой единице в языке перевода, безусловно, редкая удача для переводчика. Тут может идти речь о заимствовании: «или один язык заимствует определенное выражение непосредственно из другого, или оба языка заимствуют из одного и того же третьего источника» [19, 269].

Использование в переводе идиом должно быть уместно не только контекстуально (ситуативно), но и обусловлено национальным колоритом той культуры, с языка которой переводится текст. Приведем такой пример из разноязычных текстов: «*Ты вот что, — сидишь, ну и сиди! А не в свое дело носа не суй...*» [17, 108]. — «— *Цы бакæнай, уый зоныс? Дæ разы уым дæ куыдзы бадæны бад! æз та дын афтæ зæгъын æмæ **дæ цæхдон кæм нæ уа, уым дæ къæбæр ма тул!***» [18, 48]. Как видим, перевод фразеологизма «не в свое дело носа не суй» семантически близким выражением — «*дæ цæхдон кæм нæ уа, уым дæ къæбæр ма тул!*» (дословно с осет. «Не в свой рассол свой кусок хлеба не обмакивай») со значением «не вмешивайся не в свое дело» доносит смысл оригинального отрывка. С использованием осетинской поговорки у читателя не возникает ассоциации чужеродности сопоставимого фрагмента на переводящем языке, однако в данном контексте, как кажется, можно было использовать эквивалент по своему коннотативному и денотативному (на основе одного и того же образа «фындз» («нос») — «*фындз тъыссын*» («совать нос»)) компоненту.

В переводном тексте использованы Зангиевым словесные конструкции, смысловое поле которых понятно только носителям языка принимающей стороны, так как обладают специфическими чертами национальной ментальности. К ним относятся *æлгъыстытæ* (осетинские проклятия). Ограниченные в своем бытовании, они вызывают определенные ассоциации только у осетинского народа. По мнению Е.Б. Бесоловой, подобного рода «речевые формулы» обладают краткостью, нераспространенностью, образностью, идейно-смысловой значимостью, яркостью, поэтичностью языка и образов [20, 116]. Приведем примеры использования их в переводном тексте: «Челкаш дарæг дæ ма уæд!» [18, 64], «Ард йæ хæдзары бацæуа!» [18, 33], «Дæ фæнычы ныффу кæнай» [18, 68], «...ард дæ фæнычы бацæуа...» [18, 57] и др.

Или в следующем контексте:

« — Ну, спускай трап!

— Калимера, Селкаш!

— Спускай трап, копченый дьявол! — взревел Челкаш» [17, 119].

Перевод:

« — Бæндæн-асин-ма æруадз дæлæмæ!

— Гъе **дæ быны къускыл баззайай**, Челкаш! Цæстфæлдахæг!

— Бæндæн-асин æруадз, дын куы зæггын, уæлæ сæгдзыд хæйрæг, — ныббогъ кодта Челкаш» [18, 64].

В поисках оптимального варианта перевода незнакомой рецепиенту смысловой единицы «Калимера, Селкаш!», как легко заметить, в приведенном примере переводчик Зангиев использует «бранную формулу» [20, 115] «**дæ быны къускыл баззайай**» (в значении «остаться одному», «стать одиноким») [18, 64]. Подобное переводческое решение, как кажется, не обеспечило адекватное понимание смысла передаваемой исходной единицы, но усилило эмоционально-экспрессивный фон фрагмента в переводе.

Или такой пример:

« — Что это тебя корчит? — спросил он» [17, 123]. — « — **Хъыпы дæ хурхы!** Цы кодтай уый, цы дыл æрцыд? — афарста йæ Челкаш» [18, 69]. И здесь, как видим, переводчик расширяет коммуникативную ценность первичного текста за счет ввода осетинского изречения «**Хъыпы дæ хурхы!**» (с осет. «хъыпы» — «дифтерия» [21, 108]), идейно-смысловое содержание которого ограничено той общно-

стью, на язык которого переведен текст. Кроме того, приведенное выражение также придает фрагменту текста в переводе определенную эмоционально-экспрессивную окраску.

Перевод неидиоматического выражения идиоматическим наблюдается в случае замены свободного сочетания слов устойчивым оборотом речи — фразеологизмом. Не столь часто встречающиеся в оригинальном тексте фразеологические единицы в переводе воспроизводят смысл некоторых слов или вводятся переводчиком произвольно. Приведем примеры фразеологизации текста в переводе: «Малого было жалко, и малый **был нужен**» [17, 106] — «Лæппуйæн тæригъæд дæр кодта, **йæ сæр дæр æй хъуыд**» [18, 45]; «он успокоился» [17, 109] — «...йæ зæрдæ йе 'муд æрцыд...» (чаще употребляется в значении «прийти в себя») [18, 49], «...воспоминания...» [17, 107] — «...йæ зæрдыл æрбалæууыдысты...» [18, 62], «...развезло...» [17, 106] — «...дæхи кæлæхы галау куы ауагътай...» [18, 56], «и Гаврила полетел на крыльях мечты» [17, 119] — «æмæ Гаврилæ **æнæ галæй кæвдæстæ бийын æмæ митæй мæсгуытæ амайын байдыдта**, базыртыл сæхимæ дæр смидæг» (рус. эквивалент «обещать золотые горы», в значении «обещать что-то невыполнимое») [18, 64], «Полдела сделали. Теперь только у чертей между глаз проплыть, а там — получай денежки и ступай к своей Машке» [17, 112]. — «Хъуыддагæн йæ раст æмбис конд у. Гъеныр ма уыцы хæйрæджыты æхсæнты æнæ фыдбылызæй куы аирвæзиккам, **уæд дæ хъул сах абадт** (в значении «желание твое сбудется», «дело твое будет сделано»)» [18, 53-54]; «Влюбился ты в меня, что ли?» [17, 123] — «**Дæ ныхтæ мæ цы ныс-сагътай**. Бауарзтай мæ æви цы?» (в значении «делать что-то назло», «ругаться») [18, 69], «В этой **бешеной сутолоке** Челкаш чувствовал себя прекрасно» [17, 100] — «**Цæвæг марæджы кæм нал æмбæр-ста**, уыцы змæлды, уыцы дзолгъо-молгъойы мидæг Челкашмæ иттæг дзæбæх каст æмæ хъæлдзæг уыд» [18, 36] (в значении «хаос», «суматоха»). С помощью употребленных в переводном тексте языковых средств осетинского языка Зангиеву удалось, как кажется, донести до получателя перевода исходную информацию в привычном для него восприятии.

Отражение плана содержания исходного выражения «...сыграл бы я песенку с ними» [17, 119] в переводе фразеологизмом «**Цардæй къæртт аппарин, æвæдза!**» (в значении «хорошо заживу») [18, 64]

стало возможным благодаря умело подобранному Зангиевым в переводящем языке семантическому эквиваленту, но построенному по другой фразеологической модели [22, 87].

Однако при выборе переводческих соответствий лексемам оригинала не во всех случаях проявляет себя полная (семантическая) эквивалентность. Например, лексема «сердитый» [17, 99] передана фраземой «*дæ чемы нæ дæ*» [18, 64], чаще употребляемой в значении «быть не в себе», «быть в сильном душевном расстройстве» [23, 462]. Прямая номинация слова, как видим, передана образным оборотом. Замена нейтральных слов фразеологизмами придает тексту в переводе сигнификативную коннотацию [24, 67]. В отрывке «*Машка-то есть у тебя?*» [17, 112] (здесь автор использует антропоним [25, 553] «Машка» вместо собирательного «возлюбленная») — «*Дæ зæрдæ кæимæ дзуры, ахæм Машкæ дын ис?*» [18, 54] Зангиев с помощью введенного фразеологизма «*дæ зæрдæ кæимæ дзуры*» (с осет. «с кем твое сердце разговаривает») помог донести до читателя не совсем доступную ему, как представляется, при возможной буквальной передаче предложения («*Машкæ дын ис?*») мысль автора. И поэтому читателю в переводе не приходится самому домысливать текст.

Изредка Зангиев фразеологическую единицу исходного языка переводит равноценной смысловой единицей. Подбор идиомы на основе одного и того же денотата «ребро» во фразеологизме «*ребра изломаю*» [17, 98] — «*дæ фæрсджытæ банымайдзынæн*» (с осет. дословно «твои ребра пересчитаю») [18, 33] позволил переводчику добиться абсолютной эквивалентности.

В некоторых случаях стремление переводчика сделать более привычным для реципиента текст в переводе определяло выбор варианта перевода. Так, прагматическая адаптация у Зангиева сводится к использованию в переводе национальных конструкций, типа: «*Христом прошу, отпусти!*» [17, 109] — «*Æз дæ мæрдты æмæ де 'гæсты уазæг, ауадз мæ!*» [18, 50], «*Голубчик*» [17, 124] — «*Мæ хуры чысыл*» [18, 70], «*Христа ради*» [17, 123] — «*...Дæ мад, дæ фыды хатырæй...*» [18, 70], «*Эх ты, милый*» [17, 124] — «*Мæ хуыцауы хай, мæ хуры чысыл*» [18, 71], «*— Ну, брат, теперь кончено*» [17, 123] — «*Гъеныр, дæ хæрзæггурæггаг мæн, нæ хъуыддаг фæци, фæстæмæ фæкæсинаг нын нал ис*» [18, 69]; «*Сними грех с души*» [17, 126] — «*...Æз дæ мæрдты уазæг!..*» [18, 73].

Подмена национально-культурной специфики подлинника в тексте связана с заменой традиционных для описываемого автором народа наименований национально-специфическими понятиями, наиболее понятными по значению осетиноязычному читателю. Например: «лапти» — «къогъодзитæ», «дьявол» — «дæлимон» («дух нижнего мира»), «картуз» — «уырыссаг худ», «котомка» — «хызын», «трактир» — «хæргæндон», «куртка» — «цыбыр куырæт», «шесть гривен» — «æртæ абазы» [26, 24], «целковый» — «сом», «трешна» — «æртæ сомы». В переводе отрывка «Челкаш, подойдя к буфету, фамильярным тоном завсегда заказал бутылку водки, щей, поджарку из мяса, чаю» [17, 104] — «Челкаш буфетмæ бараст æмæ хицон æгъдауæй, хъазгæ 'мхасæн, уæндон хъæлæсæй ракуырдатæ: арахъхы авг, бас, лывзæ æмæ цай» [18, 42] Зангиев, традиционные для русской действительности блюда и напитки «водка», «щи», «поджарка из мяса», подменил осетинскими аналогами «арахъхъ», «бас», «лывзæ». Экспликация в переводе значений незнакомых рецепиенту слов позволила переводчику избежать излишней экзотики и сохранить содержательную составляющую аутентичного текста [27, 168].

Нужно отдать должное переводчику за стремление сохранить в переводном тексте междометия, так как частенько, по мнению Л.К. Парсиевой, «существует определенная недооценка роли междометий в тексте, нередко при переводе художественного произведения междометия вообще игнорируются» [28, 63]. Чаще всего в переводе Зангиевым исходное звукоподражание заменено эквивалентом по своей эмоциональной функции. Например, междометия «Эхе-хе!..», «Эх», «Э-эх» в тексте выражают различные эмоции. Отходя от буквального копирования единицы в переводе, переводчик подбирает равнозначную единицу в языке перевода по своей эмоциональной окраске: «Эхе-хе!..» [17, 102] (междометие в контексте используется для выражения грусти и печали) — «Гъæ, уæууæй, сæрмыгъо!..» [18, 39]; «Эх, важно бы!.. — грустно вздохнул он» [17, 116] — «Гъæй джиди, цы хорз уыдаид... — æнкъардæй арф ныуууæфыд Гаврилæ» [18, 60]; «— Эх, разыграется к вечеру-то добре! — кивнул Челкаш головой на море. — Буря? — спросил Гаврила... — Эге!.. — подтвердил Челкаш» [17, 121] — «— Куыд уынын, афтæмæй изæрырдæм тынг гуыпп кæнын байдайдзæн, — загъта Челкаш, йæ сæрæй денджызы 'рдæм амонгæйæ. — Уад ома? — афарста Гаврилæ... —

Ай-гъай!.. — *радта йын дзуанн Челкаш*» [18, 67]. В последнем примере, как видим, в переводе проигнорировано первое междометие «Эх», второе «Эге!» передано утвердительной звуковой единицей «Ай-гъай!». Но, как кажется, в данной речевой ситуации опущение или игнорирование междометия не столь влияет на смысловую составляющую всего контекста в переводе.

Приведем примеры передачи исходных междометий их функциональными соответствиями: «**Ай-ай-ай!..** Про-пал я совсем!» [17, 109] — «**Атт, ма хæсгæ мæрдтæ, гъе!** Мæнæ цæй ахæсты фæдæн, мæнæ!..» [18, 75], «**Эй!**» [17, 109] — «**Гъей!**» [18, 79], «Ведь ты их на ветер... а я бы — в землю! **Эх**, дай мне их!» [17, 123] — «**Æз та сæ зæх-мæ фæцарæдзынæн. И-и, мæрдзæ, ратт сæ мæнæн!**» [18, 70]; «**Э-эх, тюря!**» [17:105] — «**Гъе, уау-уау-гъе!**» [18, 44]. Как видим, достаточное обладание Зангиевым фоновыми знаниями способствовало адекватному отражению в тексте переводимых междометий.

И такие примеры: «Сделай доброе дело! Пропащий ведь ты... Нет тебе пути... **А я бы — ох!** Дай ты их мне (деньги — Е. Дз.)!» [17, 123-124] — «**Дæхицæн уды бæстæ скæн! уæддæр сæфт æмæ сæфт, уæлдай дын нæу... Æз сын цы хъæуы, уый базонин, бæргæ. Ратт сæ мæнæн!**» [18, 70]. Как видим, в приведенном примере междометие «**ох!**», компенсирующее в данном контексте смысловую единицу «а я бы нашел им применение», переводчиком, на наш взгляд, верно передано с помощью соответствующих ситуации языковых средств переводящего языка. Но опущение производного междометия лишила данный отрывок эмотивности.

«— **Эхма!..** — безнадежно вздохнул Гаврила...» [17, 110] — « — **Мæнæ мыл судзгæ мæрд æрцыд!..** — зæрдæсастæй, йæ къæхты бынæй улæфгæйæ, загъта Гаврилæ...» [18:51]. В приведенном отрывке исходное междометие «**Эхма!**» в переводе нашло более распространенное выражение «**Мæнæ мыл судзгæ мæрд æрцыд!**» («горькая утрата постигла меня», в значении «большая беда со мной приключилась») [18, 51]. Единица перевода, выражающая досаду, грусть, нашла в переводе свое художественно-эстетическое соответствие, но не формальное.

Богато представлены в тексте рассказа образные средства языка, в особенности сравнения. В большинстве случаев в переводе Зангиев сохраняет образ, совпадающий с исходным по своему со-

держанию эмоционально-оценочному компоненту. Приведем примеры: «Он мог разломать ее, **как игральную карту**» [17, 106] — «... уэд а́й атуаратæ кодтаид, **хъазæн къамы хуызæн**» [18, 45], «Лодка мчалась **стрелой**» [17, 110] — «Бæлæгъ, **фатау, тахти**» [18, 53], «Все было грустно и звучало, **как колыбельная песнь матери, не имеющей надежд на счастье своего сына...**» [17, 120] — «Алцыдæр сæ алфамбылай æнтъыснæг, æнкъард уыд, **цыма мад йе 'намонд фыртыл уынгæг хъæлæсæй хъарджытæ кодта, уый хуызæн...**» [18, 65]. Пример отражения в переводе развернутого образа в основе оборота: «Шум в трактире сливался в одну ноту, и, казалось, что это **рычит какое-то огромное животное, оно, обладая сотней разнообразных голосов, раздраженно, слепо рвется вон из этой каменной ямы и не находит выхода на волю...**» [17, 105] — «Хæрæндоны цугай хъæртæ нал хъуыстысты, фæлæ уыцы-иу гуыв-гуыв, уыцы-иу æмбу кодтой, **цыма цавæрдæр æнæ 'гъдау домбай знæт сырд уасыд сæдæ алыхуызон хъæлæсæй, æмæ магстыйæ, абухгæйæ, дургæй амад ныггæндæй æддæмæ сæрибардзинадмæ бырста, фæлæ рацæуынæн ницы амал ардта**» [18, 43].

Зооморфные символы, выступающие основанием для сравнения, в переводе нашли свое функциональное соответствие: «Справа над водой тянулась сырая каменная стена мола, **как холодная тяжелая змея**» [17, 111] — «Рахизфарсæрддыгæй адаргъ, **дынджыр узал калмы хуызæн, фæсагæн дурын уымæл къул**» [18, 52]; «Челкаш молчал и **по-волчьи** скалил зубы» [17, 124] — «Челкаш æнцад, æнæ дзургæйæ лæууыд æмæ-иу, **бирæгъау, йæ дæндæгтæ фæзыхъыр кодта**» [18, 71], «**Змеей** обвилась рука» [17, 125] — «Къух **калмау æртыхст**» [18, 72], «Гаврила **кошкой** изогнулся» [17, 125] — «Гаврилæ йæхи, **гæдыйау, сыздыхта**» [18, 48], «Бегающий Гаврила, он летел **птицей**» [17, 125] — «Раст **цъиу** куйддæриддæр уа, афтæ æрбатахт» [18, 3].

Подмена образа в основе сравнительного оборота аналогом или ввод дополнительного [29, 120] нередко связаны с желанием приблизить переводимый текст к принимающей культуре. Для этого переводчик находит частичный эквивалент, отражающий схожее понятие, которое правильно будет воспринято реципиентом. Например: «Снова на дороге встали темные корпуса судов, и лодка потерялась в них, **волчком** вертяться в узких полосах воды между бор-

тами» [17, 110] — «Бэллэгъ, се 'хсэн нарэг ацæуæнты цыгъгъуыт-тытæ кæнгæйæ æмæ **зырнау** зилгæйæ, фæаууон, фæцыдæр ис» [18, 51]; «Изогнувшийся, наклоняясь вперед, он походил на **кошку**, готовую прыгнуть» [17, 109] — «Размæ къæлæтау æртасыд æмæ уыд, **гæды мыстыл** йæхи ныцæгвынмæ куы хъава, уыйау [18, 49]; «Жадно сощури́в глаза, шумно втягивая в себя воздух, **точно пил что-то жгучее**» [17,122] — «Цъынддзастæй зыд кæстытæ кæнгæйæ æмæ сыллыппæй улаффыд, **цыма тæвд бас исты цымдта, уый хуызæн**» [18,68]; «Вот он шевельнул ногой, попробовал поднять голову и вытянулся, вздрогнув, **как струна**» [17,125] — «Уалынджы Челкаш йæ къах фезмæлын кодта, йæ сæр схъил кæныныл афæлвæрдта, фестæлфыд, **фæндыры хысау**, базыр-зыр кодта æмæ йæхи ауагъта, адаргъ кодта» [18,72].

Для переводного текста характерно наличие сравнений, построенных на основе национального образа: « — Это, брат, верно! Ах, как верно!» [17, 117] — « — Уымæй раст зæгъыс, ме 'фсымæр! Тынг раст, **топпы фаты хуызæн!**» [18:61]; «Облака ползли медленно... Что-то роковое было в этом медленном движении бездушных масс» [17, 107] — «Мигътæ лæстысты сындæггай... Сæ сабыр лæсгæ цыдæй зæрдæ мæгуыр кодта æмæ, **цыма куырысдзуаны хуызæн**, цыдæр æвзæр, фыдбылыз хабар хастой семæ, уыйау уыдысты» [18, 47]; «...жадными глазами провожая...» [17, 122] — «...**гæды фиумæ куыд кæса**, уый каст кодта...» [18:68]; «Гаврила замер, глядя на него» [17, 121] — «Гаврилæ Челкашмæ кæсгæйæ, **цавд дуры хуызæн**, йæ мидбынаты базад» [18, 72]; «Но он... был... не в духе» [17, 98] — «...йæ чемы нæ уыд, **цыма йыл фæуарыд**, уый каст кодта...» [18, 33]; «...все чувства... слились у Челкаша в одно — нечто отеческое...» [17, 06] — «Фæстаджырдаем йæ зæрдæ афтæ æрфæлмæн, æмæ **фыд йæ сабимæ цы зæрдæ фæдары, ахæм зæрдæ йæм дарын байдыдта лæппумæ**» [18, 45], «Харя!..» [17, 114] — «Гъæ, хæрæг сфысса... Цы хуызæн у, цы! **Гæды пырды куы бада, уый хуызæн**. Мæ фыдгул дæумæ бакæсæд!» [18, 57].

Как видим, для передачи сравнений и сравнительных конструкций Зангиев использует различные переводческие трансформации — дословную передачу образа (калькирование), замену исходного образа своим, привычным для носителя принимающей культуры. Ввод дополнительных сравнительных оборотов с национальным

образом в основе вместо нейтральных слов оригинала позволил, на наш взгляд, усилить прагматику текста в переводе.

Сравнительно-сопоставительный анализ текстов в оригинале и в переводе позволил обнаружить применение переводчиком различных грамматических трансформаций, чаще всего синтаксических. Среди них: объединение нескольких предложений в одно сложное, членение сложного предложения на несколько простых («Тогда Гаврила бросился бежать вдаль, где над туманной степью висела мохнатая черная туча, и было темно. Волны шуршали, взбегая на песок, сливаясь с него и снова взбегая...» [17, 125] — «Гаврилæ лидзынмæ фæци быдырмæ. Уым мигъ зæххыл бадти, йæ сæрмæ ауыгъдæй лæууыд къуыбарджын хъуынтыыз æврагъ, æмæ уыйадыл бон батар, баталынг, доны был змисыл сыр-сыр кæнгæ æмæ фынккалгæйæ, кæрæдзи фæдыл згъордтой уылæнтæ, сæмхæцæ-уу сты змисимæ æмæ та-уу ног сызгъордтой...» [18, 72]), перевод лексемы подлинника синонимическими словами переводящего языка («**Р-разорву!**.. — шипел Челкаш» [17, 109] «...**акъабæзтæ, атуаратæ дæ кодтон**, уый зон!..» [18, 49]; «Он, **вор**, любил море» [17, 112] — «Челкаш уыд **хуыснæг, давæг лæг**, денджыз йæ зæрдæмæ тынг цыд» [18, 47] и др.); замена глаголов на деепричастия («Гаврила **молчал**, греб» [17, 114] — «Гаврилæ, **æнæдзургæйæ**, архайдта фиййæгтæй» [18, 57]), компенсация в переводе глаголов, отсутствующих в некоторых предложениях оригинала («Кабы эти дьяволы погнались за нами — конец тебе. Чуешь? Я бы тебя сразу — к рыбам!..» [17, 109] — «Æвæдза, амондджын разындтæ, Гаврилæ! Цæвиттон хъуыддагæй, уыцы хæйрæджытæ нæ фæдыл фесты, уæд, ды фыдгул афтæ, **байсæфтаис!** Æмбудыс? Уæд уыцы-уу цæфæй доны бын кæсæгты æхсæн **смидæг уыдаис**» [18, 50]; «Вечно — в трех церквах — о спасении души твоей!.. Ведь ты их на ветер... а я бы — в землю!» [17, 123] — «Æнусмæ — æртæ аргъуаны — дæ мæрдтæм фæндаджы тыххæй **кувдзынæн**. Ды сæ уæддæр дзæгъæлы куы **фесафдзынæ**... æз та сæ зæхмæ **фæцарæздзынæн**» [18, 70]).

Таким образом, переводчику в тексте удалось воспроизвести содержание рассказа Горького, достоверно донести до читателя образы героев, их черты характера. Что касается передачи национально-культурного колорита, она решена переводчиком отчасти. Для адекватного восприятия реципиентом текста в переводе Зангиев

местами заменяет исходные единицы языковыми элементами переводящего языка. Что касается стиля знаменитого русского писателя, то он не всегда выдержан. Для переводчика Зангиева в некоторой степени характерна подмена индивидуальности автора своим переводческим лицом.

1. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. 4-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 216 с.

2. Тыбылты А. Зæнджиаты Бæбуы куыст // Тыбылты А. Уацмысты æмбырдгонд. Цхинвал: Ирыстон, 1988. Ф. 163-164.

3. Ардасенты Х.Л. Н. Толстойы уацмыстæ ирон æвзагыл. Уац // Мах дуг. 1961. №1. Ф. 7886.

4. Дзахов И. Зангиев Бабу-переводчик Л. Толстого // НА СОИГСИ. Ф. 44 (Лит.). Оп. 1. Д. 41.

5. Дзахов И. Зангиев Бабу-переводчик Л. Толстого // НА СОИГСИ. Ф. 44 (Лит.). Оп. 1. Д. 48.

6. Зангиев Магомед (Бабу) // НА СОИГСИ. Ф.Г. Дзагурова Оп. 1. Д. 69 и 69 «а».

7. Толстой Л.Н. Кавказга уацайраг. Радзырд. Орджоникидзе: Ир, 1984. 32 ф.

8. Горький М. Челкаш. На осетинском языке. Пер. Б. Зангиев. Дзауджикау: Растдзинад, 1930. 75 ф.

9. Горький М. 9-е января. На осетинском языке. Пер. Б. Зангиев. Дзауджикау: Растдзинад, 1931. 45 ф.

10. Свифт Дж. Путешествие Гулливера. Сталинир, 1937. 167 с.

11. Л. Толстой «Хадзы-Мурат» — æй скъуыддзаг // Мах дуг. 1997. №10. Ф. 10-13.

12. Перевод цит. по: Сотиева Р. Бабу Зангиев: литератор, просветитель, общественный деятель // Дарьял. 2010. №4. С. 198-207.

13. Тедтоева З.Л. Н. Толстой на осетинском языке // Литературная Осетия. 1978. №52. С. 76-81.

14. Бритаев С. Раст тæлмац кæнæм æви нæ?/Бритаев С. Как обстоит дело с переводом? // НА СОИГСИ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 40.

15. Зангиев Б. О переводческой деятельности // Растдзинад. 1934. №138. 21 июня.

16. Цит. по: Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Издательский дом «Филология ТРИ», 2002. 348 с.

17. Горький А.М. Челкаш. Рассказы // А.М. Горький. Челкаш. Л.: Художественная литература, 1972. С. 95-127.

18. Горький А.М. Равзæрст уацмыстæ (Избранные произведения). Сост. З. Х. Тедтоева, Е. Б. Дзапарова. Владикавказ: СОИГСИ, 2016. 485 с.
19. Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник. СПб.: Антология, 2012. 480 с.
20. Бесолова Е. Б. Особенности ритуала и текста осетинских бранных формул и проклятий // Известия СОИГСИ. 1 (40). 2007. С. 115-122.
21. Русско-осетинский словарь: около 25000 слов. Сост. В. И. Абаев. Изд. 3-е. Владикавказ: Ир, 2013. 487 с.
22. Дзапарова Е. Б. Особенности передачи в художественном переводе фразеологических единиц с ярко выраженной национальной спецификой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (24). С. 87-90.
23. Фразеологический словарь русского языка. (Авторский коллектив: проф. И. В. Федосов, канд. ф. н. А. Н. Лапиций). М.: ЛадКом, 2008. 608 с.
24. Дзенс Н. И., Перевышина И. Р. Теория перевода и переводческая практика с немецкого языка на русский и с русского на немецкий: учебное пособие. СПб.: Антология, 2012. 560 с.
25. Дзапарова Е. Б. Имена собственные в зеркале художественного перевода // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 553.
26. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х томах. Т. 1: А-К'. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. 657 с.
27. Дзапарова Е. Б., Сокаева Д. В. Особенности передачи этнокультурной специфики фольклорного текста (на материале перевода сказочной прозы осетин) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 164-172.
28. Парсиева Л. К. Национальная специфика междометий в аспекте перевода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 7. С. 63-66.
29. Дзапарова Е. Б. Передача сравнительных конструкций оригинала на язык перевода: специфика переводческих стратегий // Известия СОИГСИ. 2016. № 20 (59). С. 117-126.
30. Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. 284 с.
31. Сокаева Д. В. Куырысмæдзæуæджы аргъау (Колдун) // Сокаева Д. В. Сказочная и несказочная проза осетин: реалии сакрального мира: Монография. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 5-18.
32. Миллер В. Ф. В горах Осетии / Сост. Т. А. Хамицаева. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2007. 536 с.
33. Сокаева Д. В. Культурная основа осетинского фольклора: экспериментальное исследование на материале несказочной прозы. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 168 с.

МÆРГЪИТЫ И. Т.,
зк Уанеты З. Н. номыл ХИЗИИ нс ЮОНИИ им. З. Н. Ванеева
(РЮО, г. Цхинвал)

ИРОН ФЫНДЖЫ 'ГЪДÆУТТÆЙ

Æхсæнадæмон проект «Цæгат æмæ Хуссар Ирыстоны инновацион фæсугæрцты культурон бындуртæ» йы æххуысæй.

При поддержке международного проекта РГНФ «Инновационные ресурсы культурного наследия Северной и Южной Осетии»

В статье рассматривается застольный этикет осетин как историко-культурное наследие, обладающее этнодифференцирующей, культовой, воспитательной функциями. Отмечая высокую степень сохранности и сакральную сущность обрядов, автор приходит к выводу об утрате современными исполнителями смыслов многих ритуалов и необходимости их понимания и популяризации.

Ключевые слова: *этикет, картина мира, традиция, почетный бокал, молитвословие*

Describes a table etiquette Ossetians as historical and cultural heritage, having jetnodifferencirujshhej, cult, educative functions. Noting the high degree of safety and the sacral essence of rites, the author finds that the loss of modern performers smyslovmnogih rituals and the need for their understanding and popularization.

Tags: etiquette, worldview, tradition, glass, devotion

Ирон фынг æмæ йемæ баст 'гъдæуттæн, нæ адæмон дунембарынады — стыр нысаниуæг ис, уый у æнæхъæн зонад, кæцыйы мидæг æвæрд ис диссаджы цардыуагон мидис. Уымæн фæдзурынц «Ирон фынг хъомыладон скъола у» зæгъгæ. Ирон фынг æмæ йемæ баст æгъдæуттæ сывзæрдысты нæ рагфыдæлтæм мин азты размæ скифаг-сæрмæттаг-алайнаг дугты. Карз дугивæнты сæртыл хизгæйæ, уыцы диссаджы гъдæуттæ æрхæццæ сты ныры дугмæ, цасдæрбæрцæй ивындзинæдтимæ, фæлæ уæддæр сæ сæйраг мидис рохгонд не рцыд æмæ ма абон дæр æххæст цæуынц. Иумийагæй фынджы æмбарынад стыр у æмæ йын нæ фыдæлтæ дæр уæлдай кад кодтой, уымæ гæсгæ баззад ахæм загъдаутæ æмæ дзырдтæ «Ирон

фынг æгъдауæн у», «Ирон фынг зонд амоны», «Алы фынг дæр йæ фарн йемæ хæссы, йе гъдау ын æххæст хъæуы», «Фынджы фарн бирæ уæд, фынг бахатыр кæнæт», «Табу фынджы фарнæн» æмæ а.д. [1,154-155]. Сæрмагондæй ирон фынг нысан кæны хъæдырмагæй конд æртыкъахыг тымбыл фынг, ивгъуыд рæстæджы ма стыр бинонтæн æмæ бирæ уазджытæн уыдис дæргъæццон цыппартигъон æртыкъахыг фынг дæр. Иуырдыгæй кæронын уыд конд дыууæ къах æмæ иннæрдыгæй кæрон та иу къах. Ам æртыкъахыгдæр баст уыд нæ рагфыдæлты дунæмбарынадимæ, æртæ тыхимæ, æртæ космикон зонаимæ, æртæ æхсæнадон цардыуагимæ. Нæ фыдæлтæм тымбыл æртыкъахыг фынгтæ тынг кадджын кæй уыдысты, уымæн æвдисæн сты рагон уæлмæрдты цы ссарæггæгтæ разынд уыцы æрмæджытæй дæр, уыцы нымæцы Ирыстоны цæгат хайы Æрхоны рагон уæлмæрдты, кæцыйы рæстæг хауы VII-VIII æнустæм. Уымæй рагондæртæ та сты Пазырыкы 2500 азыккон уæлмæрдты ссарæггаг тымбыл фынгтæ, фæлæ адон уыдысты æфтаугæ цыппаркъахонтæ. Ацы æрмæджытæй бæрæг куыд цæуы, афтæмæй тымбыл фынгтæ рагон рæстæджы уыдысты ныллæг, 25-30 см бæрзæндæн. Уый та дзурæг уыд ууыл æмæ цæугæцарды фæстиуæгæн сæ арæзтой ныллæг къæхтыл. Ныллæг къæхтыл конд тымбыл æртыкъахон фынгтæ кодтой суанг 19 æнусы фæудмæ. Фæлæ 20-æм æнусы райдианæй ныллæг къахджын фынгтæ цадаггай фæбæрзонддæр сты 50-60 см бæрзæндæнмæ. Уый та æнхъæл дæн æмæ сыхаг адæмты цыппартигъон фынгы арæзтады культурæйы аххосагæн, ома уыдон бæрзонддæр арæзт кæй цыдысты, уымæ гæсгæ. Ныры дуджы æртыкъахыг ирон фынг бынтондæр ивд æрцыд цыппаркъахон цыппартигъон фынгæй, фæлæ уæддæр йемæ баст гъдæуттæ бынтон нæ байсæфтысты.

Куыд тымбыл фынджы фарсмæ бадгæйæ, афтæ расткъуымон фынджы фарсмæ хистæры æргом хъуамæ уыдаит хургæсæн æмæ æрбахизæн дуар хынцгæйæ. Хистæрæн рахиз фарс бады дыггаг хистæр, галиуварс та æртыккаг хистæр. Ирыстоны кæцыдæр кæмтты бынтон æрæджыдæр ма раст къуымон фынгæн йæ ныхмæ, ома уæллаг фарс ничи бадт, хистæр иу батт фынгы рахиз фарс сæрæй, йæ дæллаг фарс æртыккаг хистæр, йæ ныхмæ та, ома фынджы галиу фарс, дыккаг хистæр [2]. Кæй зæгъын æй хъæуы, фынгæвæрд цыд куыд бинонты æхсæн, афтæ уазæграйсыны гъдауæн дæр, стæй ма

цинаджы æмæ зианимæ баст гъдæутты фæдыл дæр. Цины æмæ зианы фынджы гъдæуттæ кæрæдзийæ зынгæ хицæн кæнынц сæ фæтк æмæ гъдаумæ гæсгæ, афтæ ма сæ нысаниуæгæй дæр. Ныртæккæйы дуджы тынг арæх сты гуырæнбонтæ æмæ æрбайсгæ бæрæгбонтæ нысан кæнын, æмæ уый дæр, чи зоны, æвзæр нæу, фæлæ йæ аразджыты кæд фæфæнды ирон гъдау æвдисын, уæд сæ архайдмæ гæсгæ фынджы гъдау нæгæлиртæ кæнынц, æмæ уый фæхонынц ирон гъдау. Раст зæгъгæйæ, бирæтæ зонгæ дæр нæ кæнынц, цы у гъдау æмæ йæ куыд æххæст кæнын фæхъæуы, кæд сæ зæрдиагæй фæфæнды йæ равдисын, уæддæр. Уымæ гæсгæ, фыдæлтæй баззайгæ рæсугъд гъдæуттæ рохуатгонд цæуынц æмæ уыдон та сты фынджы æнæмæнгхъæуæг атрибуттæ, адæймагдзинад æмæ хъомыладон нысаниуæг кæмæн ис, æхсæнадон цардыуагы. Банысан кæнын ма хъæуы уый дæр æмæ хицæн кæмтты, хицæн хъæуты гъдæуттæ цасдæрбæрцæй хæдхуыз сты æмæ уый дæр хынцын фæхъæуы. Нæй сын аппарæн, чи кæцы комæй рацæугæ у, уыдон сæ хъуамæ зоной æмæ сæ æххæст кæной, уымæн æмæ уыдон фыдæлты хæзна сты æмæ цæмæй ма байсæфой. Ирон фынджы гъдæуттыл иумийагæй бирæ зонадон куыстытæ ис, уыцы нымæцы куыд: Джыккайты Ш., Джуссойты Н., Абайты В., Пчелина Е., Уарзиаты В., Цыбырты Л., Айларты И., Цгъойты Х. æмæ æндæртæн. Уыдонæй алчидæр загъта йæ хъуыдытæ æмæ дзы иртæст æрцыд дзæвгар хатдзæгтæ. Фæлæ уымæ нæ кæсгæйæ, ныр ма бирæ проблемон фарстатæскъуыддзаг кæнинаг ис. Ацы куысты хæс нæу, цæмæй бындуронæй алы хицæн гъдауы æмæ миниуæгы фæдыл æрдзурын, фæлæ кæцыдæртыл дарддæры ацæудзæн ныхас. Ирон фынджы фидыц æмæ æнæмæнгхъæуæг атрибуттæ фыццаджыдæр сты цæхх æмæ кæрдзын. Уыдон цыфæнды фынгрывæрды æвæрд цæуынц фыццаджыдæр доны агуывзæимæ. Уымæн æмæ адæймагæн æнæ уыдонæй фæцæрæн нæй. Цыдæриддæр хæринæгтæ ис, уыдонæй сæ фылдæрыл цæхх конд цæуы, æнæ цæххæй нæ рæзынц æмæ нæ фидауынц. Адæймаджы буарæн æнæмæнгхъæуæг у. Цæхх фынгыл æвæрд цæуы цæххдарæны, чысыл фынгыл иу цæххдарæн, стыр фынгыл та æртæ, фондз æмæ.а.д., ома æнæкъæйттæй æмæ зианы фынгыл та æвæрд цæуынц къæйттæй. Цæххæн ахæм стыр нысаниуæг уымæн ис æмæ ивгъуыд дугты йæ æссарын, тынг зын уыд, хæххон уавæрты цæргæйæ æстæм уыд. Уымæ гæсгæ абон дæр ма баззад, зæгъгæ

цæхх куы акæла зæххмæ, уæд уый хорзмæ нæ цæуы. Уымæн æмæ сæ тынг зæрдиагæй хъуыд æрвылбонон царды æмæ сын зынаргъ уыд, æгæрыстæмæй сæ фосæн дæр сæ хъуыд. Уыцы нымæцы кæрдзын-дзул самал кæнын дæр тынг вазыгджын уыд æмæ сын цæххимæ стыр нысаниуæг уыд. Цæхх кæрдзын хæдзары мидæг куы уыдаит, уæд сын уазæг æрвитын дæр æнцон уыд, уый фæдыл абон дæр ма ис дзырд: зæгъгæ «цæхх æмæ дын кæрдзынæй фысым фæуыдзыстæм», кæнод та «Хуыцауы фæрцы цæхджын хойраг ис æмæ дын фысымтæ уыдзыстæм». Ома цæхх æмæ кæрдзын, цæхджын хойраг уыд бæркады-исы нысан. 20-æм æнусты фæуды хæххон Ирыстоны хуссар хайы хъæуты цæрджытæм арæх æмбæлд ахæм дзырд уазæг хоныны рæстæджы зымæгон: «сау дзул, цæхджын фыд æмæ цъæх арахъхъæй бæркадджын æстæм, æмæ нæм саккаг кæн». Зæгъгæ, дзул (кæрдзын), цæхджын фыд (дзидза) æмæ нуæзт куы уа, уæд уазæгæн гъдау раттын æнцон у. Ирон фынджы кады нысан ма сты æртæ уæливыхы (хæбизджын, уæлибæх, цыхтджын, чъири), кæцытæ æвæрд цæуынц æмхуызон æнæхъæн Ирыстоны хуссарæй цæгатмæ. Æнæ уыдонæй иунæг бæрæгбон дæр нысан нæ цæуы, уазæгæн кæд кусарт нæ амыдта алыхатт, уæд æртæ уæливыхы уыдысты стыр хæзнайау. Уæливыхтæ кодтой сæ уæззау куысты рæстæджы аходæн æмæ сихор кæныны рæстæджы, къух кæй амыдта уыцы хæдзæрттæ.

Æртæ уæливых (ссывды) æвæрд цæуынц фынджы сæр, хистæры раз, цасдæрбæрцæй фæйнæрдæмгондæй. Уыдон, ома æртæ уæливых, цы нысан кæнынц фынджы сæр, уыдонæн дæр цалдæр вариант ис нæ адæмон дунеæмбарынады. Фылдæртæ сты хæст, зæгъгæ, уыдон нысан кæнынц Хуыцау, хур æмæ зæхх [3;4; 5,203.] хур (арв, рухс) зæхх æмæ дон [1]. Æндæр вариантмæ гæсгæ та Хуыцау, Уастырджы æмæ Бынатыхицау [5, 203.] Ацы варианттæй кæцы растдæр у, уымæн та æвдисæн у зианы фынгыл фыццаг куывд куы ракаенынц Хуыцауы номыл, уæд стæй уæллаг кæрдзын фæдывæлдах кæнынц æмæ йæ дæлдæр æривæрынц, уый та зæгъгæ уымæн æмæ чи амард, уый нырæй фæстæмæ йæ хуры хайæ фæцух уыдзæн, баззайы ма йын, зæгъгæ, Хуыцау æмæ Зæхх [5,203;3]. Уымæ гæсгæ растдæр уыдзæн Хур, Хуыцау æмæ зæххы нысаниуæг, фæлæ иннæ варианттæ дæр æппаринаг не сты. Бадты нысан, фынджы гъдау кусæрттагимæ баст куы уа, уæд фынгыл æвæрд цæуынц æнæмæнгæй дæр сæр, бæрзæй æмæ уон (уæн). Сæр дæр æвæрд цæуы фынгы сæрыл, цины фынгыл

сæры галиу фарс, зианы фынгыл та рахиз фарс. Уый та уымæн æмæ хистæр кæстæртæн нуазæн куы фæдæтты, уæд йын йæ сæрыл сæвæры хъус. Йæ нысан та у, цæмæй кæстæртæ хистæртæм хъусын фæразой. Цинаджы фынгыл лыг кæнынц рахиз хъус, зианы та галиу æмæ уыцы архайды рæстæджы цæмæй бæрзæй хистæры ма хъыгдара, уый тыххæй æвæрд фæцæуы иннæрдыгæй фарс. Цины фынгыл ма æвæрд цæуы уон (уæн) æмæ уымæн та йæ бынат у сæры уæлæ [4]. Ирон æмбисонд дзуры: «фыццаг кад сæры кад у, дыккаг — бæрзæйы кад, æртыккаг — уоны (уæны) кад». [4]. Æндæр зонæнтæмгæсгæ та амоныц: сæр — зонд, бæрзæй — ныфс, хъару, уæн — фæлгæсæг [5]. Джуссойты Н. хъуыдымæ гæсгæ, ацы æртæ хайы фынгыл æвæрдæй нысан кæнынц рагон ирон æхсæнады æртæ хуызы: сæр — æфсæддонты æхсæнады нысан, бæрзæй — фæллойдгæнджыты æмæ уон — та Хуыцаумæ кувджыты (дзуары лæгты) — нысан [6]. Æндæр ахуыргæндты хъуыдымæ гæсгæ сæр æмæ бæрзæйы нысаниуæг кæрæдзи бынæттæй ивынц, афтæ уоны нысан та фæхсынæй «Здесь понятия «голова (ум) жречество» составляют одну парадигму; «шея (сила) войны» — вторую, а «курдюк (изобилие) общинники» — третью.» [кæс. 1, 166]. Куыд зонæм, афтæмæй сæр, бæрзæй æмæ уон фынджы сæр æвæрыны гъдау зæххыл иу адæмтæм дæр нæй æмæ йæ, зæгъгæ, æвæрдтой фынгыл цы кусарт конд ис уый базонынæн. Хуымæтæджы нæ баззад ахæм ныхас: «Кæд уын теуа аргæвстой, уæд та?». Фынгыл сæ цæмæн байдыдтой æвæрын, уый фæдыл баззад ахæм ныхас: нæраг фыдæлтæ Алантæ ныфсджын æмæ тыхджын хæстонтæ уыдысты. Паддзæхтæ иу сæ æрцагуырдыдтой мыздыл (æхца, дзидза). Уæд, дам, сын иу ахæмы баккой чындæуыд: «Уæ размæ уын цæй дзидза æривæрынц, уый зонут?.. Теуайы». Алантæ бæстæ сæ сæрыл систой. Æрдомдтой, цæмæй кусæрттагæн йæ сæр æвæрд цæуа фынгыл [5,203]. Кæд кусæрттаг фыр (фыс) вæййы, уæд ма дзы æвæрд фæцæуы æнæмæнг дæр æнæхъæнæй хистæрты раз фæхсын (дымæг, къæдзил, чъапæтæ), сойджын бæркады нысанæн. Хоры Уацилла æмæ Фосы Фæлвæрайы номыл куы рауадзынц куывд, уæд-иу дзы фынгы хистæр кардæй фæлыг кодтаит æмæ уыцы кæрдихтæй фынгыл дæлæмæ алæвæрдтаит [3, 224]. Кусæрттаджы кадджындæр хæйттæ базыг æмæ æсгуыдæр æвæрд цыдысты хистæрты раз, цины фынгыл, бæрæгбоны рæстæджы. Базыг дæр хауы сæйрагдæр хæйттæм, уый уыд кæстæр-

ты хай, хъару æмæ тыхы нысан æмæ уымæгæсгæ æвæрд цæуы фынгы сæрыл, хистæрты раз, цæмæй кады нысанымæ лæвæрд цæуа кстæртæм [6]. Æсгуы йы нысан чындзæхсæвы рæстæджы дæттой фынгыл бадджытæй тагъд рæстæджы чындзæхсæв кæнынмæ чи хъавы ахæм лæппуйæн, йе та кæй хæдзары хъуамæ уа чындзæхсæв уый хистæрæн. Ома æсгуы чи райса, уый æнæмæнгæй дæр хъуамæ чындзæхсæв скæна æмæ бадты адæмы йæ хæдзармæ æрхона. Зæды номыл бæрæгбоны рæстæджы дæр уыд афтæ: бæрæгбон иу фысымгай кæм арæзтой, уым иу æй дæттой, дыккаг аз бæрæгбоны фысымты хæс ччи исы, уымæ. Сгуы дæттыны гъдау ма нырдæр хæххон Ирыстоны кæцы дæр кæмтты æмбæлы. Иумийагæй сисгæйæ фынгыл кусæртаг æвæрд цыд уæннгай, фæрсчытæ та æртыгæйттæй. Уæнгтæ лыгкæнын уыд æнамонддзинады нысан æмæ уый æрмæст дæр кодтой зианы фынгыл, цины хъуыдтаджы та æвæрд цыдысты æнæхъæнтæй кæс [7]. Зæдты номыл бæрæгбонон фынгыл æвæрд цæуынц тæбæгъты цыхт, царв æмæ мыд дæр. Чысыл фынгыл иугай тæбæгъты, стыр фынгыл та æнæкъæйттæй. Стæй ма алыхуызон цæхджынтæ (давонæй, хуычъыйы сæрæйæ, сажыкъахæй, скъудайæ, зынтъырыйæ, нурийæ æмæ а.д.) зæды номыл бæрæгбон куы нæ уа, уæд ма фынгыл æвæрд цæуы карчы, хуыйы æмæ кæсагы фыд. Ныры дуджы бирæ æрбайсгæ хæринæгтæ фæзынд, уыцы нымæцы джитри æмæ памидор, цъæхыгтæ афтæ ма æндæр æмæ æндæр салаттæ дæр, уыцы нымæцы адджинагтæ æмæ дыргътæ дæр. Адон дæр цины фынгыл æвæрд цæуынц тæбæгъты æнæкъæйттæй, зианы фынгыл та къæйттæй. Зæгъын ма мæ фæнды уый дæр æмæ хуыйы фыд зæды номыл бæрæгбонон фынгыл рывæрын ирон адæммæ æвæдджийагдзинадыл цæуы нымад, уымæн æмæ Хуыцау, Уастырджы æмæ зæдтæн барст нæу. Кæд æй æнæуи фынгыл рывæрынц, уæддæр сæрмагондæй Хуыцау æмæ йе скæнгæ зæдтæн куывд куы рацæуы, уæд уый фæстæ. Фæлæ ацы гъдау дæр алы ран нæ цæуы хъахъхъæд, уæлдайдæр та быдырбæсты цæрджытæм. Бæрæгбонон фынгыл кадджындæр сты кæй зæгъынæй хъæуы уæливыхтæ, фæлæ ма уыдонæй дарддæр æвæрд фæцæуынц æндæр æссывтытæ, уыцы нымæцы: цæхæраджынтæ, хъæдындзджынтæ (хахуыджынтæ), давонджынтæ, къабускъаджынтæ, картофджынтæ, зокъоджынтæ, фыдджынтæ æмæ.а.д. Сæрмагондæй ма бæрæгбоны дыккаг боны та Уанелы хъæуты зылды фæкæнынц фыдджынтæ дæр. Нуæзт фынгыл

æвæрд цæуы æлыгæй конд дурынты, арахъхъæн чысылдæр мигæнæнты, сæн æмæ бæгæныйæн та стырдæр мигæнæнты. Адон дæр чысыл фынгтыл æвæрд цæуынц иугæйттæй, стыр фынгтыл та æртыгæйттæй æмæ фылдæртæ дæр, хъуамæ уой æнæкъæйттæ. Кæй зæгъын æй хъæуы, зианы фынгтыл та æвæрынц дурынтæ къæйттæй. Кувæндонны бын рагæй фæстæмæ дæр нымæд цыд бæгæныйæ кувын, карз нуæзт хæссын кувæндонмæ æвæдджийаг хъуыдаг у, фæлæ уый бирæтæ, хъыгагæн, нæ æмбарынц. Фынджы сæр кувæгæй рагæй фæстæмæдæр ирон адæммæ бадтис куырыхондæр, кадджындæр æмæ дзырддзæугæдæр лæг, стæй кувынмæ хуыздæр чи рæхстис, ахæм. Уæлдæр ма куыд цыд ныхас, афтæмæй кувæгæн йæ рахиз фарс бадтис дыккаг æмæ йæ галиу фарс та æртыккаг хистæр. Кæд иу хæдзары уыд хистæр лæг, уæд уый бадтис дыккаг хистæрæн, æртыккаг та æнæмæнг дæр уыдаит уазджытæй хистæрдæр чи уыдаит, уый. Уырдыгæй дæлæмæ фынгыл бадтысты куыд хистæрæй. Фынджы уæлхъус бадгæйæ æнæуаг бадт кæнын нæ æмбæлы. Ныры хуызæн къæхтæ дзуар æвæрд кæнын, кæннод та тилын худинагыл цыд нымæд, афтæ ма къæхтæ адаргъ кæнын дæр. Стæй фынгыл къух рывæрын, йе та рæмбыныкъæдзæй æнцой кæнын дæр нæ æмбæлд. Хистæр ракувыны хæдразмæ фынджы сæр æртæ уæливыхыл фæйнæрдæм ахæцы, уæллагыл галиуырæм, астæуккагыл та рахизырæм [4]. Уый та уымæн æмæ сæ цæмæй кæй номыл сты, уыдон уыной, æртæ кæй сты, зæгъгæ. Ныры дуджы уырдыгæуджытæ тынг стæм æисты æмæ уымæ гæсгæ нуæзтытæ дæр дурынты фынгыл байддытой æвæрын æмæ фынгыл чидæртæ фæкæнынц кæстæриуæг, ома сæхимæ райсынц уырдыг-лæууæджы хæстæ, фæлæ уырдыг лæууæг фынгыл нæ фæбады. Фынджы уæлхъус уырдыгæуджытæ цинаджы гъдауы фæлæууынц фынджы рахиз фарс, зианы та галиуварс. Уырдыгæууæг кувæгмæ авæры дзаг сыкъа (кæмдæрты та нуазæн, каннод агуывзæ) æмæ æртæ цырагъ (цырагъ судзын æмæ уымæй кувын ирон адæммæ æрæджы æрбафтыд, æнхъæл дæн æмæ 19 æнусты фæуды 20-æм æнусты райдианты, æмæ у чырыстон динæн æндæвдады аххосаг, фæлæ арф уидæгтæ ауагъта æмæ ссис традицион). Йæ фыццаг ракуывд фыццаджыдæр вæййы Хуыцау æмæ Уастырджыйы номыл — Хуссар Иры, Хуыцауы номылта Цæгат Иры. Хуссар Ирæй Цæгат Иры арæх чи бахауы фынгтæм, уыдон дæр æй райдыдтой кувын афтæ æмæ арæх рауайы быцæутæ

дæр, зæгъгæ, чи растдæр у æмæ кæм растдæр у. Ам хабар уый мидæг ис æмæ хъæуæн, «комæн фæтк ис», зæгъгæ æмæ алы ран дæр йæ хицæндзинæдтæ ис, æрмæст фынгыл ракуывды нæ, фæлæ æндæр хъуыдтæгты дæр. Ацы фарстайы фæдыл дзырдтон Джуссойты Нафиимæ æмæ мын æй ахæм хуызы бамбарын кодта, зæгъгæ, Цæгаты Чырыстон динмæ æввахсдæр лæууынц, уым фылдæр уидæгтæ ауагъта æмæ зæгъгæ, Уастырджыйы Хуыцауы æмсæр нæ кæнынц, Хуссары та кæд Хуыцауы ном раздæр фæдзурынц, уæддæр æй Хуыцауы æмсæр кæнынц æмæ йæ аххосагдæр уый у. Ис ма ахæм хъуыдыгæнджытæ зæгъгæ Хуыцау æмæ Уастырджыйæн иумæ ракуывд Хуссар Иры ног фæзынд у, фæлæ йæ ахæм хуызы фехъуыста Хуссар Ирыстоны хæхбæстæйы цæрджытæй Е. Пчелина дæр 1920 — æм азты [8]. Хуыцау æмæ Уастырджыйæн кувыны фæткы иу рæгъæй куыд фæзынд, уый фæдыл ис ахæм таурæгъ Къуыдаргомы: кæддæр Джиуæрæн йæ тыхст рæстæджы Уастырджы æнæкæрон æххуыс кæй бакодта æмæ знæгты къухмæ кæй нæ бахаудта, æмæ куы мард, уæд ныффæдзæхста, цæмæй йæ бавæрыны фæстæ Уастырджыйы номыл скæной стыр куывд æмæ уа 7 боны бæрц, зæгъгæ. Уæд Къуыдаргомы цæрджытæ дыккаг бон æцæгæйдæр ныззылдтой стыр куывд æмæ зæгъгæ, уæдæй фæстæмæ Къуыдаргомы Хуыцау æмæ Уастырджыйæн кувынц иумæ, фыццаг рæгъæн æмæ дыккаг рæгъæн та хохы æмæ быдыры зæдтæн [9]. Ацы фарста лыг кæнын нæу мæ рард, фæлæ мæ фидарæй уырны уый æмæ Хуыцау Уастырджымæ иумæ куывдæн рагон уидæгтæ кæй ис æмæ йæ хъæуы бæстондæр сахуыр кæнын. Хистæр фыццаг куывд куы ракаены, уæд кувæггаг адæтты рахизфарс кæстæртæм. Фынджы сæрыл цы уæливыхтæ ис, уыдонæй уæллаг сисы (кæмдæр та иу карст) æмæ уый дæр кувæггагимæ адæтты. Афтæ ма кувæггагимæ адæтты базыг дæр. Кæстæр сæ райсы, раарфæ кæны æмæ йæ аназы, стæй йæ байдзаг кæны фæстæмæ æмæ йæ хистæрмæ æрбарвиты æмæ уæд фынджы кувæг йæ сыкъа аназы æмæ Хуыцау-Уастырджыйы номыл рæгъ кæронмæ рацæуы. Кувæггаг чи райста, уый уæливыхæй йæ фарсмæ баджджыты фæхайджын кæны, фæхай ма сын кæны базыгæй дæр. Базыгыл фыд куы нæ уал баззайы æмæ сыгъдæггонд куы æрцæуы, уæд æй чи райста, уый йæ хъуамæ асæтта. Йæ бон куы нæ фæцæуы æмæ уый та ивгъуыд дугты худинаг уыд, уæд æй йæ фарсмæ бадæг райсы, хатт æрзилы фынгы кæстæртыл æмæ йæ исчи æнæмæнгæй асæтты. Ба-

зыг чи асæтты, уый йæ фынджы сæр æртæ хистæры раз æривæры æмæ та ногæй цæрæнбон рацæуы йæ номыл, арфæтимæ. Кувæггаг та уымæн адæттынц кæстæртæм æмæ зæгъгæ, кæстæр удæй сыгъдæгдæр у, æнæтæригъæдджын у, æмæ Хуыцау куывдтытæ хуыздæр айсдзæн, зæгъгæ. Ис ма ахæм дзырд, зæгъгæ, ацы гъдау баззад уымæн æмæ ма тыхы дуг куы уыд ивгъуыд рæстæджыты, уæд иу арæх кæстæртæ фæдисмæ ацыдысты æмæ иу фынгæй æнæ хай фесты [10]. Ацы гъдауы фæстæ Хистæр кæстæртæм радзуры, зæгъгæ «кæстæйрæгтæ æрбауадзут». Кæстæртæй чидæр сысты æмæ ракувы «хистæр фæрнджын æмæ кæстæр арæх куыд уæм, уый арфæ нæ уæт» æмæ рæгъ мидæмæ æрбацæуы. Ацы куывд рæгъмæ нæ хауы, фæлæ йын ис чысыл ивындзинаедтæ хицæн кæмтты. Зæгъæм: кæстæйрæгтæ мидæмæ æрбауадзынц фыццаг ракуывды фæстæ, Къуыдаргомы, Гуфтайы хъæуæй сыуанг Къозы хъæумæ, ома йæ зонынц æрмæст Пацъагомы, Чеселтгомы, Цъоны зылды, Къуыдары æмæ Къозы комы. Дзауæй мидæмæ та, сыуанг Урстуалты рæбинаг кæмттæм ацы гъдау хуыйны «Уазæггаг». Хистæр фæзæгъы: «уазæггагæгтæ ма æрбауадзут», фынгыл цы уазджытæ ис, уыдон сыстынц æмæ дæлийæ уæлæмæ уазæггагтæ æрбауадзынц. Сæ арфæйы ныхæстæ та сты афтæ: «ацы хæдзар, Уазæггаг æмæ Хуыцауы хорзæх уæнт. Уæ бирæгъы хай æмæ уын уæ уазæгы хай мацы тых байсæт æмæ уæм хорз уазджытæ цæуæт». Уæ бирæгъы хай нысан кæны, кусæрттæгтæ æмæ кусæрттаг та кæм уа, уым бирæгъы хай дæр хицæнгонд цæудзæн. Сæр æмæ æфцæгы астæу хуыйны кусæрттагæн бирæгъы хай. Рæгъ хистæртæм куы бахæццæ вæййы, уæд раарфæ кæнынц ноджы дæр сæ уазджытæн æмæ та рæгъ дæлæмæ рауадзынц. Кæстæйрæгтæ куы вæййы, уæд та дæлæмæ кæстæрты цæрæнбон фæуадзынц. Кæстæртæн лæугæ нæ фæкæнынц, фæлæ сæхæдæг кæстæртæ слæууынц. Хистæртæ куывд куы рауадзынц, уæд хистæр кæстæрты тыххæй Уастырджыйы зарæг сисы æмæ рæгъ афтæмæй рацæуы. Уазæггаг куы вæййы, уæд та зарæг сисынц уазджыты цæрæнбонæн, сæ номыл. Уазæггаг æмæ Кæстæйрæгты тыххæй арæх быцæу рацæуы, куыд раст дæр у, зæгъгæ, фæлæ йæ куыд зонам, афтæмæй «хъæуæн фæтк ис» æмæ дзы диссагæй ницы ис. Ныры дуджы ацы гъдау быдырбæсты сæфын райдыдта, Цхинвалы цæрджытæн æй сæ фылдæр зонгæ дæр нал кæны. Дыккаг куывд та цæуы, уæлдæр ма куыд загътон, Уастырджыйæн Цæгат Иры, Хусса-

ры та Зæдтæн æмæ Дауджытæн. Ацы кувдæн дæр ис цалдæр варианты: 1. Хуыцау æмæ Уастырджыйы номыл фыццаг куывд, дыккаг куывд та зæдтæ æмæ дзуæртты номыл 2. Хуыцауы номыл фыццаг куывд, дыккаг та Уастырджыйы номыл 3. Хуыцау æмæ Уастырджыйæн фыццаг куывд, дыккаг куывд комбæсты сæйрагдæр зæдтæн 4. Хуыцау, йе скæнгæ зæдтæ æмæ дауджытæн (зæдтæн æмæ дзуæртæн) фыццаг куывд иумæ. Амæн дæр ис йæхи хæдхуыз варианттæ: Фыццаг сидт вæййы Хуыцау æмæ Уастырджыйы тыххæй, уым ма рымысынц дзуæрттæ æмæ дауджыты нæмттæ дæр [8]. Кæцы дæр кæмтты «фыццаг куывд (гаджидау) вæййы Хуыцау, Уастырджи æмæ иннæ бардуагты (дауджыты) номыл» кæс [4] Зæрæмæджы зылды Хуыцауы номыл ракуывды фæстæ ракувынц Мыкалгабырæн, Дзомагъомы фыццаг куывд уагътой Хуыцау æмæ Уастырджыйы кадæн, дыккаг та Рагъыдзуар æмæ Бурсамдзелийы номыл [4]. Уанелы — Къусджыты зылды фыццаг кувд фæцæуы Хуыцау æмæ Уастырджыйы номыл, дыккаг та дыууæ зæды номыл — Мыкалгабыр æмæ Уанелы Тутыры номыл, æртыккаг та Бурсамдзели æмæ Джеры Уастырджыйæн. Куыдаргомы Начърепайы хъæуы та Хуыцау æмæ Уастырджы ракуывды фæстæ кувынц Рагъыдзуар æмæ Мыкалгабырæн, Ципрангомы дыккаг куывд цæуы Джермугъы æмæ Ципраны Уастырджыйы номыл, Чысангомы Цъолды хъæуы — Усанет æмæ Тылийы Уастырджыйæн [11]. Хуыцау æмæ Уастырджыйы ракуывды фæстæ, зæды номыл бæрæгбон куы вæййы, уæд сæрмагондæй кувд цæуы æмæ сæхи фæдзæхсын ацы зæдæн. Ома зæды номыл ракуывд дыккаг куывд вæййы æмæ æртыккаг та ракувынц комбæсты-хæххбæсты Ирыстоны зæдтæ æмæ дзуæрттæн (зæдтæ æмæ дауджытæн, хохы зæдтæн быдыры кувæндæттæн) та быдырбæсты. Куывды, чындзæхсæвы, гуырæнбоны фынгыл та æртыккаг куывд рауадзынц цæй æмæ кæй фæдыл у бадт, уымæн йæ цæрæнбонæн, заргæйæ. Кæд ныртæккæ фынгыл зарын ничиуал зоны, уæд ивгъуыд дугты, уый æнæмæнгхъæуæг хъуыддаг уыдис æмæ фидаугæ дæр тынг кодта, расыг дæр уымæн нæ кодтой. Ардыгæй фæстæмæ куывдтытæ цыдысты кувæджы арæхстдзинад æмæ æрхъуыдымæгæсгæ.

Фæлæ уал æрдзурдзыстæм ныры дуджы с. Цхинвалы цæрджыты фылдæр хайы хсæн цы фæтк ныффидар, уый фæдыл. Зæгъæм, бæрæгбоны, йе та хуымæтæджы фынгыл хæдзары бадт куы вæййы, уæд фæкувынц ныййарджытæй, схъомылгæнджытæй сæрыгас чи

у, уыдоны цæрæнбонæн, стæй та хицæн рæгъ рацæуы чи фæзиан, уыдоны рухс ном ссарынæн. Афтæ ма сæрмагондæй фæкæнынц хицæн рухсаг, Ирыстоны сæрвæлтау йæ цард чи радта, уыцы зын-гхуыст фæсивæдæн. Рухс ма фæкæнынц æввахс хиуæттæй, æмбæлттæй, сыхæгтæй исчи кæд æрæджы фæзиан, уæд уыдонæн дæр. Рухсгæнгæйæ, агуывзæ фæкъул кæнынц æнæмæнгæй дæр фых-хойрагмæ, кæрдзыны, дзулы карстмæ. Æнæмæнгæй дæр нуæзтæй хъуамæ цалдæр æртахы æрхауа, каннод, зæгъгæ, нæ хæццæ кæны. Рухс ма фæзæгъынц донæй дæр. Рухсы фæстæ æнæмæнгæй дæр ракувынц цæрæнбонæн, фæстийæ кæй ныуагътой, уыдонæн, сæрмагондæй куывд рацæуы хицæнтæй: мадызæнæгтæн (хотæ æмæ æфсымæртæн), кæстæртæн, хæрæфырттæн. Стæй ма хъæубæстæ æмæ сыхбæстæйæн иумæ. Хицæн куывд цæуы Ирыстон æмæ Фыдыбæстæйæн, йæ рæсугъд сомбонæн. Ивгъуыд рæстæджыты бад-ты, уæлдайдæр, цинаджы фынгыл, сæрмагонд рæгътæ цыд рæстæг æмæ дугæн, афтæ ма хион-къабæзтæн. Ныры дуджы дæр ма стæм хатт æмбæлынц ацы кувдтытæ, фылдæр та хохбæсты, уымæй дæр хистæр фæлтæрæй фехъусæн ваййы ацы сидтытæ. Рагдæр зæгъ-гæйæ, ацы рæгъытæй хион къабæзтæн ракуывд, ныры дуджы ивд æрцыд — мады зæнæгтæн æмæ сиæхстæн ракувынæй, рæстæг æмæ дуджы ракуывд та — Ирыстонæн ракуывдæй. Тынг арæх ма куывды бар ракургæйæ, чи дæр ракувы хистæрæн, ома кувæгæн. Куыд цæуы бæрæг афтæмæй ацы гъдау ивгъуыд рæстæджыты æнæуагдзина-дыл цыд нымад, уымæн та æвдисæн у 19-æм фыццаг æмбисы немь-цаг бæлццон К. Кохы æрмæджытæй. Уый Чеселтгомы уæвгæйæ ба-нысан кодта, зæгъгæ «... по осетинским обычаям не принято пить за здоровье хозяина» [12,267]. Къусджыты хъæуы фынджы æмбисмæ æввахс дæлийæ мидæмæ бауадзынц «базгъорайы рæгъ», ома ма цæмæй уазджытæн уæлдай бадарой æмæ сæ сбуц кæной [10]. Цины фынгыл, сæрмагондæй та чындзæхсæвы æмæ лæппуйы куывды æрæджыдæр ма хæхбæсты рауагътой «æйт рæгъ». Ацы рæгъ та иу уыд афтæ: развæлгъау иу хистæртæ уырдыглæуджытимæ бадзырд-той, зæгъгæ, цалгай сыкъатæ рауадзæм æртыгæйттæ, æвдгæйттæ æви дыууадæсгæйттæ. Кæмæн иу дзы æркодтой, уый сæ иууылдæр хъуамæ райстаит æмæ сыл ныххæцыдаит, кæм рæмбыныкъæдзæй, кæм та æнгуылдзтæй æмæ сæ куыд нуæзта, афтæ иу уырдыглæууæг сыхырнайыл хæцыд æмæ иу сæ нуазæг уырдаем æппæрста, кæд иу

дзы искæцыйæ æртах æркалд, уæд та иу ын ногæй æркодтой. Ам хабар уый мидæг ис æмæ иу æйт рæггы сыкъатæ иннæ сыкъатæй, къаннагдæртæ уыдысты, стæй иу йæ ныфс чи нæ хаста, уый йæ фарсмæ бадæгимæ бадзырдта æмæ иу æм уый фæкаст нуазынмæ [13] Ленингоры р-ны Цъолды хъæуы цæрджытæм та ис ахæм гъдау æмæ иу уазæгæн йæ йæ бæрзæйыл галиу къухæй ныхæцыдысты æмæ иу йын уæлдай сыкъа бадардтой æмæ йæ хуыдтой «цъолдаг». Хистæр иу уырдыглæууæджы куы хæсджын кодта уыцы гъдау саразыныл, уæд дзырдта «фæцъолдаг æй кæн». Ацы тыхнуазæн иу ивгъуыд рæстæджы уазæгæн куы дардтой, уæд дам иу уазæг куы нæ разы кодта, уæд иу æй, зæгъгæ, нæмгæ дæр фæкодтой [11;14].

Ныры дуджы ма тынг арæх æмбæлы æрдæгфынгмæ уазæг куы æрбахауы, уæд ын фæдфæдыл æртæ нуазæн бадарынц (æрбауай-æггаг, куывдтытимæ разыдзинадæн æмæ сæрмагонд бадты нысан цæй фæдыл у, уымæн). Стæй ма фынгыл хъæлаба кæнын исчи куы байдайы, уæд ын уæлдай нуазæн бадарынц, ома иваргонд æрцæуы нуæзтæй. Ацы тыхдарыны гъдау, кæй зæгъын æй хъæуы, гуымирдзинад у, æнæгъдау æвдисæг у æмæ йæ хъæуы æппарын. Стæй уыдыппæт нуæзт расыг кæны æмæ расыг лæг та рæдийаг у, уый уынгæйæ, кæстæртæн та цы хъомылад хъуамæ уа. Ситтытæ ма рауадзынц: лæггадгæнджытæн æмæ æфсинтæн. Хæдзары мидæг куывд æфсинтæн куы фæцæуы, уæд уый фæстæ æфсин саккаг кæны нуазæнтæ, ома æфсины нуазæнтæ дæр. Кæмдæрты ацы гъауы рæстæджы нуазæн чи анызта, уый æфсинæн йæ агуывзæйы æрывæры æхца, фондзсæдæ сомæй иуминмæ, йе та фылдæр æмæ уый дæр æнæуаг ми у, æмæ йæ хъæуы æппарын. Ахæм нуазæнтæ ма арæх ратты гуырæнбонны рæстæджы кæмæн ракувынц, уый дæр. Бæркады ракуывды хæдразмæ та кæцы дæр бынæтты ноджыдæр сидт вæййы кæстæрты цæрæнбонæн.

Фынгæй сыстын, ацæуын æмæ æрбацæуын æнæ бар ракургайæ хистæрæй, æнæуагдзинадыл цæуы нымад. Æмæ зианы фынгыл та фынгæй сыстын æмæ фæстæмæ сбадын бынтон æгаддзинад у, æцæг уый дæр ныры дуджы арæх æмбæлы хъыгагæн. Кæй зæгъын æй хъæуы, кæстæртæ фынгыл кæронмæ нæ фæбадынц, уыдон бар ракурынц кувæгæй æмæ сын кæд бар ратты, уæд сыстынц. Ивгъуыд рæстæджы фынгыл цы хойраг уыдис, уымæн йæ иу хаймæ нæ бавнæлдтой, уый-иу уыдис, фынджы уæлхъус лæггад чи кодта, уыцы

кæстæрты хай æмæ хуындис Фынгисæггаг [15,169]. Фынджы фæуд-мæ æввахс сидт ваййы Бæркад-исы хорзæхæн, хæдзары, уазджыты æмæ Ирыстоны (хъæубæсты) бæркадтæн. Бирæ хатт фысым Бæркады куывд нæ фæкæны, æфсæрмы фæкæны, æндæр куывдтытæ ма фæмысы æмæ йæ уæд ракувы уазджыты хистæртæй сæ иу,-хистæрæй куывды бар ракургайæ. Фæстаг куывд та у Фæндагсар-Уастырджыйы номыл æмæ йæ фылдæр ран æрбакувынц кæстæртæ. Кæстæртæ та уымæн æмæ зæгъгæ, кæстæры æнæтæригъæддæр у æмæ куывд хуыздæр фехъуысдзæн, стæй кæстæртæ фылдæр цæуынц фæндагтыл. Цины хъуыддагимæ баст куы ваййы фынджы гъдау, уæд ма уазджытæн ракувынц Къæсæр-Уастырджыйы хорзæхæн, цæмай рæсугъд кæсæртыл хизæг уой, цы къæсæртæй рахызтысты, уыцы къæсæртæй сæрыгасæй, амондджынæй фæстæмæ бахизой. Растдæр зæгъгайæ, ацы рæгъытæ Ирыстоны хуссар хайы хицæн кæмтты, æгæрыстæмай, Цхинвалы сахары дæр арæх æмбæлы ивындзинæдтæ, фæлæ мæ хъусдардмæ гæсгæ ног фæлтæры хсæн, фылдæр æрфидар сты уæлдæр загъдгонд сидтытæ. Уымæй дарддæр ма арæх схъомылгæнджытæн рухсы фæстæ фæзæгъынц хи цæрæнбонæн, зæгъгæ: «нæхи цæрæнбонтæ бирæ уæнт». Ам, мæнмæ гæсгæ, ацы ракуывд бынтон æнæаив у, уымæн æмæ ирон лæг йæхицæн никуы куывдта, фæлæ йын, хъыгагæн, арæх ис фембæлæн. Нузæн дæттыны гъдау дæр тынг мæгуырау у, уымæн æмæ йын йæ кад дæлдæр кæнынц. Фынгыл бадгайæ нузæн алкæмæ нæ æмбæлы, уый лæвæрд цыд чи фесгуыхт цыдæр хъуыддаджы, ахæм адæймагæн. Ома, йæ нысан уыд, Кады нысан æмæ алкæмæ нæ фембæлы. Нузæн æмæ йемæ баст гъдæутты фæдыл бирæ зонадон куыстытæ ис æмæ уымæ гæсгæ йæ кой нал кæндзæн.

Æмткæй сисгæйæ ныртæккæ цы фæнды фынгыл дæр æппынкъ-аддæрæй рацæуы 12-15 рæгъы бæрц æмæ уый та, кæй зæгъын æй хъæуы, нуæзтимæ баст у. Уыйбæрц нуæзт кæнгæйæ, адæймаг расыг дæр кæны æмæ стæй фæрæдийынмæ бирæ нал фæхъæуы.

Гъдауы æфсон ма цы æвзæрдзинад æмбæлы цинаджы фынгыл ныры дуджы, уый та у кæцыдæр кувæг лæгтæ сæхи ракуывды фæстæ, сæхицæн оммен къуы фæхъæр кæнынц æмæ уый дæр раст нæу. Мæнæ ма хицауады кусæг бæрнон адæймагтæ сæ раныхасы фæстæ сæхицæн куыд феæмдзæгъд кæнынц, афтæ. Хистæр куы ракувы, уæд йæ алы хъуыдызагъды фæстæ фынджы кæстæртæм æм-

бæлы хъæрæй Оммен, Хуыцау, зæгъын. Уый хистæртæ кæстæртæн куы æмбарын кæниккой, уæд ыл цайдагъ дæр кæниккой, фæлæ фынджы хистæр йæхицæн Оммен куы кæна, уæд ма дарддæр цæуыл дзурæм.

Зианы фынгыл рæгъытæ цасдæрбæрцæй хицæн кæнынц цины гъдаумæ баст фынгтæй. Фынджы сæрыæвæрынц æрмæст сæр æмæ бæрзæй. Сæрæн йæ ныхыл уырдыгмæ карды комæй æрлыг кæнынц, Джуссойты Нафийы хъуыдымæ гæсгæ, уымæн та йæ нысануæг у карды — æфсæддонты символ. «Этот надрез, по видимому, представлял собой некое «графическое» выражение-изображение атрибута воинской функции — меча: меча которому поклонялись аланы, как символу божества» [6]. Оны та уымæн нæ æвæрынц æмæ дам, зæгъгæ уый у хуры нысан, æмæ зæгъгæ, зиан йæ хурæй фæцух вæййы (æцæг, иууыл разы не сты æмæ йæ кæмдæрты уæддæр æвæрынц зианы фынгыл). Фынгыл ма æривæрынц æртæ кæрдзыны æмæ хистæр куы ракувы, зианджын хæдзары Хуыцауæй куы бафæдзæхсы (Уастырджыйæн зианы фынгыл нæ кувынц, зæгъгæ, Уастырджы у зæххон адæмы бардуаг æмæ мæрдтыбæстæм ницыуал бар дары) уæд уæллаг кæрдзын хуры нысан фынгæй сисынц. фынгыл ма сæвæрынц цæхх, дон, дзул, цæхджынтæ, фых мæнæу, цъæхыгтæ, кæсаг, нуæзт — арахъхъ, сæн, дон æмæ а.д.

Фыццаг сидтæй Хуыцауы ном куы ары, уæд йæ къухы вæййы агуывзæ æмæ æртæ цырагъы, стæй йæ сидт куы фæвæййы, уæд цырагътæ кæстæртæй, уырдыглæуджытæй исчи айсы æмæ сæ кæмдæр хæдзары къулыл бандадзы. Фынджы хистæр куы сысты дыккаг хатт, уæд сæрмагондæй фæрухс кæны зианæн, рахиз къухы агуывзæ, йæ галиу къухы та дыууæ цырагъы, афтæмæй. Цалынмæ рухс нæ фæзæгъынц, уæдмæ уырдыглæуджытæ цыхт райуарынц карстæй фынгыл. Фынгыл ын цыдæриддæр æсцæттæ кодтой, уыдон ын ныххæлар кæны æмæ йын рухсаг у фæзæгъынц (кæмдæрты ма æмбæлы ахæм гъдау æмæ дыккаг агуывзæйæ кæд йæ цардымбал, йе та йæ мадызæнæг йæ разæй бацыд мæрдтыбæстæм, уæд уыйы ном дæр ссары.). Уыцы иу рæстæджы ма йын фæзæгъынц рухс фынгыл цы нуæзтытæ ис, æппæт уыдонæй: фыццаг уал арахъхъæй, стæй та сæнæй æмæ донæй дæр. Рухс кæнгæйæ, фæкæнынц иууылдæр лæугæ, фынджы уæлхъус бадджытæ, фæлæ сæ агуывзæтæ бадгæйæ аназынц. Кувæджы къухы цы цырагътæ вæййы, уыдон та фынгыл

кæрдзыны уæлæ æрсадзынц. Уый фæстæ ма сæрмагонд рухс зæгъынц йæ мад æмæ йæ фыдæн, афтæ ма йæ цардæмбалы мад æмæ фыдæн, уæдмæ фынгыл райуарынц тæпæн хъæдур дæр. Стæй та рухс кæнынц кæд йæ мадызæнæгтæй йæ разæй ис, уæд уыдонæн дæр. Сæрмагондæй ма йын йæ ном æссарынц фыдызгъæл фынгыл куы райуарынц, уæд, уымæй дæр рухсаг. Цыппæрæм рухс фæкæнынц хæдзарвæндаг æмæ мыггагæй уым чи ис, уыдонæн, фæндзæм рухс хъæубæстæй, сыхбæстæй уыцы бæсты чи ис уыдонæн. Æхсæзæм рухс Ирыстоны сæрвæлтау йæ цард чи радта, уыдонæн, æвдæм рухс Беслæны трагедийы бабынуæвæг сывæллæттæн, æстæм рухс Стыр Фыдыбæстæйон хæсты чи фæмард, фарастæм рухс æрцæуæг адæмæй æмæ лæггадгæнджытæй зианджын чи ис, уыдонæн. Фынды бадты æмбисмæ æввахс райуарынц фыдызгъæлæй конд хæринаг бас дæр. Рухс кæнынц сидтытæ куы фæвæййынц, уæд та ракувынц йæ фæстæ кæй ныууагъта, уыдоны цæрæнбонæн, йæ цардæмбал æмæ кæстæртæн, дыккаг цæрæнбон йæ мадызæнæгтæн, уæдмæ зианы фæстæ уæлмæрдмæ чи ацыд, уыдон куы рыздæхынц, уæд æрбадынц фынды кæрон. Зианы æвахс хиуæттæ, цардæмбал, мадызæнæг æмæ йæ кæстæртæ сылгоймæгтæ сылгоймæгты фынгмæ, нæлгоймæгтæ та нæлгоймæгты фынгмæ рацæуынц æмæ зианмæ æрцæуæг адæмæн бузныг фæзæгъынц, стæй сын арфæйы нуазæнтæ бадарынц. Фынды бадджытæ лæугæйæ ракувынц бинонтæн, йæ фæстæ кæй ныууагъта, зæгъгæ, уæ хæдзары нырæй фæстæмæ хорздзинæдтæ цæуæнт æмæ уæ рухс кæнынц сæр макуы уал бахъæуæнт сæдæ азтæй раздæр. Уый фæстæ ма сæрмагондæй ракувынц æрцæуæг адæмы цæрæнбон, стæй та хицæнæй лæггадгæнджыты цæрæнбонæн æмæ хъæубæстæ сыхбæстæйы цæрæнбон. Уæдмæ фынгыл райуарынц луаситæ æмæ йæ фæдыл та бырынды (плов). Уымæй дæр ма йын иу хатт рухс фæзæгъынц. Фæстаг куывд та зианы вæййы зианы бафæдзæхсын мæрдты Мыкалгабырæн. Ацы ракуывды кæм лæугæйæ баназынц, кæм та ма агуывзæ фæкъул кæнынц æмæ йæ бадгæйæ аназынц. Мæрдты Мыкалгабыры нысаниуæг та у уæлæуыл бæркад куыд ис, афтæ мæрдты бæстæн дæр бæркад ис æмæ Мæрдты Мыкалгабыр та мæрдтыбæсты бæркæдтæ дæттæг у.

Зианы гъдæуттæ иумийагæй нæ фыдæлтæм рагон фæзындтæ сты æмæ уидæггтæй æххæссынц суанг скифаг дугтæм. Уый у баст, рагон уырнынадимæ. Фæлæ æмткæй сисгæйæ, йемæ баст хæрдзтæ

рагæй фæстæмæ дæр адæмы кодтой мæгуырдынадмæ, гæвзык-кмæ. Фæстаг къæбæр дæр чи амал кодта, уый æнæмæнгдæр марды кæндтæ хъуамæ кодтаит, зæгъгæ мæрдтыбæсты æгадыл цæуы нымæд, йæ ном кæмæн не ссарынц æмæ хæлар кæмæн нæ ныккæнынц, уыцы ног зиан. Адæмон уырнынады абон дæр фидарæй лæууынц æмæ сæ ницы амалæй нæ рох кæнынц. Стæй дæр кæрæдзимæ гæсгæ, зæгъгæ, мыл мачи бахуда, мæ зианæн, зæгъгæ, æмбæлон лæггад нæ бакодтон, уый адæргæйæ, зианджынтæ сæхиуыл нæ ауæрдынц. 20-æм æнусты фæудæй, уæлдай фылдæр фыдбылызтæ æмæ зианттæ æрцыд Ирыстоныл. Уымæгæсгæ ма сæм бафтыд уæлдай рухскæнинагтæ афтæ ма æндæрты аххосагæн нæ зианы фынгтæ, царциаты диссагау фæфыддæр æсты. Кæд ивгъуыд дугты хæлц æмæ нуæзт амал кæнын бирæ зындæр уыд, уæд ныры дуджы та базарты æмæ магазинты алцы дæр хæрх. Æфсис ницæмæй уал ис æмæ уый хорзыл дзурæг нæу. Зианы гъдауы фынгтæ, Ирыстоны цæгат хайы цасдæрбæрцæй хуымæтæгдæр сты, фæлæ хуссар хайы тынг катыйаг сты. Зианы фынгыл ма зард нæ вæййы, уый йедтæмæ бæрæгбоны фынгæй зынравзарæн вæййынц, æттæрдыгæй бакæсгæйæ. Ацы куысты мæн равдисын фæндыд сæйраджы дæр, нæ абоны фынгы гъдæутты уавæр æмæ сæ цасдæрбæрцæй æвдисгæ дæр ракодтон. Фæлæ дарддæр цы? Кæмдæрты рæсугъд æмæ аивдынадыл дзурæг сты, фыдæлты фарн дзы фæзын фæзын кæны æмæ уый æхсызгондынад хæссы адæймаджы зæрдæйæн. Фæлæ уæлдæр куыд федтам, афтæмæй, ис стыр националон трагикон проблемæ, кæцы баст у нуæзтимæ, кæны æвзæрдзынадмæ. Уымæ гæсгæ, нæ адæмы скъуыддзаг кæнинаг фарстатæй фыццагдæр хъуамæ ацы фарста æривæрæм, уымæн æмæ йемæ хъæуы тох кæнын карзæй æмæ æппæтамæлттæй дæр. Æмæ нын кæд бантыса, уæд фыдæлты фæрджын фынгау нæ фынгтæ дæр æгъдау æмæ хъомылад æвдисæныл дзурæг скъолатæ суыдзысты нæ фыдæлтау — кæстæр фæлтæрæн. Уыцы хъуыддагæн та нын æххуысгæнæг уæнт Стыр кадджын Хуыцау æмæ йе скæнгæ зæдтæ-дауджытæ.

1. Дзуцев Х.В., Смирнов Я.С. Жизнь осетинской семьи. Владикавказ. 1993.
2. Саулохты Джиуаеры фырт Беслаен. информатор Згъуыбыры хъауккаг Цхинвал, 2012.
3. Айларты И. Ирон фарн. Дзæуджыхъæу. «Ир», 2012.
4. Джыккайты Ш. Фынг æртæкъахыг. Мах дуг. № 10. 2004.
5. Хъайттаты С. Ирон хабæрттæ. Дзæуджыхъæу «Ир», 1992
6. Джуссойты Н. Осетинское застолье и скифо-нартовское общество// EURASIA SCYTHICA. 2006. № 1.
7. Цгъойты Х. Ирон царды гъдæуттæ. Кусæрттаг æргæвдæг. Газет «Рæстдзинад». 01.08.2015. № 137 (23931).
8. Пчелина Е. Уазæгисыны гъдау Ирыстоны «Фидиуæг», № 2. 1998 аз.
9. Зассеты Б. Легенда о Джиуæргуыба. Газ. «ТВ». № 46 (565). 16.11.2003.
10. Содтиты Бысийы фырт Ислан информатор Къусджыты хъауккаг. Мичурины хъæу 2016 аз.
11. Мæргъиты И. 2011-2016 азы быдырон æрмæджытæй.
12. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перевалю в 1837 и 1838 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
13. Наниты Чичикъо. информатор 84 аздыд. Начърепа, 2011.
14. Ирон адæаемы этнографи æмæ Мифологи Дзæуджыхъæу. 1994.
15. Хацырты М. Бæстæзонæг, информатор Гореты хъæу. Хуымгæнæны мæй 2016 аз.

А. Б. БРИТАЕВА,
кфн, СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ЧЕДЖЕМТЫ ГЕОРЫ АИВАДОН ДУНЕ

Статья посвящена творчеству известного осетинского поэта, писателя Геора Чеджемова, который внес неоценимый вклад в развитие осетинской детской литературы. Художественный мир автора рассматривается в различных аспектах: система образов, стилистические особенности, авторская позиция.

Ключевые слова: осетинская детская литература, литературная сказка, фольклорная традиция, система образов, художественный мир.

The article is on the work of the famous Ossetian poet and writer Geor Chedzhemov, who made an invaluable contribution to the development of Ossetian children's literature. The author's artistic world is considered in various aspects: images system, stylistic features, and author's position.

Keywords: Ossetic children's literature, literary fairy tale, folklore tradition, images system, artistic world.

Чеджемты Георы сфæлдыстад ирон сывæллæтты литературæйы хæссы йæхи гакк. Йæ уацмыстæ йын иу хатт чи бакæса, уый сæ нал фæхæццæ кæндзæн æндæр фыссæджы æрмдзæфимæ. Геор фылдæр йе 'ргом здахы кæтæр кары сабитæм. Ацы хъуыддаг уый нæ амонь, æмæ йæ уацмыстæ хистæртæн цымыдисаг не сты. Йе 'мдзæвгæтæ, йæ радзырдтæ, йæ аргъæуттæ стыр æхсызгондзинад хæссынц канд рæзгæ фæлтæрæн нæ, фæлæ-ма суанг ас адæймагæн дæр. Уæрæх у Георы уацмысты тематикæ. Йæ уацмыстæ йын адихгæнæн ис бæлвырд цалдæр тематикон къордыл: сабиты цард, сæ миниуджтæ («Богал», «Куыстуарзаг», «Тæргайгопп», «Тæхудиаг» æмæ а.д.), æрдзы нывтæ («Сæрдыгон къæвда», «Уалдзæг», «Зымæджы фæстаг бонтæ», «Фæззæг», «Хъæууон изæр» æмæ æнд.), цæрæгойты æмæ мæръты цард («Сауцыуы маст», «Дзывыллар», «Гæлæбу», «Сыкъафындз», «Сæныччы фыццаг балц хъæдмæ», «Цæф дзывылдары зарæг» æ а.д.)

Чеджемты Георы сфæлдыстады фæды йæ рæстæджы Бесаты Тазе афтæ загъта: «Геор хорз зоны сывæллæтты психологи, зоны сын се 'взаджы фæзилæнтæ, хуымæтæг, æнцон æмбарæн, цыргъ æмæ аив, æнæуæлдай ныхас, хорз сæ райдайы æмæ сæ афойнадыл балхын-цъ кæны» [1, 85]. Поэтæн йæ рæнхъ у æлвæст, ныхасы нывæзт — хъæздыг, аивадон фæрæзтæй — æххæст. Уымæ чиныгкæсæгмæ ахæм æнкъарæн сæвзæры, цыма ахæм «хуымæтæг» æмдзæвгæтæ йæхæдæг дæр ныффыстаид:

*Цуангæнджытæ, цуанæттæ,
Акæнут мæ тар хъæдтæм.
Æз уæ разæй уайдзынæн, —
Фæстейы нæ зайдзынæн!..
Тæрхусты нæ мардзыстæм,
Саг-сæгуыттæн бардзыстæм,
Бирæгъты ыссардзыстæм,
Топпытæ сæм дардзыстæм [2, 27].*

кæнæ:

*Зæлдаг къоппа,
Хъырмыз боцъо,
Пыхцыл къæдзил,
Кæронæг.
Æндæрæбон
Кæмæ уадтæ
Дæлæсыхмæ,
Кæй хонæг? [3, 14]*

Æнæмæнг, уый у авторы егъау æнтыст. Георы æмзæвгæтæ рæзгæ фæлтæры зæрдæтæ æлхæнынц се'рдзон уагæй, сæ æнцонæмбарæн, хуымæтæг æвзагæй:

*Уарын, уарын,
Цæй, ныллæуу!
Науæд хъазын
Мах бон нæу [3, 13] æмæ а.д.*

Георы поэतिकон лексикайы бындур у адæмон æвзаг. Æр-кæсæм-ма йын йе 'мзæвгæты дзырднатмæ: кærкконæг, хъæдхой-æг, кærкæ-мæркæ, тæргайгопп; гæккытæ, гуыппа, дзибатæ, гудзи (сывæллæтты лексика). Фыссæг арæх пайда кæны дывæргонд дзырдтæй: расмуд-басмуд, расур-басур, дзыкъы-мыкъы, раппар-баппар, хъулон-мулон, цъынды-мынды. Кæй зæгъын æй хъæуы, уыдон иууылдæр дзурæг сты фыссæджы æвзаджы адæмон-дзинадыл.

Сæ формæ æмæ мидисæй — тыхджын, динамикæйæ — æххæст, — ахæм сты Георы æмдзæвгæтæ. Сæ ритмикæ у рог, хорз фидауы сæ мидисимæ, сабитæм сиды змæлынмæ, ахуыр сæ кæны тагъд æмæ раст дзурыныл:

*Нана хъуылæг
Цагъта
Дада хуымзæхх
Къахта,
Таму сугтæ
Саста,
Фари гуымбыл
Ахста. [3, 3]
кæнæ:
Расыг лæгау —
Рахау-бахау,
Тыппыр гуцъа
Раппар-баппар. [3, 12]*

Ацы æмдзæвгæйы ритм ахæм у, æмæ цæстытыл ауайы бабыз узгæ-узгæ куыд фæцæуы, уый. Афтамæй поэты къухы бафтыд канд мидисы руаджы нæ, фæлæ-ма ритмы фæрцы дæр сабийы раз ирд, цæстуынгæ ныв æрæвæрын. Ахæм рауад поэтæн йе 'ннæ 'мзæвгæ, «Бындз», зæгъгæ, уый дæр:

*Уазал рудзынгыл
Фæхилы бындз,
Раззаг къæхтæй
Асæрфы йæ фындз.
Æз-з-з куыд кæнон?
Æз-з-з цы кæнон?
Дз-дз-дзабыртæн
Амал цы скæнон? [2, 17]*

Æмзæвгæйы мыртæ «з» æмæ «дз» арæх кæй æмбæлынц, уымæй-ма сæ поэт æртывæрæй кæй пайда кæны, уый фæрцы чиныг-кæсæджы цæстытыл æнцонай ауайы, куыд уазал у бындзæн, куыд баргъæвст рудзынгыл, уый.

Чеджемты Геор арф ныккастис сабиты миддунемæ, у дæсны психолог, хорз арæхсы сывæллæты чысыл зæрдæтæм дырыс дæггæлтæ ссарынмæ. Йе 'мзæвгæтæ кæстæр кары сабитæн фыст кæй сты, уымæ гæсгæ агургæ æмæ æнæссаргæ æрмæг сты сывæллæтты рæвдауæндæтты хъомылгæнджытæ æмæ кæстæр кълæсты ахуыргæнджытæн. Ис сæ сывæллæттæн характерон, арф æмæ æнæлаз æнкъарæнтæ, хъæздыгдæр сын кæнынц се 'взаг, сæ миддуне, ис сын

егъау этикон æмæ эстетикон нысаниуæг. Зæгъæм, кæстæр кары сывæллæтты хъомылады хъуыддажы стыр ахадындзинад ис ахæм æмзæвгæтæн: «Цæф зывылдары зарæг», «Сырх дидинæг», «Куыстуарзаг», «Гæдыйы лæппын æмæ хæрзæмбæлæг», «Гыццыл цуанон» æмæ иннæтæн. Уыдон рæзгæ фæлтæры ахуыр кæнынц фæллоу уарзыныл, хистæрæн аргъ кæныныл, нæ алфамблай дуне, æрдз хъахъæныныл.

Геор иттæг хорз арæхсы æрдзы нывтæ, æрдзы гармони равдисынмæ дæр:

*Уæлæ рагъæй
Хъæумæ ракаст,
Хъæумæ ракаст
Бур куырæтджын,
Бур раздарæн —
Й' астæуыл.
Раздарæнгæй
Хурмæ хуыдныц
Бур кæрдотæ,
Бур фæткъуытæ,
Карст уыгæрдæн,
Бур мæкъул [2, 7]
Кæнæ: Хъал зымæг æд урс кæрц
Уæлæ разынд тигътæй.
Зилгæдымгæ сыстад,
Арвыл хъазы мигътæй.
<...>
Фехъуыстон, кæны, дам,
Галæгон цъындатæ
Æмæ мигъ-къуымбилæй
Самадта цъынатæ [3, 25].*

Фæззæг æмæ Зымæджы удгоймагон миниуджытæй схайджын кæнгæйæ, автор сарæзта ирд, хуызджын фæлгонцтæ: фæззæг æмæ зымæг сабиты цæстытыл ауайдзысты сæ рæвдауæг, рæдау, хæларзæрдæ нанатæ æмæ дадаты хуызы. Зын бамбарæн у æрмæст дымгæйы бардуаг Галæгоны фæлгонц — ам автор ахызт традицийы сæрты. Георы æмдзæвгæйы Галæгон чингкæсæджы цæстытыл ауайдзæн зæронд нанайау, цъындагæнгæйæ, ирон адæмон сфæлдыстады та Галæгон кæддæриддæр æмбæлы нæлгоймаджы хуызы.

Георы æмзæвгæтæ кæсгæйæ рахатæн ис ахæм миниуæг: арæх нæ пайда кæны миногонтæй, эпитеттæ йæм стæм хатт æмбæлынц.

Фылдæр йе 'ргом здахы мивдисджытæм. Уымæ гæсгæ йе 'мзæвгæтæ сты динамикон, цард сæ тæлфы.

Фæлæ хатт афтæ дæр рауайы, æмæ æмдзæвгæйы бирæ вæййы архайд æвдисæг мивдисджытæ, фæлæ дзы динамикæйæн йæ кой дæр нæ вæййы. Зæгъæм:

*Хур æрныгуылди, фæлæ-ма
Судзынц рæгътæ.
Хизæнуатæй згъорынц-уайынц
Фыстæ, сæгътæ.
Фосы фæстæ бурхъус куыйтæ —
Сыллынк-сыллынк.
Фыййауы хъæбысы уасы-кæуы
Ногзад сæныкк. [3, 27]*

Ацы æмдзæвгæйы ныхас цæуы царды тыгъдыл, йæ эпикон-æнæтындрæгæ уагыл.

Чеджемы-фырты поэтикон уацмыстæн хуымæтæг æвзаг кæй ис, æнцонæмбарæн уæвгæйæ, сæ аив фæлгонцтæ æмæ нывæфтыд ахорæнтæй сабиты зæрдæтæм раст фæндæгтæ кæй ссарынц, уый фæрцы сæ тагъд бахъуыды кæныныц чысыл чыныгкæсджытæ. Йæ уацмыстæ æнгом баст сты сывæллæтты зондахастимæ æмæ стыр ахъаз сты рæзгæ фæлтæры æвзаджы, хъуыдыкæнынады рæзтæн.

* * *

Геор иухуызон хорз арæхсы куыд поэтикон, афтæ прозаикон уацмыстæ фыссынмæ дæр. Йæ бирæ аргъæуттæ æмæ радзырдтæй барухс кодта йæ кæстæрты зæрдæтæ, ссис сын уарзон æмæ хион.

Чи сты йæ прозаикон уацмысты хъайтартæ та? Сырддонцъиу Чичи æмæ фыссæг йæхæдæг, зæронд лæг Бечи æмæ зæрватыччытæ, Нартхоры Гага Урсдæндаг, зондджын Уызын æмæ хиппæлой Тæрхъус, фæлмæнзæрдæ Хæфс æмæ Тулдз тала, хъулон-мулон Уæртджынхæфс æмæ Рох Къахвæндаг, стæй-ма, кæй зæгъын æй хъæуы, сабитæ сæхæдæг. Поэт æмрæнхъ равæрдта зайæгойты, цæрагойты, сабиты, суанг-ма къахвæндаджы дæр. Георы радзырдтæ æмæ аргъæуттæ бакæсгæйæ, сывæллæттæ базондзысты бирæ диссаджы хабæрттæ: час цæрынц уæртджынхæфс æмæ пыл; мыст рихитæ кæй рауагъта, уый гæдыйæн цæмæн фæхъыг; зæронд уызын тæрхъусы лæппын Хъилхъусыл хинæй куыд рацыд, суанг — цы у амонд, æмæ йæ чи куыд æмбары; хорз сыхагæн аргъ кæй нæй, ныййарджытæм

куы нæ хъусай, уæд адæймаг фæсмонгонд кæй вæййы...

Георы сфæлдыстады сæрмагонд бынат ахсынц «æрдззонæн аргъæуттæ» схонæн кæмæн ис, уыдон. Авторы къухы бафты сабитæн равдисын, нæ алфамблай дене алы диссæгтæй дзаг кæй у, æрмæстдæр сæ фиппайын кæй хъæуы. «Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека хоть немного зоркости», — фыста К.Г. Паустовский [4, 492].

Æнтыстджынаей æххæст кæны уыцы фæдзæхст Чеджемы-фырт. Уый ахуыр кæны рæзгæ фæлтæры чысыл цаутæм дæр хъус дарын, цыррдзаст уæвыныл. Уымæ, сабиты цæрæгойтимæ, зайæгойтимæ зонгæ кæнгæйæ, авторæй нæ рох кæны, сывæллæтты фыссæгыл-ма хъомылгæнæджы хæстæ æвæрд дæр кæй ис. Афтæ, аргъау «Уæртджынхæфс æмæ йæ сыхæгтæ» [5, 14] бакæсгæйæ, саби бамбардзæн, сыхæгтимæ хорз цæрын кæй хъæуы, æнæмæнг сын салам дæттын кæй хъæуы, уый.

Фондзыссæдз азы бæрц фæцард змисджын быдыры чысыл Уæртджынхæфс. Йæ зæрдæ никуы ницæмæй барухс ис. Йæ алыварс цы бирæ алыхуызон цæрæгойтæ цард, уыдон æм дзыхæй нæ дзырдтой. «Ничи дзы æппæлæн ныхас зæгъы. Ничи йæм хæлæг бакæны. Суанг-ма йæм фыдуынд Теуа дæр æнæрвæссон хуызæй æркæсы» [5, 14]. Ууыл æнкъард кæны Уæртджынхæфс, ууыл разилы йæ цæстытæ доны æмæ йæ сæр йæ уарты бын амбæхсы. Афтæ, æрхæндæгæй æрвыста йæ бонтæ, цалынмæ йæм æрттиваг хъæндил нæ фæкомкоммæ ис, уæдмæ. Уый йын бацамыдта, уæдæ-ма бафæлвар нырæй фæстæмæ, æмæ дæ сыхæгтæй кæуыл æмбæлай, уыдонæн дзур: «Уæ бон хорз, мæ дзæбæх сыхæгтæ». Æмæ мæнæ диссаг! Бацин ыл кодтой иууылдæр. Уыдон та йæ нывæфтыд дур æнхæлдтой. Уæдæй фæстæмæ схæлар ис Уæртджынхæфс йæ сыхæгтимæ.

Ацы темæйыл фыст ис дзæвгар психологон иртасæн куысты, æнæхъæн трактаттæ. Зындгонд психологтæ амонинц, зæгъгæ, дæ алыварс дуне, адæмы аивын адæймаджы бон нæ бауыздæн, фæлæ хъæуы аивын дæхи ахаст дунемæ, адæммæ, æмæ уæд цард бынтон æндæр ахорæнтæй сæрттивдæн, цæрын фенцондæр уыздæн. Уыдон сты егъау куыстытæ, Георы къухы та бафтыд хæрз чысыл уацмысы сывæллæттæн æнцонæбарæн, фæлгонцджын æвзагæй ахæм вазыгджын æмæ ахсджиаг хъуддæгтæ бамбарын кæнын.

Дзесты Куыдзæджы сфæлдыстад иртасæг Мамиаты И. фыссы: «Куыдзæджы аргъауимæ базонгæйæ, саби æмных кæны, чиниджы цы бакаст æмæ йæ алыварс цы уыны, уыдæттæ æмæ хатдзæгтæ кæныныл фæцалх вæййы. Уый иу. Сæйраджы та йын аргъауы фæрцы раргомгæнæн ис, зондамонæнтæй куы не схъыг уа, ахæм хуызы иу цалдæр хуымæтæг æмæ бæрзонд æцæгдзинады» [6, 125]. Ацы ныхæстæ комкоммæ ахæссæн ис Чеджемы-фырты уацмыстæм дæр.

Вазыгджын проблемæ æрæвæрдта сабиты раз Геор йæ аргъау «Стыр амонд»-ы дæр [5, 19]. Цы у амонд? Лæппын тæрхъус фыццаг хатт баззад иунæгæй, æнæ йæ мад, æнæ йæ хотæ. Хъæддзау лæппу йæ къутæры бынæй систра, асæрфтытæ йæ кодта, стæй йæ къахвæндагыл æрæвæрдта æмæ, хистæрты фæзмгæйæ, загъта: «Амонд дæ хъахъхъæнæг», зæгъгæ. Нæ зоны лæппын тæрхъус уыцы арфæйы мидис æмæ, фæндагыл кæуыл æмбæлы, се 'ппæты дæр фæрсы, цы у амонд. Чи йын цы дзуапп дæтты, чи цы... Уызын амонд хоны бирæ зокъотæ, хъæддаг фæткъуытæ æмæ кæрдотæ, Æхсæрсæттæг — гуыркъотæ, æхсæртæ, Рувасмæ гæсгæ та амонд у кæрчытæ æмæ бабызтæ куы радзæгъæл вæййынц, уый. Арсмæ дæр ис йæхи хъуыды: «Амонд у... цыбырæй йæ куы зæгъæм, уæд... мæрайы мыдыбындыты гуыв-гуыв». Ницы сын бамбæрста тæрхъус. Æхсæвы йæ мады хъæбысы куы фæцæйфынæй кодта, уæд уый дæр бафарста, æмæ райста ахæм дзуапп:

«Амонд у... ды дзæбæхæй кæй баззадтæ абон æмæ мæнæ дæ мад стæй дæ фæлмæнзæрдæ хоты астæу кæй хуыссы... Мæргътæ æмæ сырдатæ иу хъæды хæларæй-уарзонæй куы фæцæрынц, уæд уый дæр амонд у, стыр амонд» [5, 20].

Ам зæрдыл æрбалæууынц зындгонд классикты ныхæстæ. Н. Г. Чернышевский фыста: «Детям очень многое можно объяснить очень легко, лишь бы только объясняющий сам понимал ясно предмет, о котором взялся говорить с детьми и умел говорить человеческим языком» [7, 625]. Фæстæдæр ацы хъуыдаджы фæдыл йæ хъуыдытæ загъта зындгонд уырыссаг педагог æмæ фыссæг А. С. Макаренко дæр: «Нет такой (даже самой сложной и глубокой!) проблемы, нет такого события, которые могли бы быть непонятны ребенку. Но вот найти ту особую форму повествования, которая сделала бы эти большие проблемы и события понятными маленькому (в смысле

возраста!) человеку, — задача нелегкая. Владение такой формой и есть талант детского писателя» [8, 97].

Уыцы курдиатай хайджын у Геор. Цал æмæ цал æмдзæвгæйы, радзырды, уацауы, романы фыст æрцыд, цæмæй ссардæуа дзу-апп ацы вазыгджын философон фарстæн: «Цы у амонд?» Георы бон баци сабитæм фæхæццæ кæнын, сырдатæ (уыдоны хуызы кæй зæгъын æй хъæуы, адæмы æвдисы) амонд алыхуызон кæй æмбарынц. Чи æрмæст йæхи гуыбыны кой кæны, йæхи гуылы бын æндзары, чи та бæллы æппæт адæмы хорздзинадмæ.

Георы иннæ аргъæуттæй-ма сабитæ базондзысты, куыд бирæ уарзы тулдз тала йæ райгуырæн бæстæ [5, 18], фæлмæнзæрдæ Рох Къахвæндаг куыд баххуыс кодта йæ хæлар Тæрхъусæн, фыдгæнæг йæхæдæг дæр фыд кæй ссары [5,13], хистæрæн аргъ кæны хъæуы уый куыд бамбарын кодта хиппæлой тæрхъусæн зæронд уызын [5, 14] æ.а.д.

Чеджемы-фырты сфæлдыстады сæ бынат ссардтой цыбыр аргъæуттæ-диалогтæ. Уыдоны нысан у, куыд гæнæн ис, афтæ фæхæстæгдæр кæнын цæрæгойты, мæргъты адæймаджы дунемæ. Абон сын саби сæ царды уавæртæ, сæ миниуджытæ дзæбæх куы базона, куы бамбара, сæ зындзинæдтæ сын хæстæг йæ зæрдæмæ куы айса, уæд райсом йæ бон бауыдзæн æрдз хъахъхъæныны хъуыддагмæ йе 'ххуыссы хай бахæссын. Хæрз цыбыр диалогты руаджы Геор ахуыр кæны рæзгæ фæлтæры райгуырæн бæстæ уарзыныл («Æнкъард Маймули»); уæрæхдæр сын кæны сæ зонындзинæдтæ: сабитæ базондзысты тæрхъус «тæрхъус» цæмæ хуыйны, хæргæфс та — «хæргæфс», уыг æдзух кæугæ цæмæн кæны, тæрхъус зымæгмæ йæ кæрц цæмæн ивы æмæ а.д. [10].

Сæрмагонд ныхасы аккаг у Георы аргъау «Зæрин-дзывылдар» [5, 3]. Аргъауы ис æртæ сæйраг хъуыдыйы: Райгуырæн бæстæ уарзын, хистæры ныхасмæ хъусын, хæлардзинадæн аргъ кæнын. Рæсугъд Зæрин-Дзывылдар йæхиуыл фервæссыд, нал хъуыста йæ мады коммæ дæр. Кæй зæгъын æй хъæуы, уымæй хорзæй ницы рауад. Хивæнд дзывылдар нæ атахт хъарм бæстæмæ дæр, схæлар Дыгоппонимæ æмæ хъазгæ-худгæйæ æрвыстой сæ бонтæ. Фæлæ мæнæ ралæууыд æрæгвæззæг. Бæргæ-ма æрфæсмон кодта Зæринæг йæ фыдуаг митыл. Йе 'мбал Дыгоппоны руаджы аирвæзт æмæ уалдзæджы сæмбæлд йæ мадимæ.

Аргъау фыст у аив, хъæздыг æвзагæй. Нывæфтыд, цыбыр хъуы-
дыйæдтæ музыкæйы зæлтау сæ фæдыл сайынц чиныгкæсæджы ар-
гъауы дунемæ. Уым саби базонгæ уыздæн алыхуызон мæргътимæ:
бурдæллагхъуыр, хурæнгæс Зæрин-Дзывылдар, уæздан Дыгоп-
понцъиу, колибр-цъиу, арвæрдынау рæсугъд мæлхъ; цин кæндзæн
Зæринæгимæ, маст кæндзæн Мадæл Дзывылдаримæ.

Уацмыс хъæздыг у хуызджын абарстытæ, метафорæтæй: «хурæн-
гæс Зæрин-Дзывылдар»; «Арыхъхъы рагъ фисткалд бур рувасау зы-
нын байдыдта дардмæ»; «стахтис бæлццон дзывылдæртты бал æмæ
бурдзалыгджын фæззыгон быдырты сæрты цъæх мигъау аленк код-
та хъарм бæстæм», «галдзармы йас гæрæм Цæргæс» æмæ а.д.

Уацмысы архайдимæ иумæ рæзы Зæринаеджы миддуне дæр.
Аргъауы райдиан мах базонгæ вæййæм хъал, æгоммæгæс, къул-
бадæг дзывылдары лæппынимæ. Куыд фæстагмæ, дзывылдар бам-
бары, цард æдзух бæрæгбон кæй нæу, мадæй зынаргъдæр кæй нæй
зæххыл...

Авторы къухы æнтыстджынæй бафты уыцы иумæ цалдæр хæсы
сæххæст кæнын: фыццаджыдæр, хъомыладон, дыккаджы — æх-
хуыс кæны сабиты эстетикон адæнкъарæнтæ райрæзынæн, стæй,
кæй зæгъын æй хъæуы, аргъауæн ис егъау базонадон нысаниуæг
дæр. Георы аивадон дуне хъæздыг у цымыдисаг зонадон æрмæгæй,
уымæ у аивадон æъдауæй дзæбæх фæлыст. Æрдзы цардæй хæрз
хуымæтæг цаутæ æвдисгæйæ, автор йæ чиныгкæсæджы æргом
здахы этикон, моралон фарстатæм.

---

1. Бесаты Т. Дыууæ дзæбæх чиныджы // Мах дуг. 1965. №2. Ф. 85-87.

2. Чеджемты Г. Зæххы зарæг: Æмдзæвгæтæ сывæллæттæн. Орджони-
кидзе: Ир, 1974.

3. Чеджемты Г. Дзывылдар-æнгуырдар: Æмдзæвгæтæ сывæллæттæн.
Орджоникдзе: Цæг. Ир. чинг. рауагъдад, 1964

4. Паустовский К. Золотая роза. В кн.: К. Паустовский. Северная повесть.
М.: Правда, 1989.

5. Чеджемты Г. Зæринæг: Аргъæуттæ. Орджоникдзе: Ир, 1978.

6. Мамияты И. Курдиат рæстæджы тыхæвзарæнты: Монографи.
Дзæуджыхъæу: Ир, 2007.

7. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т.3. М.: ГИХЛ, 1947.

8. Макаренко А. С. Избранные педагогические сочинения. М., 1949.

9. Чеджемты Г. Чичи æмæ Бечи:: Аргъæуттæ æмæ радзырдтæ. Орджоникидзе: Цæг. Ир. чинг. рауагъдад, 1966.
10. Чеджемты Г. Тæнæгбазыр-авдхуызон: Аргъæуттæ. Орджоникидзе: Ир, 1972.
11. Чеджемты Г. Чичи зарджытæ куыд фыста: Аргъау. Орджоникидзе: Ир, 1972.
12. Сладков Н. И. О чем пишут «природники»? // О литературе для детей. Вып. 26. Л.: Детская литература, 1983. С.23-27.

В. В. ЗУРАЕВА, кфн, доцент
А. В. ЗУРАЕВА, кфн, доцент
СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ «ЗЕМЛЯ» В ЛИНГВОЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена одной из проблем когнитивистики: лингвокультурологический аспект фразеологизмов с лексемой «земля», отражающих французскую и русскую этнокультуру.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеология, этнос, «земля»

The article is devoted to one of the problems of cognitive linguistics: lingvocultural aspect of phraseologisms with lexeme «Earth» reflecting french and Russian ethnoculture.

Keywords: cultural linguistics, phraseologism, ethnos, «Earth».

Человек всегда питал естественный интерес к себе и к тому миру, в котором он живет. Но нельзя мыслить о мире и языке, не зная основ ни мира культуры (общечеловеческой и конкретно этнической), ни системы языка, на котором говорит тот или иной народ. Культурные сущности и система языка, усваиваемые человеком с самого рождения, лежат в фундаменте понимания мира — прежде всего этнического и уже затем общечеловеческого. Вполне понятно, что в формировании этнического восприятия особая роль принадлежит фразеологическому пласту в лексическом фонде языка, поскольку именно фразеология фиксирует в себе глубинные черты народного менталитета. Поэтому в статье фразеология рассматривается как носитель оценочно-эмотивного отношения говорящего к действительности и того ассоциативно-образного комплекса, который нередко таит в себе следы прошлого. Сопоставление словарных статей «Земля/Terre» в лексикографической литературе французского и русского языков вскрывает универсальные совпадения количественных параметров (они составляют восемь интерпретационных позиций), проистекающее из адекватных толкований данного слова двумя народами, поскольку у них модель восприятия этого объекта

— единая в его перцептивных и ментальных рамках, включающих номинацию стихии, оформленной в виде (1) планеты, предназначенной для (2) проживания на ее (3) тверди людей, («Terre des hommes — земля людей»), которые пользуются этой твердью для обеспечения себе жизненных (4) благ и строят на этом (5) пространстве автономную (6) страну, обладающую необходимыми (7) угодьями как всеобщим достоянием всех ее (8) обитателей («La Terre entière = les habitants du globe terrestre» — вся земля=жители вселенной) [1, 224; 2, 1176].

Обращение к корпусу фразеологических единиц, регистрируемых двумя лингвокультурами, выявляет культурно-историческую составляющую, которая, устанавливая непосредственные или же опосредованные связи с лексикографическими толкованиями концепта «земля» (они только что перечислены), несет в себе информацию о множестве аспектов духовной, материальной и социальной жизни соответствующих цивилизаций. Совокупность фразеологизмов и паремий, формируемых на основе лексемы «земля», свидетельствует в пользу преимущественных совпадений этих последних по многим параметрам: **1) по форме и периферийному лексическому составу** (entre ciel et terre — между небом и землей; les trésors de la terre — сокровища земли; de dessous terre — из-под земли; traîner par terre — валяться на земле); **2) по образности, выступающей в двух вариантах: а) прямой** (valoir être à cent pieds sous terre — быть готовым провалиться сквозь землю; rentrer sous terre — как сквозь землю провалился; ramener sous terre — спуститься с небес на землю) и **б) ассоциативно-опосредованной**, где в русском аналоге французского речения слово «земля» отсутствует: **tomber plus bas que terre** — низко упасть; **battre qn à terre** — бить лежащего; **terre à terre** — заурядный; **conduire en terre** — вогнать в гроб; **remplir la terre de son nom** — прогреметь на весь мир; **sentir la terre** — быть на краю могилы; **ne pas toucher la terre** — ног под собой не чуют от радости; **laisser tomber à terre** — пропустить мимо ушей; **ne pas toucher à terre** — мчаться сломя голову. **3) по буквализмам** (в данной ситуации вполне оправданным) в переводе на этнические языки многих библейских речений: **terre bénite** — святая земля; **terre promise** — обетованная земля.

Сопряженность смыслового содержания фразеологизмов и паремий, бытующих в двух лингвокультурах с лексикографическими толкованиями, является вполне очевидной даже в тех речениях

(фразеологических и паремических), в которых единство двух этнических менталитетов замечается не столь очевидно, поскольку в них преобладает специфически народный колорит. Примеров таких преобразований можно привести целое множество: 1) **entre deux terres** — между небом и землей; **tomber à terre** — упасть на пол, наземь; **être par terre** — рухнуть; **jeter à terre** — **рухнуть**. На чужбине родная земля во сне снится; с родной земли умри — не сходи; кто наступит на землю русскую — оступится; землю обойдешь, а от клеветы не уйдешь; какова земля — таков и хлеб; край земли, конец моря, везде много горя; дальше земли не упадешь. Национально-специфические фразеологизмы и паремии, различающиеся по упомянутым параметрам и не совпадающие подчас даже по ключевому слову «**земля**», являются гораздо более привычными для языкового сознания носителей двух лингвокультур.

Сравнительный анализ выявляет как сходства, так и неизбежные различия в их общечеловеческом и чисто национальном осмыслении.

Приведенные примеры позволяют заключить, что каждый фразеологизм со словом «**земля**» весьма важен для сознания как русского человека, так и француза, являясь интересным и благодатным материалом для восприятия и осмысления этнической культуры.

Попытка описать лексему «**земля**» в ее лексическом и фразеологическом проявлении объясняется не столько целью представить ее (лексему) как определенную данность во всей полноте ее физических характеристик, сколько для того, чтобы на этом примере еще раз показать, каким образом отражается культурная специфика восприятия мира, соотносимая с общечеловеческой и этнической ментальностью. Позволим присоединиться к мнению В.Н. Телии, которая определяет фразеологический корпус языка как наиболее самобытный в культурном отношении. Именно фразеологические единицы способны отображать и передавать черты культуры, характерные для различных языковых сообществ в знаковой форме [3, 96-122].

Согласно мнению многих ученых, фразеологизмы призваны закреплять и передавать большой объем информации, в том числе и национально-культурной, отражающей опыт отдельно взятого народа. Вместе с тем, и каждая личность также является носителем определенной этнокультуры, хранителем ее исторического опыта. Национально-культурное наследие закрепляется, прежде всего, в виде

фразеологических единиц, поскольку слова, бесспорно, уступают в отношении объема передаваемой культурной информации фразеологизмам, так как именно эти последние концентрируют в себе духовный и обиходно-эмпирический опыт языкового коллектива в целом и отдельного индивида в частности. Этот факт становится одним из главных в приобретении фразеологизмами более сложных по объему и прагматической ориентации функций. *Во-первых*, это кумулятивная функция, согласно которой фразеологизмы являются средством фиксации и накопления общественно-значимого опыта. Они способны накапливать и передавать несоизмеримо больший объем информации, чем просто слова. *Во-вторых*, выделяется директивная функция, объясняющая причины накопления опыта и являющаяся средством регулирования социального поведения членов языкового коллектива. Говорящий пытается вызвать у реципиента определенную реакцию, он хочет стимулировать его действия, внести коррективы в его поведение. Особенно ярко эти функции проявляются в таких фразеологизмах, как: **entre deux terres** — тайными путями; **la terre à terre** — проза жизни; **purger la terre** — смести с лица земли, так и в многочисленных пословицах и поговорках: «**обещать и слово держать, как небо и земля в облаках** — *promettre et tenir sont deux*; *qui terre à guerre* — **кто с землей, тот с войной**; *tant vaut l'eau, tant vaut la terre* — **чем больше поливать, тем больше собирать**. Особое внимание следует обратить на неодинаковое участие лексемы «земля» в формировании смыслового содержания фразеологических и паремических единиц, воспринимаемых как информативные адекваты (об этом свидетельствует справочная литература), которые в действительности таковыми не являются [4, 1947; 5, 189]. Мы полагаем, что было бы более правдоподобным видеть в них всего лишь смысловые аналоги, сближающие в той или иной мере два мировидения, тогда как в соответствующей единице русской лингвокультуры слово «облако» становится носителем не ближайшего значения, а вторичного, переносного, сообщая нам о смутном, едва заметном выражении какого-нибудь состояния, настроения (грусти, печали и т.д.). Столь же заметно узнаваемым является для нас несовпадение в мыслительных процессах, присущих ментальности двух этносов и отпечатавшихся в языковых реалиях, в следующей паре (подчеркнем — условной) на этот раз паремии: обещать и слово держать, как небо и земля в облаках — «*promettre et tenir sont deux*». В русском речении строительным материалом выступают два слова: **земля** и **небо**,

покинувших языковое пространство его французского аналога, и вся нагрузка по обеспечению смыслового подобия двух речений падает на глаголы: причем, как в русской паремической единице, так и во французской их два (обещать, держать/promettre, tenir). Больше того, сопоставление некоторых паремий французского и русского языков дает прочное основание отвергнуть утверждаемую некоторыми словарями их смысловую идентичность. Уместно вспомнить также русские устойчивые словосочетания, имеющие коннотацию идеологической направленности: из земли выйти и в землю уйти; крылатый земледелец; край земли; не бог целину вспахал, а мы тракторами. Отталкиваясь от таких примеров, просто невозможно не заметить существенных различий в мировидении двух народов, налагающих свои императивы на соответствующие звенья языкового устройства.

Анализ фразеологических вхождений лексики «земля» во фразеологический корпус разносистемных языков позволяет установить его универсальные и отличительные характеристики не только в семантическом, но также и в национально-культурном плане. Так, В. фон Гумбольдт, как известно, писал: «Разные языки — это не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [6,312]. Это является основанием для применения когнитивно-культурологического подхода к изучению фразеологических единиц.

Таким образом, фразеологизмы — это своего рода та питательная среда, в которой выражается дух и своеобразие нации, ее специфика в культурной коннотации, являющейся связующим звеном между языком и культурой.

-
1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2007. 984 с.
  2. Bordas. Dictionnaire du francais vivant. Paris. 4 vol, 1972. 1329 p.
  3. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и культурологический аспекты. М.: Школа. «Языки русской культуры», 1995. 288 с.
  4. Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1985. 2172 p.
  5. Фразеологический словарь французского языка./Под ред. Рецкер. М., 1963. 1112 с.
  6. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры/Пер с нем. М., 1985. 440 с.

Х. Х. МАЛКОНДУЕВ, дфн ИГИ КБНЦ
Ф. Х. ГУЛИЕВА-ЗАНУКОЕВА, кфн ИГИ КБНЦ
(КБР г. Нальчик)

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА. ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА

В статье рассматривается проблема жанрового своеобразия карачаево-балкарских народных сказок, сбором и публикацией которых занималось не одно поколение исследователей. В работе, исходя из национального эмпирического материала, осуществляется внутржанровая классификация, отмечается, что большую часть текстов составляют бытовые и волшебные сказки. Проводится сравнительный анализ ряда мотивов карачаево-балкарской народной сказки и произведений кавказских, славянских и других народов.

Ключевые слова сказка, миф, жанр, мотив, сюжет, заимствованные элементы, национальное своеобразие.

In article the problem of a genre originality of karachay-balkarian national fairy-tales is considered, which have been collected and published by more than one generation of researchers. In work, proceeding from the national empirical material, intragenre classification is carried out, it is marked, that the most part of texts is made with household and magic fairy-tales. The comparative analysis of some motives of karachay-balkarian national fairy-tale and works of caucasian, slavic and other people is spent.

Keywords: fairy-tale, myth, genre, motive, plot, borrowed elements, national originality.

Карачаево-балкарская народная сказка до настоящего времени остается одним из слабоизученных разделов в кавказоведении и фольклористике.

Первые записи и публикации текстов карачаево-балкарской народной сказки относятся ко второй половине XIX в. Их авторами были представители русской интеллигенции того периода, хорошо относившиеся и высоко оценивавшие народную духовную словесность народов Кавказа.

Одним из таких деятелей русской культуры был Е.З. Баранов, который «печатал свои записи произведений карачаево-балкарского фольклора и на страницах такого авторитетного издания, как «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». В XXIII выпуске СМОМПК, например, он опубликовал девять балкарских сказок — «Всадник в шкуре жеребенка», «Трус», «Хитрый сын», «Жена охотника», «Коварная жена», «Женщина с серыми глазами», «Пасынок», «Чомарт и Момарт», «Лиса, медведь и волк» [1, 29].

Среди дореволюционных изданий карачаево-балкарского фольклора следует также особо подчеркнуть труды Н.П. Тульчинского. В 1903 г. под названием «Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области» в VI номере «Терского сборника» им была опубликована большая подборка фольклорных текстов различных жанров карачаево-балкарской устной словесности [2]. Эти материалы повторно были изданы в 1983 г. в книге «Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях» [3, 219-287], в том числе сказки «След льва», «Торжество добродетели и наказанное зло», «Преданность холопа и неблагодарность царевича», «Добродетельная жена», записанные Н.П. Тульчинским в различных ущельях Балкарии. Они представляют бесспорную ценность для научного исследования. Следует отметить, что, хотя это и переводы, они осуществлены на высоком профессиональном уровне.

В 1909 г. известный венгерский ориенталист Вильгельм Преле опубликовал девять карачаево-балкарских народных сказок («Жанакайит улу Жан», «Айтек улу Айтек», «Потерявшийся сын хана», «Танду», «Сон», «Девять сыновей одной женщины», «Глупая мать одного юноши», «Мужчина, который имел глупую жену», «Три дочери одного человека») на языке оригинала (карачаево-балкарском) и в переводе на русский язык [3, 288-419].

В советский период сбор и публикация произведений устного народного творчества карачаевцев и балкарцев, в том числе и сказочного эпоса, приобрели системный характер благодаря экспедиционной деятельности сотрудников КБНИИ и КЧИГИ. Собранные материалы позволили создать рукописный и фоноархивы на базе этих институтов, а следовательно, и базу для дальнейших научных изысканий.

Тем не менее, жанр сказки все еще остается одним из слабоизученных разделов карачаево-балкарского фольклора. Различные ее аспекты исследовались в прошлом А. И. Караевой [4, 16-21], А. З. Холаевым [5, 25-28] и Ф. А. Урусбиевой [6], внесшими определенный вклад в развитие национального сказковедения.

Впервые данную проблему затронула А. И. Караева в академическом издании «Очерк истории карачаевской литературы» (глава «Устное народное творчество») [4, 16-21]. Рассматривая на конкретном материале внутрижанровые особенности карачаево-балкарской народной сказки, она выделяет цикл о животных, тесно увязывая его с мотивами сказаний о нартском эпосе. Исследователь выявляет также волшебные, бытовые, сатирические сказки, в которых доминируют восточные мотивы о смешном, коварном, безбородом проходимце Кёсе и о мудром, находчивом Насреддине, а также произведения о духовенстве, в которых высмеиваются образ жизни и поведение мусульманских служителей, в частности, эфенди, нередко ведших аморальный образ жизни. (В этом плане интерес представляют гипотеза И. В. Мамиевой о трикстерском «прошлом» Кёса/Коса и выводимая ею типология образа на основе «сугубо отрицательной характеристики» Безбородого в карачаево-балкарской сказочной традиции и в сюжетных вариантах осетинской сказки «Коса сауджын» — «Безбородый поп» [4а, 257]).

Заслуживают внимания наблюдения А. И. Караевой о наличии сказочных мотивов в нартском эпосе на примере произведений «Ёрюзмек» и «Бычья лопатка». Данный тезис мы бы дополнили следующими соображениями: в обоих случаях, на наш взгляд, речь идет об идее миротворчества, которая лежит в основе создания наиболее ранних фольклорно-художественных модусов, в том числе, сказочного и богатырского эпосов.

В 1981 г. под грифом КБИИФЭ выходит фундаментальное исследование «Очерки истории балкарской литературы». В этом издании автором главы «Народное устно-поэтическое творчество» выступил известный фольклорист А. З. Холаев. Ученый, характеризуя особенности народных сказок, отмечает: «Сказочный эпос балкарцев представлен разнообразными жанровыми формами: сказки о животных, бытовые, волшебные-фантастические и авантюрно-новеллистические. Их хранителями и исполнителями были специальные

рассказчики (сказочники — Х. М.) — жомакъчыла» [5, 25].

В 2010 г. карачаево-балкарское сказковедение обогатилось монографическим исследованием доктора культурологических наук Ф. А. Урусбиевой [6], посвященным, как отмечает автор, жанровой типологии национальной сказки. Книга состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении обозначается видение автором проблемы жанра сказки в карачаево-балкарском фольклоре, особенность исследуемого материала и содержание глав, определяющих композицию книги.

При ознакомлении с монографией бросается в глаза нетрадиционный в фольклористике метод исследования.

Выделяя разделы сказки о животных, волшебные и бытовые сказки, автор дает весьма лаконичную, но емкую характеристику их сюжетно-повествовательным особенностям. Однако некоторые выводы автора нам кажутся дискуссионными. Так, размышляя о специфике сказки-аполога (в основе которой лежит басня нравоучительного характера), для подтверждения своих мыслей о времени и характере его появления в карачаево-балкарской устной художественной словесности Ф. А. Урусбиева большей частью ограничивается умозрительным теоретизированием, не приводя убедительных фактов.

В целом монографию Ф. А. Урусбиевой мы бы отметили как положительное явление в исследовании карачаево-балкарского сказочного эпоса, поскольку ученый поднимает ряд существенных проблем, ранее не рассматривавшихся в сказковедении.

В последние годы фольклористами Х. Х. Малкондуевым [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17], Б. А. Берберовым [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24], Ф. Х. Гулиевой (Занукоевой) [25; 26; 27; 28], Л. С. Гергоковой [29; 30; 31; 32; 33; 34] написан ряд статей по различным жанрам карачаево-балкарского сказковедения, которые заметно дополняют исследования по этой проблеме.

Согласно существующему национальному терминологическому обозначению, карачаево-балкарские сказки подразделяются на «эрттегили жомакъла» (старинные, видимо, волшебные), «нарт жомакъла» (сказки о нартах), «батырлыкъны юсюнден жомакъла» (героические сказки), «Насрахожаны жомакълары» (сказки о Насреддине), «сабий жомакъла» (детские сказки), «чам жомакъла» (са-

тирические сказка), «жаныуарланы юсюнден жомакъла» (сказки о животных) и т.д. Эти произведения богаты мотивами на тему культа, о древнейших представлениях, о природных явлениях, жизни общины, ханов, мудрецов, хитрецов, о семейно-бытовых проблемах, образе жизни семьи в ее эволюционном изменении, а также об удачливых бедняках, злой мачехе, ведьмах, несущих всегда зло.

В науке все это многообразие сказочного эпоса принято подразделять, в основном, на три группы — волшебные, бытовые и сказки о животных. Тем не менее, опираясь на опыт своих предшественников и основываясь на фольклорном материале, мы выделяем мифологические, волшебные и волшебнo-героические, собственно героические, сказки о животных и бытовые сказки.

Карачаево-балкарская народная сказка имеет традиционные ритмические клише: зачины, завязку, устойчивые инверсии, служащие вспомогательными композиционно-стилевыми позициями в передаче основного смысла текста.

Одним из древнейших жанров карачаево-балкарской устной прозы является мифологическая сказка, уходящая корнями в доклассовое общество.

На наш взгляд, в данной разновидности народной словесности наиболее древними являются повествования о природных явлениях, носящих весьма сложный, народно-философский характер. К группе сказок мифологического, этиологического содержания относятся сказки «Суу бла От» — «Вода и Огонь», «Кюн бла Ай» — «Солнце и Луна», «Ашхам жулдуз» — «Вечерняя звезда», в содержательных элементах которых кроется много интересного в подаче информации о древнем образе мышления народа.

Среди мифологических сказок большой популярностью в народе пользуется произведение «Айны бла Кюнню тутулуу» — «Затмение Луны и Солнца», строящееся на своеобразном сюжете и композиции.

В системе сказок данного жанра для исследования представляют интерес такие произведения, как «Тейри кылыч кылай болганды?» — «Как появилась радуга?», «Чолпан жулдузгъа «Анасын алтын тоннга сатхан жулдуз» деп нек айтхандыла?» — «Почему звезду Чолпан (Венеру) называли «Звездой, продавшей свою мать за золотую шубу?», «Тенгиз тузлу некди?» — «Почему море соленое?» и др.

В группу сказок мифологического характера можно включить и сказки о животных, посвященные объяснению их внешних особенностей, среди которых мы бы выделили такие тексты, как «Къояны эрини нек жырыкъ болгъанды?» — «Почему рассеклась губа у зайца?», «Къаргъа нек болгъанды къара?» — «Почему ворона стала черной?», «Макъа къуйрукъсуз нек болгъанды?» — «Почему лягушка осталась без хвоста?», «Пил узунбурун нек болгъанды?» — «Почему слон стал длинноносым?», «Маймул агъачда нек къалгъанды?» — «Почему обезьяна осталась жить в лесу?» и др., в содержание которых народ вложил свои, складывавшиеся веками, представления об окружающем его живом мире, особо выделяя мотивы о животных, с которыми он тесно соприкасался.

Волшебная сказка является одним из интереснейших, но до настоящего времени не раскрытых в должной мере разделов устной прозы.

В последние годы в карачаево-балкарской фольклористике наметился определенный прогресс в изучении волшебного сказочного эпоса, что подтверждается публикацией ряда статей по данной тематике [10; 12; 13; 17; 26]. Несмотря на это, в целом данная проблема остается недостаточно разработанной, не говоря о том, что до сих пор в карачаево-балкарской фольклористике отсутствует какое-либо исследование, посвященное сюжетному указателю по системе А. Аарне и С. Томпсона. Конечно же, «выделение международных типов сказок способствовало упорядочению имеющегося материала, выявлению сходства произведений разных народов, раскрытию особенностей национальных репертуаров и специфики отдельных сказок» [35, 203]. Думаем, что это упущение в науке будет наверстано учеными в будущем.

Национальной индивидуальной особенностью карачаево-балкарской волшебной сказки является наделение сверхъестественными качествами отдельных предметов, которые нередко помогают герою выбраться из тяжелой ситуации, побеждать своих врагов. Волшебными качествами могли обладать конь и меч героя, которые являлись его надежными друзьями и спутниками, предупреждали об опасности, грозящей в пути. Мотивы, связанные с мечом, нам представляются весьма архаичной традицией, берущей начало от древнетюркской и скифской мифологических культур. Как извест-

но, скифы, сарматы, гунны, авары, кидани и другие племена поклонялись мечу и обожествляли его.

В системе карачаево-балкарских волшебных сказок как искусстве слова и художественно-эстетического мышления народа представляют определенный интерес такие произведения, как «Жарыкбий», «Киши бла сарыуек» — «Мужчина и дракон», «Къозучукъ» — «Ягненок», «Эльяс бла золоуцу» — «Эльяс и путник», «Худуйчукъ» — «Худуйчик», «Тюз ётмеги тюзге жетеди» — «Праведный хлеб праведному достается», «Алтын чабакъны жомагъы» — «Сказка о золотой рыбе» и т.д., в мотивах, образной системе и сюжетно-повествовательных элементах которых наблюдается много типологических моментов.

Сказка «Мужчина и дракон» состоит из нескольких мотивов, среди которых доминирующими являются следующие элементы: мужчина никак не может ужиться с ворчливой, злой женой, которая доводит его до отчаяния; чтобы избавиться от жены, он обманывает ее и приводит к озеру в скальной пещере и сталкивает туда; однажды, вспомнив жену, муж отправляется в то место, чтобы посмотреть на нее, и видит в озере огромного дракона, который просит помощи, чтобы покинуть эту местность и выйти на сушу, ибо в его водах откуда-то появилась женщина, от которой ему нет жизни и покоя; человек оказывает помощь рептилии, и между ними зарождается дружба; оказавшись на свободе, дракон предлагает перекрыть реку, чтобы люди платили ему дань за воду; человек соглашается с условиями рептилии; это повторяется три раза; в четвертый раз, благодаря своему уму и находчивости, мужику удается обхитрить дракона.

Нечто подобное мы наблюдаем и в мотивах русских народных сказок: «Крестьянин сталкивает свою злую жену в яму, в которой живут черти. Через некоторое время он хочет достать ее и спускает туда веревку. Вытянул веревку, а за нее уцепился чертенок: «Вынь меня, мужик! Твоя жена всех нас замучила, загоняла. Что ни прикажешь, все буду делать!» Когда черт отказывается что-либо делать, мужик пугает его тем, что вернет в яму («Злая жена»)» [36, 175].

Вся нравственно-философская основа текста строится на раскрытии образа злой женщины, от которой нет покоя не только человеку, но и всеильной рептилии, которую она доводит до смерти.

Язык произведения типично фольклорный, народный, существенная композиционная роль в нем отводится монологу и диалогу. В лексике человека и дракона замечаются незначительные различия, хотя язык рептилии более лиричен.

До настоящего времени в народе употребляется формула «*Сары-уекни тешигинден къачарча этген, аны жүрегин ачитхан тиширыу не да этерикди!*» — «Заставившая дракона бежать из своего логова, его сердце ранившая женщина способна на все!»

Данный мотив, с незначительными изменениями бытует и в адыгской сказочной среде [37, 797]. Мы уверены, что он также широко распространен и в международном сказочном указателе.

«Сказка о золотой рыбе» типологически и по содержанию напоминает ряд произведений народной прозы германских, славянских и кавказских народов, которые соприкасались с морями, вели рыбачий образ жизни и воспевали это существо как священное. Хотя мотив в ней чисто восточный и действия происходят в одной из неизвестных морских держав, устами сказочника вполне убедительно повествуется, что в далеком прошлом тюркоязычные и арийские предки карачаево-балкарского народа соприкасались с морскими царствами Востока и Запада. Скорее всего, мотив этой сказки идет из древней индийской культуры, где сюжетные элементы о Золотой рыбке были весьма развиты [38]. В кратком по объему тексте наблюдаются яркие образы и богатые по содержанию выразительные средства.

Сюжетную основу сказки «Птица с золотыми перьями» формирует конфликт между пожилыми супругами, где выводится образ алчной, деспотичной старухи и скромного, трудолюбивого старика Бийбо, из которого вытекают десятки мотивов, создающих повествовательный фон всего произведения.

Данная сказка уникальна по своим сюжетно-повествовательным и национальным особенностям. Тем не менее, сказочники восточного культурного мира (индусы, персы, арабы) издревле создавали образ злой демонической старухи и доброго послушного старца.

Как известно, данный мотив послужил сюжетной основой и при создании поэмы А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке».

Если в сказке Пушкина по велению золотой рыбки в хижине бедных рыбаков появляются роскошные дворцы и прислуга, то

в карачаево-балкарской сказке птица с золотым оперением творит чудеса через художественно-предметный мир (столик, ярочка, дубинка-самобойка). В обоих случаях вырисовывается образ добрых стариков и алчных, ненасытных старушек, страдающих по велению золотых рыбки и птицы — владык моря и орнитологического мира. Нет сомнения, что эпитет «золотой» в данном случае является привнесённым в русскую литературу из восточной словесности, т.к. он не был характерным в качестве изобразительно-эстетической формулы для славянской художественной культуры.

Героическая сказка как жанр народной прозы в карачаево-балкарской фольклористике, к сожалению, до настоящего времени не рассматривался, хотя и следует отдать должное нашим предшественникам, внесшим определённый вклад в анализ сказки как народной словесной культуры.

В кавказоведении до настоящего времени отсутствует специальная работа по данной проблеме, если не учитывать монографию молодого фольклориста М.Ф. Бухурова «Адыгская богатырская сказка» [39], которую мы бы охарактеризовали как положительное явление в изучении народной словесной прозы адыгов.

Чрезвычайно интересны в сюжетно-повествовательном плане и народные сказки «Таурух» — «Легенда», «Тазрет», «Сын Каракундета Кундет», «История Ахшы-улана», «Сын Ногай-Неф» и др.

Острым остаётся до настоящего времени вопрос в фольклористике, является ли героическая сказка самостоятельным жанром в системе устной сказительской традиции. На наш взгляд, в будущем следует продолжить исследование данной проблемы.

Карачаево-балкарские сказки о животных имеют архаическую, традиционную присказку, тайный магический язык, что объясняется анимистическим миропредставлением и желанием предостеречь слушателя «от порчи». В частности, во вступлении (присказке) ряда сказок о животных опорными словами являются «навоз», «собака», «змея», «лягушка» и «ворон», символизирующие тайную магическую силу, которая должна оберегать слушателей от злой, нечистой силы.

Замечательными произведениями народного искусства слова и эстетического мышления этноса являются такие произведения ска-

зочного эпоса, как «Козленок», «Старик и медведь», «Овца и коза», «Медвежонок», «Замечательный жеребенок», «Вошь и блоха», «Бычок», «Почему собаки дерутся за кость?», «Вол и собака» и т.д.

Изучение материала показало, что для названий карачаево-балкарских сказок и художественно-предметного мира весьма характерно присутствие эпитета «къара» — «черный», который является многозначным и зависит от контекста. На конкретном примере они звучат следующим образом: «Къара къуш» — «Черный орел», «Къара къаргъа» — «Черный ворон», «Къара тюлкю» — «Черная лиса», «Къара жоргъа» — «Черный иноходец», «Къара ат» — «Черная лошадь», «Къара жилин» — «Черная змея», «Къара сыра» — «Черное пиво», «Къара бауур» — «Черная печень», «Къара кече» — «Черная ночь», «Къара от» — «Черное пламя».

Повествования о животных, которые по своим архаическим особенностям весьма близки к текстам волшебных сказок, представляют также большой интерес для исследования. Излюбленными среди них являются такие произведения, как «Къаргъа бла балалары» — «Ворона и ее птенцы», «Къозучукъ» — «Ягненок», «Тели Зондар бла амалчы тюлкю» — «Наивный Зондар и изворотливая лиса», «Къой бла эчки» — «Овца и коза», «Экисинден да улакъ эсли» — «Козленок умнее их двоих», «Тюлкю хыйла» — «Хитрость лисицы», «Ал-бёрю бла Тут-бёрю» — «Ал-бёрю и Тут-бёрю», «Тюлкю, айыу, бёрю» — «Лисица, медведь и волк», «Ёгюз бла эшек» — «Бык и осел» и т.д.

В подобных сказках животные олицетворяют жизнь и поведение людей: бык трудолюбив; змея, как и в мифологии многих народов мира, наделяется свойствами лекаря и чрезвычайно мудра; медведь символизирует мужскую силу; орел — надежный друг, смел и отважен; осел — символ труженика; лиса коварна и хитра; волк мужественен, смел и кровожаден.

Сказки о животных представляют наиболее сложный и противоречивый раздел в системе жанра данной народной словесности, поскольку в свой содержательный материал они вбирают множество сюжетно-повествовательных элементов из других видов сказочной прозы: волшебных, героических, бытовых, мифологических и т.д.

Учеными высказан ряд интересных мыслей о сказке о животных. «Сказка считается животной, если в ней животные, подобно людям, мыслят, говорят и поступают, не вызывая этим поведением у люд-

ских персонажей рассказа, у рассказчика или слушателей ощущения чуда» [40, 359].

Поскольку сказка представляет один из древнейших жанров фольклора, как традиционно принято в системе ролей ее персонажей, каждое из животных наделяется человеческими качествами: носит имя или прозвище, владеет речью и легко вступает в диалог со своим оппонентом или врагом, наделяется устойчивым характером. Как и в человеческом мире, одни выделяются мудростью и мастерством, другие коварны, жестоки и кровожадны, третьи — глупы, трусливы и наивны.

Среди текстов о животных наиболее известными и распространенными являются произведения о змее, лисе, пернатых (орле, голубе, павлине, чибисе), медведе, дикой козе и олене, кошке и мышах, волке. Как уже отмечалось, змея наделяется качествами мудрости и способности лечить больных во всем живом мире; лиса необыкновенно хитра и лицемерна; пернатые в основном играют положительную роль в столкновении человека с жестокими врагами; медведь доброжелателен, но коварен, от него можно ожидать чего угодно; олени и дикие козы часто становятся жертвами хищных зверей (волка, тигра или льва).

Мотив мировых сказочных сюжетных элементов о брачной связи человека с рептилией ярко запечатлен в карачаево-балкарских народных сказках «Жилян минчакъ» — «Талисман змеи» и «Солтан-Герий», «Жашчыкъ бла жилян» — «Мальчик и змея».

Сказки «Змеи и девушка», «Бедняк и змея» главным образом носят бытовой характер: хотя они и несколько разнятся по содержанию, в обоих текстах благодаря мудрости и совету рептилии, с одной стороны, собственной жестокости и коварству — с другой, люди завладевают золотом и становятся зажиточными.

В карачаево-балкарском фольклоре известен цикл текстов о лисе. Он представлен такими произведениями, как «Аман акъыллы тюлкюню адам къалай алдады» — «Как хитрую лису обманул человек», «Тюлкю бла тирменчи» — «Лиса и мельник», «Тюлкю бла Жандар» — «Лиса и Жандар», «Тирменчи бла тюлкючюк» — «Мельник и лисичка», «Жарлы киши бла тюлкю» — «Бедняк и лиса», «Тюлкю хыйла» — «Хитрость лисы», «Чыгырчыкъ бла тюлкю» — «Чыгырчик и лиса», «Айыу бла тюлкю» — «Медведь и лиса», «Жилян бла тюлкю» — «Змея и лиса»,

«Жут, Бут, Къурт бла тюлюкю» — «Жут, Бут, Курт и лиса», в которых вырисовывается отточенный веками образ рассматриваемого животного.

В текстах о лисе основную сюжетно-повествовательную группу составляют произведения карачаево-балкарской сказочной прозы, посвященные хозяйственно-бытовой деятельности людей, что объясняется, очевидно, традиционным укладом их жизни. К ним относятся такие широко известные в народе произведения, как «Тюлюкю бла тирменчи» — «Лиса и мельник», «Тюлюкю бла Жандар» — «Лиса и Жандар», «Тирменчи бла тюлюкюкюк» — «Мельник и лисичка», «Аман акъыллы тюлюкюню адам къалай алдады» — «Как хитрую лису обманул человек», «Чыгырчыкъ бла тюлюкю» — «Чыгырчик и лиса» и «Тюлюкю хыйла» — «Хитрость лисы».

В карачаево-балкарском фольклоре существует также ряд сказок об овце и козе. Они в основном связаны с хозяйственно-бытовой деятельностью сельской общины. Это такие произведения сказочной прозы, как «Овца и коза», «Козленок и осленок», «Как коза обманула овцу», «Козленок» и т.д., в которых дается народное представление об их образах, где овце традиционно отводится роль честного и послушного персонажа в животном мире, а коза, заботливая мать, не лишена лицемерия, лжи и коварства.

В определении жанра бытовой сказки, на наш взгляд, более удачно высказался В. П. Аникин: «Бытовизм действительно отличает эти сказки от волшебных. А их отличие от сказок о животных выражается в том, что в бытовых сказках по-другому изображаются обыденные явления. Рассказчики бытовых сказок не прибегают к иносказаниям, свойственным другим видам сказок. Есть и другое, более точное название бытовых сказок — новеллистическая сказка» [36, 167].

Отдавая должное суждениям выдающегося фольклориста, мы бы хотели высказать мнение, что определять бытовую сказку термин «новеллистическая» несколько сомнительно по ряду причин, в том числе и по ее жанровой модификации. Данный термин, широко употребляемый в западноевропейской фольклористике, перекочевал в труды исследователей русской народной сказки, а оттуда заимствован учеными-кавказоведами [4, 17; 6, 113-120].

Следует отметить, что новелла — жанр итальянской литературы XIV-XV вв. периода Ренессанса и Барокко, а в литературоведении

существует мнение, что «... новелла типично острое, напряженное действие, драматизм сюжета, ибо личность сталкивается в ней с законами и нормами старого мира... Художественное своеобразие новеллы коренится в противоречивом сочетании картины прозаического, повседневного бытия и острых, необыкновенных, иногда даже фантастических событий и ситуаций, как бы изрывающих изнутри привычное, упорядоченное движение жизни» [41, 240].

Весьма интересные мысли высказывает относительно своего видения данной проблемы Ф.А. Алиева: «...в современной фольклористике нет специальной работы, в которой бы обоснованно освещался вопрос, можно ли считать новеллу самостоятельным жанром. Какова генетическая связь между сказочными жанрами, анекдотами и новеллой, какие признаки могут быть использованы при классификации конкретного материала по этим жанрам» [42, 420]. К сожалению, эти вопросы остаются в фольклористике нерешенными до настоящего времени, а потому, проведя по типам сюжетов внутрижанровую классификацию карачаево-балкарской бытовой сказки, мы не смогли найти устойчивые традиционные каноны, чтобы выделить их в качестве жанра новеллы.

Определяя доминантную функцию бытовых сказок, Э.В. Померанцева пишет: «Местом действия их чаще всего является русская, при этом крепостная, деревня. Герой их — деревенский бедняк, батрак или солдат, которому удастся перехитрить глупого и жестокого барина, вздорную и капризную барыню, оставить в дураках жадного, сластолюбивого попа. Среди этих сказок много анекдотов о лентяях, упрямых и болтливых женах, глупцах, попадающих впро�ак» [43, 41]. И далее она выделяет новеллистическую сказку наряду с волшебными, о животных и бытовыми в отдельный вид данного жанра [43, 42], что, конечно, весьма спорно с научной точки зрения.

На наш взгляд, искусственно вводить синоним к жанру «бытовая сказка» и пользоваться термином «новеллистическая сказка», представляется странным, тем более, если учесть, что русские сказочники в своем репертуаре не пользовались им.

Конечно же, острые, приключенческие сюжетные элементы и мотивы значительно больше доминируют в бытовых сказках, чем в волшебных или о животных, не говоря о мифологических, богатырских и т.д. В данном случае, было бы целесообразнее выделить их

как бытовые сказки новеллистического характера, поскольку они в основном посвящаются жизни сельской общины с ее причудами и юмором, где люди стараются обхитрить друг друга, нередко вступая в конфликтные отношения ради достижения поставленной цели.

Анализ около сотни сказок с бытовым уклоном содержания показал, что они нуждаются в тематической классификации. Это дало бы ясное представление о наличии в них определенных мотивов, создающих сюжетное ядро в рамках определенных видов произведений рассматриваемых текстов.

Вследствие проживания высоко в горах основной трудовой деятельностью народа долгое время оставалось скотоводство и связанный с ним разносторонний образ жизни: обработка шерсти и шкур домашних и диких животных, из которых затем изготавливали ковры, шубы, бурки, башлыки, чабуры, шили разную женскую и мужскую одежду. Существенную тягловую силу составляли быки, лошади и ослы, которых сельская община широко использовала в своей хозяйственной деятельности: на них пахали землю, доставляли дрова и сено, возили при строительстве домов на бречках камни, песок, глину, воду и т.д. Все это не могло не повлиять на содержание народных сказок, в мотивах которых существенное внимание уделяется сельской бытовой жизни.

Множество сказок повествует о семье и семейных отношениях, очевидно, берущих начало из периода существования архаической, большой семьи, где значительное внимание отводится гендерному аспекту, любви и коварству в рамках семейной и сельской общины.

Нам представляются привнесенными из иноэтнических культур произведения, в которых повествуется о жизни, полной интриг, в дворцах восточных султанов, ханов, шахов и т.д.

Системно-аналитическое исследование по внутрижанровой классификации имеющегося у нас материала, взятого в основном из архивного фонда КБИГИ, двухтомника «Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания» [44], различных изданий и личных авторских записей, вывело следующую разновидность сюжетно-повествовательных схем:

- 1) семейно-бытовые сказки (о женщинах, измене, коварстве и любви);
- 2) сказки о падишахах, султанах, князьях и баях;

3) сказки о мудрости, сообразительности и находчивости пастуха;

4) сказки о ведьмах — обурах, шайтанах, леших — Агач киши и т.д.;

5) юмористические сказки (куда входят и произведения о муллах, эфенди);

6) сказки на тему морали в быту, семье и общине;

7) сказки о предметном мире и о происхождении домашней пищи.

Семейно-бытовые сказки о женщинах, коварстве, любви, измене и неудачливых мужчинах в карачаево-балкарском фольклоре представлены следующими произведениями: «Оразай», «Салима», «Бир жашны тели анасы» — «Ненормальная мать одного парня», «Мурат бла Абидат» — «Мурат и Абидат», «Зан улу Адилгерий», «Хариб бла Санам» — «Хариб и Санам», «Акъяллы къыз бла тели жаш» — «Умная девушка и неразумный парень», «Акъяллы келин бла жашчыкъла» — «Умная невестка и мальчики», «Къарт киши бла къатын» — «Старик и старуха», «Урочуну суйген къызы» — «Любимая девушка вора», «Къарауаш къызчыкъ» — «Девочка-прислуга», «Харам ата» — «Недобрый отец».

Сказки о падишахах, султанах, князьях и баях включают такие произведения, как «Жаш бла патчах» — «Парень и царь», «Сокъур хан» — «Слепой хан», «Оюмсуз патчах» — «Неразумный царь», «Халал сомла» — «Праведные деньги», «Акъяллы къыз бла юч соруу» — «Мудрая девушка и три вопроса», «Ханны жашы бла жарлыны къызы» — «Сын хана и дочь бедняка», «Къарабий хан бла аны кызы» — «Хан Карабий и его дочь», «Табылгъан Саубар» — «Найденыш Саубар», «Залим ханны жашы» — «Сын хана Залима».

Мудрость, сообразительность и находчивость пастуха в народном сознании освещается в сказках «Жалчы бла бай» — «Слуга и богач», «Чомарт къойчу» — «Щедрый пастух», «Патчах бла бир байны жалчысы» — «Царь и холоп одного бая».

Сказками о ведьмах — обурах, леших — Агъач киши, шайтанах, нечистой силе являются произведения «Мараучу бла Агъач киши» — «Охотник и Лесной человек», «Бузоучу бла шайтан» — «Пастух телят и шайтан», «Хомух бла Агъач киши» — «Лентяй и леший».

Ленивый мальчик Кюльтыпыс был любимым персонажем малы-

шей, который много ел, засыпал где придется. Пошлют его за водой — он спит у реки, в лес за дровами — засыпает под деревьями, принести траву для козы — его находят спящим на лугу. Он может притвориться больным, если узнает, что его ждет какая-либо работа. Его излюбленное место — домашний очаг, где он больше всего любит засыпать, отсюда и имя его — Кюльтыпыс, что значит «Лежащий на золе».

Карачаево-балкарские сатирические сказки базируются на сюжетах о Насреддине и аморальном поведении религиозных служителей, всегда оказывающихся в трагикомичной ситуации.

В группу юмористических и сатирических сказок можно отнести и произведения, извлеченные из архивных фондов КБИГИ и различных публикаций: «Сангырау элде» — «В селении глухих», «Аллай тёре да болады» — «Бывает, и такое случается», «Кёсе бла жашчыкъ» — «Кёсе и мальчик», «Эфенди бла жаш къатынчыкъ» — «Эфенди и молодая женщина», «Эфендини алдауу» — «Обман эфенди», «Барысы да акъсакъла» — «Все хромы».

Тема морали в быту, семье и общине освещается в таких произведениях, как «Ахшылыкъ унутулмайды» — «Добро не забывается», «Махмут бла Алакёз» — «Махмут и Алакёз», «Акъылгъа тюшюннген» — «Уразумевший», «Болжалчы келин» — «Сноха, которая все дела оставляла на потом», «Алтынларын тас этген къызгъанч» — «Скупой, потерявший золото», «Улутха» — «Взятка», «Уручуну жашы» — «Сын вора», «Залим», «Жарлыны айтханы чапыракъдан ётмез» — «Слово бедняка не имеет веса», «Тузлу хичинле» — «Соленые хычины», «Бир абынган минг сюрюнюр» — «Однажды споткнувшийся тысячу раз пошатнется», «Атасыны жашына осуяты» — «Завещание отца сыну», «Тауукъ — айта билгеннге зауукъ» — «Курица — тому, кто умеет говорить наслаждение», «Къартланы бурун къаядан къалай атхандыла» — «Как раньше стариков со скалы сбрасывали», «Жашы къарт атасын ёлюмден къалай къутхаргъанды» — «Как сын спас своего старого отца от смерти», о которых в своей статье высказал интересные суждения дфн, фольклорист Б. А. Берберов [18].

Сказки, описывающие предметный мир и происхождение домашней пищи, вобравшие в себя мотивы ряда жанров фольклорной прозы, представлены в следующих текстах: «Гокка ханс» — «Цветок», «Гыпы» — «Молочный грибок», «Айран», «Кийиз» — «Ковер»,

«Къазан» — «Котел», «Акъ ат» — «Белый конь», «Нарат» — «Сосна», «Тарпан атла» — «Лошади-тарпаны».

Следует здесь упомянуть и о наличии в устной словесности карачаево-балкарцев сказок-загадок («Кто больше?», «Кто сильнее?») и сказок притчевого характера, повествующих о роли и значении в жизни человека таких категорий, как ум, счастье, богатство, о соревновании различных стихий и т.п. («Намыс», «Счастье, ум и богатство», «Огонь и вода») [27, 62].

Таким образом, изучение карачаево-балкарских сказок и их классификация дали ясную картину об их жанрово-тематическом богатстве и сюжетно-повествовательных особенностях. Можно констатировать, что произведения данного жанра, представляя собой сложные сюжетно-образные повествования, вобрали в себя множество интересных мотивов из словесной культуры различных родственных и неродственных народов, преобразованных в соответствии с национальным менталитетом и нашедших себе достойное место в фольклоре данного этноса. Тем не менее, не следует считать наши суждения окончательными, поскольку вопрос о внутрижанровой модификации народных сказок до настоящего времени в фольклористике остается до некоторой степени спорным, а порой и противоречивым.

---

1. Алиева А.И. История записи и публикации фольклора балкарцев и карачаевцев в XIX — начале XX века // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 5-32.

2. Тульчинский Н.П. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. VI. С. 249-334.

3. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.

4. Караева А.И. Очерк истории карачаевской литературы. М.:Наука, 1966. 320с.

5. Мамиева И.В. Мифологическая семантика концептов «плешь» и «безбородость» в сказочной наррации: к проблеме национальных трансформаций // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2011. № 3. С. 255-261.

6. Холаев А.З. Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13-31.

7. Урусбиева Ф. А. Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 128 с.
8. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарская народная сказка. Мотивы о Змее и Лисе. Композиция // Вестник КБИГИ. 2014. № 4 (23). С. 99-116.
9. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарские народные сказки и легенды в записи Е. З. Баранова. Особенности жанра и повествовательных элементов // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 2 (64). С. 223-228.
10. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарское сказковедение в XX — начале XXI века // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 5 (67). С. 199-206.
11. Малкондуев Х. Х. О композиции карачаево-балкарской волшебной сказки «Жарыкбий» // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 6 (68). С. 185-191.
12. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарские народные сказки о животных. Мотивы об Овце и Козе (Аймуш и Маккуруш) // Вестник КБИГИ. 2015. № 3. С. 81-91.
13. Малкондуев Х. Х. Волшебная сказка «Сын Ындырбая Махамет» и ее варианты // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 206-211.
14. Малкондуев Х. Х., Гулиева (Занукоева) Ф. Х. Мотивы и образы карачаево-балкарских волшебных сказок. Локальный аспект // Известия КБНЦ РАН. 2016. № 3. С. 183-188.
15. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарская мифологическая сказка. Сюжет и композиция // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 2. С. 146-158.
16. Малкондуев Х. Х. Внутрижанровые особенности карачаево-балкарской бытовой сказки // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 3. С. 173-179.
17. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарская героическая сказка «Таурух». Композиция // Вестник АН Чеченской Республики. 2016. №3 (32). С. 122-124.
18. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарская волшебная сказка «Птица с золотыми перьями». Мотив. Композиция // Известия КБНЦ РАН. 2016. №4 (72). С. 130-133.
19. Берберов Б. А. Почему стариков не стали изгонять (сравнительно-типологический анализ одного архетипического мотива) // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Сб. посвящен. 75-летию со дня рождения д.ф.н., профессора Ж. М. Гузеева. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 212-218.
20. Берберов Б. А. Архетипический образ медведя в карачаево-балкарской народной сказке // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2016. С. 28-37.
21. Берберов Б. А. Специфика художественного конфликта в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КБИГИ. 2016. № 1 (28) С. 84-87.
22. Берберов Б. А. Ценностная картина мира в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31) С. 95-98.

23. Берберов Б. А. Культ разума в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник Калмыцкого ИГИ РАН. 2016. № 1 (23). С. 250-256.
24. Берберов Б. А. Альтруизм как полиэтническое явление в карачаево-балкарской народной сказке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72). Ч. 2. С. 15-17.
25. Берберов Б. А. Воспитательный потенциал карачаево-балкарской бытовой сказки // Материалы Всероссийской конференции с международным участием «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели», посв. 75-летию д.т.н., профессору П. М. Иванова. Нальчик: КБНЦ РАН, 2017. С. 204-206.
26. Гулиева (Занукоева) Ф. Х. К проблеме внутрижанровой классификации карачаево-балкарских народных сказок // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 226-230.
27. Гулиева (Занукоева) Ф. Х. Карачаево-балкарская волшебная сказка. К вопросу определения жанровых границ // Вестник КБИГИ. 2016. № 1 (28). С. 95-98.
28. Гулиева (Занукоева) Ф. Х. Карачаево-балкарская народная сказка // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2016. С. 58-65.
29. Гулиева (Занукоева) Ф. Х. Карачаево-балкарское сказковедение: современное состояние и перспективы // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31). С. 118-121.
30. Гергокова Л. С. Карачаево-балкарская сказка: внутрижанровые особенности сказок о животных // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 1 (63). С. 252-256.
31. Гергокова Л. С. Некоторые стилистические особенности употребления антонимов в карачаево-балкарских сказках о животных // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 6-1 (68). С. 174-178.
32. Гергокова Л. С. Формы выражения пространства и времени в карачаево-балкарских сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (60). С. 95-97.
33. Гергокова Л. С. Особенности функционирования эпитетов в карачаево-балкарских сказках о животных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2 (61). С. 16-18.
34. Гергокова Л. С. Типы сюжетов, построение мотива обмана в карачаево-балкарских сказках о животных // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31). С. 122-125.
35. Гергокова Л. С. Карачаево-балкарские сказки о животных: система образов, сюжетная типология // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2016. С. 51-57.

36. Кербелите Б.П. Сюжетный тип волшебной сказки // Фольклор. Образ и поэтическое слово в контексте. М.: Наука, 1984. С. 203-250.
37. Аникин В.П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
38. Тхамокова Ж.Г. Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) бытовых сказок по системе Аарне — Томпсона // Адыгэ таурыхъэр (Адыгские сказки)/Сост. Тхамокова Ж.Г. Т. I. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 775-820.
39. Золотая рыба. Индийская сказка // Сказки народов Азии. Т. III. М.: Детская литература, 1988. С. 498-502.
40. Бухуров М.Ф. Адыгская богатырская сказка. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 160 с.
41. Ганиева А.М. Волшебные сказки // Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. С. 369-385.
42. Словарь литературоведческих терминов/Сост. Л. И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 590 с.
43. Алиева Ф.А. Бытовые сказки // Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. С. 385-432.
44. Померанцева Э.В. О русском фольклоре. М.: Наука, 1977. 120 с.
45. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2-х томах./Сост., предисл. Т.М. Хаджиевой. Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 1999. 472 с.; Т. 2. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 472 с.

**И. Г. САНАКОЕВА,
аспирант СОГПИ
(г. Владикавказ)**

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье подробно рассмотрены различные оценочные единицы, которыми выражается оценка в современном русском языке. Особое внимание обращено на неологизмы, которые являются популярными и активно употребляются в речи. Именно они сегодня создают языковую картину мира.

Ключевые слова: русский язык, оценка, средства выражения оценки, неологизмы, экспрессия.

The article examines in detail various appraisal units, which express the assessment in modern Russian Language. Particular attention is paid to neologisms, which are popular and are actively used in speech. They are today creating a linguistic picture of the world.

Keywords: Russian language, assessment, means of expression of evaluation, neologisms, expression.

Категория «оценка» стала объектом пристального внимания языковедов в конце XX века. Ее изучением занимались такие лингвисты, как В. В. Виноградов, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, С. Д. Погорелова, Т. В. Маркелова, В. И. Шаховский и др. Надо признать, что во многом благодаря их трудам оценка была признана самостоятельной категорией языка [1]. Несмотря на это, в современной лингвистике до сих пор нет единого подхода к определению и роли оценки. Кроме того, до сих пор дискуссионным остается вопрос квалификации категории «оценки». Одни исследователи рассматривают оценку как признак значимости (или даже утилитарности) отдельного объекта для субъекта, другие — как вид модальности. Сторонники второй гипотезы, ссылаясь на «Словарь лингвистических терминов» Ж. Марузо, в котором понятие «оценка» трактуется не иначе, как «суждение говорящего, его отношение — одобрение или неодобрение,

желание, поощрение и т. п.» [2], видят в ней возможность выражения согласия или несогласия. Заметим, что выражение оценки в речи тесно связано с этнокультурным началом, с существующими в народе традициями. Это необходимо учитывать при создании текста [3;4].

В современном русском языке оценка может выражаться различными оценочными единицами. Например, отдельным словом (*Великолепно!*) или целым предложением (*Это было прекрасно!*). Для ее выражения используются все части речи. Наиболее активно употребляются прилагательные, существительные, наречия, модальные слова, слова категории состояния, обладающие разнообразной оценочной семантикой. В связи с этим особый интерес представляют лексические средства выражения оценки в современном русском языке. За последние десятилетия они вышли за рамки привычных и порой даже примитивных понятий, таких как *хорошо/плохо*. И этому есть логическое объяснение.

Ни для кого не секрет, что изменения, которые произошли в нашей стране на рубеже XX-XXI вв. нашли прямое отражение в языке. Они способствовали его насыщению не только иностранной лексикой, но и просторечиями, диалектизмами и жаргонизмами. Большинство слов, относящихся к этим группам и активно употребляющихся жителями нашей страны, несут в себе яркую не скрытую оценку. Из года в год подтверждает это конкурс «Слово года», который проводится Центром творческого развития русского языка при Санкт-Петербургском университете. Несколько лет назад один из организаторов, филолог Михаил Эпштейн, комментируя результаты конкурса, подчеркнул, что среди русских слов победили слова с негативной эмоциональной окраской, а среди заимствований — названия интернет-сервисов и гаджетов, которые изначально являлись нейтральными, а в русском языке приобрели положительный оттенок. Не стал исключением и ушедший 2016 год.

На примере итогов конкурса «Слова года-2016» мы и постарались рассмотреть оценочную лексику современного русского языка. Надо отметить, что подобные конкурсы проводятся и в других странах, например, США, Германии, Японии. В нашей стране он прошел уже 9 раз. Ежегодно «слова-победители» определяются экспертным советом, в состав которого входят известные писатели, фи-

тологи, лингвисты, журналисты, культурологи, философы. Борьба за победу могут слова, выражающие своеобразие, новизну, исторический смысл текущего времени. Ежегодно жюри отбирает из сотен слов-кандидатов самые характерные, емкие, выразительные.

В этом году безоговорочную победу в номинации «Слово года» одержало слово *brexit*. *Брексит*, или *брекзит* — английский неологизм, который образован из первых двух букв слов *Britain* и *exit*. Означает выход Великобритании из Евросоюза. Несмотря на то, что ни в одном словаре он не значится, активно употребляется жителями нашей страны. Ярким подтверждением тому служит примерно 20500000 результатов на запрос *brexit* во вкладке «новости» в одной из популярных поисковых систем в Интернете. Безусловно, неологизм несет в себе определенную оценку. Однако какую, определить вне контекста не представляется возможным.

На втором месте, согласно рейтингу, более знакомое и понятное для россиян слово — *дно*. Только не в значении основания сосуда или нижней части углубления, как объясняет С. И. Ожегов [5]. Удивительно, но приводится оно даже не в самом отрицательном толковании, имеющемся в его толковом словаре, то есть среды деклассированных, опустившихся людей. В XXI веке слово *дно* чаще всего употребляется в значении самого низкого уровня деловой активности в экономическом цикле и употребляется в таких словосочетаниях, как *дно экономики* и *дно кризиса*. Естественно, несет в себе негативную оценку.

Замыкает тройку популярных слов безобидное, на первый взгляд, слово *покемоны*. *Карманный монстр* — именно таков дословный перевод еще одного английского неологизма, образованного от слов *Pocket Monster*, это достаточно популярная медиафраншиза. Изначально «Покемоны» появились как пара игр, а позже переросли в серию компьютерных игр, занимающих на сегодняшний день второе место в мире по популярности. Само слово *покемон* является достаточно нейтральным, не несет никакой оценки и обозначает существо, обладающее сверхъестественными способностями. Однако интересен тот факт, что одним из синонимов этого слова является словосочетание «*нехороший человек*» [6]. Таким образом, еще один неологизм пополнил багаж слов с негативной оценкой современного русского языка.

Справедливости ради надо отметить, что в настоящее время популярность набирают не только иностранные неологизмы, но и российские. Достаточно часто употребляются такие слова, как *кадыринг* и *ленинопад*. Трактовку их без труда можно найти в социальных сетях, где они преимущественно и используются. Оба слова несут яркую негативную оценку.

Говоря об оценочных неологизмах, нельзя обойти стороной номинацию «Неологизм года». В этом году в нее попали такие слова, как *зловцо*, *неуезжант*, *мочизм*, *лайкодорфин*, *предскажулики*. В рейтинге неологизмы с любым проявлением оценки: от положительной до отрицательной, только не нейтральной. Каждое слово характеризует те или иные события, происходящие в стране, интересы общества, его потребности. Так, *мочизм* — это не болезнь, а направление современного акционизма, в котором авторы публично обливают мочой произведения своих конкурентов. А *лайкодорфин* — вовсе не лекарство, а гормон фейсбучного счастья. Как утверждают его создатели, он вырабатывается в организме заядлого пользователя при появлении под его постом большого количества отметок «нравится». По сравнению с предыдущими словами трактовка понятия «*предскажулики*» весьма банальна: так называют недобросовестных гадалек.

Приживутся эти слова в языке, поменяют ли свою категорию оценочности, наполнятся более глубоким смыслом — покажет время. А сейчас они лишь помогают писать языковую картину мира, которая является отражением обиходных, обывательских, современных представлений о мире. Не зря говорят, что языковая картина мира — это отражённый средствами языка образ сознания — реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком [7].

---

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.

2. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов: пер. с фр./ Предисл. В. А. Звегинцева. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2004. 440 с.

3. Цаликова М. А. Проблемы выработки языковой стратегии оценки у студентов-журналистов/В сборнике: Культура русской речи // Материалы

Третьей Международной конференции в рамках реализации федеральной и краевой программы «Русский язык». Редакционно-издательский совет Армавирского государственного педагогического университета. 2003. С. 145-146.

4. Цаликова М.А. Работа с ценностными системами народов на уроках русского языка как средство гармонизации межнациональных отношений./В сборнике: Актуальные проблемы национального образования // Материалы региональной научно-практической конференции. 2001. С. 15-16.

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка/Под ред. Н.Ю. Шевцовой. М.: Рус.яз., 1990. 921 с.б. Тришин В.Н. Большой русский словарь-справочник синонимов. М., 2013.

7. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 34-35.

А. А. УМНЯШКИН,
кфн, директор Центра по изучению древних и современных языков
(Баку, Азербайджан)

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТОВ ТАТСКОГО ЯЗЫКА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В статье анализируются сравнительно-исторические особенности диалектов татского языка, функционирующих в Азербайджане. Исследуется диалектологическое разнообразие татского языка, проводится сравнительный анализ татской лексики с лексикой других иранских языков.

Ключевые слова: диалект, диалектология, татский язык, иранский язык, горские евреи.

The article analyzes the comparative and historical features of the dialects of the Tat language, functioning in Azerbaijan. It explores a variety of dialects of the Tat language, a comparative analysis of Tat vocabulary with the vocabulary of other Iranian languages.

Keywords: dialect, dialectology, the Tat language Iranian language, the Mountain Jews.

Язык горских евреев относится к юго-западной группе иранских языков, причем сами носители языка говорят на трех диалектах в зависимости от места проживания в прошлом: южный диалект (Азербайджан), средний диалект (Дербент), северный диалект (Махачкала и Северный Кавказ).

Для татского языка Азербайджана характерна большая раздробленность по говорам с существенными расхождениями в области фонетики. Таты в настоящее время интенсивно ассимилируются с азербайджанцами. Родным языком они пользуются только в пределах своего селения, дети учатся в азербайджанских школах. Наиболее сильно влияние азербайджанского языка выражено в промышленных районах (Абшеронский п-ов) и менее — в районах сельскохозяйственных, где татские селения составляют более или менее компактную массу. Значительные колебания языковых норм

наблюдаются и внутри одного селения между старшим и младшим поколениями и между разными слоями населения по степени приобщения к азербайджанскому языку.

Исследование проводилось нами в г. Баку, в поселке Балаханы и в г. Кубе по балаханскому, сураханскому, дивичинскому и гонагентскому говорам, а также по еврейским (шемахинскому и кубинскому) диалектам.

Основу лексики татского языка образует специфическая для всей группы иранских языков словарная база. Нам удалось выявить, хотя и небольшое количество, арабизмов, попавших в татский язык с помощью фарси и азербайджанского языка. Конечно же, после захвата арабами Кавказа и насильственного принятия ислама татами определенное количество арабизмов перешло в татский язык непосредственно из арабского языка. Нужно отметить, что, по сравнению с персидским языком, количество заимствованных арабизмов в татском языке относительно немногочисленно. Это, в основном, лексемы, завоевавшие право гражданства в татском языке и необходимые в речевой практике. Например, лексемы «китаб», «ислаһ», «təzəkür», «тэбрик», «истисмар», «шукр» перешли непосредственно в татский язык в неизменном виде или с незначительными фонетическими изменениями.

Арабских слов в татском языке очень много, часть из них заимствована через посредство азербайджанского языка, другая — через посредство персидского и, возможно, непосредственно из арабского языка. Заимствованные в татский язык арабские слова более или менее четко выделяются своим значением; как правило, это либо имена с отвлеченным значением, либо термины религии и слова, так или иначе связанные с мусульманской культурой: *jənpæt* 'рай', *bærækæt* 'благодать', *təzar* 'гробница', *qismæt* 'судьба', *xeir* 'добро', *faidæ* 'польза', *rəhmæt* 'милость', *istifadæ* 'использование', *adæt* 'адат', 'обычай', *tajir* 'купец' и т.п.

Нужно отметить, что нами было выявлено большое количество азербайджанских слов в татском языке, появление которых обусловлено реципрокными экономическими, общественными и культурными связями. Например, «дирсэк» — локоть, «бургу» — рожок, «дабан» — пятка, «чэнгэ» — клочок волос, «гучэ» — старый, «гэри» — старуха, «пий» — жир, «кюк» — толстый человек, «синихчи» — косто-

прав, «агджийяр» — легкие, «яралу» — раненый, «дамар» — сосуд, вена, «чичэк» — краснуха (инфекционное заболевание). Необходимо отметить, что процесс заимствования слов является взаимным, как из азербайджанского языка в татский, так и из татского языка в некоторые диалекты азербайджанского языка. Это влияние наиболее ярко проявляет себя в Кубинском и Бакинском диалектах азербайджанского языка. Вероятно, что абшеронские таты приняв азербайджанский язык, постепенно привнесли в него ряд элементов и лексем татского языка. Это влияние наиболее ярко себя проявляет в лексикологии, нежели чем в других разделах языка. Факты показывают, что из татского языка в бакинский диалект азербайджанского языка перешли как собственно татские лексемы, так и слова, заимствованные из других языков, например, «сайхаш» — спокойствие. Эти слова мы выявляли в основном среди жителей Кубинского района республики, где основную массу составляли лица татской национальности. В кубинском диалекте азербайджанского языка, в отличие от других диалектов, есть ряд слов и языковых явлений, которые встречаются в татском языке, и они специфичны для всех его диалектов. Именно из-за этого явления, те или иные находки в кубинском диалекте азербайджанского языка мы имеем право оценить как влияние татского языка.

Азербайджанские слова — количественно наиболее значительный слой иноязычных заимствований. Азербайджанские слова проникают вглубь татской лексики, в том числе и в семантические разряды, выше обозначенные как в основном иранские, вытесняя во многих случаях соответствующие по значению иранские слова. Этим можно объяснить такие заимствования, как *qeyinata* 'тесть', 'свекор', *уага* 'рана', *bulut* 'туча', *dag* 'гора', и наличие таких пар и татском словаре, как *xærguʃ/douʃan* 'заяц'; *ruvi/tylki* 'лисица', *tou dæraen/aldatmiʃ sæxtæn* 'обманывать' и т.п.

Процесс заимствования азербайджанских слов в татском языке отличается определенным своеобразием, что связано с широким распространением активного азербайджанско-татского двуязычия. В условиях двуязычия почти любое слово азербайджанского языка может быть употреблено в татской речи. Часть слов, заимствуемых вначале лишь окказионально, постепенно усваивается, становясь единственным обозначением соответствующего понятия в татском языке и вытесняя соответствующее иранское слово.

Ядро татской лексики составляют исконно иранские слова: названия частей тела, многие названия животных, растений, обозначения простейших астрономических понятий, основные термины родства.

Татский словарь, несомненно, включает в себя большое количество персидских слов. Их заимствование могло происходить непосредственно в разное время, поскольку таты на протяжении сотен лет находились в контакте с персидской языковой средой. Однако поскольку этимологически родственные слова имеют в большинстве случаев в обоих языках — персидском и татском — в силу их близости сходный фонетический облик, то выделить персидские заимствования в татской лексике представляется делом весьма затруднительным. Лишь об очень небольшом количестве иранских слов мы можем с уверенностью говорить как о персидских заимствованиях. В частности, это слова с поствокальным *d* (в исконно татских словах ему соответствует *g*), например: *piyadæ* 'пеший' (ср. *reiræ* с тем же значением), *xuda* 'бог', *jadu* 'колдовство' и ряд других.

Очень интересным является обнаруженное прямое и опосредованное влияние русского языка на татский. Так, в татский язык опосредованно через азербайджанский попал ряд русизмов, например, «истакан» — стакан, «хефтенбил» — автомобиль, «сувет» — совет, «гэрэвул» — охрана. Интересно, что помимо русизмов, перешедших в татский язык с помощью азербайджанского, мы обнаружили ряд слов, перешедших непосредственно из русского языка. Одним из таких слов является «купец» («таджир»), которое используется в виде подвергнувшейся фонетическим изменениям формы «кюпэз». Однако в татском языке это слово используется не в значении «купец», а для обозначения состоятельного, богатого человека. Например, когда идет речь о состоятельном человеке во многих говорах татского языка говорится «*ü ki kürəzü*» — «тот, который богач».

Очень интересные метаморфозы произошли с лексемой «пирвоји», имеющей в татском языке значение «очень хорошо», «отлично», «прекрасно». И лишь в гонагкяндсом говоре у очень пожилого информанта мы обнаружили значение «пирвоји» как «первый», например, «*дэр деһ пирвоји мэрд*» — «первый человек на селе», что позволило выявить этимологическое происхождение данной лексемы.

Конечно же, основную, базовую лексику татского языка составляют слова, общие не для всех языков, относящихся к иранской семье, а лишь к ряду из них. Например, «бобосил» — геморрой, «хари» — место, «чум» — глаз, «кэлэһэ» — большой, «гэј» — очень, «лэкмин» — вдруг, «диринк» — пустой, «гэжгун» — кастрюля, казан, «тюнюк» — еда, обед, «дахар» — гора, «пейсяр» — затылок, «вир бирэн» — растение, «астаран» — брат, «бирар» — брат, «тэлю» — колючка, игла. Естественно, что вышеназванные лексемы, например, «чум» — «глаз» в ишкашимском языке выглядит как «чом», «гэј» — «очень» как «гај», «бирар» — «брат» в гияндском языке как «брар» и так далее, и это, естественно, не говорит о том, что эти слова пришли в них из татского языка. В языках одной языковой семьи такое явление вполне естественно и закономерно и, конечно же, эти слова могут считаться словами собственными для татского языка, так как они являются лексическими единицами, полностью завоевавшими такой правовой статус.

Важное место в татском языке занимают соматические названия, образованные на основе этих языков. Соматические термины татского языка, а именно их лексикология, механизмы их образования на основе законов этого языка, их этимологическое происхождение заслуживают пристального изучения специалистами, занимающимися составлением полноценных лингвистических словарей.

Все слова, составляющие лексику татского языка, по механизмам словообразования можно разделить на нижеследующие группы:

I. Простые слова, не принявшие никаких специальных частиц, куда относится большее число лексем татского языка, например, «шюшлюк» — легкое, «эдэми» — человек, «куйо» — трава, «оу» — вода, «сюнбюл» — пшеница, «эс» — лошадь.

II. Сложные слова, состоящие из 2-3 простых слов, которые подразделяются на группы в зависимости от того, из каких частей речи они образовались:

а) сложные слова, образовавшиеся путем соединения имен существительных, например, «майпийяр» — родители, «кюлранг» — серый цвет, «сэрпачэ» — вверх ногами, «паланнэвар» — седло и сбруя, «алугчалуг» — вьючное седло, «кундахар» — подошва горы, «миантаразу» — вес, «ше — руз» — круглосуточно, «сэрпай» — тамада, «нунпули» — деньги на обыденные нужды, «шалкэрдэн» —

кашне, «зиршалван» — нижнее белье, «дэсмал» — головной платок, «сэрбар» — вершина груза, «сэрдувар» — верх стены, «мэмэбэдюш» — беременная;

б) сложные слова, образовавшиеся путем присоединения к имени существительному других частей речи:

1) сложные слова, образовавшиеся по принципу имя существительное + глагол, например, «мэмэхар» — новорожденный («мэмэ» — грудь, «хар» — еда, пища, корень глагола), «синэбэнд» — подпруга («синэ» — это грудная клетка, «бэнд» — корень инфинитива глагола «бэстэн» — закрывать), «дурикун» — обманщик, лжец («дури» — ложь, «кун» — корень инфинитива глагола «говорить»), «шалбаф» — вязальщица шалей («шал» — шаль, «баф» — причастие от глагола «вязать»), «карсаз» — работник («кар» — работа, «саз» корень масдара глагола «сахтен» — делать), «дэскир» — помощник («дэс» — рука, «кир» — корень масдара глагола «куфтен» — держать);

2) сложные слова, образованные по схеме: имя существительное + обстоятельство: «кунпсова» — зад, тыл, спина («кун» — зад, «псова» — движение назад, слово обозначает место и отвечает на вопрос «куда») или же сложные слова, состоящие из обстоятельства и существительного — «пуштсэр» — шея («пушт» — спина, задняя сторона, «сэр» — голова), «зирчуми» — нижнее веко («зир» — низ, «чум» — глаз);

3) сложные слова, состоящие из обстоятельства и глагола: «дирби» — бинокль («дир», «дур» — далеко, «би» — глагольное прилагательное «видящий» от глагола «диран» — видеть);

4) сложные слова, образованные по схеме прилагательное + имя существительное «сибуз» — черноголовый («си» — черный, «буз» — голова), используется в основном при характеристике животных, насекомых, например, «сибузэ кур» — червь с головным концом черного цвета (обитает в болотистой почве) или же «сибузэ сэк» — черноголовая, страшная собака, «сурхэхак» — красная почва («сурх» — красный, «хак» — земля), «тэнкэдул» — скупец («тэнкэ» — тесный, узкий, «дул» — сердце), «субрарыш» — старец («суби» — белый, «рыш» — борода);

5) сложные слова, состоящие из числительного и имени существительного «чарпа» — четвероногие («чар» — четыре, «па» — нога, интересно, что на азербайджанском языке «чарпаи» — кро-

вать, койка). Интересно, что пожелание на татском языке быть как «чарпа» означает «стать самостоятельным, имущим человеком».

III. Словообразование с помощью префиксов и суффиксов, так же, как и среди других языков, является важным механизмом обогащения лексикологической базы татского языка. Участвующие в процессе словообразования (как активно, так и пассивно) префиксы и суффиксы из других языков уже получили гражданство в лексическом составе татского языка.

Как показало наше исследование, наиболее продуктивными словообразовательными префиксами были:

«хэм-» — тоже, еще, и; — например, «хэмйаш» — сверстник, «хамра» — товарищ, «хэмди» — односельчанин, «хамзухун» — соплеменник;

«бий-» — без; например, «бийадэб» — бессовестный, «бийагул» — безумный;

«на» — без; например, «натэмиз» — грязный, «намэрд» — трусливый, «надрус» — плохой человек, «нахаг» — бесполезность;

«да-» (если слово начинается на согласный звук) и «дур» (если слово начинается на гласный) например, «дабэрдэн» — сдвинуться (от глагола «бэрдан» — забирать), «дакардан» — вводить (от глагола «кардан» — делать), «дарафтан» — включать, вступать (от глагола «рафтан» — идти), «думарэн» — выходить (от глагола «амарэн» — приходить).

Словообразовательные суффиксы являются в татском языке, по сравнению с префиксами, более активными элементами в процессе образования новых слов, причем большую роль в механизме словообразования играют суффиксы, перешедшие из фарси и азербайджанского языка:

«-э» присоединяется к различным частям речи и образует также различные речевые формы, например, «кардэ» — нож, «мюрдэ» — труп, «нишанэ» — память, «зэрдэ» — морковь, «бэрдэ» — берущий, «дэстэ» — ручка, пучок, связка;

«-ин» в основном образует прилагательные и обстоятельства, например, «зэвэрин» — верхний, «зирин» — нижележащий, «зэхэрин» — ядовитый, «охунин» — железный, «пэлалин» — ржавый, «сэнгин» — каменный, «ламадин» — грязный, «нюмюкин» — соленый, «руганин» — масляный, «рышин» — бородатый, светлый, «эрэгин» — пот-

ный, «сэбэхин» — завтра, «ардин» — мучной, «шанкумин» — вечер;

«-и» образует прилагательные и сложные существительные, например, «хуни» — кровавый, «бюлюнди» — высота, «бэдбэхти» — несчастье, «саги» — здоровье, «мэрди» — мужество, «зэни» — женственность, «зэрди» — желтуха, «тарики» — темнота, «дюзди» — воровство, «расти» — истина, «сэхти» — твердость, «ахмаги» — дурачество и т.д.;

«-и» суффикс присоединяясь к инфинитиву глаголов образует причастные формы: «дэрэни» — дающий, имеющий долг, «зэрэн» — побитый, «вэшмэрдэни» — отруганный, «амарэни» — проходящий, «данистэни» — знающий, «мундэни» — оставшийся;

«-нэ» суффикс присоединяется к именам существительным и является показателем родовой принадлежности: «нернэ» — мужской род, самец, «марнэ» — женский род, самка;

«-иш», «уш» — образует из имен существительных и других частей речи сложносоставные существительные: «дюрюш» — мы, «кэрмиш» — жара, температура, «сюкюш» — ругань;

«-эк» — образует имена существительные из глаголов: «хурак» — еда (от глагола «хардэн» — кушать), «дюшэк» — одеяло (от азербайджанского глагола «дошэмэк» — укрывать);

«-кар» — суффикс, образующий от глаголов слова, обозначающие профессию и специальность: «зэрэкар» — борец, «бюрчюндэкар» — повар;

«-ле» — выражает ласковое отношение к упоминаемому субъекту, например, «мэрдле» — мужичок, муженек (например, одна из пожилых информантов упомянула о своем супруге так: — «мэрдлемэн азалюю» — муженек болен), «бирарле» — братишка, «хуварле» — сестренка, «дэсле» — ручонка, «зэнле» — жenuшка, «зухунле» — язычок, «кукле» — ребеночек, иногда, мальчонка (очень интересно отметить, что слово «кук» на татском языке означает ребенок, а суффикс «-ле» придает существительному уменьшительно-ласкательное значение, что представляет интерес при этимологическом анализе слова «кукла»). Необходимо отметить также, что в некоторых селениях при образовании уменьшительно-ласкательных форм имен существительных использовался суффикс «-ли», так же, как и в талышском языке;

«-бэнд» — присоединяется к именам существительным и обра-

зует прилагательные: «эгулбэнд» — умный, «асулбэнд» — благородный;

«-дун», «-дан» — образует новые значения имен существительных и обстоятельства места (вероятно, от авестийского «дана»), например, «оудан» — влажное место, «коудан» — курятник, иногда коровник, «нюмюкдан» — солонка, «чинэдан» — амбар для зерна;

«-идж» — суффикс образует существительные, выражающие принадлежность к определенной местности — «иранидж» — иранец, «бокуидж» — бакинец;

«-стун» — образует из имен существительных существительные с новым значением (в древнеперсидском и авестийском «стана») — «гэбристун» — кладбище («гэбр» — могила), «дагыстун» — горное место («даг» — гора), причем иногда согласная т может выпадать и суффикс приобретает форму «-сун», например, «гэбрсун»; «-кил» — также образует новые имена существительные — «бираркил» — друг («бирар» — брат), «хуваркил» — подруга («хувар» — сестра); присоединение к этим словам суффикса «-и», образует новые значения вышеприведенных существительных — «бираркили» — братство, «хуваркили» — сестринская дружба «-кэри» («-кэр» + «-и») — сложный суффикс, образующий имена существительные, например, «эдэмкэри» — человечность («эдэм» — человек), «мэрдкэри» — мужество («мэрд» — мужчина), «майкэри» — материнство («май» — мать); «-ава» — образует существительные из существительных (в основном при образовании кулинарной терминологии), «ширава» — молочная каша («шир» — молоко), «дугова» — довга (суп из кислого молока и зелени, «дуг» — айран, «ов» — вода), «килова» — высокий хлеб, выпекаемый в золе (академик В. Ф. Миллер выразил свое сомнение в принадлежности этого слова к исконно татским, однако, по нашему мнению, «-ова» также, как и в талышском и в курдском языках, означает «вода» и является исконно иранским).

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало большое диалектологическое разнообразие татского языка, интерес, который представляет проведение сравнительного анализа татской лексики с другими иранскими языками, наличие огромного слоя слов и элементов, исчезнувших в других современных иранских языках, но сохранившихся в татском и происходящих из древних языков различных семей.

И. Н. ЦАЛЛАГОВА,
кфн, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОМАТИЗМА «СÆР» «ГОЛОВА» В ДИГОРСКОМ ДИАЛЕКТЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена структурно-семантическому анализу словообразовательного гнезда (далее СГ), ядром которого является один из самых многозначных соматизмов в осетинском языке «сæр/голова». В исследовании проведен анализ околоядерного пространства, которое представляет собой сложную систему словообразовательных дериватов. Рассмотрены все словообразовательные типы единиц описываемого СГ: формативно-деривационные отношения, композитивно-деривационные отношения

Ключевые слова: *дигорский диалект осетинского языка, лексика, соматизмы, словообразование, словообразовательное гнездо, деривационные отношения.*

The article is devoted to the structural-semantic analysis of the word-building nest (further SG), the core of which is one of the most ambiguous somatisms in the Ossetian language «sær/head». The study conducted an analysis of the near-nuclear space, which is a complex system of derivational derivatives. All word-form types of units of the described SG are considered: formative-derivational relations, compositional-derivational relations.

Keywords: *Digorian variant of Ossetian language, vocabulary, somatisms, word formation, derivational nest, derivational relations.*

Социальные и исторические изменения окружающего мира оставляют свой след в языке, именно поэтому современное состояние любого языка — это результат длительного исторического развития. Одним из самых подвижных и динамичных сфер языка является его лексический состав, в котором и отражаются все изменения происходящие в окружающей действительности. В данном контексте одним из значимых языковых явлений выступает полисемантизм слова, который особенно ярко представлен в лексике, обозначающей части тела человека или животного, т.е. соматизмах.

Как известно, соматизмы являются одним из самых древних пластов лексики любого языка. Сомонимы часто становились объектом изучения в различных областях науки, таких, как антропология, этнография, философия, лингвистика. Названия частей тела отражают представление человека о самом себе, и именно поэтому представляют собой большой интерес для исследования лексической системы любого языка. Исследовательский интерес к данному пласту лексики в разные периоды обусловлен возрастающим вниманием к теме человеческого фактора в языке.

Известно, что процесс восприятия человеком себя как личности, начинается с появлением ощущений, возникающих через органы чувств и частей его тела. Эгоцентричность человека позволяет говорить о том, что он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию [5, 702].

Общеизвестно, что термин «соматический» в противопоставлении понятию «психический» активно используется в значении «связанный с телом человека, телесный» в биологии и медицине.

В отечественной лингвистике термин впервые встречается в работах Ф. Вакка. Автор определяет термин «соматизмы» как имена существительные со значением «часть тела человека или животного». В ходе анализа эстонских фразеологизмов автор называет названия частей тела, используемые в них, соматическими [4, 64].

В отечественной и зарубежной лингвистике данный пласт лексики довольно хорошо изучен, но в осетинском языкознании вопросы, связанные с соматической лексикой, рассмотрены не так полно и имеют фрагментарный характер. Комплексных исследований по данной проблематике на сегодняшний день не существует.

Для соматической лексики характерна сложная система переносных значений и повышенная продуктивность в сфере словообразования и фразеобразования. Этому процессу чаще всего подвергаются соматизмы, которые представляют собой наименования наружных частей тела человека, иначе говоря, наиболее активных и функционально очевидных для человека. В свою очередь они распадаются на два класса: 1) голова, лицо (глаза, нос, рот, уши); 2) руки, ноги. Кроме этого, ядерным признается соматизм «сердце», в силу его функционального назначения. В околядерном пространстве представлена сложная система их словообразовательных дериватов [3].

Учитывая цели данного исследования, необходимым является рассмотрение первичных (прямых) и вторичных (переносных) значений исследуемой лексики *сæр/голова* в дигорском диалекте осетинского языка.

Слово *сæр/голова* является одним из самых многозначных соматизмов осетинского языка. Анализ значений лексики *сæр/голова* показал, что она включает в свою смысловую структуру такие семы, как: 1) думать, размышлять; 2) главный жизненно необходимый орган; 3) круглая форма; 4) верхняя, расположенная наверху, (часть); 5) начало чего-либо.

Таким образом, соматизм *сæр/голова* в осетинском языке (в обоих его вариантах) имеет такие значения, как:

- *Адæймаги кенæ цæрæгойи бауæри хай, сæригæхцæ æма цæсгом еумæ*/Часть тела человека или животного, состоящая из черепной коробки и лица (у животных — морды);

- *Адæймаги зунд*/Человеческий ум, рассудок;

- *Гоймаг*/Личность;

- *Райдайæн*/Начало чего-либо;

- *Ести дзаумайæн йæ уæлдæр хай*/Верх, верхняя часть чего-либо;

- *Ести дзаумайæн йæ сæр, йæ уæлдæр хай цæмæй æхгæд, æмбæрзт фæууы*/Крышка, крыша (покрытие).

Говоря о многозначности слова, следует заметить, что употребление одного и того же слова в разных значениях является для человека естественной мыслительной операцией. Значения многозначного слова реально присутствуют в сознании. Человеческий мозг обладает способностью хранить достаточно большой информационный материал. При необходимости автоматически происходит реконструкция в сознании того фрагмента действительности, с которым связано одно из значений данного языкового знака, и, наоборот, носитель языка способен воспроизвести языковой знак, с которым сопряжен воспринимаемый фрагмент действительности. Собственно говоря, в этом и заключается психофизическая сторона полисемии слова [6].

Соматизм *сæр/голова* входит во множество идиоматических сочетаний и фразеологизмов, которые часто не поддаются точному переводу.

Æ сæр ин радаста/букв. побрил ему голову (сильно отругал); *мæ сæр мæбæл куройни зилд кæнуы*/букв. моя голова крутится на мне,

словно мельница (говорят о ситуации, когда много дел, проблем); *сæрмаæ хæссун*/букв. нести к голове (считать для себя подобающим, достойным, не унижительным, не брезгать, мириться) и т.д.

Данная статья посвящена изучению существующих в дигорском диалекте осетинского языка словообразований, мотивационной основой которых являются прямые и переносные значения соматизма *сæр/голова*.

Материалом для исследования послужил языковой материал, собранный методом сплошной выборки из всех доступных на сегодняшний день словарей, а также из наших собственных наблюдений. Ввиду того, что представленный в статье иллюстративный языковой материал вводится в научный оборот впервые, мы считаем необходимым включить его полностью.

Комплексной единицей словообразовательной системы является словообразовательное гнездо (СГ). Под СГ традиционно понимается совокупность однокоренных лексических единиц, которые связаны мотивационными семантическими отношениями, обусловленными общим корнем и отдельными словообразовательными значениями. Такое понимание СГ подразумевает учет и взаимосвязь как лексической, так и словообразовательной семантики, что находит выход в трактовке СГ как системы лексических (номинативных) единиц, выражающих особый тип языковой семантики — лексико-словообразовательное значение. М.Н. Янценецкая определяет *лексико-словообразовательное значение* как реализацию собственно словообразовательного значения на уровне семантической темы большей или меньшей степени обобщения, связывающей тематическую и словообразовательную семантику и, благодаря этому, наполняющую достаточно общие словообразовательные формулы конкретным содержанием [8].

Соматизм *сæр/голова* в осетинском языке имеет большой словообразовательный потенциал и образует достаточно многочисленное словообразовательное гнездо.

Значительная часть этих сложных слов характеризует человека с самых разных сторон:

физическое состояние (*сæрæгас* (живой, невредимый), *сæргубур* (с опущенной головой, сторбленный), *сæрмесиндзæгмаæ* (вниз головой), *сæрмаæбунтæй* (наоборот, навыворот) и т.д.;

нравственные качества (*сæрбонзонгæ* (сдержанно, спокойно, хладнокровно, зная себе цену; сдержанный, хладнокровный), *сæрустур* (гордый, надменный; гордиться, важничать) и т.д.;

интеллектуальные способности (*сæргин* (головастый, перен. умный));

социальное положение (*сæрихецау* (муж, супруг), *сæркъуæр* (палач), *сæрмагин* (собственник), *сæрæмсæр* (равный — по уму, по чету, благородству, воспитанию, достоинству), и т.д.;

Рассматривая способы словообразования, отметим, что в дигорском варианте осетинского языка их три: префиксальный, суффиксальный и путем словосложения.

Суффиксальный способ образования является довольно продуктивным в осетинском языке.

Суффикс *-аг* в отыменных образованиях, таких, как *сæркаг*, *сæйраг* — указывает на предназначение.

Формант *-гъæ* в слове *сæргъæ* (изголовье), *сæргъи* (в изголовье, над, возле, около) относится к малопродуктивным и встречается довольно редко.

Отыменные образования с суффиксом *-æн* редки. Скажем, слово *сæрæн*, которое в осетинском языке имеет два разных значения, т.е. мы имеем дело с омонимией. Дело в том, что *сæрæн* в выражении «*йæ сæрæн нæу/он неважно себя чувствует*», мы имеем форму дательного падежа от «*сæр*», лексикализованный в идиоме. В этой идиоме слово «*сæр*» имеет значение «*уд/од (душа)*», букв. нехорошо душе, нехорошо голове. Более употребительно в осетинском языке (в обоих его вариантах) слово *сæрæн* в значении «предприимчивый», «бойкий», «способный». Однако в данном случае слово не относится к СГ «*сæр*». Вероятнее всего, по мнению В.И. Абаева, это тюркское заимствование [2].

Суффикс *-гин* образует чаще всего прилагательные, указывающие на обладание какими-либо свойствами. Например, слово *сæрмагин* (собственный), образовано от формы направительного падежа *сæрмаæ* и суффикса *-гин*. «Голова» здесь означает «личность», в итоге слово *сæрмагин* означает буквально «находящийся в персональной собственности». Сюда же относится слово *сæргин* (головастый, перен. умный).

Суффикс *-ой* указывает на большую степень какого-либо при-

знака или отсутствие чего-либо, а также порядковые числительные. В отсоматических дериватах мы имеем *сæрой* (старший, главный). Слово *сæргъузой* (защитник, заступник, правитель) образовано путем сложения существительного «сæр» и глагола «гъузун (подкрадываться)», который также имеет форму, образованную с суффиксом *-ой* «гъузой (подкрадывающийся)».

Суффикс *-дзийнадæ* образует отвлеченные понятия, например лексема *сæрустурдзийнадæ* (гордость, важность), образована путем сложения существительного «сæр», прилагательного «устур/большой» и суффикса *-дзийнадæ*.

Префиксальный способ образования в осетинском языке больше характерен глаголу, однако мы имеем и отыменные образования: *æмсæр* (равный по достоинству, знатности, положению), *æнæсæр* (безголовый, перен. легкомысленный, не очень умный). В данном случае префикс *-æм* имеет значение общего действия, а *-æнæ* — быть лишенным чего-либо.

Самым продуктивным путем словообразования в контексте СГ «сæр» является словосложение. Сложные слова в осетинском языке состоят обычно из двух компонентов, реже — из трех. Первые компоненты сложных слов выступают главным образом в двух видах: в неформленном виде (в именительном падеже) и в падежной форме (чаще всего, в родительном падеже) [7, 119].

В неформленном виде в первой части сложного слова могут выступать местоимения, числительные, прилагательные, предлож-ные частицы, существительные, выполняющие роль определения. В словах, образованных с помощью соматического компонента «сæр», чаще всего образование происходит путем присоединения двух основ: *сæрбарæ/сæребарæ* (свобода), *сæргæхцæ* (череп), *сæрфад* (порядок), *сæркурес* (самый верхний сноп в скирде), *сæрнивонд* (самопожертвование, жертвование, жертва), *систæсæр* (вшивоголовый) и т.д. Данный тип сложных слов принято называть соединительными, так как компоненты композитов независимы друг от друга.

Слова, в которых первые компоненты претерпели изменения: *анзисæр* (Новый год, букв. начало года), *сæрикъудур* (череп), *сæрмагъз* (головной мозг), *сæригъун* (волосы на голове), *сæрихецау* (муж, супруг) и т.д.

В образованных словах словообразующий компонент «сæр» может выступать как в качестве первого, так и второго компонента: *æмсæр* (равный по достоинству, знатности, положению), *анзисæр* (Новый год, букв. начало года), *авдисæр* (понедельник), *бæгъæнсæр* (без головного убора), *рæуæгсæр* (пустоголовый), *цæггæрсæр* (плешивый), *стурсæр* (большеголовый), *сæрæгас* (живой, невредимый), *систæсæр* (вшивоголовый), *сæраппонд* (из-за, ради), *сæрбарæ/сæребарæ* (свобода), *сæрбæттæн* (платок, косынка), *сæргæхцæ* (череп), *сæрикъудур* (череп), *сæрбехъурон* (вниз головой), *сæрфад* (порядок), *сæрдасæн* (бритва), *сардасæг* (цирюльник), *сæрмагонд* (особый, специальный), *сæрисафæн* (погибельный), *сæрисæфæн* (место гибели, бездна, пропасть), *сæрисæфт* (гибель, гибель), *сæрвасæн* (гребень, расческа), *сæрвæлтау* (за кого-либо, вместо кого-либо), *сæримагъз* (головной мозг), *сæригъун* (волосы на голове), *сæрустур* (гордый, надменный; гордиться, важничать), *сæргубур* (с опущенной головой, сгорбленный; перен. понурый, печальный), *сæргъæ* (изголовье, *сæргъи* (в изголовье, над, возле, около)), *сæригон* (с непокрытой головой), *сæресгæ* (пирог не разрезаемый, а вскрываемый сверху), *сæркаг* (верхний), *сæрмабунтæй* (наоборот, навыворот), *сæрмесиндзæгмæ* (вниз головой), *сæрихецау* (муж, супруг), *сæркъуæр* (палач), *сæркурес* (самый верхний сноп в скирде), *сæрмагин* (собственник), *сæрнивонд* (самопожертвование, пожертвование, жертва), *сæрсæттæн* (головоломка), *сæригъун* (волос), *сæрустурдзийнадæ* (гордость, важность), *сæрхуар* (мот, промотавший), *сæрхъип* (человек легкого поведения, легкомысленный), *сæрзелæггун* (вет. вертячка, головокружительный, вызывающий головокружение, перен. помешанный, сумасшедший), *сæрзела* (головокружение, головокружительный), *сæрзæнт* (металлический головной убор, шлем, каска), *сæргин* (головастый, перен. умный), *сæрбонзонгæ* (сдержанно, спокойно, хладнокровно, зная себе цену; сдержанный, хладнокровный); *сæрбедурон* (кувырок), *сæрбадтгæнæг* (председательствующий), *сæрбадæг* (председатель), *сæрæмсæр* (равный (по уму, почету, благородству, воспитанию, достоинству)), *сæрæлвинæн* (машина для стрижки волос), *сæрæвæрæг* (зачинщик, инициатор), *сæрбæлдзорæг* (защитник), *сæрбæлхуæцæг* (защитник).

В осетинском языке в сложных словах, где одна часть служит определением другой, определение стоит постоянно впереди

определяемого. Для современных словообразований такой порядок является закономерным. Однако имеются факты, которые указывают на то, что в прошлом порядок был более свободный и допускалась инверсия, иначе говоря, слово-определение могло стоять после определяемого слова [1, 144].

Такие инвертированные слова в значительном количестве существуют и в современном осетинском языке, в том числе и в описываемом СГ, например: *сæрæгас*, *сæрустур*, *сæрхъæн*, *сæргубур*, *сæрæлвинæн* и т.д. В данном контексте любопытным являются такие словообразования, как *сæрустур* и *стурсæр*. В обоих случаях буквальным значением является «с большой головой, головастый» (*сæр*/голова + *устур*/большой). Однако слово *сæрустур*, в котором мы наблюдаем инверсию, бытует в переносном значении «надменный, гордый», а *стурсæр* в его прямом значении.

Частеречная характеристика описываемых слов-композигов показала, что компонентами слова могут быть:

композигов, имеющие в первой части прилагательное, а во второй — имя существительное, или наоборот — *бæгъæнсæр* (без головного убора, букв. голая голова), *рæуæгсæр* (пустоголовый, букв. пустая голова), *цæггæрсæр* (плешивый, букв. плешивая голова), *стурсæр* (большеголовый, букв. большая голова), *сæрæгас* (живой, невредимый, букв. живая голова), *сæргубур* (с опущенной головой, букв. сгорбленная голова), *сæрустур* (гордый, надменный; гордиться, важничать, букв. голова большая), *сæригон* (с непокрытой головой) и т.д.;

композигов, имеющие в первой части имя существительное, а во второй — глагол или отглагольное имя — *сæрбæттæн* (платок, косынка), *сæрдасæн* (бритва), *сæрмагонд* (особый, специальный), *сæрисафæн* (погибельный), *сæрвасæн* (гребень, расческа), *сæркъуæр* (палач), *сæрсæттæн* (головоломка), *сæрисæфæн* (место гибели), *сæрхуар* (мот, промотавший), *сæрзела* (головокружение, головокружительный), спокойно, хладнокровно, зная себе цену; сдержанный, хладнокровный); *сæрбадтгæнæг* (председательствующий), *сæрбадæг* (председатель), *сæрæлвинæн* (машина для стрижки волос), *сæрæвæрæг* (зачинщик, инициатор, основоположник) и т.д.;

композигов, имеющие в первой части имя существительное, а во второй — деепричастно-причастную форму на -гæ — *сæр-*

бонзонгæ (сдержанно), *сæресгæ* (пирог не разрезаемый, а вскрываемый сверху) т.д.

Образование некоторых деривационных форм с соматизмом «сæр» на первый взгляд, сложно объяснить. Так, скажем, слово *сæраппонд* (из-за, ради, по поводу), где вторая часть деривата «-аппонд» сложно поддается объяснению. В.И. Абаев в этимологической справке к данному слову предположил, что, возможно, слово образовано из *сæрæн+конд*, где в первой части форма дательного падежа слова *сæр* в значении «причина», «повод», во второй же — причастие «конд» от глагола «кæнын/делать». К тому же он отмечает, что в дигорских текстах встречается и другая форма данного слова *сæрапгонд*, которую он считает промежуточной [2]. Также сложно объясняется слово *сæрбехъурон* /«вниз головой». Вызывает вопрос вторая часть словообразования, которая, скорее всего, имеет звукоизобразительную природу. Слово *сæрвæлтау* (за кого-либо, вместо кого-либо), образовано путем присоединения к слову *сæр* слова *фæлтау*, которое в самостоятельном употреблении означает «лучше было бы», здесь мы имеем значение «пусть лучше моя голова погибнет». В слове *сæрзæнт* (металлический головной убор, шлем, каска) ясен только первый компонент, второй — *зæнт* сложно объяснить.

Таким образом, в дигорском варианте осетинского языка СГ, вершиной которой является соматизм «сæр/голова», довольно многочисленна и включает в себя более 50 единиц. Значительная часть этих сложных слов характеризует человека с самых разных сторон: 1) физическое состояние; 2) нравственные качества; 3) интеллектуальные способности; 4) социальное положение. В данной группе представлены все типы словообразования в осетинском языке: префиксальный, суффиксальный и путем словосложения. Наиболее продуктивным способом словообразования является словосложение. Частеречная характеристика описываемых слов-композигов показала, что компонентами сложного слова могут быть: 1) композиты, имеющие в первой части прилагательное, а во второй — имя существительное, или наоборот; 2) композиты, имеющие в первой части имя существительное, а во второй — глагол или отглагольное имя; 3) композиты, имеющие в первой части имя существительное, а во второй — деепричастно-причастную форму.

1. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959. 165 с.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958. Т. II. Л., 1973. Т. III. Л., 1979. Т. IV. Л., 1989. Указатель. М., 1995.
3. Богус З. А. Соматизмы в разносистемных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук/Адыг. гос. ун-т. Майкоп, 2006. 27 с.
4. Вакк Ф. О. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1964. 28 с.
5. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
6. Мугу Р. Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук/Адыг. гос. ун-т. Майкоп, 2003. 24 с.
7. Таказов Ф. М. Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. 164 с.
8. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования (аспект взаимодействия словообразования с лексикой): Дис. ... докт. филол. наук. Томск, 1982. 45 с.

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ

Б. М. БИРАГОВА,
к.полит. н., СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФАКТОР

В статье рассматриваются факторы этнополитических рисков на Северном Кавказе в контексте модернизации и «глокализации». На основе контент-анализа регионального сегмента информационного пространства выявлены тенденции активизации мобилизационного потенциала средств массовой информации и социальных сетей в общественно-политических процессах на Северном Кавказе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, этнополитические риски, модернизация, «глокализация», национализм, этнополитический конфликт, средства массовой информации, социальные сети.

The article considers the factors of ethno-political risks in the North Caucasus in the context of modernization and «glocalization». Based on the content-analysis of the regional segment of information space, the tendencies of amplification of mobilization potential of mass media and social networks in socio-political processes in the North Caucasus have been revealed.

Keywords: the North Caucasus, ethno-political risks, modernization, «glocalization», nationalism, ethno-political conflict, mass media, social networks.

Характерной тенденцией постглобалистского мира стала «глокализация» [1] — протестная глобализации форма политического, экономического, социального и культурного развития, в основе которого лежит отстаивание государствами и народами своей этнической идентичности и этнической культуры («культуры предков») с одновременным стремлением к стиранию пространственных границ и укреплению внешних связей, включение этносов в пространство общекультурного диалога и превращение в реальных политических акторов на региональном и геополитическом уровнях.

После распада СССР и ликвидации биполярной системы экспорт западной системы ценностей в планетарном масштабе воспринимается незападными государствами как инструмент разрушения своего культурного кода, подавления этнического самосознания и реальная угроза государственному суверенитету. Вместо ожидаемой унификации и «конца истории» (Ф. Фукуяма) в современном мире, переживающем экономический и социокультурный кризис, побеждает парадигма «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), проявлениями которой являются: повсеместный рост национализма, сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма, деформация этнокультурного баланса в сторону интолерантности и конфронтации на всех уровнях.

Магистральным трендом политической повестки (об этом красноречиво свидетельствует риторика элит и характер общественных дискуссий) в полиэтничных странах и, в частности, на постсоветском пространстве, стал национализм.

Важно учитывать, что существует два подхода в понимании национализма: 1) «государственный», «политический», «гражданский» — чувство «принадлежности народу, объединенному общей исторической, лингвистической и, возможно, расовой или религиозной связью, с верой в то, что он идентифицирован с определенной территорией и либо составляет национальное государство, либо стремится к тому» [2]; 2) «этнонационализм», «крайний национализм» (в таком понимании национализм родствен этнократии, шовинизму, ксенофобии) — «идеология, психология, социальная практика, мировоззрение и политика подчинения одних наций другим, проповедь национальной исключительности и превосходства, разжигание национальной вражды, недоверия и конфликтов» [3].

Примечательно, что «национализация» общественного сознания и поведения в разных регионах, может, имеет свою специфику, связанную с политической историей и культурой того или иного этноса и государства, а также с внутривнутриполитической и внешнеполитической конъюнктурой.

Так, крах политики мультикультурализма и дерзкие атаки террористов в различных городах толерантной Европы стали катализатором крупных социально-политических сдвигов: от роста популярности ультраправых партий до «Брекзита» и периодических маршей националистов и неонацистов в Италии, Польше, Латвии, Литве, Эстонии, Украине, которые являются своеобразным «выходом пара» и на время «закрывают», с одной стороны, антиисламский и антииммигрантский, с другой — антисоветский и антироссийский «гештальт» в Европейском доме.

В Индии с 2016 года, согласно постановлению Верховного суда, во всех кинотеатрах страны перед началом сеанса зрители должны стоя прослушать государственный гимн Джана Гана Мана («Душа народа») на стихи Рабиндраната Тагора [4]. Еще одним резонансным нововведением стало присвоение в марте 2017 года Высоким судом индийского штата Уттаракханд статуса юридического лица рекам Ганг и Ямуна, что объясняется «центральной ролью» рек в обеспечении физической и духовной поддержки населения страны с незапамятных времен, а также возможностью «активнее защищать их от загрязнения и прочего негативного влияния со стороны людей. Теперь права рек в суде смогут отстаивать глава правительственной программы по очистке реки Ганг, главный секретарь и генеральный прокурор Уттаракханда» [5].

Несколькими днями ранее парламент Новой Зеландии наделил правами человека реку Уонгануи, которую местное племя маори считает своим предком и признания которой живым существом добивалось 140 лет. Согласно закону, «вред Уонгануи приравнивается к ущербу племени, поскольку они считаются единым целым. Кроме того, река получила двух попечителей: один представляет власти страны, второй — племя» [6].

Вопрос «цивилизационного выбора», поиска «национальной идеи», «духовных скреп», «смыслов» сегодня приобрел особую актуальность для стран постсоветского пространства. Ожесточенная ан-

тироссийская риторика стала имиджевым атрибутом политических элит Украины и Белоруссии, в целом же для бывших союзных республик в той или иной мере становится характерным навязчивое желание дистанцироваться от советского прошлого и российской «ойкумены». В октябре 2017 года президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подписал указ о поэтапном переводе казахского языка с кириллицы на латиницу до 2025 года в рамках озвученной им «Стратегии «Казахстан-2050» — новый политический курс состоявшегося государства» как способа «более плотного вхождения страны в тюркский мир». И хотя официальная Астана настаивает на том, что переход «ни в коем случае не затрагивает права русскоязычных, русского языка и других языков», а в соответствии с конституцией страны, в государственных организациях и органах местной власти русский язык официально употребляется наравне с казахским, как казахстанские, так и российские политологи выразили опасения, что «лингвистические нововведения приведут к сужению использования русского языка и массовому уходу из Казахстана этнических русских», составляющих, по последним данным, 20,61% населения страны [7].

26 октября президент Киргизии Алмазбек Атамбаев подписал указ о переименовании Дня Октябрьской революции в День истории и памяти предков. Неожиданное переименование заметили в российском издании «Лента.ру» и задались вопросом: «Отныне 7 и 8 ноября в республике будут вспоминать Туркестанское восстание 1916 года, когда в среднеазиатских владениях Российской империи началось сопротивление призыву на тыловые работы. Впрочем, в указе говорится, что движущей силой тех событий стало «стремление народа к свободе». В соседнем Казахстане восстание тоже считают частью национально-освободительного движения. Почему соседи и союзники России продолжают строить государственную идеологию на антироссийской риторике?» [8].

Между тем в самой полинациональной и поликонфессиональной России в последнее время прокатилась волна резонансных событий, актуализировавших проблематику националистической идеологии и таящих в себе определенные этнополитические риски. Под этнополитическим риском здесь и далее мы понимаем «вероятность негативного влияния этнического фактора на устойчивость политического пространства» [9].

Суть национальной политики Российской Федерации отражена в Стратегии государственной национальной политики до 2025 года. В своих выступлениях Президент РФ В. В. Путин неоднократно подчеркивал: «Для нашей страны, которая исторически стала общим домом для сотен народов и этносов, межнациональное согласие является безусловным приоритетом, важнейшим условием самого существования государства. Здесь у нас есть основа, фундамент. Это многовековой опыт. При этом мы видим, что межнациональные отношения — это сложнейшая, чувствительная сфера. Она постоянно развивается, здесь появляются новые проблемы, к сожалению, и острые вызовы. И, чтобы грамотно, содержательно на них отвечать, нужны современные и гибкие решения [10].»

31 октября 2016 года на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ Владимир Путин поддержал идею создания закона «О единстве российской нации и управлении межэтническими отношениями», в котором будут прописаны «понятийный аппарат, механизм разграничения полномочий между федеральной, региональными и местными властями, система мониторинга этноконфессиональных отношений в субъектах РФ, политика государства в отношении малых и коренных народов, принципы этнологической экспертизы законопроектов» [11].

После анонсирования закона в СМИ, в научных кругах и социальных сетях разгорелась дискуссия о правомерности самого понятия «российской нации»: представители русского этноса усмотрели в формулировке закона принижение государствообразующей роли русских (не «российская», а «русская нация»), представители национальных окраин — ущемление этнических прав (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в России проживает около 200 различных народностей, при этом почти 80 процентов граждан — русские). До сих пор вопрос о трактовке понятия «российская нация» (как этнического или гражданско-политического?) остается открытым.

Резонанс вокруг инициирования закона, а также контент-анализ материалов различных российских СМИ, посвященных этнополитической тематике, позволяет сделать вывод о неготовности российского общества конструктивно принимать сложное государственное устройство страны, разграничивать конструктивный национа-

лизм (в первом предложенном нами определении) и деструктивный (во втором определении), несмотря на усилия власти, а также о пробелах в национальной политике государства и латентных этнополитических рисках межнациональных и межконфессиональных отношений, которые необходимо учесть законотворческой группе.

В подтверждение можно привести инцидент с арестом двух жителей Кабардино-Балкарии за исполнение кавказского танца лезгинка на одной из улиц г.Геленджик Краснодарского края. Видеоролик с инцидентом, вскоре оказавшийся в открытом доступе в Интернете и в федеральных выпусках новостей, повествует о том, как двух молодых людей, исполнявших лезгинку и отказавшихся предъявить документы, под возмущенные крики граждан полицейский и казачий патруль с применением насильственных действий и с формулировкой «Лезгинка в Краснодарском крае запрещена» увозят в отдел полиции. Молодым людям было предъявлено обвинение по ч.2 ст. 20.1 КоАП РФ («Мелкое хулиганство, сопряженное с неповиновением законному требованию представителя власти»), несколько суток они провели в изоляторе. Первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия», представитель Кабардино-Балкарии в Государственной Думе ФС РФ А. Шхагошев направил запрос губернатору Краснодарского края В. Кондратьеву с просьбой взять ситуацию под личный контроль, отметив: «...В данном случае полиция Геленджика поступила излишне жестко. На мой взгляд, можно было решить ситуацию мирно, не нагнетая. Любой танец нарушает покой в ночное время, но все произошло днем. По словам очевидцев, был захватывающий танец. Лезгинка — это часть национальной культуры, с которой бороться не нужно! И в Краснодарском крае нет никакого запрета на исполнение этого танца. Более того, не стоит забывать, что Геленджик — это курортный город» [12].

После того, как видео попало в Интернет, кавказский его сегмент буквально взорвался негативными комментариями, выражавшими недоумение о непропорциональном применении силы блюстителями правопорядка и, особенно, о «запрете лезгинки», что было воспринято как разжигание межнациональной розни и ущемление всего кавказского населения страны в культурных правах. Эскалации ситуации способствовали некоторые СМИ (телеканал «Дождь», интернет-газета ZNAK.com, «Кубанские новости»), активно муссиро-

вавшие слух о якобы законодательном запрете лезгинки, называя при этом конкретные города (Ростов-на-Дону, Пятигорск, Ставрополь).

Несмотря на то, что никаких официальных документов о запрете не существует, народный кавказский танец неоднократно вызывал общественные скандалы: в 2010 и 2013 гг. в Пятигорске и Кисловодске, соответственно, из местных вузов были отчислены несколько десятков студентов, представителей республик Северного Кавказа, за «исполнение слишком шумных национальных танцев». В 2010 г. в Ставрополе на двоих танцоров лезгинки напали с огнестрельным оружием, а в Ростове-на-Дону прошел антикавказский митинг с требованием запрета лезгинки [13].

Таким образом, маркеры, связанные с Северным Кавказом, как в данном случае лезгинка, вызывают неоднозначную реакцию и провоцируют националистические настроения в российском обществе, которое, судя по всему, до сих пор не приняло свою многонациональную и многоконфессиональную природу. По оптимистичному мнению политолога, профессора МГИМО Валерия Соловья, «страну удерживают три ... скрепы, каждой из которых было бы вполне достаточно. Русский язык. Российский рубль. Русская культура. Главное же — никто не рвется вон из Российской Федерации, даже в Татарстане центробежные силы ничтожны — максимум могут попросить о каких-то символических преференциях... Даже Северный Кавказ, самый опасный в этом смысле регион, не понимает, к кому ему приткнуться вне России и как жить» [14].

Соглашаясь и в то же время оставляя за собой право поспорить с известным политологом, отметим, что Северный Кавказ вовлечен в сложные процессы модернизации и «глокализации», которые проходят весьма болезненно и превращают его в «зону повышенного этнического риска» по целому ряду факторов:

1) сложный полинациональный и поликонфессиональный состав, требующий соблюдения баланса интересов всех акторов. Так, своеобразным механизмом «сдержек и противовесов» в республиках является «этническое квотирование» при распределении властных полномочий. При этом важно отметить болезненную реакцию на приход к рычагам управления внешних акторов (пример — назначение В. А. Васильева на должность главы Республики Дагестан,

вызавшее ошутимое недовольство как в истеблишменте, так и среди общественных активистов), при этом, напротив, назначение выходцев из национальных республик на административные посты в крупных российских городах воспринимается как имиджевый успех всего этноса;

2) социально-экономический кризис, высокий уровень дотационности, безработицы, трудовой миграции, низкая инвестиционная привлекательность и т.д.;

3) нестабильная общественно-политическая ситуация и общий конфликтный фон: угроза террористических атак, распространение радикального исламизма, наличие территориальных споров и «замороженных» этнополитических конфликтов (осетино-ингушский, грузино-осетинский), реваншизм в связи с поражением в Кавказской войне, «черкесский вопрос» и т.д.;

4) замкнутость политического поля, внутриэлитные противоречия, клановость, дистанция между элитами и населением, низкая социальная активность, инертность институтов гражданского общества;

5) столкновение традиционализма и модернизации, трансформация культурной матрицы, сопровождающаяся ломкой устоев, отмиранием традиций, клинч между стремлением к инновациям и трансграничным коммуникациям и сохранением этнической идентичности, национального самосознания, культуры (отсюда общественный алармизм относительно сохранения национальных языков, обычаев и традиций под натиском глобализации; несанкционированные танцы в общественных местах и т.д.).

Анализ культурно-идеологической составляющей социального устройства на Северном Кавказе является ключом к пониманию механизмов предупреждения этнополитических рисков и эффективного управления ими. В условиях информационных войн за умы и настроения со стороны различных внешних акторов представляется важным уделять больше внимания качественному развитию средств массовой информации на Северном Кавказе, а также мониторингу социальных сетей.

1. Featherstone M., Lash S., Robertson R. Global Modernities. SAGE, 1995. 306 p.
2. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М.: «Издательство АСТ», 2001. С.244.
3. Голованов О. Краткий словарь по социологии. Кыштым, 2001. С.198.
4. В Индии кинотеатры обязали проигрывать гимн страны перед показом фильмов. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20161130/1482486676.html> (дата обращения: 31.10.2017).
5. В Индии реки Ганг и Ямуна признали юридическими лицами. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20170321/1490470454.html> (дата обращения: 31.10.2017).
6. Река в Новой Зеландии впервые в мире получила права человека. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20170316/1490144757.html> (дата обращения: 31.10.2017).
7. См.: Назарбаев подписал указ о переводе алфавита на латиницу. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20171027/1507649354.html> (дата обращения: 31.10.2017); Переход Казахстана на латиницу — это сигнал для России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/cis/2017-04-13/1_6973_kazakhstan.html (дата обращения: 31.10.2017); В Казахстане рассказали о статусе русского языка после перехода на латиницу. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20171031/1507888046.html> (дата обращения: 31.10.2017); Азбучные истины. Чем закончится попытка Казахстана перейти на латиницу. [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2017/04/20/latin_asia/ (дата обращения: 31.10.2017).
8. «Их истребляли с большой жестокостью». Почему в бывших советских республиках ненавидят все русское. [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2017/10/31/mutiny_1916/ (дата обращения: 31.10.2017).
9. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-1562421.html> (дата обращения: 31.10.2017).
10. Заседание Совета по межнациональным отношениям. Стенограмма. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата обращения: 31.10.2017).
11. Закон о российской нации решили переименовать из-за «неготовности общества». [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2017/03/07/zakon/> (дата обращения: 31.10.2017).
12. Главу Кубани попросили разобраться с задержанием за лезгинку в Геленджике. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20170814/1500351399.html> (дата обращения: 31.10.2017).

13. Аресты, казаки, баллончиком в глаза. Что произошло в Геленджике и правда ли, что лезгинка где-то запрещена? [Электронный ресурс]. URL:<https://www.yuga.ru/articles/society/8134.html> (дата обращения: 31.10.2017).

14. Валерий Соловей: Наверху преемника уже определили. Но будет иначе. [Электронный ресурс]. URL: <https://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20170908-valeriy-solovey-naverhu-preemnika-opredelili-no-budet-inach> (дата обращения: 31.10.2017).

Р. В. ХУБУЛОВА,
магистрант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ РФ И КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Данная статья посвящена исследованию развития отношений между двумя государствами-партнерами — Россией и Китаем. Прослеживается формирование стратегического партнерства, его основные результаты, проблемы и пути их решения. Особое внимание уделяется перспективам субъектов СКФО, и в частности РСО-Алания, в двустороннем сотрудничестве.

Ключевые слова: *двустороннее сотрудничество, инвестиционные связи, российско-китайские отношения, стратегическое партнерство*

This article is devoted to the study of the development of relations between the two partner states — Russia and China in the 21st century. The dynamics of relations at different stages, the formation of a strategic partnership, its main results, problems and ways to solve them are traced.

Keywords: *bilateral cooperation, investment ties, Russian-Chinese relations, strategic partnership*

В последние годы российско-китайские отношения продолжают развиваться по широкому спектру областей сотрудничества. Взаимодействие в политической сфере отличается стабильностью и совпадением позиций Москвы и Пекина по основным вопросам международной повестки дня. Официальные оценки китайского руководства характеризуют двусторонние связи в настоящее время как «зрелые и устойчивые», прочную основу которых составляет «взаимное доверие и поддержка», отношения носят «долгосрочный и стратегический характер», «могут выдержать любые испытания» и «не будут меняться из-за каких-либо временных факторов».

Основные принципы российско-китайских отношений, главные направления и сферы двустороннего сотрудничества отражены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Рос-

сийской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанном 16 июля 2001 года в Москве. Практически во всех областях сотрудничества имеются межправительственные и межведомственные соглашения [1, 75].

На фоне обостренной политической ситуации в мире, взаимоотношения России и КНР набирают обороты. Две страны преследуют во многом одинаковые цели — сохранение своего культурного кода и права на самобытное развитие своих цивилизаций перед лицом нарастающего глобализма. Курс на развитие российско-китайского сотрудничества отвечает интересам народов обеих стран, которые в последствии не намерены его менять. По словам министра иностранных дел РФ Лаврова С. В. «Сотрудничество России и КНР в полном смысле слова взаимовыгодное сотрудничество, в котором нет старших и младших, ведущих и ведомых». Действительно, Россия проводит разностороннюю внешнюю политику, главной целью которой является развитие равноправного сотрудничества с партнерами на всех географических направлениях. В этом контексте развитие политического диалога и практического взаимодействия с Китаем носит стратегический неконъюнктурный характер. Россия и Китай — два крупнейших государства, живущих в тесном соседстве. За последние десятилетия была проделана колоссальная совместная работа, и сегодня можно с уверенностью утверждать, что эти связи являются наилучшими за всю их историю [2, 89].

Более того, Российско-китайские отношения развиваются и в многостороннем формате, в частности, в рамках Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС и др. Новый стимул их развитию дает переориентация внешних связей России на Азиатско-Тихоокеанский регион.

Следует отметить потенциал экспорта российских услуг. Ожидается, что в долгосрочной перспективе роль услуг во взаимной торговле участников блока будет расти. В частности, важное экономическое и гуманитарное значение имеет наращивание туристических услуг в КНР.

Уровень экономического сотрудничества двух стран, по мнению и российских, и китайских экспертов, заметно отстает от высокого уровня политического взаимодействия РФ и КНР. В Пекине отмечают, что, несмотря на трудности российской экономики из-за

снижения цен на энергоресурсы и санкций со стороны западных стран, в стране сохраняется социальная и политическая стабильность, к тому же наблюдается увеличение производства зерна и его экспорта, а также рост экспорта продукции военного назначения [3, 152-153].

Показатели торговли между РФ и КНР в долларовом выражении по итогам 2015 г. сократились на 27,8% по сравнению с предыдущим годом, составив около 69 млрд дол., однако потенциал торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества РФ и КНР по-прежнему высок. Посол КНР в России Ли Хуэй оптимистично оценивает перспективы развития двусторонних торгово-экономических связей. Он считает снижение показателей товарооборота РФ и КНР временным явлением, которое произошло в основном из-за резкого снижения цен на нефть и газ. При этом, подчеркивает дипломат, товарный объем двусторонней торговли не изменился, а в некоторых сферах был даже отмечен рост (импорт в Китай российского электромеханического оборудования, экспорт в Россию китайских товаров повседневного спроса). По словам Ли Хуэя, оба государства обладают крупными экономиками и большими рынками, а главное — уверенным стремлением к двустороннему сотрудничеству и уже отлаженными механизмами взаимодействия.

На протяжении последних лет стабильно растут показатели торговли продукцией сельского хозяйства между Россией и Китаем, в 2015 г. товарооборот достиг 3 млрд дол. Россия нарастила экспорт кукурузы и сои в КНР в 8 раз, подсолнечного масла — в 4 раза, муки — в 3 раза.

Инвестиционно-финансовое сотрудничество, по мнению китайских экспертов, является в настоящее время самой сложной сферой экономического взаимодействия РФ и КНР. До недавнего времени расширение такого сотрудничества наравне с упрощением доступа российских заемщиков на внутренний китайский рынок представлялось им маловероятным, это говорило о неготовности китайской стороны расширять инвестиционные связи в отрыве от получения дополнительных выгод в торговой сфере. Но сегодня Китай пересматривает свою инвестиционную стратегию. Это подтверждают слова полномочного министра посольства КНР в РФ Су Фанцю о том, что китайские компании проявляют заинтересованность во

вложении капитала в российские ТОРы (территории опережающего развития) и свободный порт Владивосток. Однако эти перемены объясняются скорее изменениями и потребностями экономики Китая в новых точках роста, нежели улучшением инвестиционного климата РФ [4, 81].

Большой потенциал инвестиционного сотрудничества у приграничных регионов двух стран — Дальнего Востока РФ и Северо-Востока Китая. Так, инвестиции граничащей с РФ провинции Хэйлуцзян в Россию увеличились с 510 млн дол. в 2013 году до 4,17 млрд дол. в 2015 г. По мнению губернатора провинции Хэйлуцзян Лу Хао, с точки зрения возможностей регионального передвижения ресурсов, капиталов и технологий ситуация «очень хорошая».

В академических кругах Китая важным достижением в торгово-экономическом сотрудничестве двух стран в 2015 г. называют начало практической состыковки стратегий развития РФ и КНР, а именно подписание документа о сопряжении китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) [5, 567].

Проект ЭПШП представляется перспективным и выгодным для России в том случае, если его реализация будет отвечать прежде всего национальным интересам РФ и стран Центральной Азии. Китай путем реализации столь масштабной инициативы преследует цель ускорения экономического развития своих западных районов, в первую очередь Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также продвижения своих товаров в Европу сухопутным путем. В связи с этим многие китайские эксперты, говоря сегодня о формировании ЭПШП на евразийском пространстве, рассматривают идею образования нескольких зон свободной торговли (ЗСТ) на маршруте Шелкового пути, что, по их мнению, будет способствовать процветанию всех государств, расположенных вдоль его маршрута.

Это будет фактором экономического развития и субъектов СКФО. Например, в 2015 году РСО-Алания уже посещали представители турбизнеса КНР. Тогда делегация от дипломатического представительства государственного управления по делам туризма КНР в Москве сочла Северную Осетию наиболее привлекательной из всех субъектов СКФО. По приглашению агентства развития Северной Осетии республику посетят 8 крупнейших туристических опе-

раторов КНР, сообщает пресс-служба агентства. В их числе Shanghai CITS, China Peace International Tourism, Easy Tours International Travel Shanghai, Beijing Grand Vision Travel Service Shanghai Branch, Golden Russia. В Северной Осетии они познакомятся с главными достопримечательностями и разработают специальные турмаршруты для китайских туристов.

Постоянное представительство РСО-Алания при Президенте РФ осуществляет координацию всех проектов с участием китайского капитала, которые уже реализуются или будут реализованы в Осетии. Активно обсуждается возможность включения Владикавказа в «Красный маршрут», в ходе которого туристы из Китая познакомятся с советским прошлым страны и с ее современной культурой. У Северной Осетии с Китайской Народной Республикой существуют давние связи. Речь идет об участии китайских добровольцев в революционных событиях на территории республики, установке памятной стелы китайским добровольцам, воевавшим за Советскую власть на Кавказе, а также о наличии в республике первого посмертного памятника В. И. Ленина на территории Советской России. Идея включения Владикавказа в «Красный маршрут» уже получила положительную оценку со стороны Государственного управления по туризму Китая, достигнута договоренность с Ростуризмом об оказании содействия в проведении переговоров с российскими туроператорами.

Одновременно с китайской стороны звучат призывы сделать ШОС основной площадкой для процесса сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. За этими предложениями явно просматривается китайская идея о создании ЗСТ в рамках ШОС. Следует подчеркнуть, что цель России при создании ЕАЭС, как представляется, заключалась в планах наращивания конкурентоспособности стран-участниц и усиления их экономического и промышленного потенциала. Поэтому обозначенный выше китайский вариант сопряжения не подходит РФ из-за разницы в конкурентоспособности между КНР и странами-членами ЕАЭС, и к решению вопроса о формировании ЗСТ в рамках ШОС следует подходить с осторожностью [6, 128].

ШОС может стать успешной площадкой для сопряжения двух проектов, включая обсуждение создания ЗСТ в рамках организации, но уже после присоединения к ШОС Индии и Пакистана в каче-

стве полноправных членом, а также повышения статуса Ирана, что усилит ШОС и позволит уравновесить экономическую мощь КНР. С этой точки зрения идеи формирования ЗСТ между ЕАЭС и ШОС, а также ЕАЭС и АСЕАН, выдвинутые российским руководством, представляются весьма выигрышными.

Следует признать, что сопряжение проектов ЭПШП и ЕАЭС неизбежно приведет к возрастанию конкуренции РФ и КНР на пространстве Центральной Азии. Это надо воспринимать не только как вызов, но и рассматривать как шанс для совершенствования форм экономического взаимодействия в ЕАЭС и укрепления сотрудничества России с партнерами по организации. Главное — не допустить перерастания конкуренции РФ с КНР в противостояние и противоборство; для успешного развития российско-китайского экономического сотрудничества важно в первую очередь учитывать то, что объединяет наши государства. А это — обеспечение стабильного развития и безопасности в Центрально-Азиатском регионе, поиск новых точек роста экономик стран-участниц процесса сопряжения. Перспективным представляется активизация сотрудничества с Китаем в сфере логистических и инфраструктурных проектов (включая строительство высокоскоростных магистралей), в области экологии, продовольственной безопасности, развития малого и среднего бизнеса, совместного развития производственных мощностей, в том числе на территории РФ [7, 91].

Реализуемый Россией в последние годы разворот на Восток в Китае оценивают как поиск Москвой новых возможностей и попытку преодолеть ограничение стратегического пространства РФ со стороны стран Запада. В Дипломатической академии КНР отмечают необходимость стратегического прорыва для России, особенно в условиях экономических санкций, расширения НАТО, снижения мировых цен на энергоресурсы и вялого развития экономики страны. После событий на Украине улучшение отношений с государствами АТР стало для России стратегической линией. В условиях превращения АТР в новый глобальный политический и экономический центр такое укрепление взаимодействия может стать важным фактором в сдерживании США, полагают китайские ученые.

В условиях проводимой Вашингтоном линии на сплочение вокруг себя стран-союзников и укрепление своих старых военных со-

юзов государства АСЕАН стремятся занять сбалансированную позицию между крупными державами, отмечают китайские политологи. Развитие сотрудничества с Россией способствует расширению для АСЕАН пространства на международной арене, демонстрирует независимость организации и позволяет избежать давления со стороны США. Все это предоставляет России возможность выйти из сложившейся непростой ситуации, поскольку на фоне политической многополярности все страны АТР заинтересованы в участии РФ в делах региона, считают в Пекине [8, 136].

Говоря о важнейших международных проектах на долгосрочную перспективу, которые реализуются при участии России и Китая, можно выделить следующие: в сфере финансов — Азиатский Банк инфраструктурных инвестиций, Банк Развития БРИКС и Банк Шанхайской организации сотрудничества, также будет функционировать Российско-китайский инвестиционный банк, финансирующий совместные проекты двух стран; завершение строительства газопровода «Сила Сибири» (система транспортировки газа Якутского и Иркутского центров добычи на Дальний Восток России и в Китай).

Более того, необходимо создание регулярных информационных площадок, поскольку из-за языкового барьера и малой прозрачности распространения информации предприятиям КНР очень трудно получить непосредственную информацию о потребностях российской стороны в инвестициях и о технической стороне сотрудничества.

Говоря об общих задачах РФ и КНР в сфере борьбы с терроризмом, китайские эксперты называют вызовом имеющиеся различия в подходах и восприятии некоторых террористических организаций и самого определения понятия терроризм у России и Китая, с одной стороны, и стран Запада, с другой. Неотъемлемой частью антитеррористического сотрудничества РФ и КНР китайской стороне представляется необходимость двух стран выступать единым фронтом, оказывать поддержку друг другу, а также активно заявлять о своей позиции в международном сообществе в вопросах по борьбе с терроризмом.

Итак, существуют определенные политические и экономические успехи и проблемы. Но, поскольку стратегические интересы стран на долгосрочную перспективу совпадают, то наиболее вероятно что

эти проблемы будут решаться. Мирное развитие и подъем обеих стран требует координации и долговременного сотрудничества на основе стратегии соразвития. Разумеется, дальнейшая неизменно поступательная динамика требует политической воли руководства России и Китая, настойчивой последовательной работы, взаимных уступок и учёта интересов друг друга, противодействия прямым и косвенным попыткам внешних и внутренних сил играть на реальных мнимых трудностях и естественно возникающих противоречиях между нашими странами. Однако такая работа принесет только положительный результат, поскольку отвечает коренным интересам внутреннего развития России и Китая, упрочению их международных позиций. А широкое сотрудничество и разностороннее взаимодействие двух великих государств, демонстрирующих модель миролюбивых и двусторонних и многосторонних отношений — важный фактор укрепления международного мира и безопасности.

---

1. Галенович Ю. М. Российско-китайские отношения (конец XIX — начало XXI в.). Москва, 2007.

2. Ларин В. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008.

3. Рогачев И. А. Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI в. Москва, 2005.

4. Титаренко М. Л. Китай и Россия в современном мире. Санкт-Петербург, 2015.

5. Россия и Китай. Четыре века взаимодействия. Под ред. А. В. Лукина. Москва, 2013.

6. Титаренко М. Л. Россия и Китай. Стратегическое партнерство и вызовы времени. Москва, 2014.

7. Чудодеев Ю. В. Россия — Китай. Стратегическое партнерство на современном этапе. Проблемы и перспективы. Москва, 2011.

8. Титаренко М. Л. Россия и Китай. Стратегическое партнерство и вызовы времени. Москва, 2014.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

27 АПРЕЛЯ ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ
НА БАЗЕ МБОУ СОШ № 46 ИМЕНИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА И. М. ДЗУСОВА СОСТОЯЛИСЬ III ОТКРЫТЫЕ
РЕСПУБЛИКАНСКИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
КОЛИЕВСКИЕ УЧЕНИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
«РУХСТАУÆГ» («ПРОСВЕТИТЕЛЬ»)

Колиевские чтения проводятся Министерством образования и науки Республики Северная Осетия-Алания в целях приобщения учащихся к духовному наследию осетинского народа, привития любви к родному языку, выявления, развития и поддержки одаренных учащихся. В конкурсе принимали участие учащиеся 1-11 классов.

По приглашению Организационного комитета в составе жюри «Колиевских ученических чтений» работали научные сотрудники Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева: в секции История Осетии — кин, снс отдела истории **А. В. Дарчиев**, кин, снс отдела этнологии **А. Х. Хадико-**

ва, мнс отдела этнологии **Т. Т. Дауева**; в секции Литературоведение — заведующий отделом фольклора и литературы, кфн **Ф. М. Таказов**, кфн, снс отдела фольклора и литературы **Е. Б. Дзапарова**; в секции Языкознание — кфн, снс отдела осетинского языкознания **Ф. О. Абаева**, кфн, снс отдела осетинского языкознания **Л. Б. Моргоева**; в секции Музыка и живопись Осетии — к. искусствоведения **Дз. М. Дзлиева**; в секции Обряды и традиции осетин — кфн, снс отдела фольклора и литературы **З. К. Кусаева**.

Все участники Колиевских чтений получили сертификаты и значки, а победителям и призерам были вручены дипломы.

*****

29 ИЮНЯ-01 ИЮЛЯ 2017 Г. В СОИГСИ ИМ. В. И. АБАЕВА
ПРОШЛА XII МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА-КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ
УЧЕНЫХ «СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ»

В работе Школы традиционно принимают участие молодые ученые Северной и Южной Осетии, Чеченской республики, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Ставрополя, Москвы, Санкт-Петербурга, ближнего и дальнего зарубежья. В программе форума: мастер-классы и лекции ведущих ученых, практические занятия со студентами, аспирантами, соискателями. Молодые ученые представляют результаты своих изысканий в области истории, этнографии, филологии, социологии и политологии, участвуют в научных дискуссиях, завязывают профессиональные и дружеские контакты, оценивают свой научный потенциал.

Научный форум открыли приветственным словом директор СОИГСИ, доктор исторических наук, профессор **Залина Владимировна Канукова**, проректор по научной работе СОГУ им. К.Л. Хетагурова, доктор исторических наук **Берта Владимировна Туаева**, декан исторического факультета СОГУ им. К.Л. Хетагурова, кандидат исторических наук **Залина Тимуровна Плиева**.

Выступающие отметили, что за более чем десятилетнюю историю Школа-конференция стала узнаваемой и авторитетной площадкой для непрерывной коммуникации молодых ученых Северного Кавказа, своего рода брендом в научной жизни региона.

Этот научный успех складывался годами по нескольким критериям, основными из которых являются: актуальность представляемых научных исследований и заинтересованность организаторов в профессиональном росте молодых исследователей, участие в их научной судьбе. Все эти годы руководство СОИГСИ придерживается четко сформулированной стратегии: несмотря на финансовые и организационные трудности, поддержка молодых ученых — в приоритете всегда. Для молодых гуманитариев СОИГСИ предлагает неограниченный доступ к уникальным библиотечным и архивным фондам, консультации ведущих кавказоведов института, методическое сопровождение аспирантов, возможность публика-

ции научных статей в журнале «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых» (входит в Российский индекс научного цитирования) и даже издания монографий в рамках специального проекта «Первая монография».

За 12 лет существования Школы-конференции молодых ученых десятки ее участников уже стали состоявшимися учеными, защитили кандидатские диссертации, трудятся в вузах и научных организациях.

Пленарное заседание продолжили мастер-классы: «Роль архивной работы в процессе научного исследования» заведующей научным архивом СОИГСИ, кандидата филологических наук **Р. Н. Абисаловой** и «Музыка, затерянная в веках» старшего научного сотрудника отдела фольклора и литературы СОИГСИ, кандидата искусствоведения **Д. М. Дзлиевой**.

Большой интерес участников вызывала приуроченная к форуму выставка **«Редкая книга: инновационные методы сохранения и популяризации»** в рамках полученного СОИГСИ Гранта Президента РФ для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства.

В ходе секционных заседаний по пяти направлениям («Этнология», «История и археология», «Фольклор и мифология», «Язы-

кознание», «Социология и политология») участники представили доклады по следующим актуальным темам: этногенетические и этнокультурные процессы на территории Центрального Кавказа в эпоху древности и средневековья; сохранение и изучение археологического, историко-культурного и документального наследия; социально-экономическое, политическое и этнокультурное развитие Кавказа в периоды российских общественных модернизаций; фундаментальные и прикладные исследования теории, структуры и исторического развития осетинского и других языков, языковой ситуации и языковой политики; духовные и эстетические ценности фольклора; историко-сопоставительные исследования языка, мифологии и фольклора осетин, кавказских и иранских народов; литература народов Кавказа в контекстном пространстве региональной и общероссийской художественной культуры; анализ, мониторинг и прогнозирование модернизационных социальных, политических и этнокультурных процессов на Северном Кавказе.

*****

30 июня 2017 г. в диссертационном совете Д.212.076.03. по специальности 07.00.07 — этнография, этнология и антропология при Кабардино-Балкарском государственном университете им.

Х. М. Бербекова состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук младшего научного сотрудника отдела этнологии СОИГСИ, заместителя председателя Совета молодых ученых СОИГСИ **Дауевой Тамары Тамерлановны** на тему «КОНФЛИКТЫ И МИРОТВОРЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (конец XVIII — начало XX в.)».

Работа выполнена в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева — филиале Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН. Научный руководитель: Канукова Залина Владимировна — доктор исторических наук, профессор.

Коллектив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева поздравляет Т. Т. Дауеву с успешной защитой кандидатской диссертации и желает дальнейших успехов в науке.

*****

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ОБЪЯВИЛО ИМЕНА 8 ЛАУРЕАТОВ СТИПЕНДИЙ
ИМЕНИ ВАСО АБАЕВА И ГРИША ПЛИЕВА ПО ИТОГАМ КОНКУРСА
2017 ГОДА**

Лауреатами Государственной республиканской стипендии имени Васо Абаева стали 5 человек: Зарема Будтуева (студентка СОГПИ), Мадина Базаева (студентка СОГУ), Илона Цагаева (студентка СОГУ), Елизавета Дзапарова (старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, СОИГСИ), Дзерасса Миндзаева (аспирант СОИГСИ). Лауреатами стипендии имени Гриша Плиева стали 3 человека: Диана Бугулова (студентка СОГПИ), Тимина Ардасенова (студентка СОГУ), Лайла Гасаева (студентка СОГУ).

Стипендия имени Васо Абаева присуждается с 2001 года студентам-филологам высших учебных заведений, аспирантам, докторантам и молодым ученым за достижения и усиление мотивации к научной деятельности в области осетиноведения, иранистики, общего языкознания, осетинского литературоведения и фольклористики, нартоведения. С 2001 года стипендии удостоились 74 человека.

Стипендия имени Гриша Плиева учреждена в 2013 году и назначается студентам, достигшим значительных успехов в научно-исследовательской деятельности в области осетиноведения, осетинской литературы и фольклористики, а также студентам, активно проявившим себя в популяризации творчества осетинских писателей, осетинского языка. С 2013 года стипендию имени Гриша Плиева получили 6 студентов.

Коллектив СОИГСИ поздравляет Елизавету Дзапарову и Дзерассу Миндзаеву с именной стипендией Васо Абаева и желает дальнейших творческих успехов!

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 18, 2017

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 20.10.2017.
Формат бумаги 70×108 1/16. Бум. 65 гр.
Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Mургад».
Усл.п.л. 18,4. Тираж 100 экз. Заказ 120.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3
e-mail: rio-soigsi@mail.ru